

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Н. А. Богомолов (Москва)

Майкл Вахтель (Принстон)

С. И. Гиндин (Москва)

А. А. Гиппиус (Москва)

Петер Гржибек (Грац)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA IX

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2022



PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. IX

Редактор: Григорий Утгоф

Корректоры: Дарья Дорвинг, Ольга Мёд, Анна Симагина, Дэниел Уоррен

В оформлении обложки картина Александры Экстер «Міст. Севр» (1912).
Киев. Национальный художественный музей Украины

Авторское право © Авторы статей, 2022

Авторское право © Издательство Таллиннского университета, 2022

ISSN 2346-5824 (print)

ISSN 2504-7531 (online)

TLÜ Kirjastus

Narva mnt 25

10120 Tallinn

www.tlupress.ee

Отпечатано в типографии Grano Digital

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

- А. А. Долинин** (Мэдисон / С.-Петербург). Время в художественных текстах и комментариях к ним 9
- В. А. Мильчина** (Москва). Удачные последствия неудачного сватовства: Н. И. Тургенев в Англии (1829–1830) 39
- А. Л. Осповат** (Москва / Лос-Анджелес). Из материалов для комментария к «Капитанской дочке»: 12–25 71
- Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер** (Москва). «Вельможа» И. А. Крылова: Жанр, источники, датировка..... 92
- С. Н. Доценко** (Таллинн). Кто такой «музыкант Набоков»? (Из комментария к книге А. Ремизова «Учитель музыки») 123
- П. Ф. Успенский** (Москва). Брюсов и Хокусай: Заметка об одном эротическом образе 146
- Е. А. Яблоков** (Москва). Летние морозы, зимние купанья: Аспекты николевского дискурса в поэтике М. А. Булгакова 153
- И. З. Белобровцева** (Таллинн), **А. Б. Устинов** (Сан-Франциско). Прогулка с Шаляпиным: К «американской биографии» А. Ветлугина..... 174
- Ф. Б. Поляков** (Вена). «А здесь я никому не нужен»: Послевоенные годы Николая Зарецкого в Праге..... 191
- П. Е. Поберезкина** (Киев / Таллинн). «Смерть Анны Андреевны Ахматовой — великая потеря» (Из писем Льва Аренса Григорию Петникову) 218

Р. Д. Тименчик (Иерусалим). Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Джон Китс.....	227
--	-----

II

М. Г. Сальман (С.-Петербург). «Не делать не в ее характере» (Новые материалы к биографии В. И. Икскуль фон Гилленбанд).....	247
--	-----

В. И. Икскуль фон Гилленбанд. Из пережитого в 1918 году. <i>Подготовка текста и примечания</i> <i>Н. Г. Охотина и М. Г. Сальман (С.-Петербург)</i>	284
--	-----

III

ЛОТМАН – 100

Г. М. Утгоф (Таллинн). Неизвестная заметка Ю. М. Лотмана.....	335
--	-----

КРИТИКА

В. С. Отяковский (Тарту). Подводная археология. Рец. на кн.: <i>Бабак Г., Дмитриев А. Атлантида советского нацмодернизма: Формальный метод в Украине (1920-е – начало 1930-х).</i> М.: Новое литературное обозрение, 2021	347
--	-----

IN MEMORIAM

Magnus Ljunggren (October 25, 1942 – June 19, 2022) <i>Ben Hellman (Helsinki), Per-Arne Bodin (Stockholm)</i>	363
--	-----

Abstracts.....	367
Kokkuvõtted	375

Авторы этого выпуска.....	382
Авторам будущих выпусков.....	389

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

ВРЕМЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И КОММЕНТАРИЯХ К НИМ

Александр Долинин

(Мэдисон / С.-Петербург)

Многие помнят, что в главе III первой части «Анны Карениной» Стива Облонский за кофе просматривает свежий номер своей любимой либеральной газеты. Кроме руководящей (мы бы сказали передовой) и экономической статей со шпильками по адресу правительства и министерства финансов, он прочел «и о том, что граф Бейст, как слышно, проехал в Висбаден, и о том, что нет более седых волос, и о продаже легкой кареты, и предложение молодой особы» (Толстой 1960–1965, 8: 15). В начатом, но вскоре брошенном комментарии к «Анне Карениной» Набоков уделил этой фразе особое внимание, решив, что по ней можно датировать начало романа. Упомянутый граф Бейст, писал он, – это австрийский государственный деятель, 10 ноября 1871 г., внезапно освобожденный от поста канцлера и назначенный послом при английском дворе. «Перед самым Рождеством 1871 г. сразу же после представления верительных грамот он покинул Англию, чтобы провести со своей семьей два месяца в Северной Италии. Согласно газетам того времени, а также собственным мемуарам Бейста (London, 1887), его возвращение в Лондон через Висбаден совпало с приготовлениями к благодарственному молебну, который должен был состояться в соборе Св. Павла во вторник, 15/27 февраля 1872 г., в честь выздоровления принца Уэльского от тифа. Облонский прочел о путешествии Бейста в Англию через Висбаден в пятницу, и единственная подходящая пятница – 11/23 февраля 1872 г. – день, с которого начинается роман» (Набоков 1981: 213; перевод мой. – А. Д.).

Набоков, большой мастер разнообразных игр с фикциональным и календарным временем, обнаружил у Толстого аналогичный прием. «Некоторые из вас, наверное, все еще недоумевают, почему мы с Толстым упоминаем подобные пустяки, – объяснял он. – Чтобы

магия искусства, художественный вымысел казались реальными, художник иногда помещает их в особую историческую систему отсчета, ссылаясь на какой-либо факт, который можно легко проверить в библиотеке, этой цитадели иллюзий» (Там же).

Набоков был так доволен своим наблюдением, что вложил его в уста профессора Тимофея Пнина как свидетельство острого ума своего незадачливого героя (см.: Nabokov 1989: 122). В 1990-е годы я ссылаясь на него в своих работах, не сомневаясь в том, что Набокову удалось сделать маленькое комментаторское открытие. Оно мне нравилось больше, чем приблизительные подсчеты Э. Г. Бабаева, который отталкивался от датировки сцены проводов добровольцев летом 1876 г. в восьмой части романа и, двигаясь назад, пришел к выводу, что действие романа начинается годом позже – в конце зимы 1873 г. (см.: Бабаев 1963: 476–477). Не сомневался в точности набоковского наблюдения и А. К. Жолковский, посвятивший рассуждению Набокова о превосходстве искусства над «реальностью» (в неперенных кавычках) одну из своих заметок о Толстом (см.: Жолковский 2011: 160–165).

Каково же было мое удивление, когда я решил проверить ссылку Набокова на мемуары графа фон Бейста по названному им английскому изданию 1887 г. и обнаружил, что никакого упоминания о его возвращении из Северной Италии в Лондон через Висбаден в них нет. Фон Бейст пишет лишь, что после вручения верительных грамот в Лондоне в начале декабря 1871 г. он ушел в длительный отпуск и поехал к семье в Зальцбург, потом в Вену, оттуда с женой и сыном отправился в путешествие по Северной Италии, после чего вернулся в Австрию и наконец отбыл по месту назначения (скорее всего, на экспрессе Вена–Мюнхен–Штутгарт–Страсбург–Париж–Кале–Дувр–Лондон) (см.: Veust 1887, 2: 314–315). Прусский курорт Висбаден в этот маршрут никак не вписывается. Более того, после отставки фон Бейста его имя почти полностью исчезает со страниц европейских газет, даже английских, так что после 1871 г. оно вряд ли могло появиться в газете русской.

Судя по всему, Толстой упомянул фон Бейста и отправил его в Висбаден, весьма популярный среди русских путешествен-

ников¹, не для привязки начала романа к определенной дате (о которой он, скорее всего, вообще не задумывался), а для того, чтобы высмеять современную либеральную прессу, скармливающую «глотателям пустот» пустую или пошлую информацию. Сообщение о слухах касательно передвижений некогда могущественного европейского политика, внезапно отправленного в тираж, – это для Толстого такая же газетная эфемериды, как объявления о продаже различного рода товаров и услуг². Набоков же приписал ему календарную технику, предвосхищающую прозу XX века, а когда в «цитадели иллюзий» не нашлось факта, который бы подтвердил остроумную гипотезу, нужный факт просто-напросто придумал, чтобы Толстой выглядел художником набоковского склада.

На самом деле Толстой мало заботился о календарной когерентности, как интра-, так и экстратекстуальной. Число анахронизмов обоого типа в его романах весьма велико. Достаточно напомнить, что, по наблюдению того же Набокова (см.: Nabokov 1981: 220; Nabokov 1989: 122), «Анна Каренина» начинается в пятницу: «Была пятница, и в столовой часовщик-немец заводил часы» (Толстой 1960–1965, 8: 20), которая 25 страниц спустя оказывается четвергом. Левин на катке: «“Очень рада вас видеть, – сказала княгиня. – Четверги, как всегда, мы принимаем”. – “Стало быть,

¹ Незадолго до начала работы над «Анной Карениной» Толстой едва ли пропустил повесть Тургенева «Вешние воды» (1872), главного героя которой в Висбадене соблазняет и увозит с собой в Париж развратная *femme fatale*, жена его лицейского однокашника. В письме Толстому от 23 июля 1874 г. Н. Н. Страхов, прочитавший «Анну Каренину» в рукописи, писал: «Как Тургенев должен обозлиться! Он – специалист по части любви и женщин! Ваша Каренина разом убьет всех его Ирин и подобных героинь (как зовут в “Вешних водах”?)» (Толстой, Толстая, Страхов 2003: 172).

² Как установил И. Виноцкий (частное сообщение), фраза «нет более седых волос» (*фр.* Plus de cheveux blancs; *англ.* No more grey hair; *нем.* Keine grauen Haare mehr) была навязчивым рекламным слоганом французской краски для волос «Mélanogène», которая с середины 1850-х гг. до начала XX в. продавалась по всей Европе. По той же модели были образованы заглавия многочисленных инструктивных книг и брошюр, обещающих доверчивым читателям быстрое избавление от недугов и прочих напастей: «Нет более геморроя», «Нет более несчастья в любви», «Нет более мозолей», «Нет более ревматизма и подагры» и т. п.

нынче?» – «Очень рады будем видеть вас, – сухо сказала княгиня» (Там же: 43). В «Войне и мире» Толстой старался более или менее точно следовать общей хронологии военных событий, но в деталях допустил множество неточностей (см.: Козлов 2017). Немало их и в описаниях дворянского быта и нравов начала XIX века. Приведу лишь два примера музыкальных анахронизмов из второго тома, действие которого происходит в 1806–1811 гг. Когда в конце первой части Николай Ростов, проиграв огромные деньги Долохову, в полном отчаянии возвращается домой, его возвращает к жизни прекрасное пение Наташи:

«Что ж это такое? – подумал Николай, услышав ее голос и широко раскрывая глаза. – Что с ней сделалось? Как она поет нынче?» – подумал он. И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты, следующей фразы, и все в мире сделалось разделенным на три темпа: «Oh mio crudele affetto... Раз, два, три... раз, два... три... раз... Oh mio crudele affetto... Раз, два, три... раз. Эх, жизнь наша дурацкая! – думал Николай. – Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь, – все это вздор... а вот оно – настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчик! ну, матушка!.. Как она это *si* возьмет... Взяла? Слава богу! – И он, сам не замечая того, что он поет, чтобы усилить этот *si*, взял втору в терцию высокой ноты. – Боже мой! как хорошо! Неужели это я взял? как счастливо!» – подумал он.

О, как задрожала эта терция и как тронулось что-то лучшее, что было в душе Ростова. И это что-то было независимо от всего в мире и выше всего в мире. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Все вздор! Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым... (Толстой 1960–1965, 5: 69–70).

Баркарола “Oh mio crudele affetto” («О моя жестокая любовь» – *ит.*), упомянутая Толстым, действительно существует и исполняется по сей день, но его герои в 1806 г. петь ее никак не могли, потому что она будет написана итальянским композитором Джованни Паччини (1796–1867) почти двадцать лет спустя для оперы “L’ultimo giorno di Pompei” (1825), то есть «Последний день Помпеи». Точно так же

старая графиня Ростова не могла в 1810 г. просить арфиста Димллера сыграть ее «любимый Nocturne мосье Фильда» (Там же: 308), потому что ирландский композитор и пианист Джон Филд (John Field, 1782–1837), работавший в России, начнет писать ноктюрны – жанр, им изобретенный, – лишь в 1812 г. Судя по упоминаниям Филда в сценах домашнего музицирования в «Детстве» и «Отрочестве» (см.: Толстой 1960–1965, 1: 48, 192–193), для Толстого он был музыкантом, модным в начале XIX в. еще до его рождения (мать Николеньки брала у него уроки фортепиано), и более точная датировка произведений композитора в художественную задачу «Войны и мира» не входила.

В поэтике XIX века подобные анахронизмы считались более или менее допустимыми, а для жанра исторического романа даже неизбежными. Вальтер-скоттовский исторический роман узаконил их как допущение, необходимое для того, что А. К. Толстой в предисловии к «Князю Серебряному» назвал воскрешением «физиономии эпохи», очерченной писателем (Толстой А. 1963–1964, 3: 162). Сам Вальтер Скотт в предисловиях и комментариях к романам неоднократно уведомлял читателей о собственных анахронизмах и объяснял, как «дело было на самом деле» (см.: Долинин 1988: 200–208). Вслед за родоначальником жанра, авторы русских исторических романов тоже начали признаваться в сознательно допущенных ими хронологических сдвигах. Так, М. Н. Загоскин в «историческом замечании» к второй главе «Юрия Милославского», действие которой происходит в апреле 1612 г., повинулся в том, что датировал этим годом важные исторические события предшествующих двух лет: «Московские жители целовали крест царевичу Владиславу в 1610 году; следовательно, в 1611 году знали об этом <...> и в самых отдаленных провинциях царства Русского. Тушинский вор также убит в 1610 году. Сочинитель винится в сих анахронизмах» (Загоскин 1988, 1: 283).

Аналогичным образом А. К. Толстой в предисловии к «Князю Серебряному» предупреждал: «Оставаясь верным истории в общих ее чертах, автор позволил себе некоторые отступления в подробностях, не имеющих исторической важности. Так, между

прочим, казнь Вяземского и обоих Басмановых, случившаяся на деле в 1570 г., помещена, для сжатости рассказа, в 1565 г. Этот умышленный анахронизм едва ли навлечет на себя строгое порицание, если принять в соображение, что бесчисленные казни, следовавшие за низвержением Сильвестра и Адашева, хотя много служат к личной характеристике Иоанна, но не имеют влияния на общий ход событий» (Толстой А. 1963–1964, 3: 161).

Анахронизмы, не влияющие «на общий ход событий», нередко встречаются и в историческом романе XX века (например, у Тынянова), и в современной прозе. Когда двадцатилетний герой романа Сергея Гандлевского «<НРЗБ>» (2002) Лев Криворотов, «молодой лирик, честолюбец и любовник зрелой женщины», знакомится с Чиграшовым, «поэтом средних лет с репутацией живого классика», тот рассказывает ему историю о том, как в Перми загорелся цирковой зверинец и из него выбрался только лев: его нашли два дня спустя в степи замерзшим насмерть. Желая понравиться «живому классику», Лева замечает: «Можно написать что-то вроде “Осеннего крика ястреба”», на что Чиграшов отвечает: «Вы правы, оба сюжета чреватые иносказанием. Но у моего – другой привкус: сплошь несчастье, не скрашенное гордыней» (Гандлевский 2002: 107–108).

Основное действие романа происходит, как надо понимать, в первой половине 1970-х годов, хотя Гандлевский, вслед за Пушкиным в «Капитанской дочке» и Набоковым в «Даре», «не договаривает единиц», когда речь заходит о биографии Чиграшова: «Чиграшов родился в день летнего солнцестояния 193... года»; он кончает жизнь самоубийством «13 сентября 197... года»; поэтическая антология с его стихами, опубликованными посмертно, выходит на Западе в «конце августа 197... года» (Гандлевский 2002: 55–56, 60, 63). При этом годы жизни Чиграшова можно установить по двум указаниям на его возраст в авторском повествовании, из которого следует, что шестнадцать лет ему исполнилось в 1950 г., когда он остался круглым сиротой, и что погиб он «в хрестоматийные тридцать семь» (Гандлевский 2002: 66, 81, 153). Следовательно, годом его рождения следует считать 1934 г. (он ровесник Всеволода Некрасова), а годом

смерти – 1971-й³. Сосуществование в романе двух хронологий, неопределенной и определенной, показывает, что Гандлевский стремился не к календарной точности, а к тому, чтобы – как он писал в письме ко мне – «создать нужную атмосферу, даже если это шло вразрез с фактами». Созданная в романе атмосфера – это отлично знакомая автору атмосфера московских вне-советских литературных кружков и объединений 1970-х гг., в которой Гандлевским и его товарищами создавался новый поэтический язык⁴. В двойной перспективе уместным оказывается и разговор об «Осеннем крике ястреба» Бродского (1975), одном из самых сильных поэтических высказываний десятилетия, хотя стихотворение было опубликовано лишь в 1982 г. (см.: Бродский 1982: 22–24) и потому в календарной реальности ни Чиграшову, ни Криворотову не могло быть известно. Слова гения московского андерграунда о том, что у Бродского, гения андерграунда ленинградского, несчастье «скрашено гордыней», намекают на разные установки двух поэтических школ.

Допустимый лаг анахронизма зависит от протяженности изображаемой эпохи и от того, насколько далеко она отстоит от современности. Если в шотландских романах Вальтера Скотта, действие которых происходит в XVIII веке, хронологические сдвиги не превышают 10–15 лет, то в его романах из английской средневековой истории лаг может измеряться несколькими веками. Так, в «Айвенго», действие которого происходит (или, вернее, должно происходить) в 1193–1194 гг., когда исторический Ричард I вернулся в Англию из плена, Скотт, по его собственному признанию,

³ Эту простую выкладку поддерживает рассказ Чиграшова о страшном пожаре в Пермском цирке – реальном событии, которое произошло в ночь на 24 января 1943 г. Как сообщает Чиграшов, ему тогда было восемь лет (см.: Гандлевский 2002: 107). «Здание сгорело дотла. В огне погибли все животные, кроме льва Османа, реквизит, костюмы» (Пермский край 2020: 358).

⁴ В тексте имеется игровая отсылка к литературному объединению «Московское время» (Сопровский, Цветков, Гандлевский, Кенжеев и др.), издававшему в 1970-е гг. одноименный машинописный литературный альманах. Когда персонажи «<НРЗБ>» обсуждают название задуманной ими антологии неподцензурной поэзии, один из них предлагает назвать ее «Московское время», но тут же выясняется, что «это наименование уже занято даровитой пьянью во главе с Сопровским» (Гандлевский 2002: 120).

«смешал нравы двух или трех столетий и приписал царствованию Ричарда I явления, имевшие место либо гораздо раньше, либо значительно позже изображенного <...> времени» (Скотт, 1960–1965, 8: 29). Как отмечают комментаторы многочисленных изданий романа, в нем упомянуты Боабдил, мусульманский султан Гренады (1482–1492), и английские законы XV века, в прямую речь персонажей введены слова и пословицы, которые в XIX веке воспринимались как архаичные, хотя они вошли в английский язык на двести-триста лет позже описываемых событий и т. п.

Сам Вальтер Скотт оправдывал подобные вольности тем, что «ошибки такого рода ускользнут от внимания среднего читателя» (Там же), и многие критики романтической школы с ним соглашались. «Уже давно Поэзия присвоила себе неотъемлемую привилегию делать анахронизмы для своих художественных видов, изменять характеры лиц не столько известных, словом, нарушать историческую истину в неважных подробностях», – писал Шевырев в рецензии на роман Вельтмана «Ратибор Холмоградский», подчеркивая при этом, что на важные, общеизвестные исторические факты, которые суть «собственность памяти каждого образованного», эта привилегия не распространяется (Шевырев 1841: 434–435).

Через полтора века после Шевырева к сходным выводам пришел Умберто Эко, сформулировавший их на языке современной нарратологии и поэтики в пятой из его «Шести прогулок в литературных лесах». Обсуждая ономастику парижских улиц, по которым в главе XI «Трех мушкетеров» бродит д'Артаньян, он обратил особое внимание на один анахронизм. По старым картам Парижа и справочникам Эко установил, что в 1625 г. (время действия романа) улицы Сервандони (rue Servandoni), которую Дюма упоминает дважды (см.: Дюма 2019: 134), не существовало и не могло существовать. Она получила свое название только в 1806 г. по имени флорентийского архитектора Джованни Николо Сервандони (Giovanni Niccolò Servandoni, 1695–1766), построившего новый фасад церкви Сан-Сюльпис. Однако, замечает Эко, эти факты, относящиеся к области специализированных знаний, не входят в

энциклопедию «идеального» читателя» (по Шевыреву, не являются «собственностью памяти каждого образованного»), и потому читатели эмпирические анахронизма не видят. Вот если бы Дюма отправил своего героя на улицу Бонапарта (rue Bonaparte), читатель в негодовании тут же отбросил бы книгу или подумал, что имеет дело с ухронией (см.: Есо 1994: 104, 108, 114).

Эко признается, что прогулки в поисках улиц, названных в «Трех мушкетерах», и работа со старыми планами Парижа доставили ему большое удовольствие, хотя ни «идеальные», ни обычные эмпирические читатели романа не обязаны заниматься подобными разысканиями, тем более что анахронизмы у Дюма никогда не появляются в стратегически важных местах. «Мне нравилось играть роль параноидального читателя, проверяющего, соответствуют ли описания Дюма Парижу XVII века» (Есо 1994: 108, 113; перевод мой. – А. Д.), – добавляет он. В комментированных изданиях художественных текстов эту роль обязаны играть авторы комментариев, чья задача, в частности, заключается в том, чтобы выявить и объяснить анахронизмы, не входящие в энциклопедию «идеального» читателя. Правда, с появлением Гугла и прочих поисковиков у читателей появились небывалые прежде возможности за несколько минут проверить автора и самостоятельно пополнить свою энциклопедию, но мой опыт показывает, что ими мало кто пользуется.

Комментарии такого рода обязательны для исторических романов и других произведений, в которых точно указывается время действия⁵, но в остальных случаях они, как правило, факультативны, а иногда даже вредны. Рассмотрим один пример из комментариев к «Евгению Онегину». Сначала Набоков, а за ним и Ю. М. Лотман заметили, что вопрос Онегина в восьмой главе «Скажи мне, князь, не знаешь ты, / Кто там в малиновом берете / С послем испанским говорит?» (8, XVII) содержит анахронизм. По их утверждению,

⁵ Ср. начало первой главы «Трех мушкетеров»: «В первый понедельник апреля 1625 г. все население городка Менга, где некогда родился автор “Романа о розе”, было объято таким волнением, словно гугеноты собирались превратить его во вторую Ла-Рошель» (Дюма 2019: 17).

назначенный чрезвычайным посланником Испании в России после возобновления русско-испанских дипломатических связей Паэс де ла Кодена прибыл в Петербург лишь в 1825 г. и, следовательно, не мог присутствовать на светском рауте, который, как они полагают, следует отнести ко второй половине 1824 г. (см.: Nabokov 1990, 2: 183; Лотман 1983: 355)⁶. Хотя ни одно событие в самом романе не датируется точнее, чем годы жизни Ленского в описании надписи на его могильном камне: «Владимир Ленский здесь лежит, / Погибший рано смертью смелых, / **В такой-то год, таких-то лет.** / Покойся, юноша поэт!» (7, VI), и ни с какими историческими датами не сопрягается, и Набоков, и Лотман исходили из убеждения, что романное время поддается летосчислению и длится с 1819 по весну 1825 г. Задолго до них почти к тем же выводам пришел Р. В. Иванов-Разумник, реконструировавший «хронологическую канву» «Евгения Онегина» и утверждавший даже, что Пушкин, несомненно, сам делал подобные подсчеты на недошедшей до нас страничке в черновиках (см.: Иванов-Разумник 1909: 208–210; Иванов-Разумник 1916: 53–57). Его выкладки вкратце повторил первый советский комментатор романа Н. Л. Бродский (см.: Бродский 1932: 53, 165), главный объект насмешек Набокова, а потом, с некоторыми уточнениями и дополнениями, и почти все остальные комментаторы. Хронологию Иванова-Разумника / Бродского с энтузиазмом принял Г. А. Гуковский, поскольку она поддерживала его концепцию «человеческого и гражданского воспитания» Онегина, которое, как он утверждал, должно привести его на Сенатскую площадь (см.: Гуковский 1957: 274–277, 289–290).

Общепринятая хронология опирается на замечание Пушкина в предисловии к отдельному изданию первой главы «Евгения Онегина» (1825, 2-е изд. 1829):

Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни Петербургского молодого человека

⁶ Как недавно удалось установить по материалам в испанских архивах, Паэс де ла Кодена прибыл в Петербург в конце октября – начале ноября 1824 г. (см.: Райнхард 2020: 466–476).

в конце 1819 года и напоминает *Беппо*, шуточное произведение мрачного Байрона (Пушкин 1825: VII; Пушкин 1937–1959: 6, 638).

Пушкин писал это предисловие во второй половине 1824 г., когда не была закончена даже третья глава «свободного романа», и он еще не знал, как и в каких временных координатах будет развиваться его сюжет. Указание на 1819 г., как и сравнение с «Беппо», относятся исключительно к первой главе как отдельному законченному тексту (недаром Пушкин называет ее «нечто целое») и в полное издание «Онегина» (1833) не попали. Следовательно, начинать отсчет времени в законченном романе с даты, в нем отсутствующей, не вполне корректно.

Понимая это, некоторые исследователи и пушкинисты-любители попытались найти другие точки опоры для построения непротиворечивой хронологии. Особое внимание было уделено строфе XLIX четвертой главы (написана вчерне в январе 1826 г.), где Ленский передает Онегину приглашение Лариных на празднование именин Татьяны:

... – Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать.

Поскольку в 1820–1826 гг. Татьянин день (12/24 января) приходился на субботу лишь единожды – в 1824 г., ревизионисты сдвинули начало и конец романа на три года вперед. Их выкладки, однако, отверг В. С. Баевский, показавший, что в черновиках строфы Пушкин перебрал несколько вариантов соответствующего стиха, в которых именины Татьяны празднуют то в субботу, то в четверг (как в реальном 1822 г.). «Колеблясь между четвергом и субботой, – замечает он, – Пушкин искал наиболее естественную фразу, близкую к конструкциям разговорной речи. Разница между этими двумя словами для него состояла только в количестве слогов. Очевидно, он никак не имел в виду приурочить поединок Онегина и Ленского к 1821 или какому-либо иному конкретному году» (Баевский 1983: 125).

Еще одну точку отсчета В. П. Старк усмотрел в знаменитом начале главы пятой:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.

По его утверждению, не подкрепленному никакими доказательствами кроме глухих ссылок на каких-то современных метеорологов, Пушкин имел в виду аномально позднюю зиму 1824–1825 гг., которую он провел в Михайловском⁷. Сама попытка датировать романное событие климатической аномалией кажется довольно странной, поскольку мы не знаем, в какой губернии живут герои «Евгения Онегина». Правда, в русской и западноевропейской печати 1820-х гг. отмечалась одна исключительно теплая, поздняя и короткая зима по всей России (и, более того, по всей северной Европе). Это была зима 1821/1822 г., которая ни в какие хронологические построения не укладывается. «Нынешняя теплая зима есть явление редкое и почти неслыханное», – писал «Сын отечества» (Сын отечества 1822, 8: 47). Петербургский корреспондент парижской газеты «*Journal des débats*» извещал читателей в апреле 1822 г., что прошедшая зима в северных странах принадлежит к числу самых замечательных явлений физического мира и, несомненно, войдет в анналы. По его словам, первый снег в Петербурге выпал только в день Рождества, а в некоторых внутренних провинциях и того позже (*Journal des débats*. 1822. 15 avril). Те же сведения приводились

⁷ Себе в союзники Старк записал Набокова, который, по его словам, в одном комментарии отказался от собственной хронологической схемы, сообщив: «На первой неделе мая 1825 г. двадцатипятилетний Евгений Онегин получает от слуги своего дядюшки письмо, в котором сообщается, что старик при смерти» (Старк 2011: 187). При этом он сослался на русский перевод набоковского комментария, вышедший под его редакцией (Набоков 1998: 103), в котором 1825 – это опечатка или ошибка. В оригинале читаем: “In the first week of May, 1820, twenty-five-year old Eugene Onegin receives a letter from his uncle’s steward telling him of the old man’s being at death’s door” (Nabokov 1990: 31).

и в ряде европейских журналов⁸. Пушкин, который провел зиму 1821 / 1822 г. в Кишиневе, конечно же, мог слышать или читать об этом удивительном явлении и использовать его в эффектном начале пятой, «зимней» главы романа, вовсе не стремясь к календарной точности.

Как кажется, почти всех комментаторов «Евгения Онегина» ввело в заблуждение пушкинское примечание к двум стихам строфы IV третьей главы:

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор.

В отдельном издании главы (1827) вместо «Домой» было по ошибке напечатано «Зимой», и рецензент «Северной пчелы» не преминул указать на явную опечатку и дал правильное чтение стиха (см.: Пушкин в прижизненной критике 1996: 326). Пушкин, однако, принял (или сделал вид, что принял) безобидное замечание за упрек и в полном издании романа (1833) ответил на него примечанием:

В прежнем издании, вместо *домой летят*, было ошибкою напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю (Пушкин 1937–1959, 6: 193).

Это не вполне корректное возражение несуществующим критикам было воспринято большинством исследователей как указание на хронологическую точность романа, позволяющую нам датировать все основные события. Гуковский утверждал даже, что такая точность – «своеобразное нововведение Пушкина в литературе» (Гуковский 1957: 276). Никто, кажется, не обратил внимания на то, что Пушкин имел в виду не ежегодные календари или месяцословы, необходимые для соотнесения чисел и дней недели в определенные

⁸ См., например: Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres, et arts... Geneve. 1822. T. 20. № 6. P. 108–109; The Museum of Foreign Literature and Science. 1822. Vol. 1. No. 6. P. 573; The Edinburgh Philosophical Journal. 1822. Vol. 7. No. 13. P. 386.

годы (такой «календарь осьмого года» Онегин нашел в доме своего дяди), а календарь в общем значении, то есть – по замечательной дефиниции Академического словаря – «разделение времени соображенное с употреблением в жизни» (Словарь 1814, 3: ст. 23). Думаю, прав был И. М. Тойбин, первым заметивший, что речь в пушкинском примечании «идет, несомненно, о календаре природы – о соответствии повествования временам года» (см.: Тойбин 1979: 125; ср.: Баевский 1983: 125). Именно такого «соображения с употреблением в жизни» требовали от писателей современники. 1 ноября 1836 г. на вечере у Вяземских в Петербурге Пушкин читал друзьям «Капитанскую дочку» (см.: Вяземский 1868: 650; Вяземский 1899: 347). Вскоре после вечера Вяземский (которому роман очень понравился) в письме к Пушкину отметил анахронизм: «Кажется зимою у тебя река где-то не замерзла, а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы» (Пушкин 1937–1959, 16: 183). На самом деле Вяземский ошибся, – описание еще не замерзшего Яика в начале главы III, которое он запомнил, отнесено у Пушкина к поздней осени (см.: Долинин 2022: 204–205), но сама суть его поправки весьма показательна. Хотя в «Капитанской дочке» есть несколько явных исторических анахронизмов и нестыковок⁹, Вяземского смутило лишь отклонение от природного, циклического календаря.

Все, наверное, помнят хрестоматийные описания смены времен года в «сельских» главах «Евгения Онегина» («Уж небо осенью дышало...»; «И вот уже трещат морозы...»; «Гонимы вешними лучами...»; «Но лето быстрое летит, настала осень золотая» и т. п.). Однако время внутри сезонных рамок и интервалов между ними далеко не всегда поддается точному исчислению, а романские события, приуроченные к определенным сезонам, нередко оказываются анахронистичными. Посмотрим, например, на течение времени в главах II–IV.

⁹ Самые очевидные случаи отмечены в работе: Гиллельсон, Мушина 1977: 76, 120, 165. Более точные и развернутые комментарии к анахронизмам см. в работах А. Л. Осповата: Осповат 2001: 357–365; Осповат 2002: 199–200; Осповат 2010: 125–127.

Ю. М. Лотман в комментарии отмечает: «В первой строфе второй главы упомянуты “нивы золотые” как деталь пейзажа первых дней пребывания Онегина в деревне. Озимые хлеба желтеют в северо-западных губерниях России в конце июня – начале июля» (Лотман 1983: 21). После приезда происходят следующие события: Онегин вступает в права наследства, заменяет барщину на оброк (для чего требовалось оформление бюрократических бумаг), восстанавливает против себя соседей, знакомится с Ленским, постепенно они сближаются, становятся неразлучными друзьями и, наконец, вместе отправляются в гости к Лариным. В реальной жизни на все это должно было бы уйти, как минимум, два-три месяца, но, когда Татьяна в любовном томлении пишет Онегину свое письмо, время словно бы возвращается вспять, потому что она слышит, как «соловей во мгле небес / Напевы звучные заводит...», а соловей, по крайней мере в поэзии, – это птица любовно-весенняя (см.: Кошелев 1999: 129–130)¹⁰.

В статье «Еще раз о хронологии “Капитанской дочки”» я показал, что время в историческом романе Пушкина движется неравномерно, то сжимаясь, то растягиваясь, то застывая на месте. Весьма длительные отрезки времени, в течение которых не происходит ничего особенно важного для развития действия (например, служба Гринева в крепости до начала Пугачевского бунта или в отряде Зурина), упоминаются вскользь, из-за чего у читателя складывается впечатление, что они краткосрочны. Так, Цветаева считала, что «между Гриневым – дома и Гриневым – на военном совете три месяца времени», тогда как на самом деле – не три месяца, а полтора года (см.: Долинин 2022: 200–209). Как представляется, в «Евгении Онегине» работает тот же механизм, только с большей степенью неопределенности, поскольку в «Капитанской дочке» некоторые границы интервалов обозначены историческими датами. Нам кажется, что между приездом Онегина в деревню и его объяснением с Татьяной проходит один-два месяца, так как Пушкин нигде не

¹⁰ По русской народной примете, зафиксированной в словаре Даля, «соловей поет до Петрова дня», то есть до 29 июня старого стиля.

говорит, сколько времени потребовалось герою, чтобы вступить в права наследства, наладить новую форму хозяйства, обустроить по-своему домашний быт, выбрать себе «белянку черноокою», заказать и получить предметы роскоши, книги, вино, подружиться с Ленским, но мы можем с не меньшей вероятностью предположить, – вопреки традиции, – что к Лариным он попадает только весной следующего года.

По наблюдениям В. А. Кошелева, не лучше поддается исчислению интервал между гибелью Ленского (14 января 182... г.) и отъездом Татьяны Лариной «в Москву, на ярмарку невест» (см.: Кошелев 1999: 131–132). За это время на могиле Ленского ставят памятник с надписью (надо полагать, никак не раньше апреля-мая); к нему, «в поздние досуги», ходят плакать Татьяна и Ольга; затем у Ольги появляется новый жених – некий улан, который «умел ее пленить»; за улана она вскоре выходит замуж и уезжает с ним в полк; оставшись одна, Татьяна тоскует, отказывается трем женихам, «бродит по лесам одна» и, наконец, посещает дом Онегина. Все эти события в семье Лариных у Пушкина помещены в летние декорации, хотя, судя по длительности обязательных процедур, в пушкинское время предшествовавших венчанию (см.: Белова 2014: 311, 325–332), свадьба Ольги и улана едва ли могла состояться раньше осени. Поэтому, как и в случае с сельской жизнью Онегина, ничто не препятствует «идеальному читателю» романа в своем воображении сдвинуть отъезд Татьяны в Москву на целый год вперед.

Еще один хронометрический эллипсис, тоже связанный с пре-матримониальными ритуалами (знакомство, ухаживание, сватовство, помолвка), – это отрезок времени между московским балом, на котором важный / толстый генерал заметил Татьяну, и их венчанием. В романе сообщается только, что до возвращения Онегина в Петербург они прожили в браке около двух лет: «“Так ты женат! Не знал я ране! / Давно ли?” – Около двух лет». – 8, XVIII).

Из всех комментаторов «Евгения Онегина» один только Дмитрий Чижевский пришел к мысли о невозможности установить непротиворечивую хронологию романских событий. «В любом случае бессмысленно искать точные указания на

течение времени в художественных произведениях, особенно в “свободном романе” типа “Евгения Онегина» (Šiževsky 1953: 219), – постулировал он. Его поддержал В. С. Баевский, который точно определил общий методологический изъян у всех хронологистов: недифференцированное использование фактических данных различного эпистемологического статуса, в том числе внетекстовых. «При построении внутренней хронологии романа, – пишет он, – на равных основаниях принимались указания текста, опубликованного Пушкиным в отдельных изданиях глав и в изданиях романа 1833 и 1837 гг., материалы, оставшиеся в рукописях, черновые варианты, сообщение из частного письма Пушкина, факты и даты его биографии» (Баевский 1983: 116). Сам же роман в том виде, который он приобрел в полном издании 1833 г., не дает никаких оснований для построения «хронологической канвы» и установления года рождения персонажей¹¹.

Почему же на протяжении ста лет почти все комментаторы «Евгения Онегина» предпринимали упорные, но обосновательные попытки доказать, что в замысел Пушкина входил строгий и точный расчет романного времени, основанный на реальном календаре, тогда как время в романе пластично и не поддается измерениям? Как кажется, главной причиной всеобщей слепоты явилось центральное место, которое в русском литературном каноне отведено «Евгению Онегину», считающемуся верхом художественного совершенства. По определению, вторая реальность, создаваемая текстом такого статуса, должна обладать совершенной внутренней согласованностью всех элементов, прежде всего пространственно-временных. Во всяком случае для Набокова, пытавшегося своим переводом и комментарием ввести пушкинский роман в мировой канон (см.: Dolinin 1995: 117–130), именно этот фактор должен был

¹¹ В пушкинскую эпоху возрасту и годам жизни даже известных людей не придавали такого значения, как сейчас. Так, мы до сих пор не знаем, когда родились И. А. Крылов и Грибоедов (см.: Бабинцев 1959: 183–186; Фомичев 1977: 5–27). В нескольких французских биографиях и энциклопедических статьях, в том числе в двух биографических книгах Стендаля, называли неверные годы смерти Моцарта: 1792 и 1796 вместо правильного 1791.

иметь решающее значение, из-за чего он оказался в одном лагере с народником Ивановым-Разумником и правоверным советским литературоведом Бродским.

Советским же литературоведам не позволяла отказаться от календарных подсчетов их приверженность историзму. Даже Лотман, высказавший в спецкурсе о «Евгении Онегине» чрезвычайно плодотворную мысль, что в основе поэтики романа лежит «принцип противоречий», который проявляется на разных структурных уровнях (см.: Лотман 1995: 409–411), не решился отнести этот принцип к временной структуре текста. Он осторожно отметил лишь «общую тенденцию Пушкина к изображению фона седьмой-восьмой глав на основании реальных впечатлений последекабристской эпохи» (Лотман 1983: 355). Для «московских» строф седьмой главы это наблюдение конкретизировал К. Ю. Рогов, писавший: «...весь московский эпизод пронизан впечатлениями, обстоятельствами и словами московской зимы Пушкина 1826–1827 г. (ср., например, варьирование формулы из эпиграммы на Шаликова в черновиках строфы об “архивных юношах”, мадригал Корсаковой и пр.). При этом допускается даже некоторый анахронизм: так, согласно хронологии романа, действие московской главы разворачивается в 1822, в то время как те, кого мы подразумеваем под “архивными юношами”, – Веневитиновы, Киреевские, Мальцов, Шевырев – поступили в Архив в 1823 г., а их поколенческое самоопределение (в том числе– и в представлении самого Пушкина) отчетливо связано с постдекабристской эпохой» (Рогов 2004: 206).

Похожий хронологический кавардак обнаруживается и в тех строфах восьмой главы, а также в отброшенных вариантах и черновиках к ним, где описывается званый вечер у князя N (время действия по традиционной хронологии–конец 1824 г.). В строфе XXV Пушкин высмеивает некоего безымянного брюзгу, который сердит на все, в том числе «На вензель, двум сестрицам данный, / На ложь журналов, на войну, / На снег и на свою жену». Лотман в своем комментарии привел фрагмент из автобиографических записок А. О. Смирновой-Россет, где она, неточно процитировав эти строки,

объясняет, что «две сестрицы» (у нее «две сиротки», как у Пушкина в черновике), получившие вензель, то есть зачисленные в фрейлины, – это дочери покойного генерала-адъютанта Н. М. Бороздина (он скончался 14 ноября 1830 г. в Петербурге), о которых позаботился сам царь (см.: Лотман 1983: 356–358; Смирнова-Россет 1989: 199). По свидетельству их родственника, когда генерал был на смертном одре, «император Николай прислал к нему графа Бенкендорфа сказать умирающему, чтобы он был покоем за своих детей; отцом их будет он сам, государь, и, как всегда, он свято исполнил свое слово. После кончины Николая Михайловича меньшая его дочь, Наталья, была немедленно взята во дворец <...>, и тут она выросла и воспитывалась в царской семье с великими княжнами <...>. Другие две дочери <...> были сделаны фрейлинами императрицы» (Бороздин 1902: 904–905)¹².

К николаевскому царствованию прямо отсылает и другой объект сетований «сердитого господина»¹³ – война (в черновике «Польша»), коей – процитирую «Друзьям» (1828) – Николай «оживил Россию». Наконец, в черновиках и в беловых вариантах строф на вечере появляются Аннет Оленина («Annette Olenine», «Лиза Лосина»),

¹² Ср. в письме К. Я. Булгакова брату от 17 ноября 1830 г.: «Генерал-адъютант Бороздин умер. Он долго был болен <...> Говорят, что Государь приказал взять его дочерей во дворец. Везде и всегда милосерд наш ангел!» (Булгаков 1903: 428). В «Месяцеслове и Общем Штате Российской империи на 1831 [год]» две дочки Бороздина, Ольга и Настасья, уже включены в штат фрейлин императрицы, а младшая, Наталья, значится среди «девиц, помещенных жительство с фрейлинами» (Ч. 1. СПб., 1830. С. 33).

¹³ А. О. Смирнова-Россет утверждала, что Пушкин имел в виду графа Гаврилу Карловича Модена (1774–1833), обер-егермейстера (с 22 августа 1826 г.) при императрице, якобы завидовавшего благодеяниям, оказанным дочерям Бороздина. Лотман поставил это свидетельство под сомнение, но мне оно представляется весьма вероятным, поскольку соответствующая строфа была написана летом 1831 г., когда Пушкин жил в Царском Селе, постоянно общался с Россет и был в курсе дворцовых сплетен. Правда, мотив зависти приходится отвергнуть, потому что все четыре дочери Модена – Аделаида, Александра, София и Наталья – еще до 1831 г. были произведены в фрейлины, но он, как ответственный за весь штат фрейлин, мог быть недоволен тем, что дочери Бороздина получили вензель без его ведома. В черновике «сердитый господин» назван «графом Турином», что, по остроумному предположению О. А. Проскурина, намекает на графа Модена, так как обе фамилии омонимичны названиям двух известных итальянских городов – Турина и Модены (см.: Проскурина 2006: s. p.).

к которой Пушкин сватался в 1828 г., и императрица Александра Федоровна («Лалла-Рук») в сопровождении самого царя (8, XXVII):

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Коллеблюсь, входит Лалла-Рук,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда-харита меж харит,
И взор смещенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на царя, –
Для них без глаз один Евгений:
Одной Татьяной поражен,
Одну Татьяну видит он.

Хотя далеко не все намеки на реальных лиц в этих строфах удалось расшифровать, ясно, что Пушкин приводит своего героя в высший свет николаевского Петербурга, с которым он сам начал знакомиться только в конце 1827 г.

Прочитав вторую половину строфы о «Лалле-Рук», Г. А. Гуковский заметил: «Эта строфа, конечно, отсутствует в печатном тексте и по цензурным причинам и потому, что появление в романе “Лаллы-Рук” – явный анахронизм: действие восьмой главы происходит в 1825 году» (Гуковский 1957: 272). Сходное объяснение предложил и Набоков: «...помимо цензурных соображений (Онегин русской государыне предпочитает Татьяну), Пушкина остановил анахронизм (он думает о впечатлениях 1827–1829 гг., а время действия главы Восьмой, до строфы XXXIV, не позже начала ноября 1824 г.)» (Набоков-Сиринов 1957: 48; Nabokov 1990: 210). Обвинения в анахронизме попытался парировать Лотман, сославшись на бальный этикет касательно царственных особ. По его утверждению, время действия сцены – конец 1824 г., когда «Лалла-Рук» была еще великой княгиней, а бал в паре с ней открывает Александр I

(см.: Лотман 1983: 84–85). Однако, как ниже отмечает сам Лотман, «князь N дает не бал, а вечер» (Лотман 1983: 355), а «светский этикет строго различал правила проведения бала и танцевального вечера» (Захарова 2010: 38), причем в данном случае мы даже не знаем, был ли вечер танцевальным. Само появление Александра I на светском званом вечере в последний год его жизни было бы явлением почти невероятным, тогда как Николай I и «Лалла-Рук» в конце 1820-х – начале 1830-х годов будут часто приезжать на балы и приемы. Это различие в нравах при двух императорах отметила Дарья (Долли) Фикельмон в дневниковой записи от 28 января (9 февраля) 1830 г.: «В прежнее царствование нравы были строже, удовольствия, особенно в последние годы, были так редки, что на всей общественной жизни лежал оттенок большей серьезности, большей степенности. Сейчас всё постепенно становится розовым, более радостным. Императрица – само счастье, веселье, призыв к всеобщему развлечению. Император, молодой, красивый, окружен дамами, которые ловят его взгляды, жаждут их. Восхищение, галантность, смех и танцы ныне стали девизом» (Фикельмон 2009). Именно эту атмосферу вечера с присутствием царственных особ, когда, по свидетельству Фикельмон, «все взгляды, все внимание присутствующих направлены на них», и воссоздает Пушкин в опущенной строфе.

Эллиптическая структура романного времени, препятствующая хронологическим подсчетам, обусловлена, как кажется, двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, она в некотором смысле отражает историю создания «Евгения Онегина», над которым Пушкин работал восемь лет с перерывами. За это время планы развития сюжета и характеров неоднократно менялись, появлялись эллипсисы – как эксплицитные, так и имплицитные и гипотетические (см.: Genette 1972: 139–140), интервалы между эпизодами удлинялись и теряли календарную определенность. Соответственно, изменялся и образ автора-рассказчика, по словам Набокова, «стилизованного Пушкина» (“a stylized Pushkin”), который существует в своем собственном времени, маркированном биографическими намеками и другими способами автореферен-

ции (см.: Nabokov 1990: 6). Авторское время на протяжении почти всего романа опережает время его героев, рассказ о которых ведется с позиции некоего неведомого им будущего. Наглядный пример дистанции между временем рассказывания и временем романного действия – описание запущенной могилы Ленского в начале седьмой главы (7, VII):

Но ныне... памятник унылый
Забывт. К нему привычный след
Заглох. Венка на ветви нет;
Один, под ним, седой и хилый
Пастух по-прежнему поет
И обувь бедную плетет.

Ясно, что могила Ленского могла быть заброшена только после свадьбы Ольги и отъезда Татьяны с матерью в Москву, о которых читатель еще ничего не знает: настоящее автора – это их будущее.

Время персонажей догоняет время рассказывания только в восьмой главе, начиная со сцены, где автор и его муза оказываются на светском рауте николаевского царствования синхронно с вернувшимся из путешествия Онегиным и замужней Татьяной. Во многих строфах этой главы доминируют глаголы настоящего времени, подготавливая внезапный, но закономерный обрыв повествования в финале, где Онегин «**стоит**, как будто громом пораженный».

По сути дела, прихотливое, неравномерное течение романного времени в «Онегине» до сих пор не было адекватно описано и еще ждет подробного нарратологического анализа. Будем надеяться, что будущие комментаторы «Евгения Онегина» перестанут, наконец, ловить черную хронологическую кошку в темной комнате, где ее нет, и вместо выяснения вопроса, сколько лет Евгению и Татьяне, объяснят читателям, что художественное время рассчитывается не по календарям, а по самоволию автора текста.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабаев Э. Г. 1963. Примечания. – Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 20-ти тт. Т. 9: Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части пятая–восьмая; М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 449–493.
- Бабинцев С. 1959. О годе рождения И. А. Крылова. – Русская литература. № 3. С. 183–186.
- Баевский В. С. 1983. Время в «Евгении Онегине». – Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 115–130.
- Белова А. В. 2014. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. СПб.: Алетейя.
- Бороздин К. А. 1902. Отрывок из фамильных воспоминаний. – Исторический вестник. Т. 90: Декабрь. С. 884–907.
- Бродский И. А. 1982. Осенний крик ястреба. – Russica–81: Литературный сборник / Ред. А. Сумеркин. Нью-Йорк: Russica Publishers Inc. С. 22–24.
- Бродский Н. Л. 1932. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: «Мир».
- Булгаков К. Я. 1903. Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу Булгакову: 1829–1830 годы – Русский архив. Кн. 3. № 11. С. 399–432.
- Вяземский П. А. 1868. Письма к И. И. Дмитриеву. – Русский архив. № 4. Ст. 602–658.
- Вяземский П. А. 1899. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1824–1836. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Гандлевский С. 2002. <НРЗБ>. М.: Издательство «Иностранка»; НФ «Пушкинская библиотека».
- Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. 1977. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий. Пособие для учителя. Л.: «Просвещение».
- Гуковский Г. А. 1957. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Долинин А. А. 1988. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Издательство «Книга».
- Долинин А. А. 2022. Еще раз о хронологии «Капитанской дочки». – Долинин А. О Пушкине, о Пастернаке: Работы разных лет. М.: Новое литературное обозрение. С. 200–209.

- Дюма А. 2019. Три мушкетера / Пер. с фр. Д. Лившиц, В. Вальдман, К. Ксаниной. М.: АСТ.
- Жолковский А. К. 2011. Тонкости чтения: Из заметок о Льве Толстом. I: Что такое искусство? – Жолковский А. К. Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе. М.: РГГУ. С. 160–165.
- Загоскин М. Н. 1988. Соч.: В 2-х тт. Т. 1: Историческая проза / Сост., вступительная ст., комментарии А. Пескова. М.: Художественная литература.
- Захарова О. Ю. 2010. Русский бал XVIII – начала XX века: Танцы, костюмы, символика. М.: Центрполиграф.
- Иванов-Разумник Р. В. 1909. «Евгений Онегин». – Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин. Т. III. СПб.: Издание Брокгауз-Эфрон. С. 205–234.
- Иванов-Разумник Р. В. 1916. Сочинения. Т. V: Пушкин и Белинский. Статьи историко-литературные. Пг.: «Прометей».
- Козлов И. И. 2017. Читая книгу «Война и мир» Л. Н. Толстого. Новосибирск: Сибирское книжное издательство.
- Кошелев В. А. 1999. «Онегина» воздушная громада...». СПб.: Академический проект.
- Лотман Ю. М. 1983. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Изд. 2-е. Л.: «Просвещение». Ленинградское отделение.
- Лотман Ю. М. 1995. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. – Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: «Искусство-СПб». С. 393–462.
- Набоков В. В. 1998. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. Е. М. Видре и др. Научный ред. и автор вступительной ст. В. П. Старк. СПб.: «Искусство-СПб»; «Набоковский фонд».
- Набоков-Сирин В. 1957. Заметки переводчика II. – Опыты: Литературный журнал под редакцией Ю. П. Иваска. Кн. 8. Нью-Йорк: [б. и.]. С. 36–49.
- Осповат А. Л. 2001. Из комментария к «Капитанской дочке»: Лубочные картинки. – Пушкинская конференция в Стэнфорде: 1999. Материалы и исследования. М.: ОГИ. С. 357–365.

- Осват А. Л. 2002. Из наблюдений над царскосельским топосом «Капитанской дочке». – Тыняновский сборник. Вып. 11. М.: ОГИ. С. 199–207.
- Осват А. Л. 2010. Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (8). – Европа в России: Сборник статей / Под ред. П. Песонена, Г. Обатнина и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение. С. 125–127.
- Пермский край 2020. Пермский край в Великой отечественной войне: Энциклопедия. Изд. исправленное и дополненное / Авторы-составители энциклопедии: Т. С. Волкова, В. И. Тетерин, А. В. Хованская, Ю. Б. Шувалова, О. В. Ярома. Пермь: Пермский государственный архив социально-политической истории.
- Проскурин О. А. 2006. На все сердитый господин. – Проскурин О. А. Записки читателя. [URL: <https://o-proskurin.livejournal.com/59236.html>]
- Пушкин А. 1825. Евгений Онегин: Роман в стихах. СПб.: В типографии Департамента народного просвещения.
- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.:] Издательство АН СССР.
- Пушкин в прижизненной критике 1996. – Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / Под общей ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр.
- Райнхардт Р. О. 2020. Начало дипломатической миссии посла Испании Х. М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824–1825). – Научный диалог. № 11. С. 466–476.
- Рогов К. Ю. 2004. (Не)известная эпиграмма Пушкина: К творческой истории VII главы «Евгения Онегина». – Лотмановский сборник. [Вып.] 3. М.: ОГИ. С. 196–214.
- Скотт В. 1962. Собр. соч.: В 20-ти тт. Т. 8. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы.
- Словарь 1814. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. III: К–Н. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук.
- Смирнова-Россет А. О. 1989. Дневник. Воспоминания / Изд. подготовила С. В. Житомирская. М.: Наука.
- Старк В. П. 2011. «Снег выпал только в январе...» Внутренняя хронология романа «Евгений Онегин». – Звезда. № 6. С. 186–195.

- Тойбин И. М. 1979. «Евгений Онегин»: Поэзия и история. – Пушкин: Исследования и материалы. Т. 9. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 83–99.
- Толстой А. К. 1963–1964. Собр. соч.: В 4-х тт. М.: Издательство «Правда».
- Толстой Л. Н. 1960–1965. Собр. соч.: В 20-ти тт. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Толстой Л. Н., Толстая С. А., Страхов Н. Н. 2003. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая: Переписка с Н. Н. Страховым. Полн. собр. переписки / Сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова, ред. А. А. Донсков. Т. 6–7. М.; Ottawa: Государственный музей Л. Н. Толстого; Slavic Research Group at the University of Ottawa.
- Фикельмон Д. Ф. 2009. Дневник 1829–1837: Весь пушкинский Петербург / Публикация и комментарии С. Мрочковской-Балашовой. Пер. с фр. М. Чакрыровой и С. Мрочковской-Балашовой. Подготовка текста к загрузке: Н. Сутурина, Е. Валова. – Прожито: Дневники и воспоминания. [URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221830-01-01%22&diaries=%5B800%5D>]
- Фомичев С. А. 1977. Автор «Горя от ума» и читатели комедии. – А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л.: «Наука». Ленинградское отделение. С. 5–29.
- Шевырев С. П. 1841. Ратибор Холмоградский, соч. Вельтмана. – Москвитянин. № 10. С. 424–443.
- Beust, F. F. von 1887. Memoirs of Friedrich Ferdinand Count von Beust. Written by Himself / With an Introduction <...> by Baron Henry de Worms, M. P. 2 vols. Vol. 2. London: Remington & Co., Publishers.
- Čiževsky, D. 1953. Commentary. – Pushkin, A. S. Evgenij Onegin: A Novel in Verse / The Russian Text Edited with Introduction and Commentary by Dmitry Čiževsky. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. P. 207–314.
- Dolinin, A. 1995. Eugene Onegin. – The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by Vladimir E. Alexandrov. New York and London. P. 117–130.
- Eco, U. 1994. Six Walks in the Fictional Woods. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Genette, G. 1972. Discours du récit. – Genette, G. Figures III. Paris: Éditions du Seuil. P. 67–274.
- Nabokov, V. 1981. Lectures on Russian Literature / Ed. and with an Introduction by Fredson Bowers. New York; London: Harcourt Brace Jovanovich/Bruccoli Clark.

Nabokov, V. 1989. Pnin. New York: Vintage Books.

Nabokov, V. 1990. Eugene Onegin: A Novel in Verse by Alexander Pushkin / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 2: Commentary and Index. Princeton: Princeton University Press.

REFERENCES

- Babaev, E. G. 1963. "Primechaniia." In *Sobranie sochinenii*, by L. N. Tolstoy. 20 vols. Vol. 9, *Anna Karenina*, 447–93. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.
- Babintsev, S. "O gode rozhdeniia I. A. Krylova." *Russkaia literatura* 3 (1959): 183–86.
- Baevskii, V. S. "Vremia v 'Evgenii Onegine'." In *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Vol. 11, 115–30. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1983.
- Belova, A. V. "*Chetyre vozrasta zhenshchiny*": *Povsednevnaia zhizn' russkoi provintsial'noi dvorianki 18 – serediny 19 vv.* Saint Petersburg: Aletea, 2014.
- Borozdin, K. A. "Otryvok iz famil'nykh vospominanii." *Istoricheskii vestnik* 90 (December 1902): 884–907.
- Brodskii, I. O. 1982. "Osennii krik iastreba." In *Russica–81: Literaturnyi sbornik*. Edited by A. Sumerkin, 22–24. New York: Russica Publishers Inc.
- Brodskii, N. L. *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina "Evgenii Onegin."* Moscow: "Mir," 1932.
- Bulgakov, K. Ia. "Iz pisem Konstantina Iakovlevicha Bulgakova k bratu ego Aleksandru Iakovlevichu Bulgakovu: 1829–1830 gody" *Russkii arkhiv* 3, no. 11 (1903): 399–432.
- Čiževsky, D. "Commentary." In *Evgenij Onegin: A Novel in Verse*, by Alexander Pushkin. The Russian Text Edited with Introduction and Commentary by Dmitry Čiževsky, 207–314. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953.
- Dolinin, A. A. *Istoriia, odetaia v roman: Walter Scott i ego chitateli*. Moscow: Izdatel'stvo "Kniga," 1988.
- . "Eugene Onegin." In *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. Edited by Vladimir E. Alexandrov, 117–130. New York & London: Garland Publishing Inc., 1995.
- . "Eshche raz o khronologii 'Kapitanskoi dochki'." In *O Pushkine, o Pasternake: Raboty raznykh let*, 200–09. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022.

- Dumas, A. *Tri mushketera*. Translated from the French by D. Livshits, V. Val'dman, K. Ksanina. Moscow: AST, 2019.
- Eco, U. *Six Walks in the Fictional Woods*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994.
- Fomichev, S. A. "Avtor 'Goria ot uma' i chitateli komedii." In A. S. *Griboedov: Tvorchestvo. Biografiia. Traditsii*, 5–29. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1977.
- Gandlevskii, S. <NRZB>. Moscow: Izdatel'stvo "Inostranka"; NF "Pushkinskaia biblioteka," 2002.
- Genette, G. "Discours du récit." In *Figures III*, 67–274. Paris: Éditions du Seuil, 1972.
- Gille'son, M. I. and I. B. Mushina. *Povest' A. S. Pushkina "Kapitanskaia dochka": Kommentarii. Posobie dlia uchitel'ia*. Leningrad: "Prosveshchenie," 1977.
- Gukovskii, G. A. *Pushkin i problemy realisticheskogo stilia*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1957.
- Ivanov-Razumnik, R. V. "Evgenii Onegin." *Biblioteka velikikh pisatelei pod redaksiei S. A. Vengerova. Pushkin*. Vol. 3, 205–34. Saint Petersburg: Izdanie Brockhaus-Efron, 1909.
- . *Sochineniia*. Vol. 5, *Pushkin i Belinskii. Stat'i istoriko-literaturnye*. Petrograd: "Prometei," 1916.
- Koshelev, V. A. "*Onegina' vozdushnaia gromada...*" Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999.
- Kozlov, I. I. *Chitaia knigu "Voina i mir" L. N. Tolstogo*. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017.
- L. N. Tolstoi i S. A. Tolstaia: *Perepiska s N. N. Strakhovym. Polnoe sobranie perepiski*. Edited by L. D. Gromova, T. G. Nikiforova and A. A. Donskov. Vols. 6–7. Moscow and Ottawa: Gosudarstvennyi muzei L. N. Tolstogo; Slavic Research Group at the University of Ottawa, 2003.
- Lotman, Iu. M. *Roman A. S. Pushkina "Evgenii Onegin". Kommentarii. Posobie dlia uchitel'ia*. 2nd ed. Leningrad: "Prosveshchenie." Leningradskoe otdelenie, 1983.
- . "Roman v stikhakh Pushkina 'Evgenii Onegin.' Spetskurs. Vvodnye lektsii v izuchenie teksta." In *Pushkin: Biografiia pisatel'ia. Stat'i i zametki, 1960–1990. "Evgenii Onegin": Kommentarii*, 393–462. Saint Petersburg: "Iskusstvo-SPb," 1995.

- Memoirs of Friedrich Ferdinand Count von Beust*. Written by Himself. With an Introduction [...] by Baron Henry de Worms, M. P. 2 vols. Vol. 2. London: Remington & Co., Publishers.
- Nabokov, V. *Lectures on Russian Literature*. Edited and with an Introduction by Fredson Bowers. New York and London: Harcourt Brace Jovanovich/Bruccoli Clark, 1981.
- . *Pnin*. New York: Vintage Books, 1989.
- . *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, by Alexander Pushkin. Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 2, *Commentary and Index*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- . *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina "Evgenii Onegin."* Translated from the English by E. M. Vidre et al. Edited and prefaced by V. P. Stark. Saint Petersburg: "Iskusstvo-SPb"; "Nabokovskii fond," 1998.
- Nabokov-Sirin, V. "Zametki perevodchika II." *Opyty* 8 (1957): 36–49.
- Ospovat, A. L. "Iz kommentariia k 'Kapitanskoi dochke': Lubochnye kartinki." In *Pushkinskaia konferentsiia v Stanforde: 1999. Materialy i issledovaniia*, 357–65. Moscow: OGI, 2001.
- . "Iz nabliudeniia nad tsarskosel'skim toposom 'Kapitanskoi dochki'." In *Tynianovskii sbornik*. Vol. 11, 199–207. Moscow: OGI, 2002.
- . "Iz materialov dlia kommentariia k 'Kapitanskoi dochke' (8)." In *Evropa v Rossii: Sbornik statei*. Edited by P. Pesonen, G. Obatnin and T. Huttunen, 125–27. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Permskii krai v Velikoi otechestvennoi voine: Entsiklopediia*. Edited by T. S. Volkova, V. I. Teterin, A. V. Khovanskaia, Iu. B. Shuvalova, O. V. Iaroma. Rev. and expanded ed. Perm': Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii, 2020.
- Proskurin, O. A. "Na vse serdityi gospodin." In *Zapiski chitatelia*. November 1, 2006. Accessed December 10, 2022. <https://o-proskurin.livejournal.com/59236.html>
- Pushkin, A. *Evgenii Onegin: Roman v stikhakh*. Saint Petersburg: V tipografii Departamenta narodnogo prosveshcheniia, 1825.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad:] Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959.
- Pushkin v prizhiznennoi kritike: 1820–1827*. Edited by V. E. Vatsuro, S. A. Fomicheva. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Pushkinskii teatral'nyi tsentr, 1996.

- Reinhardt, R. O. "Nachalo diplomaticheskoi missii posla Ispanii J. M. Páez'a de la Cadena v Rossiiskoi Imperii (1824–1825)." *Nauchnyi dialog* 11 (2020): 466–76.
- Rogov, K. Iu. "(Ne)izvestnaia epigramma Pushkina: K tvorcheskoi istorii 7 glavy 'Evgeniia Onegina.'" In *Lotmanovskii sbornik*. Vol. 3, 196–14. Moscow: OGI, 2004.
- Scott, W. *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Vol. 8. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962.
- Shevyrev, S. P. Review of *Ratibor Kholmogradskii*, by Alexander Vel'tman. *Moskvitianin* 10 (1841): 424–43.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poriadku raspolozhennyi*. Pt. 3, K–N. V Sanktpeterburge, pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1814.
- Smirnova-Rosset, A. O. *Dnevnik. Vospominaniia*. Edited by S. V. Zhitomirskaiia. Moscow: Nauka, 1989.
- Stark, V. P. "'Sneg vypal tol'ko v ianvare...'" Vnutrenniaia khronologiia romana 'Evgenii Onegin.'" *Zvezda* 6 (2011): 186–95.
- Toibin, I. M. "Evgenii Onegin": Poeziia i istoriia." In *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Vol. 9, 83–99. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1979.
- Tolstoi, A. K. *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Moscow: Izdatel'stvo "Pravda," 1963–1964.
- Tolstoi, L. N. *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1960–1965.
- Viazemskii, P. A. "Pis'ma k I. I. Dmitrievu." *Russkii arkhiv* 4 (1868): 602–58.
- . *Ostaf'evskii arkhiv kniazai Viazemskikh*. Vol. 3, *Perepiska kniazia P. A. Viazemskogo s A. I. Turgenevym 1824–1836*. Saint Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva.
- Zagoskin, M. N. *Sochineniia*. 2 vols. Vol. 1, *Istoricheskaiia proza*. Edited, prefaced and annotated by A. Peskov. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1988.
- Zakharova, O. Iu. *Russkii bal 18 – nachala 19 veka: Tantsy, kostiumy, simbolika*. Moscow: Tsentropoligraf, 2010.
- Zholkovskii A. K. 2011. "Tonkosti chteniia: Iz zametok o L've Tolstom. I: Chto takoe iskusstvo?" In *Ochnye stavki s vlastitelem: Stat'i o russkoi literature*, 160–65. Moscow: RGGU.

УДАЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУДАЧНОГО СВАТОВСТВА: Н. И. ТУРГЕНЕВ В АНГЛИИ (1829–1830)

В. А. Мильчина
(Москва)

Николай Иванович Тургенев (1789–1871), экономист и политический мыслитель, был в 1810 – начале 1820-х гг. не только чиновником высокого ранга, но и членом тайных обществ – Союза благоденствия (в 1818–1822 гг.) и Северного общества (1822–1823). В конце марта 1824 г. он взял отпуск и выехал на лечение за границу. Во время восстания 14 декабря 1825 г. он находился в Париже; в январе 1826 г., будучи в Эдинбурге (см.: Тургенев 2001: 87), он узнал, что привлечен к следствию по делу о восстании. Вице-канцлер Нессельроде от имени императора потребовал от Тургенева явиться на суд «в качестве обвиняемого в участии в восстании» (Там же). Тургенев явиться отказался, сначала устно, а потом, по требованию поверенного в делах России в Англии И. А. Потемкина, письменно. Поверенному между тем предписывалось, в случае отказа, известить английский кабинет о том, «каким людям предоставляет он убежище!». И в самом деле, впоследствии Тургенев узнал, что его выдачи в мае 1826 г. просили у государственного секретаря Великобритании по иностранным делам Джорджа Каннинга, но тот в ответ на ноту, требовавшую выдачи Тургенева, лишь подтвердил получение этой бумаги, никак не ответив на ее содержание (см.: Тургенев 2001: 88, 678); до этого российский посол в Англии Х. А. Ливен конфиденциально просил Каннинга о выдаче Тургенева, сначала устно, а потом письменно, но всякий раз получал письменный отказ.

В России Тургенев был заочно приговорен к смертной казни, которая была императором подтверждена в пожизненные каторжные работы; поэтому он остался в Англии и всячески убеждал своего брата Александра Ивановича и самого себя, что с Россией у него отныне нет ничего общего и возвращаться туда он не хочет и не

намерен. 20 июля 1826 г. он пишет из Лондона брату Сергею, предвидя, что тому иметь брата, осужденного в России, «будет, конечно, неприятно»: «В жизни есть много других гораздо важнейших причин печалиться. И между сими причинами одна покрывает все прочие: несчастное положение крепостных людей в России!» (Тургенев 1901: 239). 14 мая 1826 г. из Эдинбурга уверяет брата Александра: «...для меня все кончилось, и я должен расстаться с Россиею. Объявленный однажды преступником, что я могу делать в России во всех возможных обстоятельствах? Ничего и никогда» (Тургенев 1901: 244–245). 21 августа 1826 г. обращается к нему же из Лондона: «Я расстался с Россиею и, судя по предубеждению против меня, не могу туда возвратиться ни в каком случае. Где нравственная обязанность возвратиться туда, где меня почитают злодеем?» (Тургенев 1901: 251). 31 августа 1826 г. продолжает из Чельтенгама: «На всякое оправдание мне будут говорить: чего он хочет? Он не явился к суду и тем добровольно лишил себя и средств оправдания, и всякого права на милость. Итак: qu'on n'en parle plus!¹. На это мне отвечать нечего. Я не явился. Болезнь, в столь теперь важном деле, не может быть достаточною причиною неявки. И как мне кажется, что в сем отношении *conditio sine qua non*² всякого оправдания есть: предложение с моей стороны явиться немедленно на каторгу» (Тургенев 1901: 253). 9 ноября 1826 г. Николай пишет Александру из Лондона: «Я едва ли даже желаю милости. Справедливости не ожидаю. Условий никаких не приму» (Тургенев 1901: 259; здесь и далее слова, выделенные автором, подчеркнуты), а 22 января 1827 г. продолжает оттуда же: «Я бы и при возможности возвратиться в Россию не поехал бы туда. А предлагать явиться или делать то, вследствие чего могут требовать моего возвращения, я и не могу и не хочу. Мне и здесь хорошо» (Тургенев 1901: 262–263).

Николай Тургенев и в объяснительных записках, касающихся его причастности к тайным обществам, и в письмах к брату Александру постоянно настаивал на том, что свое участие в

¹ Больше об этом ни слова (*фр.*)

² Непременное условие (*лат.*).

обществе ограничивал разговорами, а в момент «возмущения» вообще уже более года как жил вне России; больше того, он подчеркивал, что вообще вся деятельность общества сводилась исключительно к разговорам и потому он мало ею интересовался, поскольку его главной и единственной целью оставалось уничтожение крепостного рабства. В письме к Александру из Лондона от 7 июля 1826 г. он сформулировал это так:

Дело освобождения крестьян было для меня всегда священнейшим. Оно было единственною целью моей жизни. И даже до такой степени, что не будучи, конечно, врагом конституций, я никогда не думал, что сии последние могут быть нашею потребностью прежде важного, святого и неизбежного рано или поздно освобождения крестьян. Я помню, что некоторые весьма добрые и почтенные люди, почитая меня большим либералом, удивлялись, что либеральность моя ограничивалась пожеланием свободы гражданской <а не политической. – В. М.>» (Тургенев 1901: 247).

Виновным Тургенев себя ощущал только в неявке на суд. Однако в 1826-1827 гг. он постоянно убеждает самого себя и брата Александра Ивановича, что являться ему ни в коем случае не следует: «...могут отвечать: явись. А я, если б и хотел, не должен являться. Это противно нравственному достоинству человека. Покоряться добровольно несправедливости по крайней мере так же противно нравственности, как и быть самому несправедливым» (22 января 1827 г.; Тургенев 1901: 265); «Самое вероятное из ваших предположений есть: “явись”. Этот ответ необходимо предупредить, ибо я не могу и точно не должен являться ни в каком случае» (26 марта 1827 г.; Тургенев 1901: 273).

Тем не менее Жуковский и Александр Тургенев продолжали делать попытки добиться для Николая хотя бы права безопасно проживать на континенте. Они активизировали свои усилия весной-летом 1829 г.; реакция императора поначалу казалась благоприятной, затем через Бенкендорфа Александру Ивановичу был передан решительный отказ, а затем внезапно ситуация по видимости вновь изменилась к лучшему. 30 января 1830 г. Жуковский триумфально

сообщил Александру Тургеневу, что государыня «именем государя» передала ему, что, если его брат «*se trouve innocent, qu'il vienne lui-même se livrer à la générosité de l'Empereur; il saura lui rendre justice*»³ (Дубровин 1902: 71). Александр Иванович получил письмо только 29 марта 1830 г. (см.: Дубровин 1902: 83) и тотчас сообщил его текст брату, который 6 апреля отвечал, что в таком случае он обязан явиться, ибо в противном случае считал бы себя обесчещенным (см.: Дубровин 1902: 83). Однако довольно скоро выяснилось, что Жуковский неверно понял слова императора и что речь идет не о вызове на суд и возможности оправдания, а только об «изменении участи без уничтожения осудившего его приговора» (Дубровин 1902: 94); в позднейшем пересказе П. А. Вяземского Николай I отвечал Жуковскому: «Если спрашиваешь меня как императора, скажу: нужно. Если спрашиваешь меня как частного человека, то скажу: лучше ему не возвращаться» (Вяземский 1882: 413). Итак, хотя братья готовились к поездке Николая Ивановича в Россию и даже заказали французскому юристу О.-Ш. Ренуару записку с анализом пунктов обвинения и их опровержением (она была окончена в мае 1830 г.), в конечном счете поездка не состоялась, и Николай Тургенев остался в Англии. Тем временем в июле 1830 г. во Франции произошла революция, и если прежнее правительство эпохи Реставрации непременно выдало бы «государственного преступника» России, то правительство Луи-Филиппа, как довольно скоро выяснилось, относилось к изгнанникам, в том числе и из России, гораздо более благосклонно, и в сентябре 1831 г. Николай Тургенев перебрался во Францию (см.: ПД. Ф. 309. № 231. Л. 38; далее все ссылки на этот фонд даются с указанием только единицы хранения и листа), а российский император этому не препятствовал.

Такова в максимально кратком изложении внешняя канва этого периода биографии Н. И. Тургенева⁴. Разумеется, стремление

³ Чувствует себя невиновным, пусть явится сам и вверит себя великодушию Императора; тот сумеет отдать ему справедливость (*фр.*).

⁴ Более подробно об обстоятельствах суда над Н. И. Тургеневым и его объяснительных записках, посвященных его (не)участию в работе тайных обществ, см. в примечаниях А. Р. Курилкина к: Тургенев 2001.

Тургенева вернуться в Россию на суд объяснялось прежде всего желанием избавиться от тяготившего его клейма государственного преступника, которое позорило его и представляло для него огромную психологическую проблему. Сам он был уверен, что ни в чем не замешан, но другие этой уверенности разделить не могли. Я имею в виду даже не декабристов, которые продолжали считать Тургенева членом тайных обществ и потому впоследствии были недовольны картиной, нарисованной им в книге 1847 г. (см.: Тургенев 2001: 647–648), но современников-европейцев. Уже переехав во Францию, Николай, в отличие от своего брата Александра, знакомого едва ли не со всеми сколько-нибудь заметными литераторами, философами и политическими деятелями Европы, не общался почти ни с кем. Конечно, этому способствовал его замкнутый характер, о котором дает представление, например, отрывок из письма брату из Парижа от 2 февраля 1832 г.: «Газеты говорят, что весь Париж об этом⁵ толковал сегодня. – Я этого не заметил, ибо ни с кем не толковал. Говорят, что заговорщики хотели ворваться во дворец во время бала» (Архив 1921: 406). Под пером Александра Ивановича такие слова представить совершенно невозможно; он бы «потолковал» непременно, и не с одним собеседником. Но уединенный образ жизни Николая Ивановича имел и другую причину: изгнанник боялся, что люди провластной направленности сами не захотят иметь с ним дело, а оппозиционные республиканцы, напротив, захотят его причислить к своим сторонникам, хотя этого вовсе не хочет он сам. 13 февраля 1832 г. он писал брату из Парижа:

Я предпочитаю Париж Лондону только потому, что здесь здоровье мое лучше, нежели там. Мои привычки, вкусы скорее заставили бы меня жить в Англии, нежели во Франции. Заманки Парижские, для молодых людей сильные, для меня не существуют. Знакомств, связей я никаких здесь не имею. К тому же мое политическое положение здесь для меня затруднительнее, нежели в Лондоне.

⁵ О раскрытии заговора карлистов.

Там, ежели бы я хотел делать знакомства, я мог бы. Здесь – с кем? Здесь две партии: с одною для меня было бы невозможно, en ma qualité de réfugié⁶, быть знакому, ибо сия партия réfugiés не знает; с другою, которая заается с réfugiés, я знакомиться не хочу. Обществ, как в Англии, где политика ни во что не входит, здесь нет. И куда бы я ни явился – я попал бы в список разных родов Réfugiés: Итальянцев, Поляков, Гишпанцев, кои забавляют от времени до времени разного рода декламациями и публикациями в газетах на счет Правительств и даже иногда содействием в смешных свалках (émeutes) на улицах. Думая об этом серьезно, я даже вижу для себя совершенную необходимость не только не ездить здесь в общество, но даже не делать индивидуальных знакомств. Vous êtes Réfugié? – Oui. – Donc vous êtes des nôtres? – Non. – De quoi êtes-vous donc? – Je n'en sais rien!⁷ Вот вопросы и ответы, кои необходимо были бы, при всяком знакомстве, сделаны и даны мною (Архив 1921: 411).

Итак, клеймо государственного преступника тяготило Николая Тургенева, но поначалу он не намеревался хлопотать о явке на «пересуд». Однако весной 1830 г. он изменил свою точку зрения. Причиной этого, как уже было сказано и как явствует из давно опубликованных писем, было в первую очередь попечение о собственной чести. В мемуарной части своей книги «Россия и русские» (1847) Тургенев называет еще несколько мотивов, побудивших его принять решение о возвращении в Россию: помимо стремления доказать свою невиновность, желание облегчить участь «других лиц, которых этот приговор ставил в тяжелое положение» (имеется в виду брат Александр), даже надежда, что отмена его приговора, «быть может, благотельно отразится и на других осужденных» (Тургенев 2001: 168–169). Однако еще одного мотива, о котором можно узнать из неопубликованной части переписки братьев и их старинного друга князя Петра Борисовича Козловского,

⁶ В качестве изгнанника (*фр.*).

⁷ Вы изгнанник? – Да. – Значит, вы из наших? – Нет. – Из каких же вы? – Понятия не имею (*фр.*).

Николай Иванович не называет. Этот мотив – попытка жениться на англичанке.

Братьев Николая и Александра Тургеневых связывали отношения тем более близкие, что в 1827 г. они лишились младшего брата Сергея, подававшего большие надежды дипломата, который был так потрясен приговором брату Николаю, что потерял рассудок и скончался в возрасте 35 лет. Николай в письмах постоянно пытался уверить Александра, что был бы совершенно спокоен за себя, если бы не мысль, что он расстроил карьеру Александра. Александр, со своей стороны, переживал за Николая и, поскольку сам не мог находиться при нем постоянно, мечтал женить брата, чтобы тот не тосковал в одиночестве; мотивировку эту он сформулировал позже, в сентябре 1833 г. в письме к Вяземскому: «По всей вероятности, через месяц или более я буду свободен, и главное дело в жизни брата решится. Он не будет один, и мое присутствие будет ему только приятно, но он и без меня будет находить, с кем разделять жизнь» (Архив 1921: 332–333). Николай Иванович и сам охотно бы женился, однако найти ему невесту было непросто. Мешали административные сложности; в том же сентябре 1833 г. по поводу женитьбы в Швейцарии Александр Иванович писал П. А. Вяземскому: «Затруднения – и большие – только в возможности, по его положению, совершить гражданские акты, ибо законы на сей случай очень строги, а подкупить здесь ни попов, ни гражданских чиновников нельзя» (Архив 1921: 333). Имелось и другое препятствие: Николай Тургенев предъявлял к потенциальной невесте строгие требования. «Для меня красота в женщине есть необходимость», – писал он брату 29 марта 1833 г. (№ 231. Л. 201 об.).

Традиционно считается, что в жизни Николая Ивановича была только одна женщина – Клара Виарис, на которой он женился 13 октября 1833 г. в Женеве. Мнение это укоренено настолько глубоко, что в указателе шестого выпуска «Архива братьев Тургеневых», где помещены отрывки писем Николая Ивановича к брату 1832 г., имеется своеобразный «кентавр»: «Visconti, рожд. de Viaris» (Архив 1921: 512). Составитель указателя Н. К. Кульман исходил из того, что в тексте письма г-жа Висконти названа «сестрой невесты». Между тем это

письмо датировано 1 февраля 1832 г., а тогда Клара Виарис еще не была невестой Тургенева⁸. Николай Иванович пишет здесь о другой, английской невесте, имя которой в работах о нем практически нигде не упоминается. Исключение составляет мой собственный доклад на Седьмых Эйдельмановских чтениях 1997 г., кратко изложенный в моем отчете о конференции, опубликованном в журнале «Знание – сила» (1997. № 11)⁹. Мне известны две лаконичные ссылки на него в научной литературе: в статье С. В. Житомирской, где коротко упомянут «матримониальный подтекст» инициативы Н. И. Тургенева по возвращению на «пересуд» (Тургенев 2021: 680), и в статье Андреаса Шёнле, где мой доклад пересказан чуть более подробно, с упоминанием имени «английской невесты» (Шёнле 2021: 63). Но больше нигде об этом эпизоде не говорится (см.: Ларионова 2019: 331–334). И поскольку мой давний доклад так и остался неопубликованным, в этой статье я постараюсь с опорой на архивные документы изложить все, что известно о первой попытке Николая Тургенева жениться.

История эта началась в 1829 г., когда Николай Иванович жил в Англии, в городе Чельтенгам (в современной транскрипции Челтнем, курортный город в графстве Глостершир), и его давний знакомец князь Петр Борисович Козловский (1783–1840), также в этот момент живший в Чельтенгаме (в переписке братьев Тургеневых он регулярно именуется «чельтенгамским приятелем»), нашел ему невесту: дочь помещика Питера Харвея Лоуэлла (Ловеля в транскрипции XIX в.) Гарриет (Генриетту) Лоуэлл, жившую в поместье Коул-Парк (Cole-Park) в соседнем с Глостерширом графстве Уилтшир. Козловский был знаком с этой семьей, потому что сам был влюблен в сестру Гарриет – Френсис-Сару, урожд. Лоуэлл (1804–1883), с 1825 г. жену итальянца графа Эмилио Гвидобони-Висконти (ту самую упомяну-

⁸ Такую же ошибку делает И. А. Бычков в примечании к письму от 24 июня/3 июля 1830 г., в котором Жуковский выражает надежду на то, что «за оградой семейственного мирного счастья все бы прошлые беды остались ему <Николаю Тургеневу> чуждыми» (Жуковский 1895: 254–255). Бычков полагает, что имеется в виду женитьба Тургенева в 1833 г. на Кларе Виарис, меж тем совершенно очевидно, что речь пока что идет вовсе не о ней.

⁹ Повторен два десятка лет спустя в моей книге: Мильчина 2019: 60–61.

тую выше «сестру невесты»). Г-жа Висконти мало знакома российским исследователям, но зато хорошо известна французским бальзаковедам, поскольку была для Бальзака, который познакомился с ней в феврале 1835 г. в Париже, возлюбленной, другом, кредитором; «Саре» Бальзак посвятил роман «Беатриса» (1839)¹⁰. Собственно говоря, о характере отношений Бальзака с той, которую он именовал на итальянский манер Contessa (графиня), судить довольно сложно, поскольку из их переписки сохранилось лишь одно письмо графини, посвященное финансовым делам ее мужа, и две короткие записки Бальзака (Balzac 1964: 242–246; Balzac 1969: 335, 889), остальная же их переписка неизвестна; в 1875 г. на прямой вопрос издателя Мишеля Леви графиня сухо ответила, что письмами великого писателя не располагает. Что же касается князя Козловского, то он интересует бальзаковедов лишь как отец Софьи Козловской (Софки), которая подолгу жила в доме г-жи Висконти в Версале, познакомилась там с Бальзаком и оставила его весьма выразительный словесный портрет в письме к отцу (Бальзак 1986: 230–231); между тем, судя по неизданной переписке братьев Тургеневых и письмам самого Козловского, князь задолго до Бальзака подпал под обаяние госпожи Висконти и испытывал к ней очень сильное чувство. Александр Тургенев докладывал брату 12 июня 1830 г. из Парижа: «Вчера же получил я письмо от Лабенского¹¹ из Лондона: он пишет о Козловском, что тот возвращается в Чельтенгам, où il est enchaîné aux pieds d'une fière beauté qui décide de l'emploi de ses jours et du lieu de sa résidence»¹² (№ 314. Л. 89)¹³.

Эта гордая чельтенгамская красавица – не кто иная, как г-жа Висконти. И именно с ее сестрой Гарриет Козловский познакомил Николая Тургенева в надежде на грядущую женитьбу. Трудности

¹⁰ Подробнее о ней см.: Balzac 1964: 823–824; Lagny 1978; Pierrot 1994: 249–253.

¹¹ Ксаверий Ксавериевич Лабенский (1800–1855) – дипломат в русской службе и французский поэт под псевдонимом Jean Polonius.

¹² Где он прикован к ногам гордой красавицы, которая распоряжается его времяпрепровождением и местоположением (*фр.*).

¹³ За помощь в сверже писем из этого дела сердечно благодарю Т. А. Китанину. Фонд 309 сейчас находится в обработке, и дела получают новые номера; № 314 превратился в № 205, но поскольку ссылки на остальные дела из этого фонда в моей статье даются по старой нумерации, то и за этим делом я оставляю номер 314.

на этом пути ждали Тургенева и его «свата» не только со стороны невесты, но и со стороны жениха, характер которого не слишком располагал к завоеванию женских сердец. В июне 1830 г., когда стало окончательно ясно, что дело с английской невестой не выгорело, Козловский тем не менее удовлетворенно писал Александру Тургеневу:

И в этом деле, хотя оно нам и не удалось, не совсем мы время потеряли. Брат ваш убедился, что деликатный и возвышенный характер может в самых невыгодных обстоятельствах действовать на сердце женщины, и женщины молодой и прекрасной. Сие убеждение не токмо лестно для самолюбия, но должно со временем дать ему некоторое самоуверение, в котором у него всегда был большой недостаток. Поведение его в течение всего дела было чисто и благородно: он ничего не скрывал и совсем не дурачился, что женихи в сорок лет обыкновенно делают. Итак, и тут право не худо и со временем будет иметь свою полезную сторону (№ 232. Л. 135–135 об.).

Правда, Николай Иванович даже после знакомства с Гарриет Лоуэлл смотрел на перспективу собственной женитьбы скорее пессимистически. 30 января 1830 г. он писал брату:

Вы пишете, что осудили себя на безбрачие. Если безбрачное положение согласно вашим желаниям, чему я, с моими мнениями на сей счет, трудно могу верить, то беды в этом нет. Я хоть и не люблю безбрачие, но, хладнокровно рассуждая, не вижу, чтобы представилась мне возможность переменить это состояние. А старость у нас уже на носу. Еще лет 20, и все на сей земле будет для нас кончено – а это самый отдаленный срок по вероятностям жизни человеческой. Где прожить и как это огромное время, по крайней мере для меня будет все равно. Если останусь в моем холостом положении, это, как я и выше сказал, вероятно – хоть эта вероятность и неприятная (№ 232. Л. 81).

Тем не менее одиночество тяготило Николая Ивановича, а сестра г-жи Висконти произвела на него весьма благоприятное впечат-

ление, и он стал ухаживать и свататься. Дело шло с переменным успехом.

30 декабря 1829 г. Николай Иванович докладывал брату:

К<озловский> удивлялся занимательности и интересу ваших писем. Чего в них подлинно нет! Вы там¹⁴ более живете с англичанами, нежели я здесь. Иногда хотелось бы иметь здесь какое-нибудь надежное знакомство. Но это здесь трудно было бы и не для меня, с ними мудрено нарочно знакомиться. К<озловски>й многих здесь знает, но это знакомство тоже шляпочное. <...> Что вы имеете в виду в Париже? Для чего не говорите, кто и что? *Cela ne mène à rien*¹⁵. <...> Мы так много в Чельтенгаме болтаем об этом (и я думаю, нигде более Чельтенгама о сих вещах не говорят), что это стало для нас совсем обыкновенным предметом разговора. О нашей красавице разносятся здесь различные слухи: одни говорят, что она замуж вышла за жениха, с которым поехала в Лондон; другие, что она ему там отказала, что, однако, невероятно и должно быть есть выдумка толпы невест, еще не нашедших для себя того, чего ищут (№ 232. Л. 69 об.).

Тем не менее к апрелю дело продвинулось так далеко, что Николай Иванович попросил у отца Гарриет ее руки, но получил отказ. 6 апреля 1830 г. он объясняет брату:

Я писал вам из Бата о моих намерениях: предложение было сделано и имело такой же успех, как и другие предложения, другими прежде деланные: отказ. Но главная причина отказа была в моем качестве иностранца: отец не любит ничего иностранного; особливо с тех пор, как одна дочь его вышла за итальянца (с ними мы туда и ездили). Может быть, это препятствие было бы не непреодолимо со временем. Но вот *ein Strich durch die Rechnung*¹⁶! – ваше письмо

¹⁴ В Париже.

¹⁵ Это ни к чему не ведет (*фр.*).

¹⁶ Камень преткновения (*нем.*; название комедии немецкого драматурга Иоганна Фридриха Юнгера, 1784).

и мой ответ¹⁷! Обстоятельства, в которые я был поставлен в Бате, конечно, не облегчили для меня сего ответа. Если б это знали, то готовность моя явиться могла бы иметь un mérite tout particulier¹⁸. Если б я думал только о позитивных выгодах ежедневной жизни, то я бы не так легко решился. Le mal est fait¹⁹. Я опубликован был в Европе заговорщиком. Мне за 40 лет. Планов на будущность не имею и иметь не могу. К светской жизни не расположен и не способен. Путешествовать и охоты нет, и здоровье не позволяет. Мог бы остальную треть жизни (les farces n'étant qu'en trois actes²⁰) в мире и тишине прожить в каком-нибудь трактире. Позитивных или материальных выгод оправдание мне не даст. А невыгод куча и до оправдания. Весьма легко может случиться, что меня арестуют тотчас по приезде в Россию, хотя, кажется, свободно являющегося к суду и можно бы без опасения оставить на свободе. Статься может, что и государю представят, что приличие требует моего осуждения, ссылки, и пр., и пр. Несмотря на все это, я еду на верную гибель или беду. 20 лет житья в Англии для меня легче 20 дней сидения в крепости (Дубровин 1902: 85).

Тем не менее общение с г-жой Висконти и ее сестрой продолжалось, о чем свидетельствует письмо Николая Ивановича брату из Чельтенгама от 18 апреля 1830 г.:

Мы сегодня собираемся за город. К<озловски>й сочинил эту party. С нами едет гр<аф> Висконти с женою (те самые, с которыми мы ездили в Бат), и адмирал, и Lady Гульд, тетка жены Висконти и моей красавицы. Мы поедем за шесть миль отсюда, взяв с собою обед и вино. Эта Madame Висконти очень добрая, умная и хорошая собою женщина; только годом старше моей квакерши (я называю ее так за ее скромность, доброту и пр.). Вчера мы были ввечеру на

¹⁷ Письмо Александра Тургенева с сообщением, что император готов отдать Николаю Тургеневу справедливость, если тот вернется в Россию, и ответное письмо Николая о том, что он вернуться готов.

¹⁸ Совсем особенную цену (*фр.*).

¹⁹ Зло сделано (*фр.*).

²⁰ Поскольку фарсы только из трех актов состоят (*фр.*).

party, где и M-me V<isconti> была. Поутру, гуляя с леди Гульд, мы зашли в лавку, где я увидел эстамп, портрет женский, необычайно похожий на мою, купили его и отдали Mme V<isconti>. По вечеру она сказала мне: Я возвращу вам портрет и только скажу, что, если бы от меня зависело, то я дала бы вам от всего сердца и оригинал. Она едет с мужем на 2 года в Италию. Она ожидает сюда на несколько дней свою сестру из Бата, дабы вместе ехать в деревню к отцу и матери. Имя отца Ловель, старик – country-gentleman в Вальтшире... (№ 232. Л. 110 об.).

Описание приятных забав продолжается 20 апреля 1830 г.:

Все были веселы. Старик адмирал Гульд (бывший с Нельсоном в сражении при Ниле) говорит, что никогда не встречал более приятного человека, как K<озловски>й. Вчера я был у них ввечеру на small-party. K<озловски>й хотел ходить, но болел в жару в комнате и там не был. Я играл в beauté²¹ с милою и умною Mme Visconti (№ 232. Л. 111 об.).

И 24 апреля:

Вчера мы опять были на party вместе. А завтра, несмотря на неверную погоду, опять собираемся, с обедом, за город. K<озловски>й поедет в Лондон 4 или 5 мая. Висконти поедет в деревню к ее отцу и матери около 6. Я, может быть, съезжу туда к ней на день – это только 27 миль и увижу мою – т. е. мою только по моему желанию. К несчастью, моего одностороннего желания недостаточно (№ 232. Л. 114).

Одновременно обсуждается поездка Александра Ивановича в Петербург для хлопот по поводу возможной явки Николая Ивановича в Петербург. 1 мая 1830 г. Николай Иванович пишет брату из Чельтенгама:

²¹ Игра в «красоту», восходящая к эпохе Возрождения, заключалась в перебрасывании поэтическими цитатами (изначально из Петрарки), относившимися к разным частям тела; см.: Lecerclé 1982.

Если (чего я не ожидаю, но на всякий случай) вы найдете, что мне не должно являться, то напишите (адресуя к Mrs Hague, 16, Warw. Street) следующее: «Я согласен на твою женитьбу». Но прежде подумайте, что эти слова навсегда остануют меня в Англии. Если же найдете, что явиться мне выгодно, то об этом можно говорить открыто, но, для большей очевидности, прибавьте: «Простись с Mrs Hague». Если не скажете ни того, ни другого, то я пойму, что вы сами ничего не знаете и явлюсь при первом порыве (№ 232. Л. 116 об.).

10 мая 1830 г. Николай Иванович рисует брату чельтенгамскую идиллию:

Вчера мы провели вечер у Висконти, приятно. Моя красавица была ласкова по обыкновению своему; но не более. Впрочем, и мудрено было бы им иметь какое-нибудь позитивное мнение обо мне. Они знают, что я еду в Россию для суда и пр. Но истинного положения и моего дела и меня лично они не знают, и растолковать этого им невозможно; ибо ничего не поняли бы (№ 232. Л. 119 об.).

Тем не менее Тургенев явно связывает свои матримониальные планы с планами «пересуда» в России. Это же сформулировал Козловский в недатированном письме к Александру Ивановичу: «Из него <Николая Тургенева> ни тебя, ни меня не сделаешь; ему нужен по его мнению только семейственный уголок; по-моему, и государственная деятельность; и для того, и для другого очищение или прощение необходимо» (№ 232. Л. 138–138 об.).

Больше того, Николай Иванович надеется совместить поездку в Россию с женитьбой в Англии; 15 мая 1830 г. из Чельтенгама он наставляет брата, который должен поскорее отправиться «разведать» обстановку:

Вы можете также им <в Петербурге> сказать, что я уверен, что Государь не только меня оправдает, но позволит возвратиться, хотя и на время, в Англию, для дела серьезного для меня лично, т. е. для женитьбы (или для попытки женитьбы) (№ 232. Л. 120).

Меж тем ухаживание за Гарриет продолжается. 18 мая 1830 г. Тургенев рисует брату очередные идиллические картины:

Я возил семейство Висконти и ее сестру в Gloster обедать. День был прекрасный, и я провел его самым приятным образом. Вчера был у них ввечеру. Сегодня везу их обедать в Swip-Cottages, миль в семи отсюда. Обед везу с собою. В четверг везу их в Мальберг, 25 миль, где пробудем дня два. Если б вы видели, как добра и притом как хороша (хотя и не в моем вкусе) сестра Висконти, то не подивились бы, что мне с ними приятно. Если б мое дело кончилось хорошо, то я начинаю думать, что и здесь был бы успех. Но еще третьего дни говорила, как ей трудно было даже в Чельтенгам выпроситься у отца, она говорила между прочим, что он ничего иностранного не любит, на континенте и т. п. Ее, как видно, отец любит особенно. Да и мудрено не любить (№ 232. Л. 121).

Одно «дело» (женитьба) прочно увязывается в уме Николая Ивановича с другим – оправданием в России.

Меж тем внезапно ситуация меняется коренным образом. 19 мая 1830 г. Александр Иванович сообщает брату о полученном им письме Жуковского, дезавуирующем упомянутое выше оптимистическое известие от 30 января о согласии императора «отдать справедливость» Николаю Тургеневу:

Вот копия письма Жуковского: «22 апреля. Брат ни под каким видом ездить не должен – вот главное. Нынче по почте послал я к тебе письмо, заключающее короткий ответ на твои письма. Этот ответ поразит тебя так же, как он поразил и меня. Надеюсь на Бога, что он придет вовремя и что Николай еще не покинул своего безопасного убежища: это было бы и для меня таким же несчастьем, как и для него» (№ 314. Л. 61 об.).

От этого письма Александр Иванович вздохнул с облегчением: «И с плеч или лучше с души моей как гора свалилась, и я спокоен, и ты не поедешь в Россию» (Там же).

В подробном письме Жуковский винулся в своей ошибке и объяснял, отчего она произошла:

Я не понял слов государя, переданных мне императрицею, и дал им слишком обширное значение. В них не заключалось никакого вызова на суд и на оправдание, ибо в этом отношении для брата все кончено, и он нового суда ни ожидать, ни требовать не вправе, и государь его ему не даст. Если бы брат явился и безусловно предал себя великодушью государя, то его величество решил бы тогда сам, какое существование могло бы быть дано ему, осужденному в России, без уничтожения осудившего его приговора. Таков был истинный смысл сказанного мне ответа (Дубровин 1902: 93–94).

Однако неудача в деле пересуда и оправдания не заставила Александра Ивановича отказаться от надежды женить брата на Гарриет Лоуэлл. В его майских-июньских письмах к Николаю Ивановичу на эту тему видна та готовность посвятить свою жизнь и свое состояние благополучию брата, которая отличала все действия Александра Ивановича в последующие полтора десятка лет вплоть до самой его кончины в 1845 г.

25 мая 1830 г. он пишет Николаю Ивановичу:

Я все думаю о твоих теперешних обстоятельствах. <...> Нельзя ли рассказать им, чрез Козловского, твоего положения, уважения, коим ты и в России пользуешься и только враждебного, явного и старинного, как кажется, неблаговоления государя, дав им почувствовать, что ты от этого в фортуне и в общем мнении ничего не теряешь и не имеешь нужды в России, а от меня имеешь акт, что все тебе и твоим достанется, ибо все будет в таком случае немедленно обращено в капитал. Я бы поехал нарочно в Россию, продал имение и перевел все на твое имя, оставив аренду (№ 314. Л. 72).

В начале июня кажется, что мечты о женитьбе Николая Ивановича вот-вот осуществляются.

3 июня 1830 г. Александр Иванович, только получивший от брата сообщение, что невеста уже согласна (хотя отец еще согласия не дал), пишет восторженно:

Я еще слишком взволнован и в жизни еще не бывал так счастлив! <...> Ты как-то совестишься предо мною, что я не счастливец; я бы за себя не мог никогда так радоваться, да не мог бы так и ручаться за себя, что буду достоин такого счастья. Я не остаюсь и не останусь при том же, у меня будет цель в жизни, я буду жить для тебя и для нее и для твоих. Я бы и одно спокойствие твое почел счастьем: что же теперь? Я готов всем и все простить, если только твое счастье устоит, совершится над тобою. Куда ты меня увлек? из П<етер>бурга – в Париж. От деятельности беспутной к жизни ума и души, а теперь к чувству, к ощущению такому, с каким я и знаком не бывал. Мое дело теперь копить деньги – и молиться. Но все еще не решено. Отец не дал еще позволения. Если он и затруднится теперь, то я не отчаиваюсь, ибо она согласна, и время может смягчить его (№ 314. Л. 83 об.).

На следующий день, 4 июня 1830 г., Александр Иванович продолжает обсуждать с братом хозяйственные дела и обдумывает способы примирить коммерческий интерес с ответственностью за судьбы крестьян:

Я полагаю, что у нас уже и теперь более, нежели 190 т<ысяч> капитала в Москве <...> кроме займа по залогу имения и следов<ательно>, весь капитал немедленно к тебе перевести можно. На что он мне? И зачем ему в Москве оставаться? Обдумай хорошенько, ехать ли мне в Россию? Я готов и полагаю, что если приеду туда после нескольких месяцев, то гнев на нас простынет и немного утихнет; но не лучше ли устроить Жих<ареву> без меня продажу деревень? Хотя, впрочем, я сегодня писал к нему, что продать в частные руки я желал бы при себе, дабы знать, кому и с какими наследниками продано будет²². Это единственный казус, в коем я

²² Речь идет о продаже родового имения Тургенево в Симбирской губернии, которая состоялась не в 1830 г., а семью годами позже. Степан Петрович Жихарев (1788–1860) вел в отсутствие Тургенева его финансовые и хозяйственные дела, но, как скоро выяснилось, действовал нечистоплотно и обокрал старого друга. См. переписку Александра Ивановича с Жихаревым и Жуковским 1831 г.: Жихарев 1934: 450–453; 527–543.

ему не совсем верю. Но как и я угадаю нравственность будущего, юного поколения? – Ты должен поступать холоднее моего в твоих отношениях, но не упускать из рук счастья для соображений и от трудных в твоём положении переговоров. Нельзя ли выписать Козловского для переговоров, нельзя ли чрез другого определить условия? Здесь, где также условия приводятся по прозаической части прежде в известность, это обыкновенно чрез других делается. Может быть, и Висконти тебе полезен быть может. <...> Поцелуй и за меня ручки у Гарриеты (№ 314. Л. 83а–83а об.)

Та же тема развивается в письмах 10 и 11 июня 1830 г. 10 июня Александр Иванович пишет:

Сию минуту получаю твой № 62. Оно устрасило меня твоим упрямством: ты никак не хочешь понять, что для меня нет и не может быть всегдашнего блаженства, как твое, что я тогда только успокоюсь, буду иметь цель жизни и надежду жить иногда с тобою, как увижу тебя счастливо женатым. С чего ты взял, что у тебя только 600 ф<унтов> с<терлингов> дохода? Зачем было не написать к отцу так, как я предлагал тебе, просил тебя? Я уверен, что ты и 1000 ф<унтов> с<терлингов> будешь иметь ежегодного дохода. <...> Я буду все переводить к тебе и на твое имя. <...> Я все еще надеюсь, что получив мой № 19, ты что-нибудь иное скажешь в письме к отцу о доходе, но страшусь, что оно уже придет после ее отъезда <из Чельтенгама> и она не узнает о нем прежде, нежели будет говорить с отцом. Ты мог бы написать к ней или к тетке, дабы они сказали истину о твоих доходах. Да и о политических отношениях напрасно представлять все в невыгодном виде; надобно было доказать им только, что, вследствие сего положения, ты не желаешь оставить Англии. Что им до русского приговора, когда и здесь он нимало бы не повредил тебе! (№ 314. Л. 86–87).

Продолжение следует 11 июня; примечательны трогательные рассуждения Александра Тургенева, который старается уверить брата, что, расставшись с большей частью своего состояния, он, Александр, только выиграет:

Я не понимаю, как мог ты так худо рассчитать доход твой и как не принял в счет все, что тебе отпишется от продажи имения. <...> Неужели ты не заметил, что я не могу прожить более, нежели проживаю, и что, перестав покупать книги, ибо некуда с ними деваться, – и я более читаю, нежели покупаю, – я и подавно не знаю, куда девать деньги? Как же мне не находить единственное утешение, единственное употребление нашим доходам в устройстве твоих дел? Если бы твое дело было устроено, то я бы тогда только и за экономические дела принялся, и, сколько умею, не упустил бы ничего, чтобы увеличить доходы. Ты, главное, забываешь, что мне уже 47 лет и что я ни образа жизни, ни положения переменить не могу, да и не должен; ибо через 2–3 года мне будет – полвека! Но остальная жизнь могла бы еще быть и для меня очень занимательна, если бы я мог хлопотать о твоих прозаических делах: это бы нимало не помешало мне приятно, нравственно доживать век, не отказывая себе ни в чем, но с умеренностью в прихотях, необходимую и для моего здоровья. Я чувствую, что если б я давал себе часто волю, напр<имер> в обедах, и не ходил бы пешком, а имел бы экипажи, как в П<етер>бурге, то и болезни п<етер>бургские бы возвратились, кои с Карлсбадом и с теперешним образом жизни исчезли. <...> Если они узнают мое истинное намерение, то они охотнее сделают связь с людьми, коих правила им будут порукою, что дочь без куска хлеба ни в каком случае не останется. <...> Не можно ли чрез Козловского дать им знать о моих намерениях, о моих желаниях, о твердой и непреложной воле моей жить для тебя, прочить тебе и никому более и что мне самому о себе и помышлять уже поздно, да и склонности мои все – к холостой жизни и что желаю только иметь одну цель в жизни: накопить сколько можно для тебя. <...> Пожалуйста, не увеличивай препятствий и религией. Какой ты грек? И по рассудку, да скоро и по привычке мы будем протестантами; я люблю нашу церковь, как любят воспоминания молодости, старый родительский дом, как люблю Москву, но это еще не есть быть греком или любить все московское и, напр., рабов ее; так-то мы и к греческой церкви принадлежим, и, следовательно,

мы не греки и не римляне²³, а, вероятно, христиане, следовательно, по правилам протестантизма ближе к нему, нежели к греческому православию. Ты можешь не входить в протестантизм формально, но не должен отрекаться от того, ко вреду своему и соблазну ее, к соблазну отца ее. <...> Ради Бога, если еще время, то напиши к Висконти, к ней, что недостаток будет, что ты политикою, а не законом осужден, что честные люди и в России, и здесь все тебе отдадут справедливость. <...> Устрой свое счастье и мое, конечно, более нежели твое собственное, – твоим счастьем, и тогда все забудем. Я не постигаю другой жизни для себя, как в чужих краях, и только на время могу съездить в Россию для окончательного устройства дел (№ 314. Л. 87–88)²⁴.

Отец Лоуэлл отдать дочь за чужестранца, да еще столь сомнительного статуса, предсказуемо отказался; 18 июня 1830 г. Александр Иванович в Париже узнал об этом из письма Козловского и делится с братом своими впечатлениями:

Что мне сказать тебе? Всю неделю я страшился за результат письма твоего к отцу, но письмо твое было неожиданно. Я бы думал, что нужно еще сделать попытку, написать к Висконти от имени Козловского и, по моему настоянию, упомянув о сем настоянии в письме Козловского, что ты не можешь быть почитаем иностранцем, ибо не можешь, да и не желаешь оставлять Англии, по крайней мере пока жизнь отца продлится, ты, конечно, не оставишь Англии, что <...> политическое твое состояние нимало не вредит детям-англичанам, а напротив, должно еще более удостоверить Висконти в твоём укоренении в Англии. Если нужен от меня акт, то я готов написать его, по вашему указанию. Если есть, как я вижу, ее согласие, то как терять надежду? Я буду ожидать твоего ответа. <...> Не могу расстаться с этою надеждою и как сестру уже полюбил Гарриету. Твердость души спасет тебя, но я желаю тебе счастья (№ 314. Л. 90 об.).

²³ Цитата из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794).

²⁴ Отрывок от слов «И по рассудку» и до «греческому православию» опубликован в кн.: Тургенев 1989: 11 – вне связи с тургеневским матримониальным сюжетом.

Упомянутое письмо Козловского – это, по-видимому, недатированное письмо, в котором князь пытается утешить Александра Ивановича замысловатыми доводами из серии «зелен виноград»:

Теперь слово о свадьбе. В этом деле, как и в другом²⁵, я только действовал по его²⁶ манованиям, но с тою разницею, что в первом в душе моей, без всякого ограничения, я с ним во всем соглашался, но в сем последнем желал бы может быть иного. Нет сомнения, что выбор его был хорош: девушка прекрасная, умная, добрая; но приданого нет, а по моему мнению, кто женится на агличанке <sic! – В. М.> и хочет всегда жить в Англии и сделать из сыновей англичан, тот или должен быть сам очень богат или взять приданое какое-нибудь за женою. Сие общее правило еще вяще относится к иностранцу, ибо агличане посредством своих связей кой-как детей своих употребляют, а иностранцу надобно иметь достаток, не токмо для того чтобы жить, но и оставить детям такую независимость, которая утешила бы их в той ничтожности, которую иностранное имя и неизвестность отца, не имевшего с Итона и с Оксфорда связей по дружбе, если не по родству, соделают для них неизбежною, а эта ничтожность здесь ужасна, и ужаснее для молодого человека хорошо воспитанного, чем для негодяя. По моему мнению, агличанская невеста без тысячи или по крайней мере 600 фунтов ежегодного дохода приданого не соделает постоянного счастья, если дети должны быть необходимо агличане (№ 232. Л. 134 об.–135).

Александр Иванович тем не менее в тот же день, 18 июня 1830 г., написал Козловскому ответ, где настаивал на продолжении хлопот и подсказывал, что именно тот должен сообщить отцу невесты, чтобы его переубедить:

Хотя и не во всем с тобой согласен, милый Козловский, но не менее благодарен за твою дружбу. Прочти то, что я сегодня пишу к брату о возобновлении и о средствах оного. Я думаю, тебе легко

²⁵ В обсуждении поездки в Россию.

²⁶ Николая Тургенева.

и прилично было бы это сделать словесно или письменно, чрез Висконти. Конечно, хорошо было бы иметь жену с доходом, но как думать об этом, когда и нашего достаточно для житья скромного, но не бедного! Брат все делает так, как бы и я должен был жениться, не помышляя, что мне 47 лет, что мне некуда, да и некогда уже копить для себя, оставлять часть доходов без употребления и пр., между тем как бы вся жизнь моя путным и полезным образом могла быть употреблена на устройство его капиталов нашими и теми, кои нам от родственницы достаться могут. И как предполагать, что он оставит Англию? Разве тогда, когда многое на континенте, то есть у нас переменится и когда верно уже старика отца в живых не будет. Можно актом удостоверить его, что брат не оставит Англии, да и самая продажа имения, перевод в Англию денег должны бы были в том его удостоверить. Подумайте еще, то есть подумай один ты, ибо деликатность брата не позволит ему и думать о сем, напиши ко мне, и я не прежде выеду из Парижа. Что касается о прежнем деле, то я теперь несравненно спокойнее, я как бы переродился успокоением отказа в суде, коего страшился. И последняя тень какого-то недоразумения или сомнения о неявке исчезла. Брат показал не одну невинность, но и твердость, и храбрость, коей и здесь, и даже наши русские удивляются. Конечно, и в тамошних русских это произведет то же впечатление; но до них ли? О будущем – в сем отношении говорить нечего. Конечно, оно прояснится, и решимость, предложение явиться – многое переменит в образе мыслей, хотя этот образ мыслей более основан, как я слышал, на личной нелюбви к брату Императора. Эта нелюбовь будет, может быть, теперь сильна, но со временем она ослабнет, потухнет, и он в уважении ему не откажет, хотя и в этом уважении пользы большой не будет. Теперь я намерен молчать, ибо и сердце молчит о сем (№ 314. Л. 91).

Впрочем, уже 25 июня 1830 г., по получении письма от брата, Александр Иванович, кажется, смирился с отказом от надежд на брак:

Вчера получил твой № 64 и теперь я спокойнее, видя тебя несколько разочарованного, и усматриваю также, что и тобою, и Козловским, – которого дружбу никогда не забуду, – сделано было все для успеха, но он ни от вас, ни от нее не зависел, ибо и ее характер так же бесхарактерностью, как и отцовский упорством и эгоизмом, непобедим (№ 314. Л. 94 об.).

Козловский же был уверен, что сам сделал для Николая Тургенева все, что мог: «Что от меня зависело и в свадебном, и в попечительном отношении, я не лениво, усердно и бдительно исполнял» (№ 805а³. Л. 5 об.²⁷), но полагал, что Александр Иванович сделал еще недостаточно, а потому должен вернуться в Россию и там хлопотать на месте. Все это он подробно объяснял Александру Тургеневу в письме от августа 1830 г.:

Доколе братец ваш здесь <в Чельтенгаме> был, я не мог совершенно с искренностью писать к вам, ибо как-то совестился не показывать ему моих писем. Я в душе моей уверен, что он в уме своем так же убежден, как я, что для него и для вас полезно бы было, чтобы вы поехали пожить в России, но единственная деликатность могла заставить его писать противное. Это такая вещь, которая бросается в глаза каждому, и быть не может, чтобы он был в сем ослеплен. Заочно никто и никогда ничего не выпрашивал, а обязанность до последнего издыхания стремиться к благой цели не имеет никаких границ. На месте вы можете найти средства к достижению царского милосердия, каковых себе и представить невозможно. Я ей-богу не понимаю, что вас останавливает. <...> В чужих краях без дела вы ничто, а в России, хотя бы и ничего не делали, вы исполин и для других, и для себя. Подумайте о сем хорошенько и не называйте наслаждения перемещения бесполезные. Они точно так же приятны, как переваливаться с одного бока на другой. Государь терпеть не может, чтобы люди жили в чужих краях, а от Государя все зависит; все, говорю я,

²⁷ Письмо к А. И. Тургеневу от июля 1830 г.; датируется по упоминанию о взятии Алжира, которое произошло 5 июля 1830 г.

ибо и женитьба иначе <бы> пошла, когда бы не было всех этих проклятых запятых. – Я пишу к вам о сем в последний раз: после моего точного ультимата не скажу ни слова. – Я писал к отцу Ловелю чрез Висконти, который туда поехал; описывал ему ваше великодушное не пожертвование, но приношение брату; говорил, что я об вас обоих думаю; представлял, что вместо 600 будет 1000 фунтов дохода, а может, и более (№ 805a¹. Л. 5, 6 об.).

Однако, несмотря на все старания брата и друга, на английской невесте Николай Иванович не женился, и год спустя, 19 июля 1831 г., Козловский, в присущей ему парадоксальной манере резко переменяя свое мнение, писал из Эмса неудавшемуся жениху:

Пожалуйста, не жалеете о Генриетте. <...> Висконтша вас любит, и очень любит, но и про нее сказать нельзя, как про Карамзина, что она пречувствительной породы. Писатель, а та дура, в письмах хоть бы слово о прошедшем! В Висконтше много преблагородных качеств, наприм<ер> ко мне неизменная дружба и радость быть со мною, все так же, как в Чельтенгаме, показывает порою ту твердость в привязанности, но и она целыми месяцами ко мне не писала, а писавши, наполняла бумагу пустяками. Во всей этой семье какое-то подбострастие, достигающее до бесчувственности. Что ни говори, а живши вместе, основать на таком песке все свое счастье есть вещь совершенно невозможная. Право, я бы лучше на Висконти самом женился! У него выскакивают иногда черты чувствительности италианской, которой во всей Ловельской семье не найдешь и, признайтесь, вообще в агличанах (№ 805a¹. Л. 1–1 об.).

Учитывая то, что известно о сердечной привязанности Козловского к «Висконтше», в этих строках можно прочесть скорее обиду после какой-то размолвки, которая долго не продлилась. Во всяком случае, после того как в июле 1832 г. г-жа Висконти пережила страшную трагедию: карета, в которой она ехала, опрокинулась, и погибла ее горячо любимая шестилетняя дочь Франсуаза-Элен²⁸, Козловский

²⁸ Она родилась 9 мая 1826 г. (см.: Pierrot 1994: 251).

переживал это едва ли не тяжелее, чем сама мать девочки. Что же касается дальнейших отношений «Висконтши» с Николаем Тургеневым, то из разрозненных упоминаний понятно, что графиня не прекращала попыток женить русского знакомого.

В сентябре 1831 г. Тургенев перебрался из Англии во Францию; в преддверии этого события г-жа Висконти через свою тетку уведомила его, что она очень желает, чтобы он «приехал в Париж или в Versailles (где они живут)» и что у нее есть какие-то планы, с ним связанные. Тургенев, сообщая об этом брату в письме из Лондона от 6 июля 1831 г., оценивал инициативу г-жи Висконти скептически, хотя и был благодарен за доброе мнение о себе:

Вздор! Я удивился этому участию со стороны Mme Visc<onti>, тем более, что вижу по письму ее, что она думает, что я не очень ее жалею. В сем последнем она ошибается, я не люблю ее, но противное (№ 231. Л. 26–26 об.).

Во Франции Тургенев постоянно общался с семейством Висконти, бывал в их доме в Версале; более того, в тот злополучный день, когда г-жа Висконти потеряла дочь, он ехал с ней в одном экипаже, был потрясен случившимся²⁹, а потом пытался помочь ей пережить страшный шок. В эту пору он оценивал ее душевные качества очень высоко. 14 июля 1832 г. он писал из Версаля брату:

Mme В<исконти> любила дочь свою более всего на свете. <...> Потеряв ее, она, можно сказать, осиротела. <...> Муж добрый и честный человек, но не пара для нее ни по уму, ни по характеру. Маленький сын ее³⁰ никогда не заменит ей дочери. Она очень умная и необыкновенно добрая женщина. Она не может никогда, ни за что, ни на кого сердиться (№ 231. Л. 126–126 об.)³¹.

²⁹ «Я не знаю, что на свете, кроме вашей смерти, могло бы так сильно меня поразить, как это происшествие...» – писал он брату (Тургенев 2019: 104).

³⁰ Рожденный 22 сентября 1831 г. Гюстав, отцом которого злая молва называла не кого иного, как Козловского (см.: Léger 1928: 160).

³¹ Любопытно совпадение оценки с той, какую восемью годами позже, 10 февраля 1840 г., дал г-же Висконти Бальзак в письме к Эвелине Ганской, ревновавшей писателя к «англичанке»: «Г-жа Висконти, о которой вы мне пишете, – любезнейшая женщина

Еще прежде этой трагедии в разговорах с Николаем Ивановичем Тургеневым г-жа Висконти не раз возвращалась к теме его брака. 1 февраля 1832 г. Николай Иванович писал брату из Парижа:

Когда я хотел жениться в Чельтенгаме, я открыто и без всякой утайки объявил отцу, что я был осужден в России на смерть за политические преступления, в коих, однако же, я не почитал себя виновным. <...> Отец, как вы знаете, отказал по причине, что я иностранец. Но недавно, разговаривая с Mme Visconti (сестрою невесты), я мог заметить по словам ее, что на отказ отца содействовало <sic! – В. М.> и мое положение в отношении к России. Я и тогда это подозревал. Но теперь в этом убедился (Архив 1921: 407).

13 февраля 1832 г. Николай Иванович продолжает ту же тему:

Mme Visconti весьма желала, dans le temps³², моей женитьбы с сестрою. И теперь она, конечно, готова была бы оной содействовать, хотя я и замечаю, что мое политическое положение, здесь более затруднительное, нежели в Англии, где о сих делах менее заботятся, и ей не нравится. Но, кроме доброй воли, она ни в чем содействовать не может: все препятствия в отце, на коего его дети действовать не могут, и против воли коего и они ничего не сделают, и я никогда не хотел ничего делать (Архив 1921: 410–411).

Александр Иванович отреагировал на возрождение матримониальной темы очень горячо и сообщил, что желал бы знать: «Нет ли у тебя нового предложения и надежды, при частых свиданиях с Висконти подкрепляемой? И не хотят ли с ее стороны, чтобы ты оправдался или в их глазах или в глазах публики?» (№ 350. Л. 108; письмо от 16 февраля 1832 г.).

Параллельно уже в начале 1832 г. в письмах Александра Ивановича начинает мелькать имя мадемуазель Виарис как потенциальной невесты. 11 января 1832 г. он пишет брату из Москвы:

бесконечной, замечательной доброты и изысканной, элегантнои красоты...» (Balzac 1990: 505).

³² В свое время (*фр.*).

Уж я опять думал, не слишком ли ты уединяешься и не слишком ли мало пользуешься рассеянностями Парижа? <...> Твои частые поездки в Версаль опять дают мне какую-то надежду, но ты сам ни слова об этом не пишешь. – Если нет – то я поеду отыскивать M-lle Viaris (№ 350. Л. 98).

В начале февраля 1832 г. продолжает тему: «Мне нужно быть и в Швейц<арии>. И узнать, где и в каком положении та, о которой думал, думая о тебе?» (№ 350. Л. 104), а 29 февраля 1832 г. уточняет все еще из Москвы:

M-lle Viaris <...> очень хороша и почти красавица; она только очень худа была, когда я знал ее, от роста и от слабого здоровья в то время. Не знаю, как можно ее найти было не красавицею. Но мать была очень непригожа, хотя очень умна и добродетельна. Авось отыщу ее в Женеве (№ 350. Л. 111)³³.

Александр Тургенев оказался гораздо более удачливым сватом, чем князь Козловский. С английской невестой у Николая Тургенева дело не сладилось. 20 июня 1832 г. Николай Иванович сообщил брату о полученном известии, что сестра Висконти выходит замуж (см.: № 231. Л. 120 об.), а 15 августа 1832 г. Гарриет Лоуэлл в самом деле вышла замуж за генерала Уильяма Лавлейса Уолтона (1788–1865).

Что же касается Николая Тургенева, он 12 октября 1833 г. женился на «отысканной» Александром Тургеневым в Женеве Кларе Виарис (1814–1891), дочери уроженца Пьемонта Гаэтана (иногда его называют Гастоном, а Клару, на русский манер, Кларой Гастононовой) Виариса, капитана наполеоновской армии, барона Империи. С Кларой, которая родила ему четверых детей, Николай Иванович прожил в счастливом браке четыре десятка лет до самой своей

³³ Александр Тургенев познакомился с семейством Виарис в августе 1828 г. в Шотландии (см.: Тургенев 1872: 458, 460, 462), где семья Клары, в ту пору четырнадцатилетней девочки, гостила в имении лорда Минто (см.: Тургенев 2019: 249–250). В 1828 г. семейство Виарис вернулось во Францию, где сильно бедствовало. Мать Клары, Софи Виарис, урожденная фон Мальтцан Плессен, умерла в Париже в сентябре 1831 г. После этого благотворители, в числе которых была добрая знакомая А. И. Тургенева герцогиня де Брой, отправили Клару с сестрой в Женеву (см.: Wics 1968: 217).

смерти³⁴, а Александр Иванович, как и обещал в 1830 г., остался холостяком, доставлял брату средства к существованию и считал его семью своей.

В 1834 г. Александр Иванович был «высочайше назначен для производства в иностранных государствах ученых изысканий, до российской истории относящихся» (официальный предлог, счастливо совпавший с собственными научными пристрастиями старшего Тургенева; см.: Хохлова 2022: 6), и благодаря этому получил право по несколько лет жить во Франции рядом с братом и его семьей; этому его пребыванию в Париже мы обязаны уникальными очерками французской культурной и литературной жизни, которые он при жизни публиковал в русских журналах и которые стараниями М. И. Гиллельсона были изданы в 1964 г. в серии «Литературные памятники» под названием «Хроника русского», впервые присвоенном тургеневским эпистолярным отчетам в пушкинском «Современнике».

А если бы Николай Иванович женился на Гарриет Лоуэлл и остался жить в Англии?!

³⁴ Гаэтан Виарис (1783–1859), наследник знатного пьемонтского рода Виарицио де Лесеньо, с начала XIX в. переселившегося во Францию, в 1821 г. был причастен к революции в Турине, а затем, после поражения восставших, вынужден был покинуть Сардинское королевство. «Пьемонтский изгнанник, подобно ему <Н. Тургеневу> лишенный отечества и, сверх того <...>, лишенный при старости всех средств к жизни» (Свербеев 2014: 491), насколько известно, никаких возражений против брака своей дочери с российским изгнанником не имел. Во всяком случае, Александр Иванович Тургенев в письмах к Вяземскому упоминает только о бюрократических трудностях, препятствовавших свадьбе. Кроме того, Тургеневу был закрыт доступ в русские посольские церкви, помещения которых считались российской территорией, и ему пришлось обратиться «для совершения над ним таинства к греческому иеромонаху, временно пребывавшему в Женеве» (Свербеев 2014: 492). Тем не менее в предисловии экономиста И. Блюмина к переизданию «Теории налогов» Н. И. Тургенева (1818) в 1937 г. читаем: «Ее <Клары> отец не хотел выдать дочь за Тургенева, под тем предлогом, что он “беглец”, политический преступник. Но Тургеневу удалось наконец уломать старика» (Тургенев 1937: XII). Не совсем ясно, простой ли это домысел автора предисловия или – что менее вероятно – искаженный отзыв известий о сопротивлении другой свадьбе со стороны другого отца.

СОКРАЩЕНИЕ

ПД – Пушкинский Дом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив 1921. Архив братьев Тургеневых: 1911–1921. Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814–1833 гг. / Под ред. и с примечаниями Н. К. Кульмана. СПб.: Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук.
- Бальзак 1986. Бальзак в воспоминаниях современников / Сост., вступительная ст. И. Лилеевой. Комментарии и указатели И. Лилеевой, В. Мильчиной. М.: Художественная литература.
- Вяземский П. А. кн. 1882. Полн. собр. соч.: В 12-ти тт. Т. 7: Литературные, критические и биографические очерки. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Дубровин Н. 1902. Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам. – Русская старина. 1902. № 4. С. 45–119.
- Жихарев С. П. 1934. Записки современника: В 2-х тт. Т. 2 / Ред., комментарии и вступительная ст. С. Я. Штрайха. М.; Л.: Academia.
- Жуковский В. А. 1895. Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: Русский архив.
- Ларионова Е. О. 2019. Тургенев Николай Иванович. – Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 6. М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия; Нестор-История. С. 331–334.
- Мильчина В. А. 2019. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М.: Новое литературное обозрение.
- Свербеев Д. Н. 2014. Мои записки. М.: Наука.
- Тургенев А. И. 1872. Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг: Ф. А. Брокгауз.
- Тургенев А. И. 1989. Политическая проза / Сост., подготовка текста, вступительная ст. и примечания А. Л. Осповата. М.: Советская Россия.
- Тургенев А. И. 2019. Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenew und Vasilij A. Žukovskij 1830–1845 / Hrsg. H. Siegel, A. Lauhus. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag.
- Тургенев Н. И. 1901. Николай Иванович Тургенев в письмах к своим братьям. – Русская старина. № 5. С. 235–275.

- Тургенев Н. И. 1937. Опыт теории налогов. 3-е изд. М.: Государственное социально-экономическое издательство.
- Тургенев Н. И. 2001. Россия и русские / Пер. с фр. и ст. С. В. Житомирской. Комментарии А. Р. Курилкина. М.: ОГИ.
- Хохлова Н. А. 2022. Неизвестный автограф А. С. Пушкина – пометы на «Хронике русского» А. И. Тургенева. – Русская литература. № 2. С. 5–27.
- Шёнле А. 2021. Эмоциональная, моральная и идеологическая амбивалентность изгнания: Николай Тургенев и перформанс политической эмиграции. – Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020) / Под ред. М. Рубинс. М.: Новое литературное обозрение. С. 52–89.
- Balzac, H. de. 1990. *Lettres à Madame Hanska*. T. 1. Paris: Robert Laffont.
- Balzac, H. de. 1964. *Correspondance*. T. 3. Paris: Classiques Garnier.
- Balzac, H. de. 1969. *Correspondance*. T. 5. Paris: Classiques Garnier.
- Lagny, J. 1978. Sur les Guidoboni-Visconti. – *Année balzacienne*. Paris: Garnier frères. P. 97–111.
- Lecerclé, F. 1982. Innocenzo ringhieri et le petrarquisme. – *Les jeux à la Renaissance: actes du XXIII^e Colloque international d'études humanistes* / Ed. F. Ariès, J.-Cl. Margolin. Paris: Vrin. P. 185–200.
- Léger, Ch. 1928. Balzac mis à nu et les dessous de la société romantique d'après les mémoires inédits d'un contemporain. Paris: Gaillandre.
- Pierrot, R. 1994. Balzac. Paris: Fayard.
- Wics, M. 1968. *The Italian exiles in London, 1816–1848*. Freeport; New York: Books for Libraries Press.

REFERENCES

- Arkhiv brat'ev Turgenevykh: 1911–1921*. Vol. 6, *Perepiska Aleksandra Ivanovicha Turgeneva s kn. Petrom Andreevichem Viazemskim*. Pt. 1, 1814–1833 gg. Edited and annotated by N. K. Kul'man. Saint Petersburg: Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti Rossiiskoi Akademii nauk, 1921.
- Balzac v vospominaniiakh sovremennikov*. Edited and prefaced by I. Lileeva. Annotated by I. Lileeva and V. Mil'china. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986.
- Balzac, H. de. *Lettres à Madame Hanska*. Vol. 1. Paris: Robert Laffont, 1990.
- . *Correspondance*. Vol. 3. Paris: Classiques Garnier, 1964.

- . *Correspondance*. Vol. 5. Paris: Classiques Garnier, 1969.
- Dubrovin, N. “Vasilii Andreevich Zhukovskii i ego otnosheniia k dekabristam.” *Russkaia starina* 4 (1902): 45–119.
- Khokhlova, N. A. “Neizvestnyi avtograf A. S. Pushkina – pomety na ‘Khronike russkogo’ A. I. Turgeneva.” *Russkaia literatura* 2 (2022): 5–27.
- Lagny, J. “Sur les Guidoboni-Visconti.” In *Année balzacienne*, 97–111. Paris: Garnier frères, 1978.
- Larionova, E. O. “Turgenev Nikolai Ivanovich.” In *Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskii slovar’*. Vol. 6, 331–34. Moscow and Saint Petersburg: Bol’shaia Rossiiskaia entsiklopediia; Nestor-Istoriia, 2019.
- Lecerle, F. “Innocenzo ringhieri et le petrarquisme.” In *Les jeux à la Renaissance: Actes du XXIII^e Colloque international d’études humanistes*. Edited by F. Ariès and J.-Cl. Margolin, 185–200. Paris: Vrin, 1982.
- Léger, Ch. *Balzac mis à nu et les dessous de la société romantique d’après les mémoires inédits d’un contemporain*. Paris: Gaillandre, 1928.
- Mil’china, V. A. *Khroniki postsovetskoi gumanitarnoi nauki: Bannye, Lotmanovskie, Gasparovskie i drugie chteniia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Pierrot, R. *Balzac*. Paris: Fayard, 1994.
- Pis’ma Aleksandra Ivanovicha Turgeneva k Nikolaiu Ivanovichu Turgenevu*. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1872.
- Schönle, A. “Emotsional’naia, moral’naia i ideologicheskaia ambivalentnost’ izgnaniia: Nikolai Turgenev i performans politicheskoi emigratsii.” In *Vek diaspory: Traektorii zarubezhnoi russkoi literatury (1920–2020)*. Edited by M. Rubins, 52–89. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- Sverbeev, D. N. *Moi zapiski*. Moscow: Nauka, 2014.
- Turgenev, A. I. *Politicheskaiia proza*. Edited, prefaced and annotated by A. L. Osipov. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1989.
- . *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1830–1845*. Edited by H. Siegel and A. Lauhus. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2019.
- Turgenev, N. I. “Nikolai Ivanovich Turgenev v pis’makh k svoim brat’iam.” *Russkaia starina* 5 (1901): 235–75.
- . *Opyt teorii nalogov*. 3rd ed. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo, 1937.
- . *Rossii i russkie*. Translated from the French and prefaced by S. V. Zhitomirskaia Annotated by A. R. Kurilkin. Moscow: OGI, 2001.

Viazemskii, P. A. prince. *Polnoe sobranie sochinenii*. 12 vols. Vol. 7, *Literaturnye, kriticheskie i biograficheskie ocherki*. Saint Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1882.

Wics, M. *The Italian exiles in London, 1816–1848*. Freeport and New York: Books for Libraries Press, 1968.

Zhikharev, S. P. *Zapiski sovremennika*. 2 vols. Vol. 2. Edited, prefaced and annotated by S. Ia. Shtraikh. Moscow and Leningrad: Academia, 1934.

Zhukovskii, V. A. *Pis'ma V. A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu*. Moscow: Russkii arkhiv, 1895.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»: 12–25¹

А. Л. Осповат

(Москва / Лос-Анджелес)

12–13

Я жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя в чахарду съ дворовыми мальчишками. Между тѣмъ минуло мнѣ шестнадцать лѣтъ (Глава I)².

Фраза, завершающая рассказ Петра Гринева (ПГ) о своем детстве и отрочестве, наделяет его облик еще одной чертой, которая демонстративно отсылает к комедийной традиции. Прежде всего – к реплике Митрофана: «Побегутка теперь на голубятню...» (Фон Визин 1830: 125; см.: БП. № 446: 110)³.

Обратив внимание на эту реминисценцию, автор фундаментального комментария к «Недорослю» попутно заметил, что именно «голубятни становятся местом воспитания» ПГ (Осокин 2020: 217). Такой вывод страдает излишней категоричностью. Режим повествования, избранный в «Капитанской дочке» (КД), предполагает как наличие обширных зон умолчания, реконструкция которых возможна лишь с привлечением плотно облегающего роман историко-литературного контекста, так и проведенную через все главы цепь обмолвок и недоговорок. К последним относится комментируемое место.

¹ Предыдущую публикацию заметок из этой серии см.: Осповат 2021: 303–325.

² Здесь и далее все заглавные фрагменты приводятся по журнальной публикации романа (Пушкин 1836), увидевшей свет при жизни и под контролем автора (о выборе источника текста см.: Осповат 2021: 303, прим. 2). Цитаты из романа, использованные в заметках, тоже даются по журнальной публикации, но в соответствии с нормами современной орфографии, и они выделены курсивом.

³ См. еще диалог царя Вакулы и князя Слюняя из шуто-трагедии Крылова «Подщипа, или Трумф»: «– Ты зелен еще, князь! <...> – Так я пойду на гоубятню съязю» (Крылов 2001: 260–261). Знакомство Пушкина с этой пьесой (опубликованной только в 1848 г.) удостоверено в лицейском стихотворении «Городок» (1815): «Тут вижу я – с Чернавкой / Подщипа слезы льет...».

В следующем фрагменте этой главы, осведомившись у жены, что сыну *пошел семнадцатый годок*⁴ (*Петруша родился в тот самый год, как окривела тетушка Настасья Гарасимовна*⁵), Андрей Петрович Гринев приступает к делу: «Добро» – прервалъ батюшка – «пора его въ службу. Полно ему бѣгать по дѣвичьимъ, да лазить на голусятни».

Итак, старший Гринев вносит корректив в перечень сыновних забав: *чахарда* уступила первое место *беготне по девичьим* – метафорической номинации сексуальных развлечений. Это мимо-летное замечание можно квалифицировать как один из образцов той «непроницаемой двусмысленности», которой насыщен текст КД (Жолковский 2001: 380). С равной вероятностью здесь допустимы два варианта: 1) Андрей Петрович имеет в виду реальное приобщение ПГ к воспитательной практике, характерной для помещичьих отпрысков⁶; 2) в его уста вложена фигура речи, не подразумевающая какую-либо референцию. Но так или иначе в повествование вплетен мотив, хорошо знакомый читателям:

⁴ В XVIII веке этой информацией нередко владели только матери. См. в воспоминаниях известного дипломата: «В семейных бумагах я никогда не мог отыскать моего метрического свидетельства; но, помнится, мне всегда говорили, что я родился 16 июля 1787 или 1788 [года], и даже случайно я встретил первое из этих чисел, означенное рукою моей матери, в домашнем молитвеннике» (Бутенев 1881: 5, прим.1).

⁵ *Гарасимовна* – патроним от личного имени *Гарасим*, которое возводят к украинскому произношению канонического *Герасим* (см.: Успенский 1969: 125, 182). Его производные встречаются в поэзии XVIII века (Богданович 1810: 221) и в более поздней беллетристике (Бошняк 1821: 50). Достоин интереса тот факт, что в первопечатном тексте рассказа «Муму» имя главного героя имеет форму *Гарасим* (см.: Тургенев 1854: 9 и след.).

⁶ Ко второй половине 1780-х годов относится свидетельство мемуариста, который в возрасте семнадцати лет, живя в отцовском имении, пристрастился к «обыкновенным натуральным действиям, свойственные сим летам». См.: «Девичья была под спальней батюшкиной <...>. Мне вздумалось идти к моей наставнице. <...> Батюшка почивал довольно крепко. Я тихонько прошел мимо его. Надо было возле кровати спуститься по лестнице. Лишь прошел ступеньки три, поскользнулся, упал и довольно наделал шуму. Батюшка проснулся, закричал девку, моя наставница бежит. Он спрашивает, что стучит, она отвечает – Медуза (имя дацкой собаки, живущей в горнице). Батюшка удовлетворился сим ответом, а я под именем собаки пошел с моей мастерицей. Пробыв с нею часа два, спокойно возвратился на свое место (Загряжский 1993: 92–93).

В доме осталась одна Дуня – <...> горничная по своему званию <...> – предмет частых прогулок Гаврилы Михайловича в девичью (Сенковский 1834: 70–71; см.: БП. № 459: 125).

Ср. в гротескном преломлении в «Старосветских помещиках»:

Девичья была набита молодыми и немолодыми девушками <...>. Пульхерия Ивановна почитала необходимостью держать их в доме и строго смотрела за их нравственностью. Но, к чрезвычайному ее удивлению, не проходило нескольких месяцев, чтобы у которой нибудь из ее девушек стан не делался гораздо полнее обыкновенного; тем более это казалось удивительно, что в доме почти никого не было из холостых людей, выключая разве только комнатного мальчика... (Гоголь 1835: 15; см.: Модзалевский 1934. № 15: 992).

14

– Записанъ! А мнѣ какое дѣло, что онъ записанъ? Петруша въ Петербургъ не поѣдетъ. Чему научится онъ служба въ Петербургѣ? Мотать да повѣсничать? Нѣтъ, пускай послужитъ онъ въ арміи, да потянетъ ляжку, да понюхаетъ пороху, да будетъ солдатъ, а не шаматонъ (Глава I).

Камуфлируя истинные мотивы решения Андрея Петровича (см.: Осповат 2021: 305–310), автор сообщает ему черты дворянина старой складки, твердого в моральных правилах и понятиях о фамильной чести. Пренебрежение карьерными выгодами ради служения общему благу – мотив, кочующий в полях беллетристики половины 1830-х годов. См.:

Владимир Штерне вступил в военную службу, едва достигнув юношеского возраста. Сын небогатых родителей, он имел только доброе сердце и здравый ум, образованные под влиянием отца, истинно добродетельного. «Благословение родительское да устроит твое счастье! Иди путем чести и правды – и Бог тебя не оставит!», – говорил он сыну и отправил его в далекий полк, к одному родственнику, обещавшему иметь о нем попечение (Розен 1832: 31; см. БП. № 446: 121);

Для офицеров было истинною загадкой, почему молодой граф [Кринский], с его знатностию, богатством и личными достоинствами, не служил в гвардии? <...> Он отвечал просто, что жизнь столичная не нравилась ему излишнею своею разсеянностью, и что он считал службу не средством к скорому повышению, а поприщем, открывающим случаи к истинным заслугам пред Царем и Отечеством (Сомов 1833: 48–49; см.: Модзалевский 1934. № 134: 1013);

Чтение военных книг, рассказы покойного вотчима, беседы с заслуженными корпусными офицерами – всё это вселило в меня [графа Кемского] страсть к военной службе действительной, против неприятеля. Я богат, хорошей фамилии, следственно мог поступить офицером в гвардию, и все советовали мне это сделать <...>. Только Алевтина и Прасковья Андреевна хвалили мое намерение пойти по армии (Греч 1834: 31; см.: Модзалевский 1934. № 2: 1018).

Фразеологизм *потянуть* / потереть лямку, призванный дополнительно подчеркнуть разницу между несением службы в гвардии и в армии, употреблен не вполне корректно, поскольку он применялось к любым чинам во всех воинских частях, включая элитные. См.:

[Е]го записали только простым рейтаром в новоформированную конную гвардию, где потерши, как у нас говорится, лямку, он произведен в ефрейт-капралы... (Шаховской 1834: 32; ср.: Погодин 1826: 175).

Слово *шаматон* / шематон, которое в период до середины XIX века имело значение ‘носитель щегольства’ и даже ‘денди’ (см.: Добродомов 1999; здесь же обзор предшествующих толкований), Пушкин, по всей вероятности, встретил в повести «Три жениха», опубликованной в той же журнальной книжке, что и его «Сказка о рыбаке и рыбке»:

Этот фронт, шематон, губернаторский племянничек, так закидал меня словами, что я чуть было сама не поверила, что выдаю за него Вареньку (Загоскин 1835: 85).

15–16

Въ ту же ночь прѣбхаль я въ Симбирскъ <...> (Глава I).

В этой главе действие происходит в 1772 году, когда город Симбирск, насчитывавший около десяти тысяч жителей (см.: Суперанский 1898: 5–6, 16), являлся административным центром Симбирской провинции, которая входила в состав Казанской губернии⁷. Замена второй согласной в топониме произошла в 1780 году при образовании Симбирского наместничества; в декабре 1796 г. Павел I учредил Симбирскую губернию. В «Истории Пугачевского бунта» и в КД Пушкин следует новому написанию.

Собирая материал по истории пугачевского бунта во время своего путешествия 1833 г., Пушкин пробыл в Симбирске и в имении Языковых с 9 по 14 сентября (см.: Славянский 1980: 43–52), однако о его впечатлениях нам ничего не известно. Можно лишь осторожно предположить, что обмолвка, мотивирующая симбирские приключения ПГ: *Соскуча глядеть из окна на грязный переулок*, – навеяна воспоминаниями самого автора, которые вторят свидетельствам, оставленным уроженцами этих краев. См. в мемуарах Михаила Дмитриева, побывавшего в Симбирске в 1818 году: «некрасив, однообразен и скучен внутри» (Дмитриев М. 1998: 148), – и в очерке Ивана Гончарова, где речь идет о путешествии на родину в 1835 году:

Те же, большею частью деревянные, посеревшие от времени дома и домишки <...>; те же деревянные тротуары, с недостающими досками; та же пустота и безмолвие на улицах, покрытых густыми узорами пыли (Гончаров 1954: 242)⁸.

⁷ На ту пору из девятнадцати российских губерний четырнадцать относились к «Европейской» части, пять – Казанская, Астраханская, Оренбургская, Сибирская и Иркутская – к «Азиатической» (Бюшинг 1766: 55–56; БП. № 60: 18).

⁸ Я не касаюсь здесь той интеллектуальной атмосферы города, которую, опираясь на устные рассказы Ивана Дмитриева о своем детстве (см.: Дмитриев И. 1893: 9), охарактеризовал Вяземский: «Симбирск отличался всегда пред прочими губернскими городами успехами в общежитии и светской образованности» (Вяземский 1823: IV; см.: БП. № 127: 36). Пушкин использовал рассказы Дмитриева в работе над КД, но для заключительного фрагмента главы I эта сторона городской жизни была нерелевантна.

Я остановился въ трактирѣ. <...> Вошедъ въ билліардную...

Указом Екатерины II от 9 декабря 1770 г. (ПСЗ. XIX. № 13.540: 174–175) все «гербергеры и трактиры» были разделены на четыре «номера» (категории), предоставлявшие разные формы услуг, в том числе «для увеселения приходящих» дозволялось иметь биллиарды. «Содержать стол и ночлег» имели право только трактиры «первого номера», в одном из которых, судя по дальнейшему описанию, остановились ПГ и Савельич.

17

День я кончилъ также безпутно, какъ и началъ. Мы отужинали у Аринушки. Зуринъ поминутно мнѣ подливалъ, повторяя, что надобно къ службѣ привыкать. Вставъ изъ-за стола, я чуть держался на ногахъ... (Глава I).

Долгое время, в видах академической деликатности, данный эпизод обходили молчанием – равно как и единственное суждение по этому поводу, оставленное автором первой монографии о КД:

Отужинав у Аннушки <так!>, Петр Андреевич остался таким же чистым, неиспорченным юношей, каким выехал из родительского дома (Черняев 1897: 99 и прим. 1).

Противоположная точка зрения была высказана сравнительно недавно:

The fact that the words of Grinev <...> refer to the loss of virginity is supported by the tradition (still active in Pushkin's time) of substituting references to coitus by references to eating (Utgof 2005: 234, Note 29).

Со своей стороны, замечу, что причина отъезда Зурина и ПГ к Аринушке не получает в тексте мотивировки (поужинать можно было в трактире; см. 16), и личность хозяйки, запросто принимающей не вполне трезвого знакомого вместе с незванным гостем, вызывает ассоциации сомнительного свойства. Таким образом, визит к Аринушке позволительно рассматривать в качестве начальной части того инициального обряда, который проходит ПГ, а самого Зурина – в качестве первого *вожатого*. Показательно, что

партия гусарского офицера в этом действе возобновлена в главе XIII: именно Зурин спасает *Государева кума со своею хозяйшикой*, попавших в лагерь правительственных войск, – подобно тому, как в главе VII Пугачев *милует* ПГ, стоящего под виселицей с петлей на шее в Белогорской крепости.

18

Онъ был лѣтъ сорока, росту средняго, худощавъ и широкоплечъ. Въ черной бородѣ его показывалась просѣдь... (Глава II).

Возраст *дорожного / вожатого* указан неточно. В КД, как в «Истории Пугачевского бунта», Пушкин основывался на данных, извлеченных им из «Промемории», составленной в селе Малыковка в конце 1772 г.: «... а в допросе показал, что он [Пугачев] <...> от роду 40 лет» (Пушкин 1937–1959, 9: 99). На самом деле самозванец был намного моложе – как следует из протокола допроса в Московском отделении Тайной экспедиции Сената от 4 ноября 1774 года, он родился в 1742 г.: «... ныне считает он от роду себе тридцать третьей год» (Пугачев 1997: 127). Его словесный портрет, перенесенный в КД из «Истории Пугачевского бунта» (глава II):

Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав. Черная борода его начала седеть (Пушкин 1937–1959, 9: 15), –

соответствует всем сохранившимся описаниям очевидцев. См. в том числе сообщенную Пушкину «Летопись» П. Н. Рычкова (см. Там же: 324, примеч.*) и позднейший рассказ примкнувшего к бунтовщикам Дементия Верхоланцева:

Пугачов был средняго роста, корпусный, в плечах широк, смугловат, борода окладистая, глаза черные и большие (Курмачева 1991: 216).

19

«Полтину на водку!» – сказал онъ, – «за что это? За то, что ты же изволилъ подвезти къ постоялому двору<»>? (Глава II).

Полтина – серебряная монета номиналом 50 копеек. После введения откупной системы торговли алкоголем (1765) водка стала постепенно и неуклонно дорожать: на протяжении 1770-х годов стоимость ведра «русского вина» (12 литров 300 грамм) возросла от трех до четырех рублей (см.: Томашевский 1933: 710; Мешков 1895: 183). Накаленная атмосфера в кабаках, где чарка (123 грамма, одна сотая ведра) ранее отпускалась за три копейки, красочно воссоздана в поэме Василия Майкова «Елисей, или Раздраженный Вахк» (1771):

На водку, на вино цена уж прибыла,
 Для пьяниц за алтын чарочочка мала. <...>
 При сем он указал рукой пивную чашу:
 «В нее налей ты мне анисной за алтын,
 Или я подопру тобой кабацкий тын».
 (Майков 1809: 2, 6; см.: БП. № 223: 60)

20

– Все, слава Богу, тихо, – отвѣчалъ казакъ; – только капраль Прохоровъ подрался въ банѣ съ Устиньей Негулиной за шайку горячей воды (Глава III).

Запрет на совместное посещение бань мужчинами и женщинами, наложенный еще в Соборном уложении 1551 года (здесь оно квалифицировалось как «бесчинство» – Стоглав 1862: 181)⁹, до начала XVIII века соблюдался лишь в Государевом дворе и среди боярской элиты (сводку данных см.: Вадейша 2001: 17 и 22, прим. 14). Законодательные акты на этот счет – указы Елизаветы Петровны 1743 и 1760 годов (ПСЗ. XI. № 8842: 984; XV. № 11.094: 499), а также «Устав благочиния, или полицейский», изданный Екатериной II в 1782 г. (Там же. XXI. № 15.379: 480, 484), – игнорировалось как в провинции, так и в обеих столицах, где укоренившийся обычай

⁹ По умолчанию это не касалось мыльной практики супругов, имевшей широкое распространение в провинции (см.: Терещенко 1848: 115, 183 и др.).

шокировал иноземных путешественников (см.: Массон 1996: 144–145; Миранда 2000: 61).

21

Марья Ивановна съла въ уголь и стала шить (Глава III).

Параллель – в повести «Кузьма Рошин», действие которой происходит в середине XVIII века в барском имении Олонецкой губернии:

В одном углу комнаты <...> Машинька, миловидная девушка лет семнадцати, единственная дочь Ильменевых, вышивала в пяльцах (Загоскин 1836: 18; см.: БП. № 460: 125).

Если в первопечатном тексте КД остался не устраненным разнобой в именовании *генерала Р.*¹⁰, то полное личное имя дочери коменданта везде имеет форму *Марья*. Написание *Мария*, которое встречается в сохранившихся вариантах рукописи (см. Пушкин 1937–1949, 8: 870–873 и далее), «является опиской и ничем иным»¹¹.

22

Отъ пѣсенокъ разговоръ обратился къ стихотворцамъ, и комендантъ замѣтилъ, что всѣ они люди безпутные и горькіе пьяницы... (Глава IV)

Разумеется, эта аттестация отражает не собственные наблюдения капитана *Миронова*, но весьма устойчивое мнение, которое ко времени действия КД сформировалось не без активного содействия «ирои-комических» поэм. См. в «Плачевном падении стихотворцев» Михаила Чулкова (1769):

Я от роду воды Кастальской не пивал,
И пить ее боюсь, что с ног бы не упал,

¹⁰ *Андрей Карлович и Иван Карлович* – в главе I (см.: Пушкин 1836: 48, 66, 68).

¹¹ Томашевский Б. В. Отзыв о [статье]: Нейман Б. Работа Пушкина над текстом «Капитанской дочки». – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 645. Картон 18. № 6. Л. 1.

Для подкрепления ж восторженного духа
 Мне лучше кажется российская сивуха (Майков 1809: 104)¹², –

и в поэме Василия Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх»:

Так чернь валила вся в кабак с высоких гор, <...>
 Там шли сапожники, портные и ткачи
 И зараженные собою рифмачи (Там же: 3).

Стоит принять во внимание и тот факт, что конце 1760-х годов до отдаленной провинции дошли «анекдоты о соперничестве Ломоносова с Сумароковым» (Дмитриев И. 1893: 9), т. е. отзвуки той ожесточенной полемики, по ходу которой отчетливо проявилась «тенденция уличать противника в том, что он одурел от пьянства» (Гуковский 1929: 53).

Вместе с тем возможно, что автор КД обыгрывает здесь собственную репутацию, сложившуюся в «соседних» с Болдино «губерниях». См. его письмо жене от 11 октября 1833 г.:

Знаешь ли, что обо мне говорят? Вот как описывают мои занятия: как Пушкин стихи пишет – перед ним стоит штоф *славнейшей* настойки – он хлоп стакан, другой, третий – и уж начнет писать! (Пушкин 1937–1949, 15: 87; курсив в оригинале).

23

**«Куда вы?»<,> сказалъ Иванъ Игнатьичъ, догоняя меня. <...>
 <<>Пугачъ пришелъ»** (Глава VII).

Подтекстуальная параллель – в повести Александра Крюкова «Рассказ моей бабушки»:

Спрашиваю: что сделалось? Прохожий отвечает торопливо: *Пугач пришел* – и бежит далее. *Пугач пришел!* – это слово было для меня громовым ударом (Крюков 1832: 284; курсив автора)¹³.

¹² По невыясненным обстоятельствам эта поэма, как и некоторые другие сочинения Чулкова, были переизданы в посмертном томе Василия Майкова, которым располагал Пушкин (см. 19).

¹³ Авторство «Рассказа моей бабушки» независимо друг от друга установили Н. И. Фокин (1955: 8) и Петер Бранг (Brang 1957: 17–29); последний также обследовал

Прозвание самозванца¹⁴ входит и в другое семантическое поле. Орнитоним «пугач» – «хищная птица, наивеличайшая из рода сов» (Словарь 1789–1794, 4: 1170; 6: 487), «распространенный вид филинов» (Флеров 1912: 128, прим. 40) – прочно ассоциировался с «лешим» (Даль 1882, 3: 535; Гура 1997: 568 и след.). 24 июля 1774 года архимандрит Платон (Любарский), ректор Казанской духовной семинарии, сообщил из Хлынова историку Н. Н. Бантыш-Каменскому в Москву:

Проклятый филин 12-го числа перепугал Казань, и хотя, как эхо народное уверяет, крылья ему там и подщипали, однако, видно, нетопыри его во все околичности казанские разлетевшиеся, все пути преградили, так что в этом месяце из Казани сюда ни ездовых, ни почты не бывало (Дубровин 1884: 104).

24

«Конечно»<,> отвѣчалъ Хлопуша, «и я грѣшенъ, <...> и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови»> (Глава XI).

Пролить христианскую кровь – библеизм (Деян. 4:32), ставший «частью шаблона» древнерусских воинских повестей (Прохазка 1989: 231, 234). Это выражение могло встретиться Пушкину в т. н. Львовской Летописи:

...да не проліється напрасно кровь Христіанская... (Летописец 1792: 354; см.: БП. № 220: 60; Ясинский 1941: 339–340), –

но прежде всего в «Истории Государства Российского» (ответь митрополита Филиппа Иоанну Грозному):

О Государь! Мы здесь приносим жертвы Богу, а за Олтарем льется невинная кровь Христианская (Карамзин 1821: 103–104; см.: БП. № 177: 48).

интертекстуальную связь КД с этим текстом.

¹⁴ См., например: «Как во славном городе Астрахане / Появился добрый молодец, / Добрый молодец Емельян Пугач» (Исторические песни 1971: 272).

Подтекстуальная параллель – в монологе атамана Заруцкого из драмы Кукольника:

Я сознаюсь, довольно / Я пролил Русской, Христианской крови...
(Кукольник 1834: 55; см.: БП. 1910. № 205: 55).

Другие параллели:

«Хорошо», ответил Боярин Матвеев: «быть так! <...> Войну начать не трудно; но чтоб кончить ее, сколько надобно пролить крови Христианской...<»> (Глинка 1823: 137);

[Н]иколи еще не проливал я крови Христианской, николи и капли ее не будет на голове моей!.. (Аладьин 1826: 29–30);

25

«Все это, братъ, хорошо; одно не хорошо: за чѣмъ тебя чортъ несетъ жениться? Я, честный офицеръ, не захочу тебя обманывать; повѣрь же ты мнѣ, что женидѣба блажь. Ну, куда тебѣ возиться съ женою да нянчиться съ ребятишками? Эй, плюнь<»> (Глава XIII).

Реплика Зурина – общее место т. н. офицерских повестей первой половины XIX века. См., например:

Эй брат! Так тебя женить хотят? пустое! не слушайся: на кой чорт тебе жена? Теперь ты отличный служивый, лихой товарищ, а женишься – и в тебе проку не будет, как в нашем Майоре Крилицыне, всегда окруженного детками, кормилицами, няньками – всего вздору не сочтешь! (Розен 1832: 34–35).

«Очевидно, что неформульное понимание выражения “честный офицер” вносило бы в дружеский совет ненужный пафос...», но между тем «в языке первой половины XIX века бытовала заверительная формула, кратчайшим вариантом которой было брахиологическое по духу “честный человек (офицер)”. Возможно, что произнесение этих выражений сопровождалось подходящей жестикуляцией...» (Гаврилов 1982: 194–195).

Параллели:

Мне совестно, как честный офицер... («Горе от ума», действ. I, явл. 5);

[Я] говорю <...> как честный человек: Софья не годится тебе (Погодин 1826: 175; см.: БП. № 457: 123).

СОКРАЩЕНИЯ

БП – Модзалевский Б. Библиотека Пушкина (Библиографическое описание). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. I–XLV. СПб.: Типография II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии.

БИБЛИОГРАФИЯ

Аладьин Е. 1826. Тысяча вторая ночь. – Невский альманах на 1827 год / Издано Е. Аладьиным. СПб.: В Тип. Департамента Народного Просвещения. С. 2–46.

Богданович И. Ф. 1810. Собр. соч. и переводов / Собрано и издано П. Бекетовым. Ч. 2. М.: В типографии издателя.

[Бошняк А. К.] 1821. Торжество воспитания: Быль. – Отечественные Записки. Ч. V. № 9. С. 40–80.

Бутенев А. П. 1881. Воспоминания. – Русский архив. № 5. С. 5–84.

Бюшинг А. Ф. 1766. Д[октора] А. Ф. Бишинга <так> из Сокращенной его Географии три главы <...>. / Пер. с нем. И. Долинского. М.: Печатаны при Императорском Московском Университете.

Вадейша М. Г. 2001. Драма о бане (К конструированию образа «неверного» царя в исторической песне). – Труды Факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Вып. 1. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 12–25.

[Вяземский П. А., князь] 1823. Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева. – Дмитриев И. И. Стихотворения. Изд. 6-е, исправленное и уменьшенное. Ч. I. СПб.: В типографии Н. Греча. С. I–LII.

Гаврилов А. К. 1982. «Честный человек»: Об одной реплике в повести Тургенева «Бретер». – И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества. Л.: «Наука». Ленинградское отделение. С. 192–199.

Глинка С. 1823. Русская история. Изд. 3-е, вновь дополненное. Ч. 6. М.: В Университетской типографии.

- Гоголь Н. 1835. Старосветские помещики. – Гоголь Н. Миргород. Повести, служащие продолжением *Вечеров на хуторе близ Диканьки*. Ч. 1. СПб.: В Типографии Департамента Внешней Торговли. С. 1–55.
- Гончаров И. А. 1954. На родине. – Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 224–315.
- Греч Н. 1834. Черная женщина. Ч. I. СПб.: В типографии Н. Греча.
- Гуковский Гр. 1929. О русском классицизме. – Поэтика: Временник Отдела словесных искусств ГИИИ. [Вып.] V. Л.: Academia. С. 21–65.
- Гура А. В. 1997. Символика животных в славянской народной традиции. М.: «Индрик».
- Даль В. 1882. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 2-е. Т. III. СПб: Издание М. О. Вольфа.
- Дмитриев И. И. 1893. Взгляд на мою жизнь. – Дмитриев И. И. Сочинения / Ред. и примечания А. А. Флоридова. Т. II. СПб.: Издание Евг. Евдокимова. С. 1–167.
- Дмитриев М. 1998. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и примечания К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой. Вступительная ст. К. Г. Боленко и Е. Э. Ляминой. М.: Новое литературное обозрение.
- Добродомов И. Г. 1999. Двадцать лет спустя (О слове *шаматон* из «Капитанской дочки»). – Статьи о Пушкине: К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина / Под ред. В. И. Коровина. М.: «Прометей». С. 283–312.
- Дубровин Н. 1884. Пугачев и его сообщники: Эпизод из царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774. Т. III. СПб.: Типография И. Н. Скороходова.
- Жолковский А. К. 2001. Очные ставки с властителем: Из истории одной «пушкинской» парадигмы. – Пушкинская конференция в Стэнфорде: 1999. Материалы и исследования / Под ред. Д. М. Бетеа, А. Л. Осповата, Н. Г. Охотина, Л. С. Флейшмана. М.: ОГИ. С. 366–401.
- Загоскин М. 1835. Три жениха. – Библиотека для Чтения. Т. X. Отд. 1. С. 25–103.
- Загоскин М. 1836. Кузьма Рощин, истинное происшествие. – Библиотека для Чтения. Т. XVI. Отд. 1. С. 17–105.
- Загряжский М. П. 1993. Записки (1770–1811) / Публикация В. М. Боковой. – Лица: Биографический альманах. [Вып.] 2. М.; СПб.: Феникс; Athenaeum. С. 81–175.

- Ист. песни 1971. Исторические песни XVIII века / Изд. подготовили О. Б. Алексеева, Л. А. Емельянов. Л.: «Наука». Ленинградское отделение.
- Карамзин Н. М. 1821. История Государства Российского. Изд. 2-е, исправленное. Т. IX. СПб.: В типографии Н. Греча.
- Крылов И. А. 2001. Полн. собр. драматических сочинений / Сост., вступительная ст., комментарии Л. Н. Киселевой. СПб.: «Гиперион».
- К[рюков] А. 1832. Рассказ моей бабушки. – Невский альманах на 1832 год / Изд. Е. Аладьиным. СПб.: Типография Академии Наук. С. 250–332.
- К[укольник] Н. 1835. Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский: Драма в пяти актах <...>. СПб.: В типографии вдовы Плюшар с сыном.
- Курмачева М. Д. 1991. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М.: «Наука».
- Летописец 1792. Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины Царя Иоанна Васильевича / Издал Н. Л<ьвов>. СПб.: В типографии Горного училища.
- Майков В. 1809. Сочинения <...>. СПб.: Печатано при I-м Кадетском корпусе.
- Массон Ш. 1996. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I <...> / Вступительная ст. Е. Э. Ляминой и А. М. Пескова. Подготовка текста и комментарии Е. Э. Ляминой и Е. Е. Пастернак. М.: Новое литературное обозрение.
- Мешков И. И. 1905. Записки. – Русский архив. № 6. С. 177–242.
- Миранда Ф. де 2000. Российский дневник: Москва – Санкт-Петербург / Пер. с исп. В. А. Капанадзе и Е. Ф. Толстой. М.: «Наука».
- Модзалевский Л. 1934. Библиотека Пушкина: Новые материалы. – Литературное наследство. Т. 16/18. М.: Журнально-газетное объединение. С. 985–1024.
- Осокин М. Ю. 2020. Комический театр г-на Фонвизина. «Недоросль»: Комментарий. Изд. 2-е. М.: Издательский Дом ЯСК.
- Осват А. Л. 2021. Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (9–11). – Slavica Revalensia. Vol. VIII. С. 303–325.
- Погодин М. 1826. Как аукнется, так и откликнется. – Урания, карманная книжка на 1826 год <...> / Изд. М. Погодиным. М.: Типография С. Селивановского. С. 156–190.

- Прохазка Е. А. 1989. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей. – Труды Отдела древнерусской литературы [ИРЛИ РАН]. Т. XLII. Л.: «Наука». С. 228–240.
- Пугачев 1997. Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов и материалов / Ответственный исполнитель Р. В. Овчинников. М.: «Языки русской культуры».
- [Пушкин А.] 1836. Капитанская дочка. – Современник. Т. IV. С. 42–215.
- Пушкин А. С. 1937–1949. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.:] Издательство АН СССР.
- Розен [Е. Ф., барон] 1832. Очистительная жертва. – Альциона. Альманах на 1832 год / Изд. бароном Розеном. СПб.: В Военной типографии Главного Штаба. С. 31–112.
- Сенковский О. И. [Барон Брамбеус] 1834. Висячий гость, происшествие неправдоподобное, потому что истинное. – Библиотека для Чтения. Т. VI. Отд. I. С. 68–87.
- Славянский Ю. Л. 1980. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань: Татарское книжное издательство.
- Словарь Академии Российской 1789–1794. Словарь Академии Российской: В 6-ти чч. СПб.: При Императорской Академии Наук.
- Сомов О. 1833. Эпиграф вместо заглавия. – Комета Бель: Альманах на 1833 год. СПб.: В типографии вдовы Плюшар с сыном. С. 44–152.
- Стоглав 1862. Казань: В типографии Губернского правления.
- Суперанский М. Ф. 1898. Симбирск и его прошлое (1648–1898 гг.): Исторический очерк. Симбирск: Типо-литография А. Т. Токарева.
- Терещенко А. 1848. Быт русского народа. Ч. II. СПб.: В типографии Военно-учебных заведений.
- Томашевский Б. В. 1933. Примечания. – Ирои-комическая поэма / Ред. и примечания Б. Томашевского. Л.: Издательство писателей в Ленинграде. С. 701–751.
- Тургенев Ив. 1854. Муму. – Современник. Т. XLIV. № 3. Отд. I. С. 9–36.
- Успенский Б. А. 1969. Из истории русских канонических имен: История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам. М.: Издательство Московского государственного университета.
- Флеров А. 1912. Примечания. – Пушкин А. С. Капитанская дочка. Одесса: Типография «Порядок».

- Фокин Н. И. 1955. Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Автореферат диссертации <...> кандидата филологических наук. Л.: Издательство Ленинградского государственного университета.
- Фон Визин Д. И. 1830. Полн. собр. соч.: В 4-х чч. Ч. I. М.: В типографии С. Селивановского.
- Черняев Н. И. 1897. «Капитанская дочка» Пушкина: Историко-критический этюд. М.: Университетская типография.
- Шаховской А. [кн.] 1834. Нечаянная свадьба: Московская быль, рассказ молодого полковника К... Д... – Библиотека для Чтения. Т. II. Отд. I. С. 32–48.
- Ясинский Я. И. 1941. Из истории работы Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве». – Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Т.] 6. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 338–374.
- Brang, P. 1957. *Puškkin und Krjukov*. Berlin: Otto Harrassowitz.
- Utgof, G. 2005. An Approach to *The Captain's Daughter*. – *Slavica Gandensia*. Vol. 32. P. 227–243.

REFERENCES

- Alad'in, E. "Tysiacha vtoroia noch'." In *Nevskii al'manakh na 1827 god*. Published by E. Alad'in, 2–46. Saint Petersburg: V Tip. Departamenta Narodnogo Prosveshcheniia, 1826.
- Bogdanovich, I. F. *Sobranie sochinenii i perevodov*. Collected and published by P. Beketov. Pt. 2. Moscow: V tipografii izdatelia, 1810.
- [Boshniak, A. K.] "Torzhestvo vospitaniia: Byl'." *Otechestvennye Zapiski*. Vol. 5, no. 9 (1821): 40–80.
- Brang, P. *Puškkin und Krjukov*. Berlin: Otto Harrassowitz, 1957.
- Büsching, A. F. *D[oktora] A. F. Bishinga [sic!] iz Sokrashchennoi ego Geografii tri glavy [...]*. Translated from the German by I. Dolinskii, 2–46. Moscow: Pechatany pri Imperatorskom Moskovskom Universitete, 1766.
- Butenev, A. P. "Vospominaniia." *Russkii arkhiv* 5 (1881): 5–84.
- Cherniaev, N. I. "*Kapitanskaia dochka*" *Pushkina: Istoriko-kriticheskii etiud*. Moscow: Universitetskaia tipografia, 1897.
- Dal' V. *Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka*. 2nd ed. Vol. 3. Saint Petersburg: Izdanie M. O. Vol'fa, 1882.
- Dmitriev I. I. "Vzgliad na moiu zhizn'." In *Sochineniia*, by I. I. Dmitriev. Edited and annotated by A. A. Floridov. Vol. 2, 1–167. Saint Petersburg: Izdanie Evg. Evdokimova, 1893.

- Dmitriev, M. *Glavy iz vospominanii moei zhizni*. Edited and annotated by K. G. Bolenko, E. E. Liamina, T. F. Neshumova. Prefaced by K. G. Bolenko and E. E. Liamina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
- Dobrodomov, I. G. "Dvadsat' let spustia (O slove shamaton iz 'Kapitanskoi dochki')." In *Stat'i o Pushkine: K 200-letiiu so dnia rozhdeniia A. C. Pushkina*. Ed. by V. I. Korovin. Moscow: "Prometheus," 1999. S. 283–312.
- Dubrovin, N. *Pugachev i ego soobshchniki: Epizod iz tsarstvovaniia imperatritsy Ekateriny II. 1773–1774*. Vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiia I. N. Skorokhodova, 1884.
- Emel'ian Pugachev na sledstvii: Sbornik dokumentov i materialov*. Edited by R. V. Ovchinnikov. Moscow: "Iazyki russkoi kul'tury," 1997.
- Flerov, A. "Primechaniia." In *Kapitanskaia dochka* by A. S. Pushkin. Odessa: Tipografiia "Poriadok," 1912.
- Fokin, N. I. *Roman A. S. Pushkina "Kapitanskaia dochka"*. Unpublished PhD dissertation. Leningrad: Leningrad State University, 1955.
- Fon Vizin, D. I. *Polnoe sobranie sochinenii*. 4 vols. Pt. I. Moscow: V tipografii S. Selivanovskogo, 1830.
- Gavrilov, A. K. "'Chestnyi chelovek': Ob odnoi replike v povesti Turgeneva 'Breter'." In *I. S. Turgenev: Voprosy biografii i tvorchestva, 192–99*. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1982.
- Glinka, S. *Ruskaia istoriia*. 3rd newly rev. ed. Pt. 6. Moscow: V Universitetskoii tipografii, 1823.
- Gogol', N. "Starosvetskie pomeschchiki." In *Mirgorod. Povesti, sluzhashchie prodolzheniem Veчерov na khutore bliz Dikan'ki* by N. Gogol. Pt. 1, 1–55. Saint Petersburg: V Tipografii Departamenta Vneshnei Torgovli, 1835.
- Goncharov, I. A. "Na rodine." *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 7, 224–315. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1954.
- Grech, N. *Chernaia zhenshchina*. Pt. 1. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha, 1834.
- Gukovskii, Gr. "O russkom klassitsizme." In *Poetika: Vremennik Otdela slovesnykh iskusstv GIII*. [Vol.] 5, 21–65. Leningrad: Academia, 1929.
- Gura, A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavianskoi narodnoi traditsii*. Moscow: "Indrik," 1997.
- Iasinskii, Ia. I. "Iz istorii raboty Pushkina nad leksikoi 'Slova o polku Igoreve'." In *Pushkin: Vremennik Pushkinskoi komissii*. Vol. 6, 338–74. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941.

- Istoricheskie pesni 18 veka*. Edited by O. B. Alekseeva and L. A. Emel'ianov. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1971.
- Karamzin, N. M. *Istoriia Gosudarstva Rossiiskogo*. 2nd rev. ed. Vol. 9. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha, 1821.
- K[riukov], A. "Rasskaz moei babushki." *Nevskii al'manakh na 1832 god*. Published by E. Alad'in, 250–332. Saint Petersburg: Tipografia Akademii Nauk.
- Krylov, I. A. *Polnoe sobranie dramaticheskikh sochinenii*. Edited, prefaced and annotated by L. N. Kiseleva. Saint Petersburg: "Giperion," 2001.
- K[ukol'nik], N. N. *Kniaz' Mikhail Vasil'evich Skopin-Shuiskii: Drama v piati aktakh [...]*. Saint Petersburg: V tipografii vdovy Pluchard s synom.
- Kurmacheva, M. D. *Goroda Urala i Povolzh'ia v krest'ianskoi voine 1773–1775 gg*. Moscow: "Nauka," 1991.
- Letopisets Ruskoi ot prishestviia Rurika do konchiny Tsaria Ioanna Vasil'evicha*. Published by N. L[ivov]. Saint Petersburg: V tipografii Gornogo uchilishcha, 1792.
- Maikov, V. *Sochineniia [...]*. Saint Petersburg: Pечатано pri 1-m Kadetskom korpuse, 1809.
- Masson, Ch. *Sekretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniia Ekateriny II i Pavla I [...]* Prefaced by E. E. Liamina and A. M. Peskov. Edited and annotated by E. E. Liamina and E. E. Pasternak. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996.
- Meshkov, I. I. "Zapiski." *Russkii arkhiv* 6 (1905): 177–242.
- Miranda, F. de. *Rossiiskii dnevnik: Moskva–Sankt-Peterburg*. Translated from the Spanish by V. A. Kapanadze i E. F. Tolstaia. Moscow: "Nauka," 2000.
- Modzalevskii, L. "Biblioteka Pushkina: Novye materialy." In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 16/18, 985–1024. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe ob'edinenie, 1934.
- Osokin, M. Iu. *Komicheskii teatr g-na Fonvizina. "Nedorosl": Kommentarii*. 2nd ed. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK, 2020.
- Ospovat, A. L. "Iz materialov dlia kommentariia k 'Kapitanskoi dochke' (9–11)." *Slavica Revalensia* 8 (2021): 303–25.
- Pogodin, M. "Kak auknetsia, tak i otkliknetsia." In *Uraniia, karmannaia knizhka na 1826 god [...]*. Published by M. Pogodin, 156–90. Moscow: Tipografia S. Selivanovskogo, 1826.

- Prokhazka, E. A. "O roli 'obshchikh mest' v opredelenii zhanra drevnerusskikh voinskikh povestei." In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury [IRLI RAN]*. Vol. 42, 228–40. Leningrad: "Nauka," 1989.
- [Pushkin, A.] "Kapitanskaia dochka." *Sovremennik* 4 (1836): 42–215.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad:] Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1949.
- Rosen, [E. F., baron]. "Ochistitel'naia zhertva." In *Alcyone: Al'manakh na 1832 god*. Edited by baron [E. F.] Rosen, 31–112. Saint Petersburg: V Voennoi tipografii Glavnogo Shtaba, 1832.
- Senkovskii, O. I. [Baron Brambeus]. "Visiachii gost', proisshestvie nepravdopodobnoe, potomu chto istinnoe." *Biblioteka dlia Chteniia* 6, no. 1 (1834): 68–87.
- Shakhovskoi A. [prince]. "Nechaiannaia svad'ba: Moskovskaia byl', rasskaz molodogo polkovnika K... D..." *Biblioteka dlia Chteniia* 2, no. 1 (1834): 32–48.
- Slavianskii, Iu. L. *Poezdka A. S. Pushkina v Povolzh'e i na Ural*. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1980.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi*. 6 vols. Saint Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1789–1794.
- Somov, O. "Epigraf vmesto zaglaviia." In *Kometa Bely: Al'manakh na 1833 god*, 44–152. Saint Petersburg: V tipografii vdovy Pluchard s synom, 1833.
- Stoglav*. Kazan': V tipografii Gubernskogo pravleniia, 1862
- Superanskii, M. F. *Simbirsk i ego proshloe (1648–1898 gg.): Istoricheskii ocherk*. Simbirsk: Tipo-litografiia A. T. Tokareva, 1898.
- Tereshchenko, A. *Byt russkogo naroda*. Pt. 2. Saint Petersburg: V tipografii Voenno-uchebnykh zavedenii, 1848.
- Tomashevskii, B. "Primechaniia." In *Iroi-komicheskaia poema*. Edited B. Tomashevskii, 701–51. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1933.
- Turgenev, Iv. "Mumu." *Sovremennik* 44, no 3 / 1 (1854): 9–36.
- Uspenskii, B. A. *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen: Istoriia udareniiia v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, 1969.
- Utgof, G. "An Approach to *The Captain's Daughter*." *Slavica Gandensia* 32 (2005): 227–43.
- Vadeisha, M. G. "Drama o bane (K konstruirovaniiu obraza 'nevernogo' tsaria v istoricheskoi pesne." In *Trudy Fakul'teta etnologii Evropeiskogo universiteta v*

- Sankt-Peterburge*. Vol. 1, 12–25. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2001.
- [Viazemskii, P. A., prince]. “Izvestie o zhizni i stikhotvorenniakh Ivana Ivanovicha Dmitrieva.” In *Stikhotvorenniia* by I. I. Dmitriev. 6th rev. and abridged edition. Pt. 1, I–LII. Saint Petersburg: V tipografii N. Grecha, 1823.
- Zagoskin, M. “Tri zhenikha.” *Biblioteka dlia Chteniia* 10, no. 1 (1835): 25–103.
- . “Kuz'ma Roshchin, istinnoe proisshestvie.” *Biblioteka dlia Chteniia* 16, no. 1 (1836): 17–105.
- Zagriazhskii, M. P. “Zapiski (1770–1811).” Published by V. M. Bokovaia. In *Litsa: Biograficheskii al'manakh*. [Vol.] 2, 81–175. Moscow and Saint Petersburg: Phoenix; Atheneum, 1993.
- Zholkovsky, A. K. 2001. “Ochnye stavki s vlastitelem: Iz istorii odnoi ‘pushkinskoi’ paradigmy.” In *Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde: 1999. Materialy i issledovaniia*. Edited by D. M. Bethea, A. L. Ospovat, N. G. Okhotin, L. S. Fleishman, 366–401. Moscow: OGI.

«ВЕЛЬМОЖА» И. А. КРЫЛОВА: ЖАНР, ИСТОЧНИКИ, ДАТИРОВКА

Е. Э. Лямина, Н. В. Самовер
(Москва)

В итоговое издание своих басен, выпущенное им в 1843 г., Крылов включил 198 текстов. Книгу он открыл, как делал уже неоднократно, «Вороной и Лисицей», а завершил «Вельможей», одним из поздних своих сочинений, увидевших свет в периодике середины – второй половины 1830-х гг.:

Какой-то, в древности, вельможа
С богато убранного ложа
Отправился в страну, где царствует Плутон.
Сказать простее, – умер он
И, так, как встарь велось, в аду на суд явился.
Тотчас допрос ему: – «Чем был ты? где родился?»
«Родился в Персии, а чином был сатрап;
Но, так как, живучи, я был здоровьем слаб,
То сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил». –
«Что ж делал ты?» – «Пил, ел и спал,
Да все подписывал, что он ни подавал». –
«Скорей же в рай его!» – «Как! где же справедливость?»
Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
– «Эх, братец!» отвечал Эак:
«Не знаешь дела ты никак.
Не видишь, разве, ты? Покойник – был дурак!
Что, если бы с такою властью
Взялся он за дела, к несчастью?
Ведь погубил бы целый край!..
И ты б там слез не обобрался!
Затем-то и попал он в рай,

Что за дела не принимался». –
Вчера я был в суде, и видел там судью:
Ну, так и кажется, что быть ему в раю!
(Крылов 1843: 325–326)

Снабженный при первой публикации в январе 1836 г. подзаголовком «Басня», а в 1843-м поставленный в ряд других басен на символическую замыкающую позицию¹, «Вельможа» имеет, как мы намерены показать, более сложную жанровую природу.

Специального изучения этот текст Крылова никогда не удостоивался и вниманием комментаторов не избалован. Разборы его в лучшем случае ограничиваются указанием на параллели в сатирической прозе Крылова и в басне 1808 г. «Оракул». Попыток соотнести «Вельможу» с каким-то конкретным «случаем» не делалось. А. П. Могиланский, составитель научного издания басен Крылова, по сей день остающегося наиболее авторитетным, датирует «Вельможу» концом 1833 – началом 1834 г. (см.: Могиланский 1956: 559). Ученый опирался на крыловские черновики, вообще крайне трудно поддающиеся хронологической привязке и всегда оставляющие простор для сомнений.

Между тем обзор исторического и литературного контекста позволяет выдвинуть гипотезу о том, какой «случай» вызвал к жизни эту басню, т. е. уточнить датировку, а также проследить ее связи с другими текстами.

1. Начитанному современнику достаточно было взглянуть на название басни Крылова, чтобы вспомнить одноименную оду Г. Р. Державина. В его «Вельможе» подвергается осуждению «второй Сарданапал», проводящий жизнь в праздности и пирах. Там же дано классическое определение вельможи-гражданина, которое многие помнили наизусть:

¹ «Вельможа» завершал и весь том, и девятую книгу басен – новую, добавленную в этом последнем издании к классическому восьмикнижию, которое тиражировалось А. Ф. Смирдиным с 1830 по 1840 г. по условиям контракта с Крыловым.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть – польза, слава, честь.
(Державин 1864: 629)

Завершенная в 1794 г., ода несколько лет распространялась в списках: прозрачные намеки на конкретных «сильных» лиц екатерининского царствования делали ее публикацию невозможной. «Вельможа» был напечатан только в 1798 г., уже при Павле I², и сразу стал образцом высокой сатиры гражданского толка.

Прямая отсылка к этому тексту в заглавии крыловской басни – знак именно этого, сатирического модуса. Но, как ни парадоксально, она же служит маскировкой, препятствующей считыванию возможного злободневного подтекста. К 1830-м гг. аллюзии на личности, которые видели в «Вельможе» читатели 1790-х, по большей части стерлись, а значит, державинская сатира стала выглядеть скорее общеморальной.

Аналогичное впечатление, на первый взгляд, производит и нарочито стилизованная басня Крылова. Причудливое, во вкусе минувшего века, смешение персонажей и эпох: древняя Персия, вельможа, сатрап, чин, античные боги, христианский рай, российский суд, – сбивая с толку, не позволяет соотнести происходящее в тексте с современностью. В том же ряду и оборот «сказать простее» – не случайный архаизм, а тонко рассчитанная краска, отблеск языка XVIII столетия³, и элементы такого жанра, как «разговоры в царстве мертвых», в русской традиции канонизированного еще Сумароковым (см.: Исаченко 2014). Впрочем,

2 Подробнее об истории публикации «Вельможи» см.: Державин 1864: 622–635.

³ Ср.: «Которые машины простее, те и лучше» (САР 1793: 1091). Во втором издании словаря (САР 1822) эта форма уже не фиксируется.

скрываясь в монументальной тени Державина, Крылов ведет с ним лукавый диалог, и если поэт «золотого века» в конце концов обрушивает на своего Сарданапала громы небесные, то крыловский сатрап, сообразно циничным нравам новейшего времени, удобно устраивается даже в загробной жизни.

2. 3 июня 1834 г. в Москве скоропостижно скончался В. П. Кочубей, председатель Государственного совета и Комитета министров, недавно пожалованный в государственные канцлеры «по делам внутреннего и гражданского управления» – высший чин Табели о рангах. По этому поводу А. С. Пушкин внес в дневник язвительную запись:

Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. <...> Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея нечем заменить! <...> Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, – и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф⁴ Виктор Кочубей.

Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, чорт меня убей.

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется (Пушкин 1949: 331)⁵.

В своем скепсисе Пушкин был не одинок. Если в чиновной среде Кочубея ценили, то высший свет его деловые качества не признавал и, охотно посещая его роскошные балы, злословил о надменности, расчетливости и подозрительно быстром обогащении хозяина.

Сообщение о смерти Кочубея, на удивление лаконичное и сдержанное, появилось в петербургских газетах 15 июня⁶, хотя весть

⁴ В 1831 г. Николай I возвел Кочубея в княжеское достоинство.

⁵ Недатированная запись, сделанная между 19 июня и 22 июля.

⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 137. 15 июня. С. 535; Северная пчела. 1834. № 133. 15 июня. С. 549. В «Русском инвалиде» – еще позже, 17 июня (№ 152. С. 606).

дошла до столицы еще 5-го. Эта кончина бурно обсуждалась и в связи с ее обстоятельствами (канцлер умер внезапно, вдали от дома, не причастившись и не выразив последней воли), и в связи с вниманием к ней со стороны императорской фамилии: 9 июня 87-летнюю кавалерственную даму Н. К. Загряжскую, тетку жены канцлера, посетила в Царском Селе с выражением соболезнования сама императрица. Дача Кочубеев немедленно стала объектом паломничества сочувствующих. «Смерть кн. Кочубея ужасно всех здесь поразила, – писал 6 июня брату в Москву петербургский почт-директор К. Я. Булгаков. – <...> Государь теряет в нем слугу верного, человека умного, опытного, государственного. Все сожалеют о нем. Дай бог ему царство небесное!» (Булгаков К. 1904: 421).

Тем временем в Москве разворачивались из ряда вон выходящие события. Тело Кочубея, несмотря на летнюю жару, девять дней находилось в приходской церкви, хотя его состояние уже при перенесении туда было настолько плачевным, что лицо пришлось закрыть (см.: Булгаков А. 1906: 414). Исключительно пышный и торжественный вынос в Чудов монастырь к отпеванию состоялся лишь 13 июня: ждали, когда из Петербурга будет прислан особый церемониал погребения. В соответствии с ним, в частности, за траурной колесницей шествовали чиновники разных ведомств⁷. В тот же день тело было отправлено в столицу, и наконец 21 июня в Александро-Невской лавре состоялись похороны, на которых присутствовали Николай I, наследник и великий князь Михаил Павлович. И только через два дня после погребения появился официальный некролог. 23 июня «Санкт-Петербургские ведомости» и «Северная пчела» поместили один и тот же текст⁸; в нем описывались основные вехи служебной биографии покойного и высоко оценивались его административные способности,

⁷ Описание церемонии см.: Шаликов П. И. 1834. <Без названия>. – Московские ведомости. 23 июня. № 50. С. 2404.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. 1834. № 144. 23 июня. С. 561; Северная пчела. 1834. № 140. 23 июня. С. 557–558. В «Русском инвалиде» тот же текст появился 24 июня (№ 159. С. 634).

преданность государю, любовь к отечеству, характер «чистый, правдивый и благородный».

Вся эта суета и помпа в итоге лишь усилили скептическое отношение петербургского общества к Кочубею. Тот же Пушкин после похорон внесет в свой «Table-talk» ехидное замечание «старушки Новосильцевой» насчет намерения вдовы оградить могилу решеткой: «Посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах» (Пушкин 1949: 164–165)⁹.

Невыгодные толки явно беспокоили семью канцлера, так что осенью в свет была выпущена панегирическая брошюра на французском языке, в особенности превозносившая его трудолюбие и служебное рвение, доходившее до полного самоотвержения¹⁰. Ее написал ординарный профессор французской литературы в Педагогическом институте и в Императорском Царскосельском лицее П. И. (иначе – Реми Акинфиевич) Жилле, некогда домашний учитель в семье Кочубея¹¹.

Память о неоднозначной репутации канцлера, впрочем, сохранилась у современников надолго. Так, А. М. Фадеев, хорошо знавший его по службе, в мемуарах напишет:

О Кочубее судили различно. Все почти отдавали должную справедливость его неоспоримым высоким дарованиям как государственного деятеля, но многие также указывали на его темные стороны как человека. Говорили, что он большой эгоист, что он своекорыстен; говорили, будто он всегда продавал свое вино откупщикам, а испанскую шерсть суконным фабрикантам дороже обыкновенных цен, потому что они нуждались в его покровительстве; что он обременял подчиненные ему лица

⁹ «Старушка Новосильцева» – по-видимому, Екатерина Александровна (урожд. Торсукова), 79-летняя гранд-дама. Могилы Кочубея в Духовской церкви не сохранилась; в 1940 г. его останки были перезахоронены в Лазаревской усыпальнице лавры.

¹⁰ См.: Gillet 1834 (дата под текстом брошюры – 4 июля 1834; цензурное разрешение – 20 августа; на титульном листе – « Octobre 1834 » <sic!>).

¹¹ О нем см.: Бутурлин 2006, по указателю.

поручениями по собственным делам и проч. и проч. Может быть, была здесь и доля правды, но нет людей без слабостей, а князь Кочубей покрывал их своими обширными познаниями, благотворною деятельностью и высшими административными способностями (Фадеев 1897: 68).

Собственные причины недолюбливать покойного имелись и у Крылова. Он появился в Петербурге в начале 1806 г., в разгар противостояния консервативной «русской партии» либеральным молодым друзьям императора Александра I, включая Кочубея, занявшего тогда пост министра внутренних дел. Державин, сам искушенный администратор и главный литературный авторитет круга, в который вошел Крылов, был особенно резко настроен против новшеств, вводимых людьми, «ни государства, ни дел гражданских основательно не знающими» (Державин 1871: 777).

Камнем преткновения стала замена в 1802 г. старинной системы коллегий министерствами по образцу Англии и Франции. По словам И. И. Дмитриева, «новые министерства находились под влиянием двух партий, из коих в одной господствовали служивцы века Екатерины, опытные, осторожные, привыкшие к старому ходу, нарушение коего казалось им восстанием против святыни. Другая, которой главою был граф Кочубей, состояла из молодых людей образованного ума, получивших слегка понятие о теориях новейших публицистов и налитых духом преобразований и улучшений» (Дмитриев 1866: 180).

Победа в этой борьбе осталась за младшим поколением. Державин пробыл на посту министра юстиции и генерал-прокурора чуть дольше года – с сентября 1802 по октябрь 1803 г., когда ему пришлось подать в отставку, чем и окончилась его карьера государственного деятеля. Вспоминая в записках то время, он не выбирал выражений:

<...> господа министры подыскивались во всяких безделках под Державина и его оклеветывали, а особливо граф Кочубей, потому что должность внутреннего министра по судебным местам, а

особливо по губернскому правлению, непрестанно сталкивалась с генерал-прокурорскою обязанностью, или шли так сказать смешанно, с прямого пути сбиваясь, перемогая друг друга пронырствами и ухищрениями (Державин 1871: 798–799).

По мнению Державина, А. Чарторижский, Н. Н. Новосильцев, П. А. Строганов и Кочубей были движимы «конституционным французским и польским духом», несовместимым с самодержавным правлением, и потому вся их деятельность клонилась ко вреду России (Там же: 787).

Ф. Ф. Вигель, разделявший такие настроения еще 18-летним юношей, позднее следующим образом отзывался о «лорде Кочубее»:

<...> ему было тогда не с большим тридцать лет. Он пренебрег обыкновенными ничтожными занятиями дипломатов, по большей части сплетнями хорошего тона, и хотел посвятить себя внутреннему преобразованию государства. Перед соотечественниками ему было чем блеснуть: он лучше других знал состав парламента, права его членов, прочитал всех английских публицистов и, как львенок крыловой басни, собирался учить зверей вить гнезда. Красивая наружность, иногда молчаливая задумчивость, испытующий взгляд, надменная учтивость – были блестящие завесы, за кои искусно прятал он свои недостатки, и имя государственного человека принадлежало ему, когда еще ничем он его не заслужил (Вигель 1928: 150–151).

Крылов, по-видимому, разделял общую для державинско-оленинского круга неприязнь к молодым реформаторам. Во всяком случае, в ряде его басен этого периода в том или ином виде встречается противопоставление нахальной, недалёковидной молодости и мудрой старости («Старик и трое Молодых», 1805), переусложненности и простоты («Ларчик», 1807), осуждается неумение выбирать людей для определенных задач («Музыканты», 1808).

Эта неприязнь переносилась и на креатуру Кочубея – М. М. Сперанского. В крыловой басне «Орел и Паук», написанной в 1811 г., персонаж, соотносимый со Сперанским, неслучайно именуется

Пауком¹², как в баснях Державина «Выбор министра» и «Цвет и Паук» (1808–1810).

Вигель, именовавший Сперанского «тайным недругом православия, самодержавия и Руси» и особенно дворянства, так описывал начало его возвышения:

Никто из <...> преобразователей не умел ничего написать. Сперанский предложил им искусное перо свое и, принимая вид, как будто собирает их мнения, соглашает их, приводит в порядок, действительно один составил проект учреждения министерств. <...> [О]пытность старцев и зрелых мужей презирал, уважал одну только ученость, в этом отношении на гражданском поприще равных себе не видел и с тех пор приучился ставить себя выше всех (Вигель 1928: 155).

Память о том, что дорогу Сперанскому открыл Кочубей, прочно связалась с его именем. Неслучайно в дневниковой записи о его смерти еще один консерватор, П. Г. Дивов, первым делом отмечает, что «по мысли этого председателя Государственного совета, коим руководил Сперанский, учреждены в царствование императора Александра I министерства». И далее с неизбежностью звучит вторая «кочубеевская тема»: «При вступлении на престол императора Николая возникла мысль о восстановлении коллегиальных учреждений, основанных Петром Великим; но приближенные императора и главным образом Кочубей были за сохранение министерств и настояли на своем» (Дивов 1900: 190–191).

Все это не могло пройти мимо внимания Крылова. Но еще важнее то, что в Кочубее он видел давнего и упорного недруга своего патрона А. Н. Оленина. Пик их противостояния пришелся на 1827 г., когда Кочубей стал председателем Государственного совета, а Оленин лишился поста государственного секретаря, и на его место

¹² По словам В. Ф. Кеневича, такую интерпретацию этой басни он слышал «от некоторых лиц, в том числе и от покойного Н. И. Греча» (Кеневич 1869: 97). Очевидно, современники, считывая сатирическое содержание басни, узнавали не только Сперанского в Пауке, но и Кочубея в Орле.

был назначен кочубеевский протеже В. Р. Марченко¹³. При этом удаление Оленина было неизменным условием, которое Кочубей поставил перед Николаем I.

«Как ни старался граф Аракчеев вырвать портфель, но никак не успел; а князь Кочубей при государе Николае I^m до того и добился» (цит. по: Файбисович 2006: 124) – в этой записи дочери Оленина Варвары, сделанной много лет спустя, живо ощущается враждебность, которой было проникнуто оленинское семейство, а с ним и ближайшие друзья дома.

Оленин, со своей стороны, не скрывал, что хотел бы видеть во главе Государственного совета совершенно другого человека. «<...> недовольные <...> противопоставляют Кочубею – <Н. С.> Мордвинова. “О жалкая параллель!” – кричит противу Кочубея Оленин», – сообщал в III отделение Ф. В. Булгарин в мае 1827 г. (Булгарин 1998: 163).

Очерченный контекст, на наш взгляд, дает достаточные основания полагать, что «сатрап» в «Вельможе» – это гротескное отражение личности и репутации Кочубея. Нешуточная злоба автора особенно заметна на фоне его полного равнодушия к совсем недавней смерти А. А. Аракчеева (21 апреля).

3. Заметим, что к фигуре Кочубея Крылов обращался не в первый раз. Выше упоминался «Орел и Паук», но еще раньше, 8 мая 1807 г. на вечере у А. А. Шаховского, он прочел басню «Оракул» – об идоле, который пророчествовал благодаря тому, что внутри прятался жрец. Пока таким образом вещал человек умный, прорицания были хороши, но стоило его место занять дураку, как «идол стал болван болваном».

¹³ Последний вспоминал: «<...> неожиданно получаю я, вечером 28-го апреля 1827 г., записку от графа Кочубея, что по высочайшей воле имеет он надобность увидиться со мною. <...> Явившись в тот же вечер к графу Кочубею, поражен был новостью: <...> он объявил, что государь предлагает ему звание председателя Государственного Совета <...>, но что ему нужно прежде знать: согласен ли я занять место Оленина? Ответ был положительный, и поутру состоялись указы, так рано и неожиданно, что ни в Совете, ни в городе никто не воображал о перемене» (Марченко 1896: 301).

В финале текста аллегория сменяется прямой сатирой:

Я слышал – правда ль? – будто встарь
Судей таких видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у них был умный секретарь.

(Крылов 1956: 18)

Весна 1807 года – время, когда над высшей российской администрацией как раз восходила звезда статс-секретаря Сперанского. В 1806-м часто болевший Кочубей стал посылать его вместо себя с докладом к императору, и Сперанский быстро завоевал доверие Александра (см.: Корф 1861: 99). Уже в марте 1807 г. он пожалован орденом св. Анны сразу 1-й степени, минуя все низшие (см.: Ветринский 1844: 6, 2-й пагинации), а к осени того же года ненавистный консерваторам выскочка станет правой рукой государя и едва ли не вторым человеком в империи.

Начиная с В. Ф. Кеневича, первого комментатора басен Крылова, принято указывать на связь «Оракула» с повестью «Ночи» (1792) и в особенности с письмом XXI «Почты духов» (1789). В нем танцмейстер Фурбиний советует Плутону не отправлять адских судей Миноса, Радаманта и Эака в отставку за неспособностью, а «приставить к ним умного секретаря, который бы вместо их рассматривал дела, а они бы подписывали то, что он им скажет» (Крылов 1945: 128). В письме XXXVI характер таких отношений обрисован еще определеннее: умственно ослабленные судьи (в данном случае уже не адские, а земные) «не понимали, что им читали подьячие, и подписывали все то, что угодно было их секретарям, которые употребляли их как некоторое орудие к своему обогащению» (Там же: 196).

«Ночи» содержат более пространный пассаж в том же духе:

Его превосходительство, валяясь в пышных пуховиках, изволит заниматься хорошими сновидениями; между тем как секретарь его готовит ему к завтраму политические рассуждения, которые, конечно, выдаст он за свои; ибо сей господин уже привык думать

секретарскою головою, которая есть его душа, а вельможа сей – ее тело; итак, он основательно может сказать во извинение бесперерывного своего сна: дух бодр, но плоть немощна, то есть: секретарь рожден обдумывать, а я подписывать спросонья его мысли (Там же: 283–284).

С «Вельможей» процитированные фрагменты и другие пассажи «Почты духов» коррелируют, впрочем, в куда большей степени, чем с «Оракулом»: они пронизывают всю позднюю басню и оформляют ее в композиционном отношении. Скажем, финальное двустихие –

Вчера я был в суде, и видел там судью:

Ну, так и кажется, что быть ему в раю!

– это иронический автопарафраз письма XXVII, где сифл Выспрепар находит в «обширной воздушной области» (подобии лимба) лишь несколько «судейских теней», и то с трудом, «ибо люди, отправляющие на земле правосудие, редко бывают столь чисты, чтоб могли прожить в воздухе до того <...> дня, когда все твари предстанут к подножию престола всемогущего». Одна из таких теней в бытность судьей «защищал<a> вдов и сирот от грабительства корыстолюбивых секретарей», за что и удостоилась помещения в «блаженном сем жилище» (Там же: 160–162).

В середине 1830-х гг. лишь немногие знатоки могли уловить в новой басне Крылова сигналы преемственности с его сатирической прозой, в целом отошедшей, по Тынянову, на периферию. Они поддерживали особую энергию текста, но, так сказать, в фоновом режиме, не подчеркивая его конкретную приуроченность. При этом замечательно, что ни одна из крыловских басен, связанных с конкретными личностями (включая «Оракул»), не насыщена до такой степени, как «Вельможа», приметами и биографическими подробностями, позволяющими опознать персону, в которую она метит. Но вся эта определенность скрыта за густой завесой стилизации и игры с литературными аллюзиями.

4. Между тем слово-сигнал, указывающее на Кочубея, бросается в глаза в первой же строке:

Какой-то, в древности, вельможа...

Именование богатого и знатного человека или крупного сановника вельможей характерно для екатерининской эпохи. В обрисовке Державина истинный вельможа, напомним, это герой нравственного достоинства, отличающийся независимостью поведения и служащий государю не за страх, а за совесть. В николаевский период такой социальный тип уже не был востребован. Тогдашние деятели, сколь бы влиятельны они ни были, какой бы роскошный образ жизни ни вели, оставались лишь высокопоставленными чиновниками¹⁴.

На этом фоне современники выделяли Кочубея. И в его происхождении (племянник канцлера А. А. Безбородко), и в манерах, и в том неподдельном уважении, с которым относились к нему и Александр I, и Николай I, им виделся отблеск «золотого века». Так, московский почт-директор А. Я. Булгаков, сообщая дочери о смерти канцлера, сетовал: «*Voilà le dernier grand seigneur de Catherine qui s'en va*» (Булгаков А. 1906: 414)¹⁵.

Кочубеевское грансеньерство явно имел в виду и автор эпиграммы, записанной Пушкиным. Строка «Что в жизни доброго он сделал для людей» отсылает, видимо, к «Вельможе» Державина:

Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

(Державин 1864: 625–626)

¹⁴ В этом отношении показательна ирония, с которой А. И. Дельвиг описывает раболепство екатеринославских помещиков, съехавшихся в 1851 г. из своих деревень в губернский город, «чтобы взглянуть на “вельможу”, как они называли Клейнмихеля» (Дельвиг 1913: 273).

¹⁵ Письмо от 4 июня 1834 г. Перевод: «Вот уходит последний екатерининский вельможа». Эталонный вельможа века Екатерины – Н. Б. Юсупов – скончался в Москве тремя годами ранее. Пушкин в 1830 г. посвятил ему послание «К вельможе», где нарисовал человека, сделавшего богатство и знатность средствами для просвещения и благородной независимости.

Называли Кочубея вельможей и при жизни. Когда в мае того же 1834 года в Орле скончалась племянница его жены, «Московские ведомости» поместили некролог, где, в частности, говорилось, что умершая провела свою юность «в семействе первостатейного Вельможи нашего»¹⁶. С этим определением Кочубей и вошел в историю. Спустя два года после его смерти оно появится в биографическом очерке: «министр утонченный, вельможа во всем пространстве сего слова» (Бантыш-Каменский 1836: 109). Еще позже М. А. Корф, вспоминая Кочубея, особо отметит его «высокоизящный тон», «вельможескую величавость» (Корф 1861: 383) и «грандецу»¹⁷ (Корф 1899: 500).

Слово «вельможа» применительно к Кочубею встречается и в более ранних текстах Крылова – в финале басни «Орел и Паук», которую, как уже упоминалось, современники считали сатирическим изображением карьеры Сперанского:

Как вам, а мне так кажутся похожи
На этаких нередко Пауков
Те, кои без ума и даже без трудов,
Тащатся вверх, держась за хвост вельможи.

(Крылов 1956: 93)

Отметим, впрочем, что, маркируя Кочубея старинным понятием «вельможа», современники не только не объясняли себе феномен его личности и карьеры, но, наоборот, затемняли понимание. Наиболее точным определением той ролевой модели, которую он избрал и которой твердо придерживался, было бы французское *homme d'état*. Именно этот термин подразумевает Вигель, говоря, что Кочубей присвоил себе «имя государственного человека». Воплощениями *homme d'état* выступали Уильям Питт-младший, Дж. Каннинг, Ш.-М. Талейран, К. Меттерних, Ф. Гизо, А. Тьер – творцы и активные проводники собственных политических концепций. Те же амбиции заметны и в деятельности Кочубея; даже стиль его

¹⁶ Глинка Ф. Н. <Без названия>. – Московские ведомости. 1834. № 47. 13 июня. С. 2245.

¹⁷ От итал. “grandezza” – величие, блеск.

поведения – знаменитое высокомерие, замкнутость и эмоциональная холодность – был близок к стилю Питта-младшего.

Однако понятие *homme d'état*, принадлежащее политическому словарю и социальной практике буржуазного общества, не имело русского аналога. Термин «вельможа», порождение эпохи *Ancien Régime*, описывал совсем иной тип. Это в первую очередь слуга своего монарха; он может найти в себе смелость спорить с государем и даже в знак несогласия уйти со службы, но его дерзость не перерастет в полноценную политическую оппозицию. Если для *homme d'état* государственная деятельность – профессиональное занятие, четко отделенное от частной жизни, то для вельможи она, напротив, выступает производным от его личности наравне с другими проявлениями его «нрава». Вельможа обязательно богат, и именно богатство, а не убеждения – основа его независимости и уверенности в себе. Наконец, русский вельможа далек от всякой меркантильности; он считает ниже своего достоинства заботиться о зароботке – напротив, он несдержан в тратах, хлебосолен, демонстрирует невиданную роскошь, дорогие причуды, но может быть и меценатом, тонким знатоком искусств.

Типажи русских вельмож многообразны. Это и П. А. Демидов, и Г. А. Потемкин, и Н. Б. Юсупов, и братья Орловы, и, что особенно важно, Безбородко – дядя и покровитель Кочубея. Казалось бы, и к нему самому, с юности окруженному аурой вельможности, это понятие должно было прилагаться самым естественным образом. Но деловая хватка, амбициозность, сухость и прижимистость канцлера, вполне приемлемые для европейского *homme d'état*, плохо вязались с широтой натуры и своеобразным артистизмом, которые отличали русских вельмож старшего поколения. Все это в глазах петербургского света и делало Кочубея «неправильным» вельможей, вызывая подспудное раздражение.

5. Набрасывая далее биографию своего героя, Крылов сообщает, что тот

Родился в Персии, а чином был сатрап...

Таким образом, местом действия оказывается древняя Персия. Условный Восток – традиционный для сатиры эпохи Просвещения отрицательный локус, прибежище деспотизма, невежества, неправосудия, роскоши и иных пороков. Казалось бы, это исключает какие-либо ассоциации Вельможи-сатрапа с современностью. Однако восточный антураж содержит в себе прямой намек на обстоятельства реальной службы Кочубея.

К дипломатии тот приобщился в странах Западной Европы, но настоящий карьерный взлет начался для него именно на Востоке. «Первым поприщем его было звание российского посланника при дворе Оттоманской Порты», – гласил газетный некролог. Заняв столь ответственный пост в 1792 г. в 24-летнем возрасте, Кочубей с успехом прослужил в Константинополе до 1797 г., и этого оказалось достаточно, чтобы в тридцать лет, уже при Павле I, он стал действительным тайным советником и вице-канцлером – вторым лицом в ведомстве иностранных дел, а в 31 год получил графский титул.

6. Следующая черта крыловского сатрапа уже не намекает, а прицельно указывает на Кочубея:

Но, так как, живучи, я был здоровьем слаб...

Тот и вправду с молодых лет страдал приступами подагры, к которой позднее присоединилась болезнь сердца. Так, в 1829 г. он прохворал в общей сложности пять месяцев, а в 1831-м, пережив приступ на заседании Государственного совета, провел в постели несколько недель, продолжая, однако, работать (см.: Николаенко 2009: 756). Постоянная борьба с недугами играла в жизни Кочубея такую роль, что даже неизвестный автор некролога счел нужным упомянуть об этом: «Трудолюбие его казалось неутомимым; одна болезнь могла положить ему пределы; одна опасность жизни могла отторгнуть его от дел – и отторгла».

Как пишет Марченко, «в начале 1834 г. князь Кочубей тяжело занемог, и все показывало, что подагра у него в груди уже» (Марченко 1896: 304). Испротив бессрочный отпуск, он вместе с женой

направился из Петербурга в свои малороссийские владения, но смерть настигла его в Москве.

Марченко далее вспоминал:

Я искренно оплакивал вельможу сего как благодетеля своего и как государственного человека, который любил царя и отечество и желал им добра от души. Решительно сказать можно, что с 1827 г. один он был на своем месте, не оставив по себе равного, и хотя впоследствии, вероятно, по болезненному состоянию, заметна была слабость характера и дворская угодливость, но, тем не менее, в делах важных показывал твердость и ум опытный, дальновидный (Там же: 306).

7. Крыловский сатрап, в отличие от реального канцлера, трудолюбием похвастаться не может. Извиняя себя слабостью здоровья, он говорит:

...сам я областью не правил,
А все дела секретарю оставил.

Так в басне появляется новый персонаж, тоже в высшей степени характерный для просветительской сатиры. Абстрактные «корыстолобивые секретари» со своими «акциденциями» (взятками) и «ябедническими крючками» не раз встречаются, скажем, на страницах «Почты духов». Впрочем, «умный секретарь», который не только пишет, но и думает за своего патрона, перекочевав из ранней прозы Крылова в басню «Оракул», уже вполне определенно связывается со Сперанским. Напомним и еще об одном кочубеевском выдвигенце – одиозном для оленинского круга Марченко.

Одной из самых сильных сторон Кочубея как государственного деятеля считалось умение подбирать кадры и создавать своим подчиненным такие условия, которые позволяли им проявлять инициативу и вообще свои лучшие качества (см.: Николаенко 2009: 418). Но если достоинства Сперанского признавали даже его ненавистники, то Марченко уважением современников отнюдь не пользовался.

Так, Корф, впоследствии сменивший его на посту государственного секретаря, в дневниках не раз пренебрежительно называл Марченко «подьячим» и резюмировал: «При всем своем возвышении <он> никак не мог высвободиться из *приказной* колеи, в которой был воспитан и взращен. Блудов, всегда так счастливый на удачные слова, говорит, что он был *умнейший из подьячих* в русской <sic!> империи» (Корф 2017: 166; курсив автора). Такой «умный подьячий», далеко не тождественный «умному секретарю» из басни «Оракул», – серьезный кадровый промах Кочубея, конечно, с особым пристрастием отмеченный Лениным и его кругом.

Крылов устами адского судьи награждает Вельможу резким, если не площадным определением:

«Эх, братец!» отвечал Эак:

«Не знаешь дела ты никак.

Не видишь, разве, ты? Покойник – был дурак».

Замечательно, что хлесткая характеристика не только вынесена в рифменную позицию, но и подчеркнута тройной рифмой¹⁸, единственной на 25 строк басни. При этом стих «Не знаешь дела ты никак», в сущности, не несет специальной смысловой нагрузки и легко может быть опущен, т. е. он и введен, по-видимому, лишь для того, чтобы закрепить рифменный эффект, акцентирующий «дурака».

8. Баснописец тем временем развивает тему:

Что, если бы с такою властью

Взялся он за дела, к несчастью?

Ведь погубил бы целый край!..

Кочубей – министр, председатель Государственного совета, государственный канцлер по внутренним и гражданским делам, председатель Временной верховной комиссии, которой Николай I, отъезжая в 1828 г. на войну, вверил управление империей, –

¹⁸ Такой же идущей подряд тройной рифмой (для русской поэзии довольно редкой и встречающейся в основном в баснях) связаны строки иронической эпитафии Кочубею, приведенной выше в составе цитаты из дневника Пушкина.

вельможа, высший сановник, дерзавший ставить условия самому государю... В переводе на язык старинной сатиры это и есть сатрап, наместник, правитель целого края.

Дважды, в начале двух весьма различных эпох, Кочубей оказывался тем, от кого в самом деле до некоторой степени зависели судьбы отечества. Первый раз – когда он был одним из активнейших членов Негласного комитета, где выработывалась программа реформ Александра I; второй – когда Николай I назначил его председателем секретного Комитета 6 декабря 1826 г., главным деятелем которого был Сперанский. В задачи Комитета входил не только разбор бумаг покойного императора, но и подготовка очередных преобразований. Наиболее радикальные предложения Комитета, включая реформу Сената и изменения в положении крепостных крестьян, не были реализованы, однако в том, что именно он был «мозговым центром» внутренней политики России первой половины царствования Николая I, сомнений не было.

Крылов неслучайно наносит удар по Кочубею именно как по государственному деятелю: люди, до Отечественной войны принадлежавшие к «русской партии», так никогда и не простили ему реформаторства. Две характеристики, данные ему Дивовым с интервалом почти в четверть века, звучат как единая инвектива:

Алча честолюбием, Кочубей был трудолюбив и весьма мелочен; но по несчастию без познания о своем отечестве и удивляясь премудрости иностранной, истребил весь древний порядок и главный есть виновник многосложности, которая потом внедрилась в управление государством (Дивов 1899а: 83)¹⁹.

Проникнутый либеральными идеями, он был их главным сторонником как в предшествовавшее, так и в настоящее царствование. По его инициативе изменился весь прежний государственный строй, были уничтожены коллегии и созданы министерства, которые ему удалось отстоять неприкосновенными при

¹⁹ Цитируется фрагмент записки Дивова на высочайшее имя, начатой, видимо, вскоре после Тильзитского мира (1807), но так и не завершенной.

восшествии на престол ныне царствующего императора, когда шла речь о восстановлении коллегий, которые гораздо целесообразнее и более подходят к духу народа, нежели министерства, в коих вся административная часть зависит очень часто от узких взглядов одного лица (Дивов 1899b: 541)²⁰.

Впрочем, прямые обвинения в измене консерваторы в свое время решились выдвинуть только против Сперанского, Кочубею же послужила защитой его вельможность²¹. Но споры вокруг его имени не утихали десятилетиями. Вот, к примеру, фрагмент из донесений «высшей полиции» (секретного политического сыска) за период с августа 1818 по 1 мая 1819 г.:

Если многие считают графа Кочубея отличнейшим из государственных мужей и способнейшим к исправлению значительнейших обязанностей правительства, то другие, однако же, открывают в нем слабости уважительные, как то: непостоянство в правилах, страсть к новостям, беспрерывную переменчивость в системах. «Нет великой нации, коея кафтана он бы не носил, исключая русского», – отзывался о нем весьма знатный государственный человек (Мальшинский 1889: 173).

²⁰ Дневниковая запись от 17 декабря 1831 г.

²¹ Стоит отметить, что Кочубей был не менее своих консервативных оппонентов предан интересам России, как он их понимал. Возмущенный заключением в 1807 г. Тильзитского мира, он четырежды (!) подавал прошение об отставке с поста министра внутренних дел, пока наконец Александр не решился его отпустить. За месяц до этого из его министерства был по прошению уволен Сперанский, что стало началом его самостоятельной карьеры. Кочубей вернулся на службу в 1810 г., а в 1812-м молчаливо наблюдал падение Сперанского и назначение на его место А. С. Шишкова – одного из лидеров «русской партии». Их личные отношения возобновились только тогда, когда Сперанский был возвращен на службу. 4 сентября 1818 г. Кочубей писал ему: «Никогда не мог я вообразить, чтоб могло иметь какое-либо основание взведенное что-то на вас неприятелями вашими <...>; но как столь гласное удаление вас знаменовало гнев Высочайший, то я, почитая оный как должно, ожидал в молчании, чтоб вера Его Величества была просвещена и всегдашняя его склонность к благотворению обратилась на вас. <...> Сожалею несказанно, что Государь и государство лишились в продолжение многих лет полезных трудов ваших и, проклиная интриги и интригантов, <...> я искренно желаю, чтоб угнетавшие душу вашу проишествия не отняли у вас склонности к занятиям общественным» (В память Сперанского 1872: 490–491).

И все же к середине 1830-х жестокая вражда между партиями, казалось, стихла. Еще в 1818 г. Российская академия, цитадель шишковистов, избрала Кочубей почетным членом. Со Сперанским Оленин установил настолько хорошие отношения, что бывший реформатор не только стал посещать его дом, но и разделил, по крайней мере внешне, общее для этого круга восхищение творчеством Крылова. «Сперанский читал басни Крылова не хуже самого автора. Заметно было, как постепенно Крылов приходил в восторг», – вспоминала дочь Оленина Варвара (Крылов в воспоминаниях 1982: 148)²². Баснописец тем временем стал своим человеком в салоне С. В. Строгановой – вдовы одного из членов Негласного комитета, родственницы Кочубей. Он и там пользовался исключительным уважением, так что по распоряжению хозяйки ради него готовилось особое меню, а гости и домочадцы, признавая заслуги национального поэта, говорили при нем исключительно по-русски (см.: Там же: 260–261).

Однако сам Кочубей оставался недосягаемым небожителем. Нет никаких свидетельств о том, что Крылов был лично с ним знаком. В числе других сановников Кочубей посещал торжественные акты в Публичной библиотеке, где баснописец читал свои произведения; оба имели отношение к Российской академии (Крылов был ее действительным членом с 1811 г.) и состояли почетными вольными общниками Академии художеств (Кочубей с 1822 г., а Крылов с 1830-го). Вот, пожалуй, и все места, где они могли бы встретиться. Неудивительно, что со смертью Кочубей в Крылове пробудилась старая неприязнь.

²² Любопытно, что Сперанский, отдавая, по-видимому, должное популярности Крылова, все же находил его басни недостаточно глубокими, во всяком случае, до личного знакомства с их автором. «Для легкой шутки надобен только ум; но для сильных произведений потребно размышление и сила воображения, возбужденная и управляемая классическими образцами. А у нас именно сего-то и недостает, – писал он дочери. – Авторы, тобою приводимые, суть не что иное как остроумная неучь. Я их помню. Сам Крылов есть порядочный невежда» (Сперанский 2002: 83; письмо от 21 января 1819 года).

9. Вопрос о том, когда именно был написан «Вельможа», остается открытым²³. Черновая рукопись, как выше было сказано, не способна на него ответить. Воспоминания Н. М. Колмакова о том, как Крылов читал гостям графини Строгановой «басни последнего сочинения» – «Кукушку и Петуха» и «Вельможу» (Там же: 261)²⁴, – должны быть отнесены ко второму полугодю 1834 г., поскольку один из беловых фрагментов «Кукушки и Петуха» датирован июнем этого года (см.: Могилянский 1956: 552), но в каком именно месяце происходило чтение, неясно. И все же попытаемся сузить хронологические рамки создания «Вельможи», исходя из предположения о том, когда с этой басней мог познакомиться Пушкин.

Личные и творческие отношения Пушкина и Крылова никогда не становились предметом специального изучения – за исключением сжатого обзора, предложенного А. М. и М. А. Гордиными (Крылов в воспоминаниях 1982: 33–34, 366–367). Чаще всего исследователи, опираясь на блиц-полемику Пушкина с П. А. Вяземским в переписке 1823–1825 гг., констатируют уважение младшего поэта к старшему, сдобренное, впрочем, долей иронии (см.: Дрыжакова 2009). Однако это лишь эпизод из истории их общения, которое по длительности совпало с бытием Пушкина в литературе. Современникам запомнилось, что именно Крылов последним простился с телом поэта и нес его гроб (см.: Крылов в воспоминаниях 1982: 280, 311).

С людьми Крылов сходилась трудно и неохотно, но в случае Пушкина их сближению, начавшемуся в 1830-х гг., не помешала даже 30-летняя разница в возрасте – напротив, она придавала Крылову особую значимость. В эти годы Пушкин, напомним, испытывал специальный интерес к XVIII столетию, к его истории и литературе. В 1833 г., работая над «Историей пугачевского бунта», Пушкин записал детские воспоминания баснописца о пугачевщине.

²³ Предположение Л. В. Тимофеева о том, что «Вельможа» появился не позднее весны 1834 г., строится на произвольном отождествлении этого текста с одной из «шести новых прекрасных басен» Крылова, о которых Оленин упоминает в письме к сыну от 14 апреля (см.: Тимофеев 1983: 235).

²⁴ Колмаков в 1834 году поступил в дом С. В. Строгановой в качестве наставника ее внука.

Но гораздо важнее то, что в его ближайшем окружении Крылов был единственным крупным поэтом, который, вступив на поприще словесности еще в екатерининский век, продолжал работать и сорок лет спустя.

Весть о смерти Кочубея застала Пушкина в Петербурге. Судя по желчным заметкам в дневнике, в «Table-talk» и в письмах, он, как и Крылов, не остался равнодушным к этому событию. Покойный канцлер представлялся ему едва ли не квинтэссенцией всего, что раздражало его в высшем свете. Это лето выдалось для Пушкина тяжелым: 25 июня, через четыре дня после похорон Кочубея, он подаст прошение об отставке, чем навлечет на себя явное неудовольствие императора, а в начале июля по настоянию Жуковского возьмет свою просьбу назад и наконец попросит всего лишь об отпуске. Около 17 августа Пушкин выехал из столицы, направляясь в калужское имение жены, а затем в свое нижегородское Болдино (см.: Летопись Пушкина 1999: 225). Там 20 сентября он закончит «Сказку о Золотом петушке», буквально сотканную из литературных аллюзий, в том числе – на тексты русского XVIII века. Исследователями отмечены связи со стихотворением Державина «Царь Девица», героиня которого «лежа царством управляла» (см.: Погосян 1992: 99–100; Кочеткова 2004: 49)²⁵, а в «возможный побочный круг ассоциаций», по выражению В. Э. Вацура, входит крыловский «Трумф» с его пародийной фигурой слабого царя-бездельника Вакулы, к образу которого «прикреплена <...> сфера грубоватого просторечия» (Вацура 2000: 225–226).

Заметим, что «дурак»-Вельможа, который при жизни только «пил, ел и спал» и явился в ад с «богато убранного ложа», оказывается изоморфен не только царю Вакуле, но и Дадону, царствовавшему «лежа на боку». На то, что до отъезда из Петербурга Пушкин, скорее всего, успел познакомиться с новой крыловской басней, намекающей на столь нелюбимого обоими Кочубея,

²⁵ Об актуальности державинского наследия для Пушкина летом 1834 г. свидетельствует покупка им 3 июля новинки – «Объяснений на сочинения Державина...» (см.: Летопись Пушкина 1999: 210).

указывает и совпадение в важном сюжетном моменте – описании смерти героя. У Пушкина, как и у Крылова, фраза «умер он» вынесена в конец строки как семантически значимая позиция и зарифмована с именем собственным (Дадон и Плутон соответственно).

Если наши предположения верны, то «Вельможа» был написан по горячим следам событий, в течение нескольких недель после смерти и помпезных похорон Кочубея, т. е. в июне – первой половине августа 1834 г. Очевидно, тогда же Крылов начал показывать этот текст знакомым вместе с другой новинкой, басней «Кукушка и Петух».

10. Крылов долго не публиковал «Вельможу». Вероятнее всего, он выжидал, пока ажиотаж, вызванный смертью Кочубея, спадет. Устав прямо запрещал цензорам пропускать в печать нападки на личности, и даже авторитет Крылова не спас бы того, кто разрешил бы к публикации басню, обидную для памяти государственного канцлера. Приключившаяся в конце того же 1834 года история с А. В. Никитенко, который отсидел на гауптвахте за дозволение напечатать невиннейшее стихотворение М. Д. Деларю «Красавице», возмущившее митрополита Серафима, лишней раз показала, чего может стоить цензору малейшая неосторожность. Характерно, что Крылов «придержал» и басню «Кукушка и Петух», которую считали сатирой на неразлучный тандем Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча: она увидит свет только весной 1841 г.

Но «Вельможе» баснописец дал ход раньше, воспользовавшись для этого удобным случаем. Хотя большинство современников и не узнавали в крыловском сатрапе покойного Кочубея, баснописец почел за благо обеспечить себя защитной легендой. Из комментария в комментарий кочует его эффектный рассказ о том, как на святках 1836 г. он на придворном маскараде бесстрашно прочел якобы запрещенного цензурой «Вельможу» и получил от самого государя благосклонное разрешение на публикацию.

Басня действительно вышла в первом номере еженедельника «Сын Отечества» за 1836 г., однако простое сопоставление дат

легко опровергает версию Крылова. Маскарад (на котором он, кстати, читал вовсе не «Вельможу», а специально сочиненный монолог боярина-кравчего; см.: Крылов 1946: 316–317) состоялся 6 января²⁶, тогда как соответствующий номер журнала получил цензурное разрешение еще 3-го, а из типографии вышел 5 января²⁷. Цензором «Сына Отечества» в то время был П. А. Корсаков – человек, к литераторам весьма расположенный, и, главное, родной брат попечителя Санкт-Петербургского учебного округа М. А. Дондукова-Корсакова, главы столичного цензурного комитета. Позднее Никитенко, Корсакова недолголюбивавший, констатирует: «Литераторы часто употребляют его как свое орудие <...>. Ему многое сходит с рук, от чего не поздоровилось бы другим. Хорошо иметь начальником брата!» (Никитенко 1955: 244)²⁸.

Впрочем, прибегать к помощи брата-попечителя не пришлось, да и ссылка на высочайшее разрешение оказалась ни к чему. «Вельможа» без затруднений прошел цензуру и был восторженно принят критикой. Аллюзий на недавнее прошлое читатели не искали, стилизованную сатиру восприняли как безадресную, а «мораль» – как свойственный басне иронический акцент. И только чуткий В. Г. Белинский в большой статье о Крылове, написанной вскоре после его смерти, подчеркнет отличие «Вельможи» от других поздних басен и заметит: «<...> это одно из самых лучших его произведений» (Белинский 1845: 73).

Энергия и сложность, отнюдь не старческие, действительно привлекают внимание к «Вельможе». Крылов артистически жонглирует намеками на конкретные лица и обстоятельства, в том числе политического и исторического свойства, подсвечивая и одновременно вуалируя их литературными аллюзиями и автореминисценциями. Еще более изоцренной игрой он обставил

²⁶ Дата маскарада установлена по: Российский государственный исторический архив. Ф. 497. Оп. 1. № 7249.

²⁷ См. объявление о выходе номера с перечнем интереснейших материалов, включая «Вельможу»: «Первая книжка “Сына Отечества” вышла в воскресенье, 5-го января» (Северная пчела. 1836. № 4. 7 января. С. 15).

²⁸ Дневниковая запись от 22 января 1842 г.

публикацию «Вельможи», создав специальный текст-двойник (упомянутое маскарадное стихотворение «По части кравческой, о царь, мне речь позволь...») и разыграв вокруг этого диптиха полноценный спектакль с элементами фарса и нарочитого блефа²⁹. В рамках же издания «Басен» 1843 года «Вельможа», соединяя сатирическое начало, визитную карточку юности Крылова, с басенным, определившим его зрелые годы, символически замкнул круг его творчества.

БИБЛИОГРАФИЯ

- [Белинский В. Г.] 1845. Иван Андреевич Крылов. – Отечественные записки. № 2. Отдел «Науки и искусства». С. 62–84.
- Бантыш-Каменский Д. Н. 1836. Словарь достопамятных людей Русской земли... Ч. 3: К–М. М.: В типографии Н. Степанова.
- Булгаков А. Я. 1906. Из писем А. Я. Булгакова к его дочери княгине О. А. Долгорукой: 1834. – Русский архив. № 7. С. 401–431.
- Булгаков К. Я. 1904. Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу: 1834-й год. – Русский архив. № 3. С. 407–442.
- Булгарин Ф. В. 1998. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подготовил А. И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение.
- Бутурлин М. Д. 2006. Записки. Т. 1–2. М.: ИД «Любимая книга».
- В память Сперанского 1872. В память графа Михаила Михайловича Сперанского: 1772–1872. СПб.: Издание Императорской Публичной библиотеки.
- Ветринский И. Я. 1844. Краткие биографические сведения о графе М. М. Сперанском. – Сперанский М. М. Правила высшего красноречия. СПб.: И. Ветринский. С. 1–8 (2-й пагинации).
- Вигель Ф. Ф. 1928. Записки. Т. 1. М.: Артель писателей «Круг».
- Глинка Ф. Н. 1834. <Без названия>. – Московские ведомости. 13 июня. № 47. С. 2245.

²⁹ Подробно о сложной стратегии саморепрезентации, которую Крылов выстроил вокруг «Вельможи», см. в монографии: Лямина, Самовер 2023 (в печати).

- Дельвиг А. И. 1913. Мои воспоминания. Т. 2. М.: Издание Московского Публичного и Румянцевского музеев.
- Державин Г. Р. 1864. Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1. СПб.: В типографии Императорской Академии наук.
- Державин Г. Р. 1871. Сочинения Державина / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 6. СПб.: В типографии Императорской Академии наук.
- Дивов П. Г. 1899а. Повествование о царствовании императора Александра, для него одного писанное. – Русская старина. № 10. С. 79–89.
- Дивов П. Г. 1899б. Из дневника П. Г. Дивова. – Русская старина. № 12. С. 524–542.
- Дивов П. Г. 1900. Из дневника П. Г. Дивова. – Русская старина. № 7. С. 183–200.
- Дмитриев И. И. 1866. Взгляд на мою жизнь. М.: Типография В. Готье.
- Дрыжакова Е. Н. 2009. Вяземский и Пушкин в споре о Крылове. – Пушкин и его современники. Вып. 5 (44). СПб.: Нестор-История. С. 285–307.
- Исаченко Е. Г. 2014. «Разговоры в царстве мертвых» А. П. Сумарокова. – Литературная культура России XVIII века. Вып. 5. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. С. 100–119.
- Кеневич В. Ф. 1869. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. – Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 6 (2-я пагинация). СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Корф М. А. 1861. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб.: Императорская Публичная библиотека.
- Корф М. А. 1899. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. – Русская старина. № 12. С. 481–521.
- Корф М. А. 2017. Дневник за 1840 год. М.: Квадрига.
- Кочеткова Н. Д. 2004. «Сказка о Золотом петушке» Пушкина и «Царь-Девича» Державина. – Временник Пушкинской комиссии. Вып. 29. СПб.: Наука. С. 44–52.
- Крылов в воспоминаниях современников 1982. Крылов в воспоминаниях современников / Вступительная ст., сост., подготовка текста и комментарии А. М. Гордина, М. А. Гордина. М.: Художественная литература.

- Крылов И. А. 1843. Басни: В 9-ти кн. СПб.: В типографии Военно-Учебных Заведений.
- Крылов И. А. 1945. Сочинения: В 3-х тт. Т. I. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Крылов И. А. 1946. Сочинения: В 3-х тт. Т. III. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Крылов И. А. 1956. Басни / Изд. подготовил А. П. Могилянский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Летопись Пушкина 1999. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4-х тт. Т. 4. М.: Слово/Slovo.
- Лямина Е. Э., Самовер Н. В. 2023. «Преоригинальная туша»: Феномен Крылова (в печати).
- Мальшинский А. П. 1889. Высшая полиция при императоре Александре I. – Исторический вестник. № 1. С. 165–179.
- Марченко В. Р. 1896. Автобиографическая записка государственного секретаря Василия Романовича Марченко. 1782–1838. – Русская старина. № 5. С. 291–317.
- Могилянский А. П. 1956. Комментарии. – Крылов И. А. Басни / Изд. подготовил А. П. Могилянский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 309–580.
- Никитенко А. В. 1955. Дневник: В 3-х тт. Т. 1. [Л.:] Государственное издательство художественной литературы.
- Николаенко П. Д. 2009. Князь В. П. Кочубей – первый министр внутренних дел России. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД РФ.
- Погосян Е. 1992. К проблеме значения символа «Золотой петушок» в сказке Пушкина. – В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту: Эйдос. С. 98–107.
- Пушкин А. С. 1949. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. XII. [М.; Л.:] Издательство Академии наук СССР.
- САР 1793. Словарь Академии Российской. Ч. IV: От М до Р. СПб.: При Императорской Академии Наук.
- САР 1822. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V: От П до С. СПб.: В типографии В. Плавильщикова.
- Сперанский М. М. 2002. Письма к дочери / Вступительная ст. и сост. Н. В. Куксановой. Новосибирск: [Б. и.].

- Тимофеев Л. В. 1983. В кругу друзей и муз: Дом А. Н. Оленина. Л.: Лениздат.
- Фадеев А. М. 1897. Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. Одесса: Тип. Высочайше утвержденного Южно-Русского Общества Печатного Дела.
- Файбисович В. М. 2006. Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб.: Российская национальная библиотека.
- Gillet, A. 1834. A la mémoire du prince Kotschoubey, chancelier de l'Empire de Russie. SPb.: [S. n.]

REFERENCES

- [Belinskii, V. G.] 1845. "Ivan Andreevich Krylov." *Otechestvennye zapiski* 2, "Nauki i khudozhestva" (1845): 62–84.
- Bantysh-Kamenskii, D. N. *Slovar' dostopamiatnykh liudei Russkoi zemli* [...]. Pt. 3, K–M. Moscow: V tipografii N. Stepanova, 1836.
- Bulgakov, A. Ia. "Iz pisem A. Ia. Bulgakova k ego docheri kniagine O. A. Dolgorukoi: 1834." *Russkii arkhiv* 7 (1906): 401–31.
- Bulgakov, K. Ia. "Iz pisem Konstantina Iakovlevicha Bulgakova k bratu ego Aleksandru Iakovlevichu: 1834-i god." *Russkii arkhiv* 3 (1904): 407–42.
- Bulgarin, F. V. *Vidok Figliarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F. V. Bulgarina v 3 otdelenie*. Edited by A. I. Reitblat. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Buturlin, M. D. *Zapiski*. Vols. 1–2. Moscow: ID "Liubimaia kniga," 2006.
- Del'vig, A. I. *Moi vospominaniia*. Vol. 2. Moscow: Izdanie Moskovskogo Publichnogo i Rumiantsevskogo muzeev, 1913.
- Derzhavin, G. R. *Sochineniia Derzhavina*. Annotated by Ia. K. Grot. Vol. 1. Saint Petersburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1864.
- . *Sochineniia Derzhavina*. Annotated by Ia. K. Grot. Vol. 6. Saint Petersburg: V tipografii Imperatorskoi Akademii nauk, 1871.
- Divov, P. G. "Povestvovanie o tsarstvovanii imperatora Aleksandra, dlia nego odnogo pisannoe." *Russkaia starina* 10 (1899): 79–89.
- . "Iz dnevnika P. G. Divova." *Russkaia starina* 12 (1899): 524–42.
- . "Iz dnevnika P. G. Divova." *Russkaia starina* 7 (1900): 183–200.
- Dmitriev, I. I. *Vzgliad na moiu zhizn'*. Moscow: Tipografiia V. Gaultier, 1866.
- Dryzhakova, E. N. "Viazemskii i Pushkin v spore o Krylove." In *Pushkin i ego sovremenniki*. Vol. 5 (44), 285–307. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009.
- Fadeev, A. M. *Vospominaniia Andreia Mikhailovicha Fadeeva*. Odessa: Tip. Vysochaishe utverzhdennogo Iuzhno-Russkogo Obshchestva Pечатного Дела, 1897.

- Faibisovich, V. M. *Aleksei Nikolaevich Olenin: Opyt nauchnoi biografii*. Saint Petersburg: Rossiiskaia natsional'naia biblioteka, 2006.
- Gillet, A. *A la mémoire du prince Kotschoubey, chancelier de l'Empire de Russie*. Saint Petersburg: [n. p.], 1834.
- Isachenko, E. G. 2014. "Razgovory v tsarstve mertvykh' A. P. Sumarokova." In *Literaturnaia kul'tura Rossii 18 veka*. Vol. 5, 100–19. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU.
- Kenevich, V. F. "Bibliograficheskie i istoricheskie primechaniia k basniam Krylova." In *Sbornik statei, chitannykh v Otdelenii russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Vol. 6 (2nd pag.). Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1869.
- Kochetkova, N. D. "Skazka o Zolotom petushke' Pushkina i 'Tsar'-Devitsa' Derzhavina." In *Vremennik Pushkinskoi komissii*. Vol. 29, 44–52. Saint Petersburg: Nauka, 2004.
- Korf, M. A. *Zhizn' grafa Speranskogo*. Vol. 1. Saint Petersburg: Imperatorskaia Publichnaia biblioteka, 1861.
- . "Iz zapisok barona (vposledstvii grafa) M. A. Korfa." *Russkaia starina* 12 (1861): 481–521.
- . *Dnevnik za 1840 god*. Moscow: Kvadriga, 2017.
- Krylov v vospominaniiaakh sovremennikov*. Edited, prefaced and annotated by A. M. Gordin and M. A. Gordin. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
- Krylov, I. A. *Basni*. 9 vols. Saint Petersburg: V tipografii Voенno-Uchebnykh Zavedenii, 1843.
- . *Sochineniia*. 3 vols. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1945.
- . *Sochineniia*. 3 vols. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1946.
- . *Basni*. Edited by A. P. Mogilianskii. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Letopis' zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina*. 4 vols. Vol. 4. Moscow: Slovo/Slovo, 1999.
- Liamina, E. E. and N. V. Samover. "Preoriginal'naia tusha": *Fenomen Krylova* (forthcoming).
- Mal'shinskii, A. P. "Vysshhaia politsiia pri imperatore Aleksandre I." *Istoricheskii vestnik* 1 (1889): 165–79.

- Marchenko, V. R. "Avtobiograficheskaia zapiska gosudarstvennogo sekretaria Vasiliia Romanovicha Marchenko. 1782–1838." *Russkaia starina* 5 (1896): 291–317.
- Mogilianskii, A. P. "Kommentarii." In *Basni* by I. A. Krylov. Edited by A. P. Mogilianskii, 309–580. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Nikitenko, A. V. *Dnevnik*. 3 vols. Vol. 1. [Leningrad:] Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955.
- Nikolaenko, P. D. *Kniaz' V. P. Kochubei – pervyi ministr vnutrennikh del Rossii*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD RF, 2009.
- Pogosian, E. "K probleme znachenii simvola 'Zolotoi petushok' v skazke Pushkina." In *V chest' 70-letii professora Iu. M. Lotmana*, 98–107. Tartu: Eidos, 1992.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Vol. 12. [Moscow and Leningrad:] Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi*. Pt. 4, *from M to R*. Saint Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1793.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poriadku raspolozhennyi*. Pt. 5, *from P to S*. Saint Petersburg: V tipografii V. Plavil'shchikova, 1822.
- Speranskii, M. M. *Pis'ma k docheri*. Edited and prefaced by N. V. Kuksanova. Novosibirsk: [n. p.], 2002.
- Timofeev, L. V. *V krugu družei i muz: Dom A. N. Olenina*. Leningrad: Lenizdat, 1983.
- V pamiat' grafa Mikhaila Mikhailovicha Speranskogo: 1772–1872*. Saint Petersburg: Izdanie Imperatorskoi Publichnoi biblioteki.
- Vetrinskii, I. Ia. "Kratkie biograficheskie svedeniia o grafe M. M. Speranskom." In *Pravila vysshego krasnorechiia* by M. M. Speranskii, 1–8 (2nd pag.). Saint Petersburg: I. Vetrinskii, 1844.
- Vigel', F. F. *Zapiski*. Vol. 1. Moscow: Artel' pisatelei "Krug," 1928.

КТО ТАКОЙ «МУЗЫКАНТ НАБОКОВ»? (ИЗ КОММЕНТАРИЯ К КНИГЕ А. РЕМИЗОВА «УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ»)

С. Н. Доценко
(Таллинн)

Книга А. Ремизова «Учитель музыки» пестрит именами многих друзей и знакомых Ремизова, составлявших его парижское окружение с середины 1920-х до начала 1930-х годов¹. Одни из них выведены под своими настоящими именами (Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев, П. Н. Милюков, П. Б. Струве, М. Л. Слоним, Н. А. Оцуп, Б. Ю. Поплавский, Г. В. Чижов, М. А. Осоргин, В. Л. Андреев, В. Б. Сосинский, Вл. Ф. Ходасевич, Н. Л. Слонимский, Дж. Риви, А. В. Бахрах, М. А. Алданов, М. Л. Гофман, Б. Ф. Шлецер, С. В. Познер, И. А. Болдырев-Шкотт, П. М. Костанов etc.), другие – под именами вымышленными. Например, Пытко-Пытковский – это музыкальный критик П. П. Сувчинский; «африканский доктор» – журналист и врач Вл. Н. Унковский, «профессор математики Сушилов» – филолог К. В. Мочульский (см.: Грачева 2008: 251–253), писатель Зерефер – литератор и библиограф Вл. Княжнин (Ивойлов), критик К. С. Перлов – критик С. К. Маковский; Замутый – писатель Е. И. Замятин. Среди прочих эпизодических персонажей книги один раз появляется и некий «музыкант Набоков» (в гл. «Индустриальная подкова», раздел «Zut»):

Всем известно, что к Корнетову так прийти, без предупреждения, нельзя: надо условиться. Я написал письмо. И каково мое было удивление, когда через несколько дней мое письмо вернулось ко мне с надписью: «уехал, не оставив адреса». Я глазам не поверил: так внезапно – и куда мог скрыться? – и как это непохоже: не

¹ 1-я редакция книги «Учитель музыки» была подготовлена в 1931–1934 гг.

оставить адрес? *Музыкант Набоков, меняя квартиры, адресов не оставляет, и письма ищут его по всему Парижу и, нигде не находя, возвращаются, и в таком жалком виде – зачеркнутые, перечеркнутые, с наклейками, как с заплатами, чтобы только показаться и, не распечатываясь, шлепнуться в ордюр в соседство к картофельной кожуре, луковым перьям, ботве, обглоданным костям и спитому чаю, но зато и слава – музыкант! музыканты люди отвлеченные, а Корнетов – учитель музыки, никакой музыкант, и так сжился с «реальностью» – с «термами» квартирной платы, летним и зимним временем, сезоном винограда, мандаринов, спаржи и ягод, подачей и получением налоговых бюллетеней и сроками уплаты, подъемов Сены, крушением экспрессов, бурей в Ламанше, рекламой нового романа, срок жизни которому оплаченные дни рекламы, выступлениями коммунистов, рижским заговором в Москве, мировым рекордом «пяtilетки», советским демпингом, войной неизвестно с кем в Китае, восстаниями в колониях, биржевой паникой в Америке, землетрясениями на Формозе, очередными перелетами через океан, изобретениями истребительных газов и разговорами о всеобщем разоружении, убийствами и самоубийствами и пышными похоронами мексиканского или чикагского бандита, – так восчувствовал эту реальность с улицами, строящимися домами, банками, почтовыми бюро, табачными и нетабачными бистро – да ему просто больно было бы поступить по-набоковски. Ясно, недоразумение (Ремизов 2002, 9: 114–115; курсив везде мой. – С. Д.)².*

С одной стороны, на роль прототипа «музыканта Набокова» подходит в первую очередь композитор и музыкальный критик Николай Дмитриевич Набоков (1903–1978). В 1923–1933 гг. Н. Набоков жил в Париже, где активно сотрудничал с «Русским балетом» С. П. Дягилева, публиковался в журнале «Числа» в качестве

² Раздел «Zut» гл. «Индустриальная подкова» впервые был напечатан в 1931 г. (под заглавием «Индустриальная подкова») и уже включал этот эпизод с «музыкантом Набоковым» (см.: Ремизов 1931a: 109–110).

музыкального критика³. Но, с другой стороны, Н. Набоков не принадлежал к близкому окружению Ремизова, и его упоминание в «Учителе музыки» выглядит недостаточно мотивированным⁴. Однако есть одно обстоятельство, которое придает упоминанию этой фамилии (*Набоков*) скрытый смысл. Ведь *Набоков* – фамилия, известная в истории русской эмиграции не столько как фамилия композитора Н. Набокова, сколько как фамилия писателя В. В. Набокова (Сирина). Это обстоятельство вынуждает присмотреться более внимательно к истории о «музыканте Набокове» – она напоминает знаменитые ремизовские анекдоты, которые он сочинял о своих берлинских и/или парижских знакомых⁵, и потому вынуждает подозревать скрытый игровой подтекст всего

³ См.: Набоков Н. 1930: 217–228; Набоков Н. 1930–1931: 200–203; Набоков Н. 1931: 212–215. В этом же журнале публиковались и рассказы Ремизова (см.: Ремизов 2015: 190, 196, 199, 201).

⁴ О композиторе Н. Набокове см.: Российское зарубежье 2010: 240. Свидетельства личного знакомства Ремизова с Н. Набоковым не обнаружены, хотя оно могло состояться еще в 1921–1923 гг. в Берлине, где оба печатались в газете «Руль». Отметим, что Н. Набоков в своей мемуарной книге «Багаж: Мемуары русского космополита» (Набоков Н. 2003) Ремизова не упоминает.

⁵ См., например, такой анекдот про Н. А. Бердяева: «Старые марки Корнетов употреблял для своего архива: он наклеивал их к письмам, чтобы отличать, из какой страны письмо – для «удобства быстрого нахождения адресата», хотя это мало чему поможет, и когда надобилось, примется искать, перелистывает–перелистывает, да так и бросит: адресаты, запестренные марками, ловко от него прячутся. Но кроме того, по одному экземпляру клеивал он в свои самодельные географические альбомы вместе с деньгами, портретами королей и диктаторов – соблазн для всех, кто пережил в Германии инфляцию, был и миллионщиком и миллиардером, через руки которого прошли всевозможные денежные знаки, впоследствии «аннулированные». Но тут ничего нет особенного – это общечеловеческое, а вот, что все мы, бесчисленные его гости, по его наущению собирали марки для философа Бердяева и посылали их Бердяеву в Кламар, вот это удивительно. Давно я мечтал познакомиться с Бердяевым. В России, хоть я и бывал в Москве, трудно это было осуществить: я по профессии бухгалтер и никаких у меня философских вопросов нет. А тут такой блестящий случай: набрал я порядочную стопку голубых двадцатипятисантимных и решил лично поднести философу. И поднес – и, выражая ему всякие чувства его почитателя, замечаю, что–то неладно: развернул он конверт и несколько марок на пол уронил. «Старые марки, – говорит, – мне ни к чему, я наклеиваю всегда новые!» Эти слова я очень хорошо запомнил. «Как же так! – говорю. – Мы все уж с год вас снабжаем!» А он расхохотался: «Вы верно от Корнетова?» Хорошо еще, что все так кончилось: посудите сами, я, как говорится, девятый год в изгнании, мое искреннее желание познакомиться

«набоковского» эпизода. Иными словами, за безобидным намеком на якобы композитора Н. Набокова может скрываться другой намек, подразумевающий также его более знаменитого двоюродного брата – писателя В. Набокова. А ежели это действительно так, то дополнительный смысл приобретает само определение этого двойственного «Набокова» как «музыканта».

На вероятность такой интерпретации эпизода с «музыкантом Набоковым» указывает и сама увязка «музыкального» мотива с Александром Александровичем Корнетовым. Напомним, что в книге Ремизова «Учитель музыки» Корнетов – персонаж во многом автобиографический, и в нем угадываются черты личности и биографии самого Ремизова. Об этом Ремизов пишет в главе «Чинг-Чанг»:

Прошу не путать никого с Александром Александровичем Корнетовым, ни из его знакомых и приятелей, это я сам. Имя Корнетову дано было еще в Петербурге в честь Александра Александровича Блока, а фамилия «Корнетов» не столько инструментальная по профессии учителя музыки, сколько кавалерийская: заветная мечта Александра Александровича, которую он неоднократно высказывал, – «быть бы мне лихим корнетом, ездить на коне, как у Толстого в “Войне и мире”, выделять всякие ухарские штуки – фамилия Корнетов дана по контрасту с его небоевым образом жизни (Ремизов 2002, 9: 437).

И хотя Ремизов утверждает, что «фамилия “Корнетов” не столько инструментальная по профессии учителя музыки, сколько кавалерийская» (Там же),⁶ это отнюдь не означает полное дезавуирование «музыкального» мотива, так как это определение Корнетова на самом деле амбивалентное: «Корнетов – учитель музыки, никакой музыкант» (Там же: 114). Что стоит за этой несколько парадоксальной характеристикой? Нам представляется, что

с нашим знаменитым философом, ведь он же мог обидеться! Оказалось, Корнетова он давно знает – старые приятели (Ремизов 2002, 9: 47–48).

⁶ О «кавалерийском» подтексте фамилии *Корнетов* см. также: Доценко 2021: 124–128.

слово «музыка» в данном случае является субститутотом слова «писательство», а слово «музыкант» – субститутотом слова «писатель» (или: «мастер словесности»).

В рассуждениях о своем опыте писательства Ремизов зачастую прибегает к музыкальной аналогии (например, в гл. «Эпиталама» мемуарной книги «Иверень»):

<...> У меня одна была цель и единственное намерение: исполнить словесные вещи, как музыкант исполняет музыку на своем инструменте. Моя рукопись как партитура, но не линейные знаки, а знаменные. А “по крюкам” кто ж нынче поет? И мои несомненные партитуры – никогда у меня не было гордого чувства музыканта, что вот, наконец, достиг! – на редкий слух и уменье, запечатаны» (Ремизов 2000, 8: 269)⁷.

Иными словами, в сознании Ремизова рукопись произведения – это *партитура*, а писатель – *музыкант-исполнитель*⁸. В биографической книге Н. В. Кодрянской находим аналогичные рассуждения Ремизова, в которых раскрывается музыкальная сущность его словесного творчества (гл. «Ремесло писателя»):

Из меня не вышло музыканта и музыку я перевел в слово (Кодрянская 1959: 99).

Слово из чувства, мысли – не обрывок, а звучащая фраза. <...> Это как навязчивая мысль или мотив. Надо записывать тотчас зазвучавшую фразу, по ней потом все оживет, она никогда не заглохнет (Там же: 128).

Слова ко мне приходят не вихрем, а звучат из боли, они не выговариваются, а поются. Слова мои из музыки (Там же: 139).

⁷ См. также: «На публичных вечерах с легким сердцем я читал Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского, Лескова, Щедрина, Некрасова, Слепцова – я и на них смотрю, как на музыкантов – а свое с большим натрудом, и всегда стеснясь» (Ремизов 2000, 8: 269).

⁸ См. также утверждение Ремизова: «Рукопись приближается к партитуре» (Кодрянская 1959: 140).

Отметим также любопытное противопоставление: «Моя рукопись как партитура, но не линейные знаки, а знаменные» (Ремизов 2000, 8: 269)⁹. «Линейные знаки» – это, конечно же, известные нотные знаки, которые записываются на нотном стане, состоящем из 5 линий («линейная нотация»). «Знаменные знаки» – это нотация, которая использовалась в Древней Руси с XII в. В знаменной нотации использовались графические знаки (славянские и греческие буквы), которые напоминали «крюки». Знаменная («крюковая») нотация использовалась для богослужебного пения, которое называлось также «знаменным распевом»¹⁰.

Что хотел сказать Ремизов, когда подчеркивал, что его рукопись – «знаменные знаки»? Очевидно, он указывал на свою ориентацию как писателя на допетровскую словесную традицию, и, в частности, на словесный «лад» протопопа Аввакума. Показательно восприятие Ремизовым «Жития протопопа Аввакума»:

Вслушиваясь в житие, я почувствовал, какая это книга! Склад ее речи был мне, как столповой распев Московского Успенского Собора, как перелеты Кремлевского красного звона. А потом уж я оценил и как меру «русского стиля» наперекор модернизированным былинам и билибинской «подделке», невылазно-книжному «Слову о полку Игореве», гугнящим, наряженным в лапти, «гусярам» и тому крикливому, и не без хвастовства, «истиннорусскому», от чего мне было всегда неловко и хотелось заговорить по-немецки (Ремизов 2000, 8: 112)¹¹.

⁹ В письме к Кодрянской от 8 сентября 1947 г. Ремизов опять сравнил свою книгу с партитурой: «Когда-нибудь, если сумею, я расскажу вам о сложной конструкции “Мышкиной дудочки”. Сувчинский музыкант, для него легко было читать, как партитуру» (Кодрянская 1977: 79).

¹⁰ См.: Знаменный распев 1894: 617; Лозовая 2009: 278–285.

¹¹ Отметим, что и здесь Ремизов воспринимает словесный текст «Жития протопопа Аввакума» как звучащий, т. е. по сути дела – как музыкальный («как столповой распев»). См. также: «Я подразумеваю “русскую прозу” в ее новом, а в сущности, древнем ладе: в ладе красного звона и знаменного распева, в ладе “природной речи” ...» (Ремизов 2000, 8: 132).

В книге «Учитель музыки» (гл. «Камертон», подглавка «Кран гиппопотама») есть еще один фрагмент, в котором Ремизов объясняет выражение «учитель музыки»:

А у Корнетова его камертон. Единственное, что он вывез из России, этот камертон. И этот камертон был тот знак, который отличал его от других, и та заветная вещь – бесполезная, с которой он не расставался на всех путях своей жизни. Корнетов имел звание учителя музыки, хвастал своим слухом и точностью, вспоминал своего приятеля Слонимского, у которого образцовый слуховой аппарат – «абсолютный слух». Но этот замечательный Слонимский, как я узнал, дирижировал оркестром в Бостоне, а не менее замечательный Корнетов что-то не слышно, чтобы имел уроки, да и инструмента у него никакого не было, один камертон. Да и мудро: в Берлине или Париже русский учитель музыки – ну, Костанов не в счет, Костанов профессор «ненормальной консерватории!» – а таких «нормальных» тут на каждом углу: учитель. Дни Корнетова проходили в хозяйстве, чтении и рисовании (Ремизов 2002, 9: 208).

Здесь примечательны два аспекта. Рассуждая о Корнетове, который «имел звание учителя музыки», Ремизов апеллирует к именам известных музыкантов: пианиста, композитора, дирижера Н. Л. Слонимского и пианиста-педагога П. М. Костанова. Но, в отличие от загадочного «музыканта Набокова», эти два музыканта идентифицированы Ремизовым вполне определенно: Слонимский – как дирижер оркестра в Бостоне (Слонимский в 1927–1934 гг. руководил основанным им камерным оркестром в Бостоне), а Костанов – как профессор Берлинской консерватории. Известны два рисунка Ремизова, на которых изображен Костанов. Один из них, датированный февралем 1922 г., сопровождается текстом:

Pierre Kostanoff / Петр Маркович Костанов / Berlin / 1922 / II / Pierre Kostanoff anc. / Prof. du piano au conservatoire de Berlin (Ремизов 2003а: 91).

Второй датирован 1931 г. и сопровождается текстом:

Pierre Kostanoff / 1931 / Paris / Петр Маркович Костанов читает лекцию в Лондоне / о постановке рук / А. Ремизов. Учитель музыки (Ремизов 2003а: 92)¹².

Но, как и в гл. «Индустриальная подкова», имена музыкантов (в данном случае – Слонимского¹³ и Костанова) должны опять подчеркнуть, что Корнетов – «никакой музыкант», и вовсе даже не «учитель музыки», поэтому он занимается «чтением и рисованием» (как и его прототип, писатель и рисовальщик Ремизов). Но почему Ремизов аттестует Корнетова (по сути дела, самого себя) как «никакого музыканта»? По той же, видимо, причине, по какой Ремизов и себя самого не считал настоящим писателем.

«Писали в московских газетах <...> чтобы “вычеркнуть меня из писателей” – чудаки! Да у меня тогда и претензии этой ну ни-

¹² Кроме того, сохранился инскрипт Ремизова Костанову на форзаце книги «*Sentiers vers l'invisible. Nouvelles*» (см.: Remizov 1945), который датирован 14 августа 1945 г.: «Петру Марковичу Костанову, не забываю и никогда не забуду, верному, нежному и чудесному “учителю музыки”. Алексей Ремизов» (Ремизов 2003а: 93). Добавим также, что Костанов – частый персонаж «графического дневника» снов А. Ремизова (см.: Ремизов А. М. Именинный графический полупряник. Тырло. 550 снов. 22. XII. 1933–8. XI. 1937. – РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. I. Ед. хр. 46. Л. 65, 67, 79, 82, 87, 100, 109, 121, 130, 134, 140, 149, 157, 167, 172, 191, 199, 206, 252, 261, 278, 292, 296, 300, 307, 323, 347, 360).

¹³ 1931 г. датируется рисунок Ремизова, на котором изображен Слонимский, дирижирующий в концерте, где исполнялись «Интегралы» Эдгара Вареза в Париже 11 июня 1931 г. Об этом вспоминал сам Слонимский: «Алексей Ремизов, русский писатель-эмигрант, чье имя знает каждый интересующийся русской литературой, пришел на мой концерт и описал свои впечатления в сюрреалистических тонах (он также изобразил меня, дирижирующего Эйфелевой башней, на абстрактно-экспрессионистском портрете) <...>» (Слонимский 2006: 180; см. также: Slonimsky 1988: 124). Рисунок Ремизова см. на вкладке: № 17. *Surrealist impression of my conducting in Paris, 1931* (Slonimsky 1988: 120–121). Однако этот рисунок отличается от другого рисунка Ремизова, также изображающего Слонимского во время исполнения «Интегралов» Вареза в Париже 11 июня 1931 г. (см.: *Images of Aleksej Remizov* 1985: 58). Этому концерту Слонимского Ремизов посвятил рассказ «Интегралы. Сонорная геометрия» (см.: Ремизов 2002, 9: 221–225), который был опубликован в 1931–1932 гг. (см.: Ремизов 1931b: s. p.; Ремизов А. «Интегралы»: Звучащая геометрия. – Русский инвалид. 1932. № 41. 22 мая. С. 8–9). Как сообщает А. Маклыгина, в 1931 г. Н. Слонимский в письме Э. Варезу процитировал (в английском переводе) отрывок из рассказа Ремизова «Интегралы. Сонорная геометрия» (см.: Маклыгина 2017: 42–43).

сколечки не было – какой я там писатель!» (Ремизов 1923: 83). В мемуарной книге «Подстриженными глазами» (1951) он заметит: «<...> Долго не мог принять я имени “писатель” <...>» (Ремизов 2000, 8: 50). А в мемуарной книге «Иверень» целая глава посвящена проблеме «писательства» Ремизова – он сравнивает себя с «великими», «классиками» русской литературы, и затем приходит к выводу:

Я и на Волково ходил – там Белинский, Добролюбов, Писарев, Шелгунов, Михайловский, Глеб Успенский: «Несу, говорю, имя писателя, а вашего труда не знал и не знаю». То же и в Невской Лавре, где Ломоносов, Карамзин, Жуковский, Крылов, Достоевский. И в Ново-Девичьем за Нарвской заставой перед могилой Тургенева, Некрасова, Салтыкова; и на Смоленском, где Блок и Аполлон Григорьев» (Ремизов 2000, 8: 265)¹⁴.

И вопреки глубокому сознанию о своей подделке, я лез и домогался, рассуждал о строчках и гонорарах <...> бесповоротно я втерся в профессиональный писательский круг (Ремизов 2000, 8: 265–266).

Примечательно словечко: не вошел, а «втерся». Та же мысль звучит в главе «Эпиталама» (о своем литературном дебюте 24 сентября 1902 г. в московской газете «Курьер»): «А никогда я не собирался “поступать” в писатели» (Ремизов 2000, 8: 270). «А попал я в литературу “по недоразумению” (наперед скажу, меня с кем-то спутали). А ведь как убедительно говорили люди и не простые: “брось и оставь!” (Отзыв Чехова, Короленко, Горького)» (Ремизов 2000, 8: 270)¹⁵.

¹⁴ Здесь ошибка Ремизова: И. С. Тургенев и М. Е. Салтыков-Щедрин похоронены на Волковом кладбище Петербурга.

¹⁵ Упоминание об отзывах А. П. Чехова и В. Г. Короленко имеет характер дискредитации классической мифологемы: «настоящий» писатель должен получить «благословение» на писательство от великого предшественника. Ремизова же никто из «великих» писателей не благословил, наоборот – отказал в праве на писательство, и это – знак «отверженности», «незаконности» его в кругу «настоящих» писателей. Он – писатель «случайный», «поддельный», «затесавшийся». Именно это он имеет в виду,

Наконец, важен и другой вопрос: почему Ремизов в 1931 г. решил таким образом подшутить над В. Набоковым? Позволим себе высказать предположение: именно в это время начинается достаточно трудный в жизни Ремизова период, когда его книги перестают издавать, и единственная для него возможность заработка – эпизодические публикации в эмигрантских газетах и журналах, причем Ремизов нигде не был постоянным и высокооплачиваемым автором. Как вспоминал сам Ремизов, «[п]оследние годы 1931–49 <...> у меня не осталось никакой надежды увидеть мои подготовленные к печати книги, а в русских периодических изданиях оказалось, что для меня “нет места” и я попал в круг писателей, “приговоренных к высшей мере наказания” или, просто говоря, обреченных на смерть <...>» (Ремизов 2003b, 10: 398). А в письме М. В. Вишняку от 3 марта 1931 г. Ремизов сообщал (не без некоторой обиды): «Кроме того, обращаю Ваше внимание, что с 1928 г. (с XXXIV) я перестал существовать в “С<овременных з<аписках>”» (Ремизов 2014: 488).

На этом фоне литературный успех молодого писателя В. Набокова, которого много и охотно печатали (в частности, в 1929–1931 гг. в журнале «Современные записки» были напечатаны романы Набокова «Защита Лужина» и «Подвиг», а также повесть «Соглядатай»)¹⁶, вполне мог вызвать ироническую реакцию обойденного вниманием писателя Ремизова. Показательно, что в 1929–1930 гг. «Современные записки» не напечатали ни одного произведения Ремизова, а в предыдущие и последующие годы произведения Ремизова публиковались не чаще, чем раз в год, а то и реже¹⁷.

когда в книге «Иверень» пишет: «<...> Не могу я, как равный с равным, и говоря, смотрю снизу вверх, я – не “настоящий”» (Ремизов 2000, 8: 265).

¹⁶ В 1920–1929 гг. (39 выпусков журнала) в «Современных записках» были напечатаны 4 произведения Набокова (3 стихотворения, 1 рассказ, «Университетская поэма»), а в 1930–1940 гг. (31 выпуск) – 18 произведений (6 романов, 1 повесть, 6 стихотворений, 3 рассказа, статья и рецензия). В данной связи см. также: Шраер 2000: 159.

¹⁷ См.: Аннотированная роспись 2010: 297–483. Если посмотреть на статистику публикаций произведений Ремизова в журнале «Современные записки», то картина выглядит так: за 1922 г. – 3 публикации (№ 9, 12, 13), за 1925 – 4 (№ 23–26), за 1926 – 1

Для взаимной неприязни Набокова и Ремизова именно в конце 1920-х–начале 1930-х годов была и другая причина. В рецензии на книгу Ремизова «Звезда надзвездная» (1928) В. Набоков крайне резко отозвался о языке и стиле легенд Ремизова, отказывая ему в «мастерстве», «воображении» и «вкусе»:

Читая сказания Ремизова, поражаешься их безнадежной пресности, т. е. не находишь в них именно того, что одно может оправдать этот литературный жанр. Не оправданием является и то, что Ремизов, дескать, подражает древним апокрифам, сказаниям калик переходящих. В апокрифе, в легенде есть антикварное очарование, таинственные перспективы древнего мышления, пейзажи, облагороженные далью, символы, которые во время оно были полны благоухания и значений. Надобно какое-то особое вдохновенное воображение, необыкновенное мастерство, чтобы сочинить такие же бесхитростные сказки, какие сочинялись в старину. Ни особого воображения, ни особого мастерства у Ремизова не найдешь. Сказки в этой книге производят впечатление чего-то неустойчивого, безответственного, случайного. Когда автор приводит ряд образов (а рядов, перечислений, описей – хоть отбавляй), не чувствует читатель того внутреннего закона, который, глубже ритма и вернее смысла, определяет количество и качество данных образов. <...> «Гремит ад громом, бурит бурей» – внакидку вяжет автор, – и читатель автоматически прибавляет «огнит огнем». Автор играет в кубики. Автор играет в перечисления. Автор играет в очень скучную игру.

Добро еще, если бы слог Ремизова был безупречен. Но, увы, – какая небрежность, какой случайный подбор слов, какой, подчас, суконный язык...¹⁸.

(№ 27), за 1927 – 1 (№ 30), за 1928 – 1 (№ 37), за 1931 – 1 (№ 47), за 1932 – 1 (№ 50), за 1933 – 1 (№ 51), за 1936 – 1 (№ 61), за 1937 – 1 (№ 64), за 1938 – 1 (№ 66). В 1923–1924, 1929–1930 и в 1934–1935 гг. произведения Ремизова в «Современных записках» не публиковались.

¹⁸ Сирий В. [Набоков В. В.]. «Звезда надзвездная». УМСА. Париж. – Руль. 1928. № 2424. 4 ноября. С. 4; см. также: Набоков 1999–2000, 2: 665–666.

А в рецензии на XXXVII-й выпуск журнала «Современные записки» Набоков опять довольно язвительно писал о Ремизове, не скрывая своего раздражения:

Засим, – «Московские любимые легенды». Поклонников Ремизова эти легенды (о Николае и его чудесах), вероятно, приведут в восторг; обыкновенному же читателю будет скучновато. Нельзя безнаказанно писать о чудесах: чудесное испаряется. Механическое появление чудотворца Николая, особенно во время кораблекрушения (в новой книге Ремизова «Три серпа», издательство «Таир», Париж, – корабль тонет чуть ли не на каждой странице), утомляет и читателя, и чудотворца. Неутомим только сам Ремизов. Нарочитая наивность этих легенд так раздражает, что иное меткое слово автора как-то даром пропадает, теряется в общем докучном узоре. И что уже вовсе неприемлемо – это анахронизмы. Прелесть анахронизмов, встречающихся в древних апокрифах, – заключается в том, что они естественны; там нехитрое воображение преломляет незнакомое в знакомые образы, превращает пальму в березу. Ремизов же щеголяет сознательными анахронизмами, на фоне древнего быта, для изображения которого потребовалось глубокое знание старины – я бы сказал, навык старины. Это несомненное знание и делает его анахронизмы неприятными. Кроме того, в них чувствуется не столько московский быт (как, казалось, должно было быть, судя по заглавию), сколько русский Париж¹⁹.

Первая рецензия В. Набокова (на книгу А. Ремизова «Звезда надзвездная») спровоцировала крайне неприятный для него скандал в берлинском Клубе поэтов. Художник Н. В. Зарецкий, друг и поклонник творчества Ремизова, был возмущен этой оскорбительной рецензией В. Набокова и написал большую ответную статью, достаточно резкую и нелицеприятную для последнего (см.: Обатнина 2001: 252–257).

¹⁹ Сиринов В. [Набоков В. В.]. «Современные записки». XXXVII. – Рувль. 1929. № 2486. 30 января. С. 2. (в рецензии речь шла о публикации: Ремизов 1928: 90–113); см. также: Набоков 1997: 26–28; Набоков 1999–2000, 2: 668–671.

В частности, Зарецкий утверждал: «В этой рецензии (т. е. г. Сирина) я вижу кощунственное отношение к имени русского писателя, писателя большого, прекрасного, и такое выступление рецензента подобно плевку на алтарь поэта, где пылает его священный огонь» (цит. по: Обатнина 2001: 256). А чуть ранее Зарецкий сравнил эту ситуацию с той, в которой Ф. В. Булгарин написал «несправедливейшую и пошлейшую» статью о «Евгении Онегине» А. С. Пушкина (см.: Обатнина 2001: 256). Свою статью Зарецкий 20 сентября 1928 г. отправил Ремизову с предложением опубликовать ее в одной из парижских газет. В ответном письме Ремизов поблагодарил Зарецкого, но посетовал на то, что не представляет, кто бы мог опубликовать эту статью. С. П. Ремизова-Довгелло в дополнении к письму Ремизова высказалась более откровенно:

Дорогой Николай Васильевич, спасибо за Ваше возмущение Сирином, я бы очень хотела, чтобы Вы были здесь. Его рецензия глубоко невежественная и наглая. Мы думаем, что сделал он по желанию Бунина, который Алек<се>я Мих<айлович>а готов проглотить, так как это ему один соперник, все другие перед ним на задних лапках. Если бы в «Руле» можно было поместить Ваш ответ, было бы очень хорошо. А здесь мы не знаем, куда. За себя ведь неудобно заступаться, да и неизвестно, здесь никого нет. Если бы Вы знали, какие труссы здесь почти все (цит. по: Обатнина 2001: 257).

Статья Зарецкого не была напечатана, но была им прочитана на одном из заседаний берлинского Клуба поэтов, на котором присутствовал В. Набоков. Подробный отчет о том, что случилось на этом заседании, Зарецкий отправил Ремизову в Париж 31 декабря 1928 г.:

С началом чтения все затихло, замерло, все напряженно слушают. «И это про Ремизова, – читаю я, – вот так шутка!». Общий хохот. Продолжаю. В некоторых местах моего чтения снова дружный хохот. Наконец, чтение кончено. Все словно оцепенели. Впечатление было огромное, словно разразившаяся бомба оглушила всех,

а рассказ об VII главе и затем цитата из Блока о черни, как удар бича со всего лихого размаха силою. Все растерялись. Молчание. Наконец, взволнованный Сирина, покрасневший, стараясь быть спокойным, обращается ко мне: «Вы меня сравниваете с Булгариным?» – «Нет, я вас не сравнивал с Булгариным, но нахожу литературную аналогию между его критикой на VII главу «Онегина» и вашей рецензией на книгу А. М. Ремизова», – отвечал я. «Разве вы не знаете, что Булгарин служил в III отделении?» – спрашивает он. «Да, знаю, читал! Но повторяю, что здесь речь идет об литературной аналогии». Сирина берет за руку свою жену, встает и, обращаясь ко мне, говорит: «Я оскорблен», и далее, сказав мне дерзость, торопливо уходит (цит. по: Обатнина 2001: 258–259).

В конце своего письма Зарецкий высказал и свое мнение о реакции В. Набокова: «То, что он сказал – “я оскорблен”, – неправда. Он просто был морально избит и растоптан. И то, что он выругался, говорит о том, как он пуст, ничтожен» (цит. по: Обатнина 2001: 260; также см.: Поляков 2018: 430–431).

Можно полагать, что вся эта скандальная (и оскорбительная для В. Набокова) история во многом определила его неприязненное отношение к Ремизову. О негативном отношении Ремизова к В. Набокову как писателю свидетельствует также В. С. Яновский:

О «Воспоминаниях» Бунина часто отзывались с возмущением... В самом деле, ни к одному из своих современников он не отнесся с участием (одно исключение, кажется, Эртель). Но то же самое проделывал и Ремизов: всех разносил, ругал и порицал. С той разницей, конечно, что был он типичным неудачником, без Нобелевских медалей, и ему должно прощать известную долю завистливой горечи. Все писатели, разумеется, не знают русского языка и берутся не за свое дело... Особенно доставалось тем, кому хоть немного везло, – Бунину, Сирину. Ремизов хватал очередную книжку «Современных записок», где тогда без перебоя, из номера в номер печатался Сирина, и, читая вслух старательно подчеркнутую фразу, например, «От стихов она требовала ямщик-не-гонимого...», возмущенно жаловался:

– Вот давно избитое выражение «цыганщина», «романс» он заменяет строкой из пошлой песни и думает, что состряпал нечто новое! А все потому, что берутся не за свое дело» (Яновский 1993: 189)²⁰.

Очевидно, что у Ремизова вызывал раздражение и неприятие литературный стиль Набокова-писателя.

Впрочем, отношение В. Набокова к Ремизову было аналогичным, о чем свидетельствует биограф В. Набокова:

Некоторые ставили Ремизова на один уровень с Буниным, но Набоков так не считал: «Он питал ко мне отвращение. Мы были очень вежливы по отношению друг к другу... Единственное, что было в нем приятно, так это то, что он действительно жил литературой». Набоков иногда встречал его в редакциях французских журналов. Как-то раз Набоков разговаривал с Джойсом в редакции *Nouvelle Revue Française*, и Джойс у него спросил, знаком ли тот с Ремизовым. «Да, знаком, да. А почему вы спрашиваете?» – ответил Набоков в недоумении, которое он быстро поборол. «Джойс, понимаете ли, думал, что Ремизов был значимым писателем!» Но ни Набоков, ни его жена как будто не слышали положительных отзывов о произведениях Ремизова. Предполагаю, что дело тут было не только в литературном предпочтении, однако причина такой устоявшейся затаенной зависти никогда не объяснялась (Field 1986: 188; перевод Е. С. Доценко)²¹.

²⁰ Мемуарист не совсем точно воспроизводит цитату из романа В. Набокова «Дар» (1937): «От стихов она требовала *только ямщикнегилошадейности* <...>» (Набоков 1999–2000, 4: 260; курсив мой. – С. Д.). Заметим также, что критическая реплика Ремизова в адрес Набокова-писателя строится на музыкальном мотиве, так как поводом стала аллюзия Набокова на цыганский романс.

²¹ “Some ranked Remizov alongside Bunin, but Nabokov did not: ‘He detested me. We were very polite to each other... The only nice thing about him was that he really lived in literature.’ Nabokov would from time to time meet him in the offices of French journals. Once Nabokov was talking to Joyce at the *Nouvelle Revue Française*, and Joyce asked him whether he knew Remizov. ‘Why, yes, why do you ask?’ Nabokov responded in perplexity which he reenacted for my benefit. ‘Joyce, you see, was under the impression that Remizov mattered as a writer!’ Neither Nabokov nor his wife would hear a good word said about Remizov’s writing. There

В. Набоков не очень часто упоминал Ремизова в своих мемуарных текстах, однако есть основания полагать, что за творчеством писателя следил более-менее внимательно²². В интервью О. Тоффлеру (март 1963 г.) он признавался: «Настоящий писатель должен внимательно изучать творчество соперников, включая Всевышнего» (Набоков о Набокове 2002: 142). Ремизов, судя по немногочисленным откликам В. Набокова, воспринимался им как такой соперник.

Если верно допущение, что шутка Ремизова о «музыканте Набокове» метит в том числе в писателя В. Набокова, то получает смысл загадочный казус – «музыкант Набоков», «меня квартиры, адресов не оставляет, и письма ищут его по всему Парижу и, нигде не находя, возвращаются»: речь идет о человеке, само существование которого ставится под сомнение. Иными словами, В. Набокова как писателя якобы просто не существует, он – не более, чем миф²³.

На это косвенно указывает и другой любопытный факт: в 1931 г. Ремизов рисует портрет, на котором изображен профиль композитора Н. Набокова (см.: *Images of Aleksey Remizov* 1985: 42). Обычно ремизовские рисунки художников, музыкантов, театральных деятелей сопровождались указанием на то, кто именно изображен на рисунке. Например, на рисунках-портретах Ф. И. Шаляпина, Н. Н. Евреинова, А. Н. Бенуа, Вс. Э. Мейерхольда,

was very likely something more than literary taste involved, but the cause of the long-held grudge was never explained” (Field 1986: 188).

²² В романе В. Набокова “Look at the Harlequins!” (1974) находим карикатурный портрет Ремизова, который угадывается в образе Василия Соколовского: «Фигурой куда менее привлекательной был старинный соперник И. А. Шипоградова, щуплый чело-вечек в обвислом костюме, Василий Соколовский (странно прозванный И. А. “Иере-мией”), который с начала столетия посвящал том за томом мистической и обществен-ной истории украинского клана, основанного в шестнадцатом веке скромной семьею из трех человек, но к тому шестому (1920-й) ставшего целым селом, обильным мифоло-гией и фольклором» (Набоков 1999, 5: 164–165; перевод С. Б. Ильина). См. подробный разбор: Доценко 2015: 193–205. Кроме того, в романе Набокова “Pnin” (1957) пародийно описана супружеская чета русских эмигрантов Олега и Серафимы Комаровых, про-то-типом которой стала супружеская чета А. М. Ремизова и С. П. Ремизовой-Довгелло (см.: Безродный 1990: 625–628).

²³ Нюанс этого сюжета еще и в том, что до 1937 г. В. Набоков постоянно проживал в Берлине, а в Париже появлялся лишь эпизодически.

Н. Ф. Балиева указана только фамилия изображенного, а на рисунках, изображающих Н. Л. Слонимского, П. М. Костанова, С. К. Маковского, М. П. Чехова, Анну Павлову, К. А. Коровина, указаны дополнительно либо имя, либо инициалы. Очевидно, что Ремизов указывает на рисунках имя и инициалы в том случае, когда их отсутствие может породить ошибку в идентификации изображенного на рисунке лица.

Необычность ремизовского портрета «Набоков» заключается в том, что под ним значится только фамилия, без указания имени или инициалов. Учитывая внешнее сходство двоюродных братьев, это обстоятельство затрудняет идентификацию изображенного на нем лица: это музыкант (композитор) Н. Набоков, или это – писатель В. Набоков? Вопрос разрешается в пользу композитора Н. Набокова только благодаря авторскому предисловию к альбому рисунков «Театр», в котором перечислены имена и фамилии 20 персонажей, изображенных на рисунках-портретах (см.: Images of Aleksey Remizov 1985: 32). Иными словами, и ремизовский рисунок-портрет «Набоков» продолжает сохранять неопределенность и амбивалентность, которые присущи этому персонажу из книги «Учитель музыки».

По своему обыкновению Ремизов избегал публично отвечать на выпады в свой адрес, но, однако, не упускал случая подшутить над обидчиком на страницах своих книг, и тогда этот обидчик становился объектом розыгрыша или мистификации. Как представляется, в случае с «музыкантом Набоковым» мы имеем дело именно с такой скрытой сатисфакцией: ремизовский розыгрыш метит не только в композитора Н. Набокова, но в большей мере – в писателя В. Набокова (Сирина)²⁴.

²⁴ В. Набоков, по свидетельству своего кузена-композитора, был далек от увлечения музыкой: «<...> Сторонился наших игр и не принимал участия ни в домашнем музицировании, ни в других наших развлечениях. У него были собственные излюбленные занятия – коллекционирование бабочек, шахматы, теннис» (Набоков Н. 2003: 136–137). См. также замечание о другом брате, Сергее Набокове: «В отличие от Владимира, он любил музыку» (Набоков Н. 2003: 133). Сам В. Набоков признавался в 1964 г.: «У меня нет музыкального слуха, это недостаток, о котором я горько сожалею. <...> Я очень поверхностно знаю музыку; у меня есть особая причина считать эту мою

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аннотированная роспись 2010. Аннотированная роспись содержания журнала «Современные записки» / Сост. М. Шруба. – Вокруг редакционного архива «Современных записок» (Париж, 1920–1940): Сборник статей и материалов / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение. С. 297–449.
- Безродный М. 1990. Супруги Комаровы: Заметка на полях «Пнина». – *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 31. № 4 (Octobre-Décembre). С. 625–628.
- Грачева А. М. 2008. Романные эксперименты А. Ремизова 1930-х годов и «Хитроумный идалго дон Кихот Ламанчский» М. Сервантеса. – *Русская литература конца XIX – начала XX века в зеркале современной науки: В честь В. А. Келдыша. Исследования и публикации*. М.: ИМЛИ РАН. С. 245–254.
- Доценко С. 2015. «Несвоевременная рокировка»: А. Ремизов глазами В. Набокова. – *Культура русской диаспоры: Знаки и символы эмиграции. Сборник статей*. М.: Флинта; Наука. С. 193–205.
- Доценко С. 2021. О литературном генезисе имени героя книги А. Ремизова «Учитель музыки». – *Георгий Адамович и... (К проблеме изучения культуры русской диаспоры): Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева (1959–2020). Georgijs Adamovičs un krievu diasporas kultūra: Oļega Korosteļova (1959–2020) piemiņai*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds. С. 124–128 (*Rusistica Latviensis* 9).
- Знаменный распев 1894. Н. С. Знаменный распев. – *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон. Т. XIII. С. 617.
- Кодрянская Н. 1959. Алексей Ремизов. Париж: [б. и.].
- Кодрянская Н. 1977. Ремизов в своих письмах. Париж: [б. и.].
- Лозовая И. Е. 2009. Знаменная нотация. – *Православная энциклопедия*. Т. XX. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». С. 278–285.

безграмотность и неспособность прискорбной и несправедливой <...>» (Набоков о Набокове 2002: 145; перевод Д. Г. Федосова). Впрочем, Ремизов, скорее всего, не знал этих деталей биографии Набокова-писателя. А ироническое сближение В. Набокова с музыкой, вероятно, является отчасти обыгрыванием его литературного псевдонима: мифическая птица Сирин восходит к образу древнегреческой Сирены, которая отличалась сладкоголосым пением.

- Маклыгина А. А. 2017. Слово Вареза и о Варезе (Из архива композитора в Фонде Пауля Захера). – Журнал Общества теории музыки. № 3 (19). С. 40–50.
- Набоков В. 1997. <Рец. на:> «Современные записки». XXXVII. – В. В. Набоков: Pro et contra: Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. С. 26–28.
- Набоков В. 1999. Собр. соч. американского периода: В 5-ти тт. Т. 5. СПб.: Симпозиум.
- Набоков (Сиринъ) В. 1999–2000. Собр. соч. русского периода: В 5-ти тт. СПб.: Симпозиум.
- Набоков о Набокове 2002. Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе / Сост., предисловие, комментарии Н. Г. Мельникова. М.: Издательство «Независимая газета».
- Набоков Н. 1930. Прокофьев. – Числа. Кн. 2/3. С. 217–228.
- Набоков Н. 1930–1931. Музыка в Германии: Впечатления путешественника. – Числа. Кн. 4. С. 200–203.
- Набоков Н. 1931. Музыка в Германии (Продолжение). – Числа. Кн. 5. С. 212–215.
- Набоков Н. 2003. Багаж: Мемуары русского космополита. СПб.: Издательство журнала «Звезда».
- Обатнина Е. 2001. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Поляков Ф. 2018. «Мышонок»: Михаил Горлин в парижском окружении Алексея Ремизова. – Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts: Essays in Honor of Vladimir Khazan / Ed. by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Berlin et al.: Peter Lang. С. 423–440 (Stanford Slavic Studies. Vol. 48).
- Ремизов А. 1923. Кукха: Розановы письма. Берлин: Издательство З. И. Гржебина.
- Ремизов А. 1928. Московские любимые легенды. – Современные записки. Кн. XXXVII. С. 90–113.
- Ремизов А. 1931a. Индустриальная подкова. – Числа. Кн. 5. С. 109–110.
- Ремизов А. 1931b. Intégrales: Géométrie sonore. – Кино. № 12. s. p.

- Ремизов А. 2000. Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2002. Собр. соч. Т. 9: Учитель музыки. Каторжная идиллия. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2003а. Автографы: Из коллекции Дома-музея Марины Цветаевой. Каталог. М.: Дом-музей Марины Цветаевой.
- Ремизов А. 2003б. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга.
- Ремизов А. 2014. «Ведь и вправду: мое литературное бытие – курам на смех»: А. М. Ремизов / Публикация, вступительная ст. и примечания А. А. Данилевского и С. Н. Доценко. – «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Т. 4. М.: Новое литературное обозрение. С. 433–523.
- Ремизов А. 2015. А. М. Ремизов: Библиография (1902–2013). СПб.: Издательство «Пушкинский Дом».
- Российское зарубежье 2010. Российское зарубежье во Франции: 1919–2000. Биографический словарь: В 3-х тт. / Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 2: Л–Р. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010.
- Слонимский Н. 2006. Абсолютный слух: История жизни. СПб.: Композитор.
- Шраер М. Д. 2000. Набоков: Темы и вариации. СПб.: Академический проект.
- Яновский В. 1993. Поля Елисейские: Книга памяти. СПб.: Пушкинский фонд.
- Field, A. 1986. *The Life and Art of Vladimir Nabokov*. New York: Crown.
- Images of Aleksej Remizov 1985. *Images of Aleksej Remizov: Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas P. Whitney Collection*. [Amherst]: Mead Art Museum; Amherst College.
- Remizov, A. 1945. *Sentiers vers l'invisible*. Nouvelles / Trad. et préface de Jean Chuzeville. Paris: Éditions du Chêne.
- Slonimsky, N. 1988. *Perfect Pitch: A Life Story*. Oxford; New York: Oxford University Press.

REFERENCES

- A. M. Remizov: *Bibliografiia (1902–2013)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom," 2015.
- Bezrodnyj, M. "Suprugi Komarovy: Zаметka na poliakh 'Pnina'." *Cahiers du monde russe et soviétique* 31, no. 4 (Octobre-Décembre 1990): 625–628.
- Dotsenko, S. "Nesvoevremennaia rokirovka': A. Remizov glazami V. Nabokova." In *Kul'tura russkoi diaspory: Znaki i simvoly emigratsii. Sbornik statei*, 193–205. Moscow: Flinta; Nauka, 2015.
- . O literaturnom genezise imeni geroia knigi A. Remizova "Uchitel' muzyki." In *Georgii Adamovich i... (K probleme izucheniia kul'tury russkoi diaspory): Posviashchaetsia pamiati Olega Anatol'evicha Korosteleva (1959–2020). Georgijs Adamovičs un krievu diasporas kultūra: Oļega Korosteļova (1959–2020) piemiņai*. Rusistica Latviensis, Vol. 9, 124–28. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2021.
- Field, A. *The Life and Art of Vladimir Nabokov*. New York: Crown, 1986.
- Gracheva, A. M. "Romanye eksperimenty A. Remizova 1930-kh godov i 'Khitroumnyi idal'go don Kikhhot Lamanchskii' M. Servantesa." In *Ruskaia literatura kontsa 19 – nachala 20 veka v zerkale sovremennoi nauki: V chest' V. A. Keldysha. Issledovaniia i publikatsii*, 245–54. Moscow: IMLI RAN, 2008.
- Ianovskii, V. *Polia Eliseiskie: Kniga pamiati*. Saint Petersburg: Pushkinskii fond, 1993.
- Images of Aleksei Remizov: Drawings and Handwritten and Illustrated Albums from the Thomas P. Whitney Collection*. [Amherst]: Mead Art Museum; Amherst College, 1985.
- Kodrianskaia, N. *Aleksei Remizov*. Paris: [n. p.], 1959.
- . *Remizov v svoikh pis'makh*. Paris: [n. p.], 1977.
- Lozovaia, I. E. "Znamennaia notatsiia." In *Pravoslavnaia entsiklopediia*. Vol. 20, 278–85. Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia entsiklopediia," 2009.
- Maklygina, A. A. "Slovo Vareza i o Vareze (Iz arkhiva kompozitora v Fonde Paulia Zakhera)." *Zhurnal Obshchestva teorii muzyki* 3, no. 19 (2017): 40–50.
- N. S. "Znamennyi raspev." In *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. Vol. 12a, 617. Saint Petersburg: Tipografiia Akts. Obshch. Brockhaus-Efron, 1894.

- Nabokov o Nabokove i prochem: Interv'iu, retsenzii, esse.* Edited, prefaced and annotated by N. G. Mel'nikov. Moscow: Izdatel'stvo "Nezavisimaia gazeta," 2002.
- Nabokov, V. Review of *Sovremennye zapiski*. Vol. 37. In V. V. Nabokov: *Pro et contra: Lichnost' i tvorchestvo Vladimira Nabokova v otsenke russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei. Antologiia*, 26–28. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1997.
- . *Sobranie sochinenii amerikanskogo perioda*. 5 vols. Vol. 5. Saint Petersburg: Symposium, 1997.
- Nabokov (Sirin), V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Saint Petersburg: Symposium, 1999–2000.
- Nabokov, N. "Prokof'ev." *Chisla* 2/3 (1930): 217–28.
- . "Muzyka v Germanii (Prodolzhenie)." *Chisla* 5 (1931): 212–15.
- . "Muzyka v Germanii: Vpechatleniia puteshestvennika." *Chisla* 4 (1930–1931): 200–03.
- . *Bagazh: Memuary russkogo kosmopolita*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo zhurnala "Zvezda," 2003.
- Obatnina, E. *Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'ian'ia Velikaia i Vol'naia Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2001.
- Poljakov, F. "'Myshonok': Mikhail Gorlin v parizhskom okruzenii Alekseia Remizova." In *Across Borders: 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. Essays in Honor of Vladimir Khazan*. Edited by Lazar Fleishman and Fedor Poljakov. Stanford Slavic Studies. Vol. 48, 423–40. Berlin et al.: Peter Lang, 2018.
- Remizov, A. *Kukkhya: Rozanovy pis'ma*. Berlin: Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina, 1923.
- . "Moskovskie liubimye legendy." *Sovremennye zapiski* 37 (1928): 90–113.
- . "Industrial'naia podkova." *Chisla* 5 (1931): 109–110.
- . "Intégrales: Géométrie sonore." *Kino* 12 (1931).
- . *Sentiers vers l'invisible. Nouvelles*. Translated and prefaced by Jean Chuzeville. Paris: Éditions du Chêne, 1945.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 8, *Podstrizhennymi glazami. Iveren'*. Moscow: Russkaia kniga, 2000.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 9, *Uchitel' muzyki. Katorzhnaia idilliia*. Moscow: Russkaia kniga, 2002.
- . *Avtografy: Iz kollektzii Doma-muzeia Mariny Tsvetaevoi. Katalog*. Moscow: Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2003.

- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 10, *Peterburgskii buerak*. Moscow: Russkaia kniga, 2003.
- . “Ved’ i vpravdu: moe literaturnoe bytie – kuram na smekh’: A. M. Remizov.” Published, prefaced and annotated by A. A. Danilevskii and S. N. Dotsenko. In “*Sovremennye zapiski*” (*Parizh, 1920–1940*): *Iz arkhiva redaktsii*. Edited by O. Korostelev and M. Schruba. Vol. 4, 433–523. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Rossiiskoe zarubezh’e vo Frantsii: 1919–2000: Biograficheskii slovar’*. Edited by L. Mnukhin, M. Avril’, V. Losskaia. 3 vols. Vol. 2, *L–R*. Moscow: Nauka; Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2010.
- Schruba, M. “Annotirovannaia rospis’ sodержaniia zhurnala ‘Sovremennye zapiski.’” In *Vokrug redaktsionnogo arkhiva “Sovremennykh zapisok” (Parizh, 1920–1940): Sbornik statei i materialov*. Edited by O. Korostelev and M. Schruba, 297–449. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shrayer, M. D. *Nabokov: Temy i variatsii*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Slonimskii, N. *Absoliutnyi slukh: Istoriiia zhizni*. Saint Petersburg: Kompozitor, 2006.
- . *Perfect Pitch: A Life Story*. Oxford and New York: Oxford University Press, 1988.

БРЮСОВ И ХОКУСАЙ: ЗАМЕТКА ОБ ОДНОМ ЭРОТИЧЕСКОМ ОБРАЗЕ

П. Ф. Успенский

(Москва)

Эротический компонент культуры русского модернизма неоднократно привлекал внимание исследователей (см.: Эрос 1999). Особую роль в разработке языка для описания секса и эротики в русском символизме сыграл В. Брюсов, последовательно искавший новый поэтический язык для описания традиционно «стыдных» и табуированных тем (см.: Богомолов 1999: 224–258). В своих поисках Брюсов опирался, в частности, на изобразительное искусство¹. Цель этой заметки – проанализировать визуальный источник одного эротического образа брюсовских стихов.

В 1913 г. в Москве был опубликован поэтический сборник «Стихи Нелли». За именем неизвестной поэтессы скрывался Брюсов, совершивший очередную литературную мистификацию. Исповедальные стихи мозаичным образом описывали мироощущение современной женщины, ищущей любовных приключений и живущей соблазнами модернистского города².

Среди поэтических высказываний Нелли выделяется стихотворение «Ночной ропот» с несколько неожиданным для поэтической традиции финалом:

¹ Например, А. Агеева в докладе «“Овладение” Средневековьем в стихотворении В. Я. Брюсова „Das Weib und der Tod“ (1909): графические претексты и прагматика» (на XI конференции молодых филологов «Текст – комментарий – интерпретация», Москва, НИУ ВШЭ, 22–23.04.2022) убедительно показала, что ряд брюсовских поэтических образов опирался на средневековые эротические гравюры.

² О сборнике см. подробнее: Лавров 2007: 154–198; Чабан 2020: 94–108; Nasty 2019: 90–112.

Сладостно, с трепетом благостным, с лепетом радостным,
Руки вокруг милого тела во мгле обвивать.
Тягостно, с дрожью притворной, с волнением рассчитанным,
Мертвые губы к горячим губам прижимать!

Страшно, приемля в объятия чужую восторженность,
Страсти порыв на холодных покоя руках,
Шепот медлительный, ропот томительный слушаю,
Тщетно улыбку стараться сложить на устах!

Ночи глубокие, синие дали без месяца,
Запах весны, проходящий мятежно в окно, –
Магия ваша пустой декорацией зыблется
Тем, кому в вас потонуть всей душой не дано!

Там, далеко, колышется море Тирренское,
Камни с прибоем шумят, осыпаясь назад<.>
Ах, убежать бы на берег, в молчанье безлюдное,
Плечи и грудь облелеят<ь> весельем прохлад!

Влажные руки в истоме прижались мучительно,
Ласки прощальной властительно ищут уста.
О! словно щупальцы спрута сплелись безобразные;
О! словно я осьминогом на дне обвита!

(Стихи Нелли 1913: 35–36)

Как несложно заметить, в стихотворении противопоставляются два типа любовных утех – желанный секс двух любовников и мучительный, «мертвящий» секс без любви. Отдаваясь нелюбимому человеку, героиня не чувствует страсти и вынуждена разыгрывать роль («тщетно улыбку стараться сложить»). Она чувствует дереализацию – весенняя ночь кажется ей только «декорацией» – и мыслями уносится на безлюдный берег Тирренского моря. Однако сексуальная сцена доходит до своего апогея («прощальная ласка»), что вызывает в героине чувство отвращения и подталкивает ее найти метафору для своего состояния, – антиэстетическую метафору женщины, обвитой похотливым осьминогом.

Эта метафора нуждается в комментарии. Согласно данным НКРЯ (поэтический корпус), *осьминоги* в русской лирике появились в 1912 г. у М. Горького в поэтических вставках сказочного рассказа «Случай с Евсейкой». В песенке рыб попавший на дно герой сравнивается с осьминогом: «Не родня ли это чудо безобразным осьминогам?» (Горький 1951: 255). Синхронно с Нелли *осьминоги* появляются в метафорическом контексте в стихотворении Д. Бурлюка «Млечный путь» (опубликованном в том же 1913 г.), в котором галактика уподобляется щупальцам осьминога, а звезды – его присоскам: «Вверху плыли сосцы сосцы на осьминоге» (Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002: 119). *Спрут* (“крупный осьминог”) в русской поэзии возникает чуть раньше (впервые в 1905 г. у П. Ф. Якубовича), однако последовательно изображается как зловещее полумифологическое существо. Таким образом, эротический смысловой ореол *осьминога* впервые появляется в стихах Нелли и не находит прецедентов в русской поэтической традиции. Однако это, конечно, не означает, что Брюсов придумал этот образ самостоятельно.

Образ осьминога, занимающегося сексом с женщиной, связан с японской культурой. Сейчас он хорошо известен в молодежной субкультуре по всему миру благодаря жанру хентая тентакли (*яп.* 触手責め). Человек рубежа XIX–XX вв. был знаком с ним по сюнга (*яп.* 春画) – эротическому жанру гравюр укиё-э (*яп.* 浮世絵)³. Сюнга была популярна среди европейских интеллектуалов второй половины XIX – начала XX вв. О влиянии японской гравюры на европейскую живопись, а также на русскую культуру хорошо известно (см.: Вгу 2013; Молодяков 1996; Азадовский, Дьяконова 2017). Брюсов, безусловно, относился к тому кругу писателей, который был хорошо знаком как и с укиё-э, так и с гравюрами культового художника Кацусика Хокусаэ, канонизированного для европейского публики Э. де Гонкуртом (см.: Goncourt 1896). Брюсов глубоко интересовался культурой Японии (при том что в политическом плане он во время

³ См. подробнее: Buckland 2010; Shagan 2013, а также многочисленные другие публикации.



Илл. 1. Хокусай «Сон жены рыбака» (1814)

русско-японской войны высказывал отталкивающе имперские и милитаристские взгляды) (см.: Молодяков 1996; Дьяконова 2017: 283–289, Тырышкина 2019: 378–394). Представляется, что именно Хокусай и вдохновил «Нелли» на обсуждаемую антиэстетическую метафору.

В 1814 г. Хокусай создал гравюру «Сон жены рыбака» (яп. 蛸と海女; гравюра также известна под другими названиями), которая одной из первых использовала тему совокупления женщины и осьминога и которая оказала сильнейшее влияние на европейскую эротическую живопись (см.: Bru 2010: 50–77).

Строки из стихотворения Брюсова – «О! словно щупальцы спрута сплелись безобразные; / О! словно я осьминогом на дне обвита!» – таким образом, являются экфрасисом, вдохновлены гравюрой Хокусая и в определенном смысле отсылают именно к ней. Тот факт, что Брюсов ассоциировал образ осьминога, занимающегося сексом с женщиной, именно с японским оригиналом, а не с европейскими вариациями (ставшими достаточно популярными

уже на рубеже веков), отражен в сборнике «Стихи Нелли». Стихотворение «У пруда» напрямую отсылало именно к восточному, а точнее – к японскому визуальному коду:

Симфония синего с белым
На небе: земля предо мной –
Цветная гравюра японца:
Над желтым песком онемелым
Лес выгнут зеленой стеной,
Пруд синий – весь в искрах от солнца!
(Стихи Нелли 1913: 20)

«Стихи Нелли» – сборник, в котором Брюсов экспериментировал не только с женской субъектностью, но и с новыми для русской традиции темами и образами. Сюжет этой заметки доказывает, что в поисках эротического языка русская поэзия, в частности, вдохновлялась японской живописью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азадовский К., Дьяконова Е. 2017. Бальмонт и Япония. СПб: Нестор-история.
- Богомолов Н. А. 1999. «Мы – два грозой зажженные ствола»: Эротика в русской поэзии – от символистов до обэриутов. – Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей. С. 224–258.
- Бурлюк Д., Бурлюк Н. 2002. Стихотворения. СПб: Академический проект.
- Горький М. 1951. Стихотворения. Л.: Советский писатель.
- Дьяконова Е. М. 2017. «Я видел сон, что каждый там поэт...»: Образы Японии в поэзии Серебряного века. – Ежегодник Япония. Т. 46. С. 283–289.
- Лавров А. В. 2007. «Новые стихи Нелли» – литературная мистификация Валерия Брюсова. – Лавров А. В. Русские символисты: Этюды и разыскания. М.: Прогресс-Плеяда. С. 154–198.
- Молодяков В. 1996. «Образ Японии» в Европе и России второй половины XIX – начала XX века. М.; Токио: Институт востоковедения РАН.
- Стихи Нелли 1913. Стихи Нелли. М.: Книгоиздательство «Скорпион».

- Тырышкина Е. В. 2019. «Живописная Япония» и «желтая опасность»: К вопросу о рецепции японской культуры в русском символизме (Ф. Сологуб vs В. Брюсов). – Идеи и идеалы. Т. 11. № 1. Ч. 2. С. 378–394.
- Чабан А. А. 2020. Итоги рецепции русской поэзии 1900 – начала 1910-х годов в «Стихах Нелли». – Летняя школа по русской литературе. № 1–2. С. 94–108.
- Эрос 1999. Эрос и порнография в русской культуре / Под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М.: Ладомир.
- Bru, R. 2010. *Tentacles of Love and Death: From Hokusai to Picasso*. – *Secret Images: Picasso and the Japanese Erotic Print*. London: Thames & Hudson; Museu Picasso. P. 50–77.
- Bru, R. 2013. *Erotic Japonisme: The Influence of Japanese Sexual Imagery on Western Art*. Leiden: Brill.
- Buckland, R. 2010. *Shunga: Erotic Art in Japan*. London: British Museum Press.
- Goncourt, E. de. 1896. *Hokousai : l'art japonais au XVIII^e siècle*. Paris: G. Charpentier et E. Fasquelle.
- Hasty, O. 2019. *How Women Must Write: Inventing the Russian Woman Poet*. Evanston: Northwestern University Press. P. 90–112.
- Shagan, O. 2013. *Japanese Erotic Art: The Hidden World of Shunga*. London: Thames & Hudson.

REFERENCES

- Azadovskii, K. and E. Diakonova. *Bal'mont i Iaponiia*. Saint-Petersburg: Nestor-istoriia, 2017.
- Bogomolov, N. A. “‘My – dva grozoi zazhzhennye stvola.’ Erotika v russkoi poezii – ot simbolistov do oberiutov.” In *Russkaia literatura pervoi treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskaniia*. Edited by N. A. Bogomolov, 224–258. Tomsk: Vodolei, 1999.
- Bru, R. “Tentacles of Love and Death: From Hokusai to Picasso.” In *Secret Images: Picasso and the Japanese Erotic Print*, 50–77. London: Thames & Hudson, 2010.
- . *Erotic Japonisme: The Influence of Japanese Sexual Imagery on Western Art*. Leiden: Brill, 2013.
- Buckland, R. *Shunga: Erotic Art in Japan*. London: British Museum Press, 2010.
- Burliuk, D. and N. Burliuk. *Stikhotvoreniia*. Saint-Petersburg: Akademicheskii projekt, 2002.

- Chaban, A. A. "Itogi retseptsii russkoi poezii 1900 – nachala 1910-kh godov v 'Stikhakh Nelli'." *Letniaia shkola po russkoi literature* 1–2 (2020): 94–108.
- D'iakonova, E. M. "‘‘Ia videl son, chto kazhdyi tam poet...’". *Obrazy Iaponii v poezii Serebrianogo veka.* *Ezhegodnik Iaponiia* 46 (2017): 283–289.
- Eros i pornografiia v russkoi kul'ture.* Edited by M. Levitt and A. Toporkov. Moscow: Lodomir, 1999.
- Goncourt, E. de. *Hokusai: l'art japonais au XVIII^e siècle.* Paris: G. Charpentier et E. Fasquelle, 1896.
- Gor'kii, M. *Stikhotvoreniia.* Leningrad: Sovetskii pisatel', 1951.
- Hasty, O. *How Women Must Write: Inventing the Russian Woman Poet.* Evanston: Northwestern University Press, 2019.
- Lavrov, A. V. "‘‘Novye stikhi Nelli’ – literaturnaia mistifikatsiia Valeriia Briusova.’" In *Russkie simvolisty: Etiudy i razyskaniia*, 154–198. Moscow: Progress-Pleiada, 2007.
- Molodiakov, V. "‘‘Obraz Iaponii’’ v Evrope i Rossii vtoroi poloviny 19 – nachala 20 veka." Moscow and Tokio: Institut vostokovedeniia RAN, 1996.
- Shagan, O. *Japanese Erotic Art: The Hidden World of Shunga.* London: Thames & Hudson; Museu Picasso, 2013.
- Stikhi Nelli.* Moscow: Skorpion, 1913.
- Tyryshkina, E. V. "‘‘Zhivopisnaia Iaponiia’ i ‘zheltaia opasnost’’: K voprosu o retseptsii iaponskoi kul'tury v russkom simvolizme (F. Sologub vs. V. Briusov)." *Idei i idealy* 11, 1–2 (2019): 378–94.

ЛЕТНИЕ МОРОЗЫ, ЗИМНИЕ КУПАНЬЯ: АСПЕКТЫ НИКОЛЬСКОГО ДИСКУРСА В ПОЭТИКЕ М. А. БУЛГАКОВА

Е. А. Яблоков
(Москва)

О значении мифологического подтекста в булгаковских произведениях говорилось не раз, при этом отмечалось, что одним из важных его элементов является образ Николая Чудотворца, простонародного Николы (см.: Яблоков 2001: 69, 356). Никольский дискурс воплощен в системе устойчивых мотивов, имеющих как «серьезный», так и бурлескный вид; в частности, он проявляется во взаимосвязи «водной» и «монархической» тем, которые закономерны с учетом роли Св. Николая как покровителя «плавающих, путешествующих», а также распространенного в народной культуре восприятия Николы как «русского бога»¹.

Начало «большого» творчества Булгакова было в значительной мере обусловлено его переездом в столицу и «превращением» в москвича; при этом никольские «знаки» в образе города вообще и Москвы в частности стали одной из устойчивых составляющих булгаковского «метасюжета». Стимулирующую роль здесь могло сыграть произведение, в котором образ Николая Угодника символизирует Москву и Россию в целом, притом связан с городским районом, который был близок Булгакову биографически

¹ В «Месяцеслове святых» Дмитрия Тамбовского говорится о Николае Угоднике: «...ни один святой на Руси не пользуется таким глубоким – доходящим до обоготворения – уважением и благоговением, как этот святой» (Димитрий 1879: 12). Автор книги «Физическая, нравственная, гражданская и политическая история современной России» (1794) Н.-Г. Леклерк отмечал: «...у русских Св. Николай считается патроном их отечества... русский люд даже верит, будто святой Николай Чудотворец мог бы быть богом, но не захотел этой чести, и во всяком случае после Бога занимает первое место» (цит. по: Димитрий 1879: 12). Именно с Николаем Угодником связано происхождение фразеологизма «русский бог» (см.: Успенский 1982: 119–122).

и обрел разнообразные воплощения в его произведениях. Имеется в виду рассказ Б. К. Зайцева «Улица Св. Николая» (1921), опубликованный в июле 1922 г. в первом послереволюционном номере альманаха «Шиповник» (см.: Литературная жизнь 2005: 478). Кстати, Зайцев с 28 марта 1921 г. до отъезда за границу 8 июля 1922 г. (см.: Литературная жизнь 2005: 48, 459) был председателем ВСП; Булгаков вступил в эту организацию в 1923 г., но, думается, ему изначально импонировала деятельность писательского союза и его руководителя. Например, 30 декабря 1921 г. Зайцев вместе с другими членами правления ВСП подписал адресованное А. В. Луначарскому коллективное письмо против цензурного произвола Госиздата; в нем, в частности, говорилось: «В самые тревожные времена революции, когда шла решающая борьба во внешней и гражданской войне, не было такого гнетущего и капризного надзора, какой установила сейчас в своей практике возрожденная цензура» (цит. по: Литературная жизнь 2005: 270). Спустя примерно десять лет, когда государственный «надзор» станет еще более «гнетущим и капризным», Булгаков, вышедший в 1929 г. из ВСП в знак протеста против травли Е. И. Замятина и Б. А. Пильняка, в письме Правительству СССР 28 марта 1930 г. заявит: «Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, – мой писательский долг, так же, как и призывы к свободе печати» (Булгаков 2007–2011, 8: 106).

Главным «героем» зайцевского рассказа является Арбат, который называли «улицей трех Никол»:

Священники звонят в церквах Арбата – Никола Плотник, Никола на Песках и Николай Явленный <...> Льют свежий асфальт, и белят стены, и возятся, и пьют, и накопляют, ходят в церковь и венчаются, и любят, и умирают между трех обличий одного святителя – Николы Плотника, Николы на Песках и Николая Чудотворца². <...> ...Гудят спокойные и важные колокола Троиц

² Судя по всему, это описание бурлескно варьируется в комедии Замятина «Блоха» (1924), которая в начале 1925 г. была поставлена во Втором МХАТе. Ее герой Левша объясняет англичанам: «У нас, брат, в Москве – ежи, так... Никола-на-Капельках

Никол, вливаясь в сорок сороков церковей Москвы (Зайцев 1993: 452–453, 461).

Сходные интонации различимы в булгаковских очерках «Москва краснокаменная» (1922) и «Сорок сороков» (1923). Не исключено также, что образ «трех Никол» переосмыслен в главке «Три церкви», входящей в очерк «Киев-город» (1923). Если у Зайцева Никола – «персонально» или в виде храма – символизирует стабильность русской культуры, православная сущность которой, как полагал автор рассказа, не поддавалась политической конъюнктуре (ср.: «старенький, седой извозчик, именем Микола, <...> он уж едет снова от Дорогомилова к Большому Афанасьевскому»; Зайцев 1993: 463), то в булгаковском очерке речь идет о непримиримом межконфессиональном конфликте (Булгаков 2007–2011, 3: 208–210), явившемся как раз одним из следствий цивилизационной катастрофы.

Наряду с извозчиком-«Николой» в рассказе «Улица Св. Николая» есть лейтмотивные образы двух поэтов, по-своему символизирующих Арбат; в одном из них без труда узнается Андрей Белый – «поэт бирюзоглазый, улетающий и вечно проносющийся и в жизни, и в пространствах, точно облако белеющее» (Зайцев 1993: 452). Кстати, 16 октября 1921 г. Зайцев выступал на вечере в ВСП, посвященном отъезду Белого за границу (см.: Литературная жизнь 2005: 186); не исключено, что на нем присутствовал и Булгаков, за две недели до этого вступивший в должность секретаря ЛИТО Главполитпросвета и начинавший входить в литературную жизнь столицы. В биографии и творчестве Белого арбатская тема не менее (если не более) важна, чем у Зайцева. Нередки и никольские мотивы³ – например, в книге «Начало века» (1930) читаем: «Посредине, у церкви Микола (на белых распузых столбах), загибался Арбат; <...> Микола – арбатский патрон; сам Арбат –

есть, Никола-на-Палашах, Никола-на-Курьих ножках, Никола-на-Кочерыжках. <...> У нас, брат, строго: прикажут – и на кочерыжках будет стоять» (Замятин 2003: 342).

³ Они, например, существенны в романах «Петербург» (1913) и «Москва» (1930), однако рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей темы.

что, коли не Миколина улица?» (Белый 1990: 113). Осенью 1923 г. Белый вернулся из-за границы; к этому периоду относится начало их общения с Булгаковым – в частности, благодаря П. Н. Зайцеву (однофамильцу писателя), служившему с 1922 г. секретарем и заведующим редакцией в издательстве «Недра», где Булгаков пытался опубликовать роман «Белая гвардия». На квартире у Зайцева Булгаков 3(?) декабря 1924 г. в присутствии Белого и его жены читал повесть «Роковые яйца» (см.: Зайцев 2008: 66; Чудакова 1988: 296); в 1925 г. она увидела свет в альманахе «Недра» (кн. 6).

«Роковые яйца» – один из первых у Булгакова примеров парадоксального воплощения никольской темы. Образ Николая Чудотворца в его произведениях устойчиво связан с сезонными, прежде всего *метеорологическими* коннотациями. При этом из двух годовых праздников и соответствующих «ипостасей» святого внимание Булгакова явно привлекает Никола Зимний; коннотаций Николы Вешнего (Летнего) – отсылка к соответствующим народным представлениям и обрядам (см., напр.: Агапкина 2004: 394–395) – практически нет, хотя будущий писатель, как известно, был крещен (в киевской церкви Николая Доброго) 18/30 мая 1891 г., то есть примерно через неделю после дня «весеннего» Николы. Сказанное не означает, что никольский дискурс не проявляется у Булгакова в «летнем» антураже, однако дело в том, что и здесь Никола, нарушая «сезонное» распределение функций, действует как «зимний» – акцентировано его неправомерное «вторжение» в сферу весенне-летнего «двойника». Причем результаты подобных действий оцениваются скорее амбивалентно, нежели однозначно.

Булгаков систематически вводит в свои сюжеты подтекстные «знаки» двенадцатых праздников (см.: Яблоков 2001: 130–131). В «Роковых яйцах» начало действия хронологически совпадает с Пасхой – характерен образ «дьявольских» красных яиц, едва не погубивших Республику; развязка же наступает на Преображение Господне: «В ночь с 19-го на 20-е августа 1928 года упал неслыханный, никем из старожилов никогда еще не отмеченный мороз <здесь и далее курсив в цитатах наш. – Е. Я.>. Он пришел и продержался двое суток, достигнув 18 градусов» (Булгаков 2007–2011, 2: 143). Между

прочим, такой финал «предсказан» в сцене, когда Рокк видит первую из выведенных им змей: «Ему показалось, что *мороз ударил внезапно в августовский день*» (Там же: 122). Именно «экстраординарное» вмешательство Николы Зимнего – Деда Мороза – спасает людей, изнемогающих в борьбе с «гадами»; это подчеркнута в названии соответствующей главы, «Морозный бог на машине» (Там же: 143), каламбурно варьирующем формулу “*deus ex machina*”⁴. «Замораживая» среду, в которой могли существовать «непрочные созданыя гниlostных жарких тропических болот» (Там же: 144), Никола фактически «превращает <...> источники вод – в сушу» (Пс. 106:33) – явственны отголоски народных представлений о морозе-кузнеце, сковывающем змея (см.: Афанасьев 1994: 583–585). Никольские аллюзии проявлены и в том, что нашествие «гадов» на Москву пародирует наполеоновское – вспомним X главу «Евгения Онегина» (1831), где Николай Угодник представлен волшебным помощником в образе «генерала Мороза»⁵:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, *зима иль русский бог?*
(Пушкин 1995а: 522)

Мифологические мотивы в «Роковых яйцах» реализованы в бурлескно «инвертированном» виде: Пасха оборачивается Апокалипсисом, Дед Мороз является жарким летом. Обратим также внимание, что события происходят в *1928 году* (см.: Булгаков 2007–2011, 2: 54) – создавая повесть осенью 1924 г., Булгаков «вынес

⁴ Ср. более ранний фельетон «Похождения Чичикова» (1922), в котором герой-рассказчик, сравнивая себя с «неким богом на машине» (Булгаков 2007–2011, 3: 97), легко и быстро ликвидирует «бесконечную вереницу» пришельцев из «мертвого царства» (Там же: 85), оккупировавших Советскую Россию. Однако, при известном типологическом сходстве с финалом «Роковых яиц», в этом фельетоне нет «метеорологических» мотивов.

⁵ Изначально – персонаж изданной в 1812 г. в Лондоне листовки с карикатурой «Генерал Мороз, бреющий маленького Бони», то есть Бонапарта (см.: Энциклопедический словарь 2005: 173).

действие на четыре года *вперед*⁶. Думается, в хронологии тоже заложен принцип инверсии: акцентированный образ *будущего* должен восприниматься как знак *ретроспекции*, и нашествие «гадов» на Москву аллегорически отсылает к событиям четырехлетней давности – советско-польской войне 1920 г., кульминацией которой, как известно, стала Варшавская битва. К «возвращению» в прошлое толкала политическая ситуация: польская тема не раз возникает в дневниковых записях Булгакова, причем он, в частности, размышляет о перспективах новой войны (Там же: 409, 416, 420, 423).

Разгром армии М. Н. Тухачевского 13–25 августа 1920 г. называли «Чудом на Висле» – характерно, что «чудесный помощник» мороз в булгаковской повести является в тот же период: 19–20 августа 1928 г. Метеорологическая коллизия «контрастна» по отношению к реальной ситуации: лето 1920 г. выдалось крайне засушливым – температура в Москве несколько недель держалась около 35 градусов, а 7 августа был зарегистрирован абсолютный максимум для Москвы: 36,8 градуса⁷. Естественно, «перевернута» и топография исторических событий: «гады» наступают на Москву со смоленского направления – именно в этом направлении *отступали* от Варшавы советские войска. В Смоленске располагался штаб Западного фронта; командовавший им Тухачевский 2 июля 1920 г. обнародовал приказ № 1423, где, в частности, говорилось:

Войска Красного знамени и войска хищного белого орла стоят перед смертельной схваткой. <...> На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем счастье и мир трудящемуся

⁶ Можно предположить, что автор «Роковых яиц» стремился сюжетно «сблизить» Пасху (в 1928 г. она была 15 апреля, а действие повести начинается 16-го) и 22 апреля – день рождения В. И. Ленина, черты которого явно присутствуют в образе Персикова (см.: Яблоков 2001: 50). Но такой аргумент не слишком убедителен, поскольку для подобной цели «подходил» в принципе любой из годов, следовавших за 1924-м: в 1925 г. Пасха была 19 апреля, в 1926 г. – 2 мая, в 1927 г. – 24 апреля. Для Булгакова же, судя по всему, важна была именно четырехлетняя «дистанция».

⁷ См.: https://tass.ru/info/11731797?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com. Правда, сам Булгаков в августе 1920 г. находился не в Москве, а во Владикавказе.

человечеству. На Запад! К решительным битвам, к громозвучным победам!⁸

Естественно, что в пропагандистских изданиях РСФСР и Польши противник предстал в «дискредитирующем» виде. Например, на одном из популярных в 1920 г. антисоветских плакатов был изображен польский солдат, сражающийся с *трехглавым змеем красного цвета*⁹ – сравним в булгаковской повести полчища небывалых «гадов», вышедших из красных яиц. Образ отправляющейся на битву с ними Конной армии, которая состоит из всадников с пиками, пародирует Чудо Св. Георгия о змие. При этом характерно, что медленно движущаяся по Москве колонна красных кавалеристов сама названа «змеей» (Булгаков 2007–2011, 2: 138); «видовое» тождество противников – еще один аргумент, подтверждающий, что автор повести о фантастическом будущем намекал на события не слишком давнего прошлого.

Однако в том же недавнем прошлом, хотя и в другом регионе, имел место вполне известный *метеорологический* феномен, который выглядит «прообразом» финального мотива «Роковых яиц». При взятии Перекопа в ноябре 1920 г. наступление красных было существенно облегчено сильным морозом, благодаря которому они сумели быстро преодолеть замерзший Сиваш. Именно в 1924 г. вышла книга бывшего врангелевского генерала Я. А. Слещова, вспоминавшего события четырехлетней давности: «Морозы наступили до 16 градусов» (Слещов 1990: 129). Этот факт акцентирован в пьесе «Бег» (1928) – в ремарке Сна второго говорится: «Случился зверский, непонятный в начале ноября месяца в Крыму мороз» (Булгаков 2007–2011, 4: 300). Причем «нештатное» вмешательство Николая Зимнего – сопровождаемое также «предательством» Св. Георгия, под иконой которого генерал Хлудов показан при первом появлении на сцене (см.: Там же: 300), – не просто ведет к военному поражению белых, но означает

⁸ См.: <http://forums.balancer.ru/society/2002/02/t20288--prikazy-m-n-tukhachevskogo-obr-1920-g.7240.html>.

⁹ См.: https://pikabu.ru/story/polskie_plakaty_vremen_sovetskopolskoy_voynyi_1920_g_7478648.

переосмысление их «онтологической» сущности. Хлудов говорит Африкану: «Сиваш, Сиваш заморозил господь бог. <...> Видно, бог от нас отступился. Георгий-то Победоносец смеется!»¹⁰ (Там же: 310). Налицо ветхозаветные реминисценции, в аспекте которых красные отождествлены с «сынами Израилевыми», сумевшими с божьей помощью пройти «среди моря по суше» (Исх. 14:22). Соответственно, белые уподоблены несправедным «египтянам», которым суждена гибель в волнах (Исх. 14:28); считая себя «христолюбивым воинством» (Там же: 293), они на деле предстают апокалиптическим войском сатаны – в парадигме «Роковых яиц» это соответствует роли «гадов».

Сюжет пьесы изначально окрашен николевскими коннотациями. Первая реплика «Бега» – пение монахов в подземелье: «...Святителю отче Николае, моли бога о нас...» (Там же: 283). Как покровитель «плавающих, путешествующих» Николай Угодник имеет прямое отношение к основной теме, выраженной в заглавии «Бег». При этом мотив «плавания» парадоксально сочетается с «морозной» функцией святого, который в качестве «русского бога», фигурально говоря, создал «твердь посреди воды» (Быт. 1:6) и помог красным. Амбивалентность сохраняется и в финале. Мы отмечали в «Беге» систематические несоответствия между датировками событий и разделяющими их временными интервалами (см.: Яблоков 2001: 128). Не повторяя всех подробностей, приведем лишь одно наблюдение. В ответ на слова Серафимы, что она хочет вернуться в Петербург и увидеть снег, Голубков говорит: «Пройдет еще месяц, и мы доберемся, мы вернемся, в это время *пойдет снег и наши следы заметет*» (Булгаков 2007–2011, 4: 382). Расчеты показывают, что, исходя из хронологии сюжетных событий, снег в России «ожидается» *в середине августа* (своего рода «повторение» финала «Роковых яиц»). Акцентированное в начале «Бега» покровительство Николы должно завершиться для «плававших и путешествовавших» героев обретением снежного «покрова» – погружением в «за-

¹⁰ Ср. в булгаковском фельетоне «Москва краснокаменная» (1922) реплику разговора о погоде: «На небе-то, видно, за большевиков стоят» (Булгаков 2007–2011, 3: 71).

мерзшие» воды забвения (своего рода аналог античной Леты). Еще более «радикально» реализован водный мотив в мечтаниях Хлудова, который предвкушает собственный расстрел: «Ситцевая рубашка, подвал, снег» (Там же: 377), – словно стремясь в ледяное подземелье, подобное тому, в котором монахи призывали Николая Мирликийского.

За несколько лет до создания «Бега» мотив «плавания» по снегу получил развитие в романе «Белая гвардия» (1924). Ему предпослан эпиграф из «Капитанской дочки» (1836), описывающий начало бурана (см.: Булгаков 2007–2011, 1: 32), – при этом в пушкинском романе движение в снежном хаосе уподоблено «плаванию судна по бурному морю» (Пушкин 1995б: 288). Соответственно, в «Белой гвардии» активны «морские» коннотации: мотивы «дома-корабля», покидающих корабль «крыс» и т. п. (см.: Яблоков 2001: 148–149, 199). Стоит также упомянуть переклички с рассказом И. А. Бунина «Конец» (1921), опубликованным (под заголовком «Гибель») 12 марта 1923 г. в парижской газете «Звено»¹¹: его центральный образ – увозящий эмигрантов из Крыма пароход, отчасти напоминающий «Атлантиду» в рассказе «Господин из Сан-Франциско» (1915) (см.: Яблоков 2001: 198).

В «зачине» булгаковского романа возникает образ «зимнего» Николы: «О елочный дед наш, сверкающий снегом и счастьем!» (Булгаков 2007–2011, 1: 33). При этом (вспомним «богоборческие» инвективы Хлудова) Николаю Чудотворцу адресуется «упрек» в несправедливости – который, заметим, исходит от персонажа, крещенного именем этого святого, и «звучит» (в виде внутренней речи) перед образом Николы в храме, освященном в его честь:

...Белый гроб с телом матери снесли по крутому Алексеевскому спуску на Подол, в маленькую церковь Николая Доброго <...> Алексей, Елена, Тальберг и Анята, выросшая в доме Тур-

¹¹ Источником информации о нем мог быть вернувшийся из-за границы И. М. Василевский, общение с которым отмечено в булгаковском дневнике 1923–1924 гг. (Булгаков 2007–2011, 2: 412, 447–448). Вскоре после выхода рассказа «Конец» Василевский писал о Бунине в Литературном приложении к газете «Накануне» (1923. 22 апр., 20 мая). К тому же он, как и Бунин, перед эмиграцией в 1920 г. находился в Одессе.

биной, и Николка <...> стояли у ног старого коричневого святителя Николы. Николкины голубые глаза, посаженные по бокам длинного птичьего носа, смотрели растерянно, убито. Изредка он возводил их на иконостас, на тонущий в полумраке свод алтаря, где возносился печальный и загадочный старик Бог, моргал. За что такая обида? Несправедливость? Зачем понадобилось отнять мать, когда все съехались, когда наступило облегчение? (Булгаков 2007–2011, 1: 33).

Но, как замечает повествователь, «Николка еще не знал, что все, что ни происходит, всегда так, как нужно, и только к лучшему» (Булгаков 2007–2011, 1: 33), – возникает мысль, что в сложившейся ситуации продолжение земной жизни было бы не лучшим «вариантом». В снах Алексея и Елены самому Николке «предсказана» гибель (Там же: 102, 346–347), однако в общей системе романа оптимальным является сон-усупение – «третье» состояние между жизнью и смертью, типологически подобное финалу судеб героев «Бега», мечтающих о «снеге». Если в пьесе снег выглядит «несвоевременным», то в зимнем антураже романа мотив «снежного усупения» вполне закономерен. С самого начала «Белой гвардии» Николай Мирликийский обретает вид «генерала Мороза»: «Дом накрыло шапкой белого генерала» (Там же: 37), – к символике детской елки добавляются военные коннотации, идиллия амбивалентно сочетается с идеей смерти. В финале «военизированный» Никола возникает вновь: «...дом, накрытый шапкой белого генерала, спал давно и спал тепло» (Там же: 341). Как и в «Беге», приобщение к «никольскому» снегу означает исключенность из времени и сопряжено с «подводными» коннотациями. Для хрупкой идиллии в романе остается лишь «последняя ночь», наполненная вещами снами (Там же: 341–342, 346–347), – ясно, что с приходом красных покой будет разрушен; соответственно, намечается перспектива «усупения», а укрывшие дом массы снега ассоциируются как с *приютом*, так и с *потопом*¹².

¹² Подчеркнем, что в начале пьесы белогвардейский полковник де Бризар называет храм, где укрылись беженцы, «Ноевым ковчегом» (см.: Булгаков 2007–2011, 4: 292).

Трудно сказать, в каком из двух произведений Булгакова впервые возник этот «морально-идиллический» финал: «Белая гвардия» в целом создана раньше, однако «Бег» был написан до того, как появилась «парижская» редакция (1929) романа, поэтому возможно, что «приоритет» в данном случае должен быть отдан именно пьесе.

Характерное для булгаковской поэтики «смещение» мифологических мотивов с сюжетами реальной (хотя тоже изрядно мифологизированной) отечественной истории проявляется, в частности, в том, что коннотации Николая Чудотворца актуализируются в образах «одноименных» ему российских *императоров* – как можно заметить, из всей династии Романовых преимущественное внимание писателя вызывали именно два «Николая»¹³. Например, николевский дискурс присутствует в иллюзорном образе Николая II, фигурирующем в разговоре во время застолья у Турбиных, когда темой становится сообщенное Шервинским ложное известие, что бывший император якобы жив, – в результате участники пирушки пьют предлагаемый Николкой тост за «здоровье» убитого (Там же: 72–74). К тому же «монархическая» тема подкрепляется «распутинскими» аллюзиями: имена полковника Най-Турса и его сестры – Феликс Феликсович и Ирина (Там же: 312) – отсылают к семье Юсуповых, сыгравшей немаловажную роль в судьбе последнего российского императора.

С Юсуповыми связан и сюжет рассказа «Ханский огонь» (1924): прообразом изображенного в нем дворца Ханская Ставка было подмосковное имение Архангельское (см.: Яновская 1989: 753). Главный герой рассказа князь Тугай-Бег – метафорический «родственник» обоих императоров Николаев. Его мать в юности оказалась «любовницей Николая Палкина» (Булгаков 2007–2011, 1: 470) – показательно, что в коротком изложении этой истории акцентирован образ *промозглого* Петербурга:

¹³ Что касается «доромановского» ряда царей – на первом месте явно Иван Грозный. Возможно, «предпочтения» мотивированы семейными обстоятельствами: младших братьев Булгакова звали Николаем и Иваном.

В сыром тумане славного и страшного города на севере была увита легендой потому, что первой любви удостоил ее уже на склоне своих дней тот самый белолосинный генерал, портрет которого висел в кабинете рядом с Александром I. Из рук его перешла в руки Тугай-Бега-отца и родила последнего нынешнего князя (Булгаков 2007–2011, 1: 469).

Соответственно, «младший» Тугай-Бег – как бы «сын» Николая I. Вспомним, что одной из доминирующих черт личности императора современники считали бесчеловечную *холодность*. Характерно описание царя в первой части (1856) книги А. И. Герцена «Былое и думы»: «Он был красив, но красота его обдавала холодом; <...> ...главное – глаза, без всякой теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза!» (Герцен 1956: 62). Напомним и портрет императора в повести Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» (1904): «Длинное белое лицо <...> было сегодня особенно холодно и неподвижно»; во время приема Николай слушает придворных «пронизывая их холодным, безжизненным взглядом» (Толстой 1950: 67, 74); примечательно также, что, встав утром, император приступает к делам лишь «вытерев льдом свое большое, сытое тело» (Толстой 1950: 68).

Напротив, в представителях рода, восходящего к «повелителю Малой Орды хану Тугаю» (Булгаков 2007–2011, 1: 469), течет «горячая» ногайская кровь – она передалась герою по отцу, но показателен и образ «княгини-матери» (Там же: 478): «Неистошима в развратной выдумке, носившая всю жизнь две славы – ослепительной красавицы и жуткой Мессалины» (Там же: 469). Характерно, что в связи с ней подчеркнут *водный* мотив: «Вдовой оставшись, прославилась тем, что ее нагую на канате *купали в пруду* четыре красавца гайдука...» (Там же), – вода словно должна унять «огненный» темперамент. Однако в итоге он прорывается наружу: последний Тугай-Бег сжигает дворец и, метафорически, все прошлое – как свое личное, так и рода в целом¹⁴.

¹⁴ Пожар дома, символизирующего Россию, изображен также в рассказе «№ 13. – Дом Эльпит-рабкоммуна» (1922). Показательно, что и здесь мелькает образ любовницы императора Николая – но Второго: «Счета женщины гасил человек столь вознесенный,

Если «первый» император Николай в рассказе лишь упоминается, то «второй» представлен воочию:

На продолговатой фотографии тесным амфитеатром стояли и сидели застывшие и так увековеченные люди с орлами на головах. Белые раструбы перчаток, рукояти палашей. В самом центре громадной группы сидел невзрачный, с бородкой и усами, похожий на полкового врача человек. Но головы сидящих и стоящих кавалергардов были вполоборота напряженно прикованы к небольшому человеку, погребенному под шлемом.

Подавлял белых напряженных кавалеристов маленький человек, как подавляла на бронзе надпись о нем. Каждое слово в ней с заглавной буквы. Тугай долго смотрел на самого себя, сидящего через двух человек от маленького человека (Булгаков 2007–2011, 1: 481).

На групповом снимке – окруженный кавалергардами император в таком же шлеме, как и они. Мотив, возможно, заимствован из «Хаджи-Мурата», где о Николае I говорится, что «в маскараде» он был «в <...> кавалергардской каске с птицей на голове» (Толстой 1950: 67). Булгаков развивает тему, используя реальные факты биографии Николая II: шефом Кавалергардского полка была его мать Мария Федоровна. Соответственно, все запечатленные на фото люди, на головах которых блестящие шлемы с орлами, – ее «дети»¹⁵. В этом смысле Тугай-Бег – двойник Николая II, хотя, как и в случае с Николаем I, радикально отличен от «родственника» по личным качествам. Тугай «горяч», в то время как образ «невзрачного», «небольшого», «маленького человека», который к тому же «погребен под шлемом», создает впечатление «прохладной» безжизненности и слабосильности.

«Монархические» коннотации в связи с николевским дискурсом эффектно реализованы в рассказе «Вьюга» (1926). Поскольку он был

что у него не было фамилии. Подписывался именем с хитрым росчерком» (Булгаков 2007–2011, 1: 485).

¹⁵ Ср. античный миф о Леде, зачавшей от Зевса-лебедя и снесшей два яйца, из которых вышли близнецы Диоскуры и Елена.

предметом нашего анализа (см.: Яблоков 2019: 134–192), отметим лишь несколько моментов, имеющих непосредственное отношение к статье. Подтекстная тема рассказа – «углубление» героя в прошлое (как «персональное», так и историческое) – сюжетно представлена как движение через заснеженное пространство и сквозь вьюгу (вспомним «Белую гвардию» и пушкинский мотив «плаванья» по снегу). Действие «Вьюги» начинается с «банного» эпизода и блаженного возвращения Юного врача в «младенческое» состояние. Однако герой, пребывавший в теплой воде, как в материнской утробе, «извлечен» оттуда посланцем-пожарным и вынужден отправиться в путь, во время которого погружается в сон:

Меня начало качать, качало, качало... пока я не оказался в Сандуновских банях в Москве. И прямо в шубе, в раздевальне, и испарина покрыла меня. Затем загорелся факел, напустили холоду, я открыл глаза, увидел, что сияет кровавый шлем, подумал, что пожар... затем очнулся и понял, что меня привезли. Я у порога белого здания с колоннами, видимо, времен Николая I (Булгаков 2007–2011, 2: 311).

Отметим мотивное сходство с «Ханским огнем» – в обоих произведениях видим совокупность таких элементов, как блестящая каска, пожар, дворец («здание с колоннами»), Николай I. Разница в том, что в одном рассказе герой является «из прошлого», а героя другого, напротив, призывает «прошлое». «Онирическое» путешествие Юного врача, застигнутого в «эмбриональном» состоянии, выглядит как движение из одной «николаевской» эпохи (Николая II) в другую (Николая I). При этом отец девушки, агроном, не представленный в рассказе «воочию», ассоциируется как с императором Николаем, так и с «одноименным» святым, причем играет скорее роль «вредителя». Николай Мирликийский, как и Св. Георгий¹⁶, считался покровителем волков (см.: Белова 2004: 400; Толстой 1995: 497) – на обратном пути Юного врача и возницу преследуют волки (Булгаков 2007–2011, 2:

¹⁶ Подчеркнем, что зимние праздники обоих святых хронологически близки: Юрий Холодный – 26 ноября / 6 декабря, Никола Зимний – 6/19 декабря.

317–318), словно заколдованные участники несостоявшейся свадьбы, стремящиеся не дать герою покинуть мертвую невесту.

В заключение обратимся к двум булгаковским пьесам, в которых императоры «Николаи» являются сценическими персонажами – хотя и не центральными, но судьбоносными для главных героев: Николай I определяет судьбу Александра Пушкина в одноименной драме (1935), Николай II – Иосифа Джугашвили в пьесе «Батум» (1939). Там и здесь решения императоров угрожают жизни героев, и в обоих случаях (хотя в разных смыслах) герои оказываются «бессмертны».

В драме «Александр Пушкин» получает развитие «зимний» образ императора. В одной из сцен Николай I¹⁷ является в штаб Корпуса жандармов вьюжной ночью в момент, когда Дубельт читает вслух пушкинское стихотворение, приведенное в одном из доносов: «Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя...» (Булгаков 2007–2011, 6: 214), – эта строка является лейтмотивом пьесы, поддерживая в ней ту же семантику, что эпиграф из «Капитанской дочки» в романе «Белая гвардия». Николай предстает олицетворением грозного хаоса, ополчившегося на Пушкина, – показательна в этом смысле беседа двух жандармских начальников. Получив императорскую «санкцию», Бенкендорф прозрачно намекает Дубельту, что дуэль не должна быть предотвращена: «Примите меры, Леонтий Васильевич, чтобы люди не ошиблись, а то поедут не туда...» (Там же: 217). После его ухода Дубельт вновь цитирует пушкинские стихи, словно «призывая» снежную стихию: «Буря мглою небо кроет... вихри снежные крутя... Не туда! Тебе хорошо говорить... Буря мглою небо кроет... Не туда...» (Там же: 218). Тему снежного «потопа» дополняют водные мотивы. На балу у Воронцовой беседа Николая I с Пушкиной протекает в зимнем саду у *фонтана*, причем первая же (книжно-«красивая») реплика императора акцентирует это обстоятельство: «Какая печаль терзает меня, когда я слышу плеск

¹⁷ Кстати, на его голове «кирасирская каска» (Булгаков 2007–2011, 6: 214) – на таком головном уборе в парадном варианте тоже была фигурка орла, как и на кавалергардской каске, о которой идет речь в рассказе «Ханский огонь».

фонтана и шуршание пернатых в этой чаше!» (Там же: 200). В финале драмы шпик Битков, рассказывая Смотрительше о дуэли, говорит про Пушкина: «Ну, и он прямо *на Речку*, а там уж его дожидаются» (Там же: 243). Собеседница, не знающая подробностей, вполне может решить, что покойник, которого теперь везут хоронить, был, например, утоплен. После этого Битков произносит: «Ой, буря! Самые лучшие стихи написал» (Там же: 243), – и вновь цитирует первые строки «Зимнего вечера». Поэт, являющийся «представителем» мировой стихии и «воплотивший» бурю в слове, выступает как бы ее повелителем – хотя «водному» хаосу (в жидком и твердом виде) удалось одержать над ним временную победу. Мотив инициированной Николаем I «травли» Пушкина подкрепляется системой «волчьих» мотивов (в финале та же Смотрительша высказывает предположение, что покойный является «оборотнем» – Там же: 242; ср.: Яблоков 2001: 352–354) – в образе императора присутствуют коннотации Николы Зимнего как покровителя волков.

«Волчьи» черты активны и в образе главного героя пьесы «Батум» (см.: Яблоков 2001: 354–357), которая открывается вручением Иосифу Джугашвили «волчьего билета» (Булгаков 2007–2011, 6: 248). Однако в контексте нашей темы обратим основное внимание на роль императора – Николая II. Он появляется в единственном эпизоде беседы с министром (того тоже зовут Николаем – подразумевается реальный Н. В. Муравьев), принесшим на высочайшее утверждение приговор, вынесенный Иосифу Джугашвили. Но сперва темой их разговора становятся здоровье и средства его поддержания; вспомним рассказ «Ханский огонь», где Николай «похож на полкового врача», – в пьесе эта ассоциация пародийно «воплощена» на практике. Причем характерно, что Николай II «пропагандирует» *купанье*. Услышав о каком-то недомогании визитера, он говорит:

Я вам могу дать очень хороший совет, Николай Валерианович. У императрицы *были точно такие же боли и совершенно прошли после одного купанья в Саровском прудике. Да я сам лично, искупавшись, получил полное физическое и душевное облегчение.* <...> Я сам на открытии видел, как вереницы людей на костылях

<...> буквально ползли к пруду и, после погружения в воду, выходили, отбрасывали костыли и – хоть сейчас в гвардию! (Булгаков 2007–2011, 6: 313).

Далее император обещает прислать министру и его супруге «пузырек» воды из «пруда» (Там же: 313). После этого он утверждает приговор Джугашвили – высылка на три года в Восточную Сибирь (Там же: 317): два «Николая» (причем один из них – «Второй») отправляют героя в экстремально «зимние» условия.

Несмотря на комичность данного эпизода, тема «исцеления водой» получает «серьезное» воплощение в следующей (последней) картине пьесы. Вновь появившийся в Батуме Джугашвили рассказывает про свой побег из ссылки:

У меня совершенно здоровая грудь и кашель прекратился... <...> Я, понимаете, провалился в прорубь... там... но подтянулся и вылез... а там очень холодно, очень холодно... И я сейчас же обледенел... Там все далеко так, ну а тут повезло: прошел всего пять верст и увидел огонек... вошел и прямо лег на пол... а они сняли с меня все и тулупом покрыли... <...> ...Заснул, проспал пятнадцать часов <...> И с тех пор ни разу не кашлянул. Какой-то граничащий с чудом случай... (Булгаков 2007–2011, 6: 321–322).

Пребывание в «ледяном аду» парадоксально приводит к избавлению от телесного недуга – герой возвращается из этого «ада» полный сил и одетый в серую шинель (Там же: 320), как бы наглядно иллюстрирующую волчьи коннотации его образа.

Не станем здесь вдаваться в интерпретацию пьесы «Батум», как и в анализ образа ее главного героя (см.: Яблоков 2020: 104–107). В данном случае нам важно было на еще одном примере подтвердить, что образы высокопоставленных «Николаев» в булгаковском мире не только устойчиво связаны с мифологемой Николы Зимнего, но содержат «водные» коннотации, реализуемые в различных мотивных конфигурациях.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агапкина Т. А. 2004. Никола Вешний. – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти тт. Т. 3. М.: Международные отношения. С. 394–396.
- Афанасьев А. Н. 1994. Поэтические воззрения славян на природу: В 3-х тт. Т. 1. М.: Индрик.
- Белова О. В. 2004. Николай. – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти тт. Т. 3. М.: Международные отношения. С. 398–401.
- Белый А. 1990. Начало века: Воспоминания: В 3-х кн. Кн. 2. М.: Художественная литература.
- Булгаков М. А. 2007–2011. Собр. соч.: В 8-ми тт. М.: АСТ; Астрель; Восток – Запад.
- Герцен А. И. 1956. Былое и думы. – Герцен А. И. Полн. собр. соч.: В 30-ти тт. Т. 8: Былое и думы. 1852–1868. Ч. I–III. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Димитрий (Самбикин Д. И.). 1879. Месяцеслов святых, всею Русскою Церковью или местно чтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и св. угодников Божиих в нашем отечестве. Вып. 2. Тамбов: Губернская земская типография.
- Зайцев Б. К. 1993. Улица Св. Николая. – Зайцев Б. К. Соч.: В 3-х тт. Т. 1: Рассказы. Голубая звезда. М.: Художественная литература; Терра. С. 451–463.
- Зайцев П. Н. 2008. Воспоминания. М.: Новое литературное обозрение.
- Замятин Е. И. 2003. Блоха. – Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 3: Лица. М.: Русская книга. С. 309–357.
- Литературная жизнь 2005. Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. М.: ИМЛИ РАН.
- Пушкин А. С. 1995а. Евгений Онегин. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. Т. 6: Евгений Онегин. М.: Воскресенье. С. 5–205.
- Пушкин А. С. 1995б. Капитанская дочка. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. Т. 8. Кн. 1: Романы и повести. Путешествия. М.: Воскресенье. С. 277–384.
- Слащов Я. А. 1990. Крым в 1920 г. – Слащов-Крымский Я. А. Белый Крым: 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука. С. 35–135.

- Толстой Л. Н. 1950. Хаджи-Мурат. – Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90-а тт. Т. 35: Произведения 1902–1904. М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 5–118.
- Толстой Н. И. 1995. Георгий. – Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5-ти тт. Т. 1. М.: Международные отношения. С. 494–498.
- Успенский Б. А. 1982. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М.: Издательство Московского университета.
- Чудакова М. О. 1988. Жизнеописание Михаила Булгакова. 2-е изд. М.: Книжная палата.
- Энциклопедический словарь 2005. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / Автор-составитель В. Серов. 2-е изд. М.: Локид-Пресс.
- Яблоков Е. А. 2001. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры.
- Яблоков Е. А. 2019. Исцеляющий миф. Коды традиционной культуры во «врачебных» рассказах М. А. Булгакова. М.: Институт славяноведения РАН.
- Яблоков Е. А. 2020. «У нас один князь на всю Москву, и тот утверждает, что он сын кучера» (Образ политика-оборотня в произведениях Михаила Булгакова). – Сборник Матице српске за славистику. Кн. 98. С. 85–113.
- Яновская Л. М. 1989. Комментарии. – Булгаков М. А. Избр. произведения: В 2-х тт. Т. 1. Киев: Дніпро. С. 745–765.

REFERENCES

- Afanas'ev, A. N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu*. 3 vols. Vol. 1. Moscow: Indrik, 1994.
- Agapkina T. A. "Nikola Veshnii." In *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*. 5 vols. Vol. 3, 394–96. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004.
- Belova, O. V. "Nikolai." In *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*. 5 vols. Vol. 3, 398–401. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004.
- Belyi, A. *Nachalo veka: Vospominaniia*. 3 vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1990.
- Bulgakov, M. A. *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Moscow: AST; Astrel'; Vostok – Zapad, 2007–2011.

- Chudakova, M. O. *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova*. 2nd ed. Moscow: Knizhnaia palata, 1988.
- Dimitrii (Sambikin, D. I.). *Mesiatseslov sviatykh, vseiu Russkoiu Tserkov'iu ili mestno chtimykh, i ukazatel' prazdnestv v chest' ikon Bozhiei Materi i sv. ugodnikov Bozhiikh v nashem otechestve*. Vol. 2. Tambov: Gubernskaia zemskaia tipografia, 1879.
- Entsiklopedicheskii slovar' kryl'at'nykh slov i vyrazhenii*. Edited by V. Serov. 2nd ed. Moscow: Lokid-Press, 2005.
- Gertsen, A. I. Byloe i dumy. In *Polnoe sobranie sochinenii*, by A. I. Gertsen. 30 vols. Vol. 8, Byloe i dumy. 1852–1868. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- Iablokov, E. A. *Khudozhestvennyi mir Mikhaila Bulgakova*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001.
- . *Istseliaiushchii mif. Kody traditsionnoi kul'tury vo "vrachebnykh" rasskazakh M. A. Bulgakova*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2019.
- . "U nas odin kniaz' na vsiu Moskvu, i tot utverzhdaet, chto on syn kuchera' (Obraz politika-oborotnia v proizvedeniakh Mikhaila Bulgakova)." *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 98 (2020): 85–113.
- Ianovskaia, L. M. "Kommentarii." In *Izbrannye proizvedeniia*, by M. A. Bulgakov. 2 vols. Vol. 1, 745–65. Kyiv: Dnipro, 1989.
- Literaturnaia zhizn' Rossii 1920-kh godov: Sobytiia*. Otzyvy sovremennikov. Bibliografiia. Vol. 1. Pt. 2. Moscow: IMLI RAN.
- Pushkin, A. S. Evgenii Onegin. In *Polnoe sobranie sochinenii*, by A. S. Pushkin. 17 vols. Vol. 6, Evgenii Onegin, 5–205. Moscow: Voskresen'e, 1995.
- . Kapitanskaia dochka. In *Polnoe sobranie sochinenii*, by A. S. Pushkin. 17 vols. Vol. 8. Pt. 1, Romany i povesti. Puteshestviia, 277–384. Moscow: Voskresen'e, 1995.
- Slashchov, Ia. A. "Krym v 1920 g." In *Belyi Krym: 1920 g. Memuary i dokumenty*, by Ia. A. Slashchov-Krymskii, 35–135. Moscow: Nauka, 1990.
- Tolstoi, L. N. "Khadzhi-Murat." In *Polnoe sobranie sochinenii*, by L. N. Tolstoi. 90 vols. Vol. 35, *Proizvedeniia 1902–1904*, 5–118. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1950.
- Tolstoi, N. I. "Georgii." In *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'*. 5 vols. Vol. 1, 494–98. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995.
- Uspenskii, B. A. 1982. *Filologicheskie razyskaniia v oblasti slavianskikh drevnostei: Relikty iazychestva v vostochnoslavianskom kul'te Nikolaia Mirlikiiskogo*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Zaitsev, B. K. "Ulitsa Sv. Nikolaia." In *Sochineniia, by B. K. Zaitsev*. 3 vols. Vol. 1, *Rasskazy. Golubaia zvezda*, 451–63. Moscow: Khudozhestvennaia literatura; Terra, 1993.

Zaitsev, P. N. *Vospominaniia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.

Zamiatin, E. I. "Blokha." In *Sobranie sochinenii, by E. I. Zamiatin*. 5 vols. Vol. 3, *Litsa*, 309–57. Moscow: Russkaia kniga, 2003.

ПРОГУЛКА С ШАЛЯПИНЫМ: К «АМЕРИКАНСКОЙ БИОГРАФИИ» А. ВЕТЛУГИНА¹

Ирина Белобровцева
(Таллинн)

Андрей Устинов
(Сан-Франциско)

I heard the rain impinge upon the earth...

James Joyce

Pass the parcel.

That's sometimes all you can do.

Take it, feel it and pass it on.

Alan Bennett

Публикуемый ниже очерк принадлежит одному из самых успешных литераторов «первой волны» русской эмиграции Владимиру Ильичу Рындзюну (1897–1953), автору книг «Авантюристы гражданской войны» (1921), «Герои и воображаемые портреты» (1922), Третья Россия (1922), «Последыши» (1922), «Записки мерзавца» (1922), написанных под псевдонимом *А. Ветлугин*. Их автор был притчей во языцех у соотечественников в Париже и Берлине. Не вдаваясь здесь в подробности его биографии «русского» периода, мы будем говорить о более чем тридцати годах его жизни в Североамериканских Соединенных Штатах, начавшейся 1 октября 1922 года, когда Ветлугин ступил на американскую землю с борта лайнера «Париж» (*S. S. Paris*) вместе с Айседорой Дункан и Сергеем Есениным. Внезапному и стремительному повороту судьбы, он, по утверждению некоторых мемуаристов, был в первую очередь обязан именно Дункан.

¹ Авторы статьи сердечно благодарят Леонида Суриса (Нью-Йорк) за помощь в публикации очерка.

Ровно за девять месяцев до своего трансатлантического вояжа А. Ветлугин напечатал в парижской газете Владимира Бурцева «Общее дело» статью «На сквозняке»² – развернутый парафраз шекспировского афоризма «Чума на оба ваши дома!»³: «Скверно живем. На встрече двух ветров. <...> Один – советский – обольщающий душный Самум, другой – мракобесный, назойливый, гудящий ветер с кладбищ. Какой лучше? Какой легче? Оба хуже. <...> 1922-й – ответственный, жуткий год!» (Ветлугин 1922: 3)⁴.

² См.: Ветлугин А. На сквозняке. – Общее Дело. La cause commune. Париж. 1922. № 525. 1 января. С. 3.

³ “A plague o’ both your houses!” в переводе Аполлона Григорьева (1864).

⁴ Тем не менее, А. Ветлугин соглашается участвовать в праздничном вечере 31 декабря (н. ст.), видимо, исключительно потому, что местом его проведения выбрана бывшая студия Айседоры Дункан (103, rue de la Pompe):

Последняя встреча Нового Года за границей!

ПРОГРАММА БУДЕТ ТАКАЯ:

Устроители – оптимисты!
Гости – пессимисты!
Метр д’отель – за соглашательство!
К концу вечера все сговорятся!

Развлечения самые неожиданные: ни одного из обещанных и все экспромтом: «Новогодняя Газета», под редакцией А. И. Куприна и при участии Н. А. Тэффи, А. А. Яблоновского, Дон-Аминадо, А. Ветлугина, М. П. Миронова и др. (в исполнении авторов). <...> (Общее Дело. La cause commune. Париж. 1921. № 524. 24 декабря. С. 3).

Ср. на той же полосе в разделе «Новости искусства и литературы» сообщение «Вечер оптимистов»: «31 декабря в “зале Бетховен” (“студия Айседоры Дункан”) группой оптимистов устраивается встреча Нового года по несколько необычной даже для Парижа программе. Это не будет концерт, лекция, еще менее митинг. Вольная эстрада среди столиков, ужин экспромптов <sic!> и экспромпты после ужина, звезды Ли и звезды всё выживающего русского юмора. В начале ужина новогодняя газета под редакцией А. И. Куприна при ближайшем участии А. А. Яблоновского, Н. А. Тэффи, А. Ветлугина, Дон-Аминадо, М. П. Миронова и др. Затем присутствующим будет предложена неофициальная часть: каждый сможет проявлять свои таланты при условии, если он сумеет перекричать жаз-банд <sic!>. Тут же появятся в свете волшебные гроты, где будут показаны фокусы не-фокусниками, но просвещенными любителями и т. д. Финал – танцы. Большинство столиков уже расписано. На оставшиеся запись принимается в зале Бетховен. (103, rue de la Pompe)» (Там же).

Критики и мемуаристы демонизировали его начиная с внешности и кончая закреплением за ним того образа, которым он воспользовался в названии своего единственного романа «Записки мерзавца». Немало сделал для этого Алексей Толстой, резко поменявший свое приятельское расположение к А. Ветлугину после того, как имена эмигрантов становятся в советской России неупоминаемыми. В 1931 году Толстой публикует в «Новом мире», который постепенно набирает вес среди других советских «толстых журналов», роман «Черное золото», где выбирает А. Ветлугина в качестве прототипа одного из самых ярких и отталкивающих персонажей – В. Лисовского.⁵ Впоследствии он дал своему роману говорящее заглавие – «Эмигранты».



Илл. 1. Владимир Гринберг.

Слава (Владимир?) Рындзюн (1917)

Этому В. Лисовскому «...было наплевать на белых и на красных, на политику, журналистику, на Россию и всю Европу. Всё это он равнодушно презирал как обнищавшие задворки единственного хозяина мира – Америки» (Толстой 1958, 4: 288). Он копил доллары, чтобы уехать в эту обетованную землю любыми способами, такими, как «спекуляции с валютой и товарами на юге России, осторожная биржевая игра, мелкие комиссии» (Толстой 1931, 4: 68) и готов биться об заклад: «У меня будет собственная вилла в Голливуде, хотите пари, сволочи, хотите пари?...» (Толстой 1931, 4: 71).

Можно с уверенностью сказать, что рано повзрослевший и сразу же состоявшийся как писатель А. Ветлугин прежде других понял категорическую бесперспективность работы в привычном для него жанре публицистики в эмиграции. При этом он отнюдь не стал сторонником репатриации, а скорее, напротив, увлекся «американской мечтой». «Я живу одиноко, ни на какую родину не

⁵ См. подробнее: Белобровцева 2002: s. p.

поеду, – сообщал А. Ветлугин Дон-Аминадо, своему коллеге сначала по московской газете анархистов «Жизнь», а после – по «Общему Делу», в феврале 1922 года, – а если куда и поеду, то на родину Генри Форда, в Америку» (Дон-Аминадо 1994: 668).

Первые годы его «американской биографии» отданы продолжению журналистской деятельности в эмигрантской печати. «С начала 1923 г. почерк А. Ветлугина начинает чувствоваться в кое-каких материалах “Русского голоса”», – констатирует Е. Толстая (Толстая 2006: 527). Лето того же года он проводит в Берлине с тем, чтобы продлить американскую визу, одновременно при этом выполняя поручения редакции «Русского голоса». Устроив все дела, и ненадолго заехав в Париж, где А. Ветлугин «встретил Мирского и получил твое письмо», – как он написал Сергею Есенину «в океане, 6 октября 1923 г.», сделав необходимую оговорку: «Очень хочу считать его искренним. <...> И раньше, когда всё гремело и кипело, – нам нечего было с тобой делить. А теперь, когда “в моей душе, как в океане” и т. д., и говорить нечего» (цит. по: Устинов 2016: 232-233), – он навсегда распрощался с Европой.

Задним числом, в 1935 году, решив получить гражданство США по натурализации, А. Ветлугин заполнил “Certificate of Arrival”, где сообщил, что он, Voldemar Ryndzune, прибыл в U. S. 15 октября 1923 года (по-видимому, целью было избежать любых ассоциаций с неудавшимся американским визитом Есенина и Дункан) на пароходе S. S. President Fillmore. Своим последним местом жительства он называет Париж. К моменту заполнения этого формуляра А. Ветлугин уже обрел место в американской журналистике и даже вошел в ее историю как создатель актуального до сих пор концепта «кавер-гёрл» (cover girl) – фотографии барышни на обложке⁶.

В какой-то подходящий момент, или как это назвали бы в Америке, an opportune moment – увы, пока сведений, чтобы заменить местоимение «какой-то» точной хронологической точкой отсчета явно недостаточно, – указавший в сертификате о прибытии свое имя как Voldemar Ryndzune Vetlugin, он навсегда покинул

⁶ См. об этом: Устинов 2016: 235.

русскую словесность, но, несмотря на кардинальную смену языка высказывания, писать при этом не бросил.

Головокружительная американская карьера А. Ветлугина, теперь известного как *Voldemar Vetluguin* продолжилась в Голливуде, на студии Metro-Goldwyn-Mayer (MGM), где с 1943 года он стал заведовать отделом, аналогов которому не было в российском кинематографе – Story Department, то есть Отдел сюжетов. На рубеже 1940–1950-х гг. он выступил как продюсер двух полнометражных картин, в разработке находился и третий фильм, но тут Vetluguin неожиданно уходит из кинематографа – по нашему предположению, в связи с деятельностью комиссии Маккарти – и снова подвизается в журналистике до внезапной смерти 15 мая 1953 года⁷.

И все же уход А. Ветлугина из русской словесности не означал окончательного отторжения им русской культуры, как показывает незамеченный очерк “Only Five Short Blocks”, написанный им для журнала “Reader’s Digest”. Этот рассказ о нью-йоркской прогулке с Федором Шаляпиным читается не просто как частный случай из жизни журналиста «Фредерика Ван Рина» – *nom de plume* автора, который, впрочем, здесь же и раскрывает этот псевдоним. Очерк «Всего-то пять кварталов» легко поддается преобразованию в case study, или «протокол жизни», если воспользоваться термином, предложенным социологом А. Алексеевым (см.: Алексеев 2013: 365). Перед читателем предстает – здесь в пору позаимствовать определение из другого вида искусства – «хорошо темперированный», то есть сбалансированный, учитывающий многомерность параметров, нарратив.

Попытаемся проанализировать разные аспекты предложенной А. Ветлугиным модели мемуара. Прежде всего, отметим значимость рассказанного для автора – речь идет о «реперном» событии, повлиявшем на его последующую жизнь. Укажем на темпоральную протяженность рассказа, отложенного во времени: в 1941 году написан очерк, действие которого происходит в начале

⁷ См.: Устинов 2016: 235–237.

1920-х, однако психотерапевтический эффект от полученного автором житейского опыта, возникнув сразу после события, продолжается многие годы спустя, вплоть до самого момента письма. Один из аспектов этого рассказа непосредственно связан с историко-культурным значением встречи молодого русского эмигранта, ничтожность которого поддержана в первой же фразе определениями «бедный», «голодный» и «безработный» – резко контрастными на фоне удачливого Нью-Йорка, – и всемирно известного, так же русского, певца Ф. И. Шаляпина.

Благодаря английскому языку одной из важнейших составляющих очерка становится такой аспект предлагаемой модели как «адресная группа». Англоязычный читатель, не знающий «русского» А. Ветлугина – в 1941 году он занимает место заместителя главного редактора «глянцевого» женского журнала “Red Book”, выступая и в списке сотрудников, и в качестве автора под тем же псевдонимом *Frederick Van Ryn* (или *Frederick Van Ryne*)⁸, – воспримет описание встречи, прежде всего, как эпизод из биографии великого и парадоксального Feodor Chaliapine. В то же время кодировка встречи в рамках хрестоматийной концепции «учитель – ученик» работает на укрупнение фигуры рассказчика как приверженца великого артиста, придает дополнительный вес повествованию, поскольку А. Ветлугин выступает не как случайный спутник Шаляпина, а именно как последователь наставника, им самим же намеренно «избранный».

Аналог подобного обращения к знаменитости с подчеркиванием близкого знакомства можно найти в одном из последних его журналистских материалов “Carl Sandburg Speaking: ‘I See Great Days Ahead’”, опубликованном под тем же nom de plume Frederick van Ryn за полтора месяца до смерти А. Ветлугина в еженедельнике “This Week”, воскресном приложении к одновременно 37 газетам.

В примечании к публикации интервьюер характеризуется как «старый друг» легендарного американского поэта и романиста, трижды лауреата Пулитцеровской премии Карла Сэндберга, с

⁸ См.: Устинов 2016: 235.

которым он знаком на протяжении 20 лет⁹. Выражение «старый друг», заключенное в кавычки, позаимствовано из преамбулы: “Few weeks ago, while on a short visit to New York, Sandburg went for a long walk with an old friend” (Van Ryn 1953, 1: 7, 16) и принадлежит самому поэту. Как и в случае с Шаляпиным, журналист берет интервью у поэта во время *прогулки*, и вновь отблеск славы Сэндберга падает на Frederick van Ryn. Полифункциональность этих «прогулок» А. Ветлугина органично отражает «пересечение *отдельной* биографии и истории общества», если воспользоваться определением Чарльза Миллза.

Итак, вот этот очерк А. Ветлугина в нашем переводе с английского:

Всего-то пять кварталов

Фредерик Ван Рин¹⁰

Мне было 25, я был беден и голоден. Я бывал беден и голоден и прежде, в Константинополе, Париже, Риме, но быть безработным в Нью-Йорке, где сам воздух пропитан успехом и удачливостью, – особенно унижительно.

Не знаю, что я собирался делать; не очень-то много я мог сделать. Я думал, что могу писать, но не знал, как писать на английском. Я целыми днями ходил пешком, не с целью потренироваться, но чтобы не пересекаться со своей квартирной хозяйкой.

Однажды на 42-й улице я наткнулся на огромного блондина. Я сразу узнал его – Федор Шаляпин, великий русский певец. Мальчишкой я часами простаивал в очереди, чтобы получить место на галерке в Московской Императорской опере на какой-

⁹ О работе А. Ветлугина с Сэндбергом над его книгой “Remembrance Rock” (New York: Harcourt, Brace, 1948) см. биографию поэта: Niven 1991 (по именному указателю).

¹⁰ «Фредерик Ван Рин – псевдоним Вольдемара Ветлугина, заместителя редактора журнала *Redbook*, это плодовитый автор историй с продолжением, рассказов и журнальных статей. Он сотрудничал с покойным Великим князем Александром Михайловичем <(1866–1933)> в работе над бестселлерами “Однажды Великий князь” и “Всегда Великий князь” <обе: New York: Farrar & Rinehart, Inc., 1933 – И. Б., А. У.>».

нибудь из его спектаклей. Позже, работая в парижской газете, я сделал с ним интервью. Я не предполагал, что он помнит меня, но он помнил.

«Очень заняты»? – спросил он. Я пробормотал что-то невнятное. Он, похоже, угадал мое состояние. «Давайте пройдемся до моего отеля на углу 103-ей и Бродвея», – сказал он. Пройдемся! Был полдень, и я прохаживался уже добрых пять часов.

«Однако, господин Шаляпин, это же 60 кварталов отсюда...»

Он оборвал меня: «Не сходите с ума – это всего-то пять кварталов».

«Пять кварталов»? – ахнул я.

«Да, – сказал он, – не до моего отеля, а до тира на 6-й Авеню».

В этом не было никакого смысла, но я покорно поплелся за ним. Вскоре мы остановились перед тиром. Мы смотрели, как пара матросов раз за разом стреляет в молоко, потом продолжили наш путь.

«Теперь, – объявил Шаляпин, – осталось всего 11 кварталов».

Я только покачал головой. Вскоре мы дошли до Карнеги-Холла. Шаляпин сказал, что ему нравится изучать лица тех, кто покупает билеты на утренник в Филармонию. Через несколько минут мы отправились дальше.

«А теперь, – радостно сказал Шаляпин, – мы всего в восьми кварталах от Центрального зоопарка. Там есть горилла, похожая на моего знакомого тенора».

Мы засвидетельствовали свое почтение горилле. Примерно через дюжину кварталов, снова на Бродвее, мы стояли перед магазином деликатесов. В витрине был выставлен бочонок маринованных огурцов с укропом. Врач Шаляпина не позволял ему есть маринованные огурцы, поэтому он просто смотрел. «Прекрасное зрелище! – воскликнул он. – Напоминает о моей юности».

К этому времени я должен был быть полумертвым, но, к собственному изумлению, чувствовал себя лучше, чем когда-либо за последние дни. Когда, наконец, мы дошли до шаляпинского отеля (после того, как останавливались полюбоваться обилием фруктов на рынке на 90-й улице и свежеекрашенной станцией метро на 96-й), Шаляпин удовлетворенно засмеялся. «Это было

не так уж долго, да? Теперь давайте пообедаем». После сытного обеда мой хозяин поведал, почему заставил меня пройти эти 60 кварталов. «Вы никогда не забудете эту прогулку, – серьезно объяснял этот великий человек. – Это был урок искусства жить. Никогда не беспокойтесь о расстоянии между вами и вашей целью. Всегда концентрируйтесь на том, что находится всего-то в пяти кварталах от вас. Не позволяйте далекому будущему досаждать вам. Всегда думайте о радостях, которые ждут вас в ближайшие 24 часа, какими бы малыми они ни были».

Прошло 19 лет. Шаляпин ушел из жизни, как ушло и большинство ориентиров, находившихся на том памятном пути. Но все эти годы меня не раз выручала практическая философия Шаляпина.

Так, она помогла мне, когда я задался целью овладеть английским. Я никогда не говорил себе: «Пройдут годы, прежде чем я смогу писать на этом чужом языке». Вместо этого я говорил: «Сегодня в редакционной статье *New York Times* я не знал 28 слов. К завтрашнему дню их будет не больше 20».

Она поддержала меня, когда из-за ошибки моих деловых партнеров мне пришлось уступить кредиторам половину всего, что я предполагал заработать в следующие четыре года¹¹. Скажи себе, что на протяжении 208 недель буду лишен всех удобств, вполне вероятно, я потерял бы мужество и не заработал ни цента. А я просто сказал: «По понедельникам, средам и пятницам я буду работать на кредиторов, а в остальные дни на себя». Почему-то это сработало. И кредиторы получили свое, и я добился того, что смог позволить себе некоторые удобства.

¹¹ Этот эпизод своей «американской» жизни Ветлугин, очевидно, рассказал А. Толстому. Последний ввел в рассказ «Золотой мираж», напечатанный в 1924 г. в составе сборника «Черная пятница», персонажа, в прототипе которого можно усмотреть А. Ветлугина (см.: Толстая 2006: 528). В момент финансового краха герой рассказа действует крайне эмоционально, вплоть до оскорбления действием своего коварного советника: «18 июля, в 2 часа и 7 минут пополудни, я в кровь разбил ему кислую рожу у подъезда гостиницы, из которой уходил навсегда, оставив в номере чемоданы» (Толстой 1958, 3: 390).

Из этого правила – «всего-то пять кварталов» – выгоду может извлечь любой¹². Пускай для достижения вашей цели может потребоваться много времени, всего пять небольших кварталов отделяют вас до вашего аналога шаляпинского тира на 6-й Авеню – и похожими легкими ступенями вы не только доберетесь до места назначения, но по пути получите удовольствие от многих интересных вещей (Van Ryn 1941: 65–67).

Не последнюю роль в очерке А. Ветлугина играет маршрут его прогулки с Шаляпиным и, в равной мере, собственно время его действия – 1922 год.

Сначала автор сообщает свой возраст – 25 лет (Рындзюн родился 24 февраля 1897 года), – а в конце публикуемого на исходе 1941 года очерка пишет: «Прошло 19 лет» (Van Ryn 1941: 66). Поскольку он явно осознанно не называет ни месяца, ни даже времени года, то здесь на помощь приходит хроника «трудов и дней» Шаляпина. В Нью-Йорк он прибыл 1 ноября 1922 года; 5 ноября дал концерт в названном А. Ветлугиным Карнеги-Холле; 15, 18, 20, 24 ноября пел в «Метрополитен-Опера»; в промежутке, 22 ноября, записывал граммофонные пластинки. После небольшого перерыва Шаляпин выступил еще 2 и 13 декабря, а неделю спустя отправился в большое турне по Америке и возвратился в Нью-Йорк уже в марте (после 9-го) 1923 года (см.: Летопись 1984: 176, 179, 180). Получается, что их встреча могла случиться в любой из дней между 2 ноября и 19 декабря 1922 года.

Что касается маршрута этой незабываемой для А. Ветлугина прогулки по Манхэттену, то, обратив внимание на *tempora mutantur*, он не без сожаления констатирует, что «и большинства ориентиров, находившихся на том памятном пути» (Van Ryn 1941: 66), уже не найти. Тем не менее, его приверженность к деталям наметила «маркеры» этого шаляпинского маршрута, и, если следовать главным «локусам», то они сохранились до наших дней. Это, конечно же, вызывает еще большее доверие и к маршруту, и к авторскому

¹² Показательно, что очерк напечатан в рубрике “Profit by my experience” («Извлекайте выгоду из моего опыта»), название которой коррелирует с этой авторской сентенцией.

повествованию, прямо с точки их нечаянной встречи на 42-й улице.

Ориентир № 1 – 42-я улица (42nd Street) – одна из самых оживленных деловых улиц Манхэттена – задолго до очерка «Всего-то пять кварталов» фигурировала в статье А. Ветлугина «Любимец Бродвея» в нью-йоркской газете «Русский голос» (выпуск от 18 декабря 1925 года), рассказавшей о литературном успехе драматурга Генри Гопвуда, «приспосабливающего фарсы для Бродвея: “Черную работу перевода исполняли очкастые барышни с безнадежными профилями, молодые люди в лоснящихся пиджаках... Голливуд накладывал глянец. Французскую клубничку переводил на язык, волнующий самцов 42-й улицы”» (цит. по: Толстая 2006: 538). Этот променад эклектичен своей бытовой архитектурой, поэтому, кроме торгово-деловой части, был так же отведен для культурных учреждений. Здесь располагаются Нью-Йоркская Публичная библиотека (New York Public Library, открытая в 1911 году), железнодорожный вокзал Гранд-Сентрал (открыт в 1913 году) и проч. Еще до Второй мировой войны 42-я улица прославилась как театральный и развлекательный район.

Знаменитая кинокартина Л. Бэкона и Б. Беркли “42nd Street” (1933) изобразила колоритную смесь благопристойных бродвейских жителей и подонков времен Великой депрессии. В 1980 году сценарий фильма лег в основу невероятно успешного мюзикла, заглавная песня которого приводила набор обитателей 42-й улицы:

Миленькие штучки из пятидесятых,
сладки так, что жуть.
Дамочки горячие из восьмидесятых
скромности ничуть,
Вот они стоят бок о бок,
как надежный щит.
И преступный мир здесь может
встретить мир элит.
Вот такая

озорная,
непристойная,
крутая,
Форти-секонд стрит!¹³

Ориентир № 2 – тир на 6-й Авеню безвозвратно утрачен.

Ориентир № 3 – концертный зал Карнеги-Холл, открытый в 1891 году на углу 7-й Авеню и 57-й улицы, существует по сей день.

Ориентир № 4 – не «Центральный зоопарк», как в очерке, а Зоопарк в Центральном парке Нью-Йорка на углу 5-й Авеню и 59-й улицы во многом изменил облик, но до наших дней сохранил свое предназначение.

Ориентир № 5 – магазин деликатесов в этой части Бродвея, возможно, отсылает к мясному рынку, который был открыт в 1920 году Лукасом Брассом (вспомним Луку Брази в романе Марио Пьюзо «Крестный отец») в здании Аркады (Arcade), находившемся между 65-й и 66-й улицами Манхэттена и снесенном в 1960 году. Рынок быстро перерос в магазин деликатесов, работающий до сих пор (см.: Johnson 1916; ср.: www.arcademarketplace.net).

Ориентир № 6 – одна из фруктовых лавок близ 90-й улицы, которых в этой части Манхэттена было великое множество.

Ориентир № 7 – свежеекрашенная станция метро на 96-й улице. Она была задумана еще в 1919 году как часть значительной экспансии радиуса действия нью-йоркского «сабвея», по слову Давида Бурлюка. Однако, вследствие наступившей вскоре Великой депрессии эта линия метро так и не открылась.

¹³ Перевод Андрея Устинова. Ср. оригинал:

Little nifties from the Fifties,
Innocent and sweet,
Sexy ladies from the Eighties
Who are indiscreet,
They're side by side,
They're glorified,
Where the underworld can meet
The elite.
Naughty, gawdy, bawdy, sporty,
Forty-second Street!



Илл. 3. Гостиница «Марсель»

Ориентир № 8 – отель на углу 103-й улицы и Бродвея, в котором жил Шаляпин, угадывается достаточно легко. Речь идет о гостинице «Марсель» (“Marseilles”), которая была построена по проекту Х. А. Джейкобса (1872–1932) в 1902–1905-м.

Она предназначалась для постояльцев из «верхушки среднего

класса» и прекрасно сохранилась до наших дней, превратившись в роскошное многоквартирное жилое здание¹⁴. Путеводители 1920-х годов описывали особые удобства здания: ресторан в подвальном этаже, отдельное помещение для гриля (grill-room), освещаемую бильярдную, кафе, традиционную цирюльню (barbershop) и наилучшим образом оборудованные кухни и столовые комнаты. Еще одна деталь, на первый взгляд не имеющая прямого отношения к очерку и все же добавляющая ему известной горечи утрат: недалеко от отеля «Марсель» на треугольнике Бродвей – Вест Энд Авеню – 106-я улица в Штраус Парке в 1913 году был открыт мемориал памяти жертв «Титаника».

Именно по этим «маркерам», ведущим сначала на запад, а потом на север Манхэттена – почти, как у Альфреда Хичкока, “North by Northwest”, – можно проследить маршрут прогулки с Шаляпиным по Манхэттену. Однако главное здесь не забыть, когда именно в печати появился травелог А. Ветлугина. Его очерк «Всего-то пять кварталов» был напечатан в выпуске “Reader’s Digest” в декабре 1941 года. В таком обращении к русской теме и как раз в это время отчетливо виден оммаж культуре страны, ввергнутой в страдания и разрушения.

¹⁴ См.: <http://daytoninmanhattan.blogspot.com/2017/03/the-1905-hotel-marseilles-2689-2693.html>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Only Five Short Blocks*By Frederick Van Ryn*¹⁵

I was 25, broke and hungry. I had been broke and hungry before, in Constantinople, Paris, Rome, but it is particularly humiliating to be jobless in New York where the very air is charged with success and conquest.

I didn't know what I was going to do; there wasn't much I could do. I thought I could write but I didn't know how to write in English. I spent my days walking, not for exercise but to keep out of my landlady's way.

One day on 42nd Street I bumped into a blond giant of a man. I recognized him at once: Feodor Chaliapin, the great Russian singer. As a boy I used to stand hours in line at Moscow's Imperial Opera House to get a gallery seat to one of his performances. Later, while working in a newspaper in Paris I had interviewed him. I didn't expect he would remember me but he did.

"Very busy?" he asked. I mumbled something. He must have guessed my state of mind. "Let's walk up to my hotel at 103rd and Broadway," he said. Walk! It was noon and I had been walking steadily for five hours.

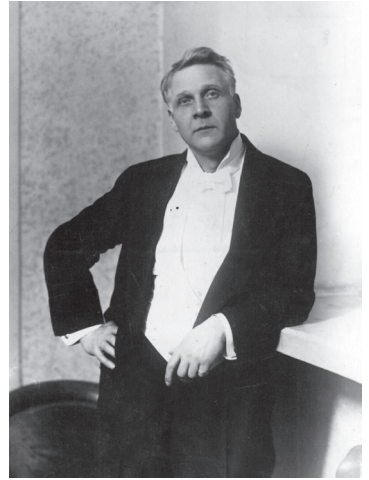
"But, Mr. Chaliapin, that's 60 blocks from here –"

He cut me short. "You are crazy – it's only five short blocks."

"Five blocks?" I gasped.

"Yes," he said. "Not to my hotel, to be sure, but to a shooting gallery on Sixth Avenue."

This made no sense, but I followed him meekly. Soon we stopped in front of the shooting gallery. We watched a couple of sailors miss the bull's-eye a great many times, then continued on our way.



Илл. 3. Ф. Шаляпин. 1922 г.

Из архива Эст<онского>

Театр<ального> Об<ществ>а

¹⁵ "Frederick Van Ryn, pen name of Voldemar Vetluguin, associate editor of *Redbook*, is a prolific writer of serials, short stories and articles for the magazines. He collaborated with the late Grand Duke Alexander of Russia on the best-selling *Once a Grand Duke* and *Always a Grand Duke*."

“Now,” announced Chaliapin, “It’s only 11 blocks.”

I shook my head. Before long we arrived at Carnegie Hall. Chaliapin said he liked to study the faces of the people who were buying tickets for a Philharmonic matinee. After a few minutes we were off again.

“And now,” said Chaliapin joyfully, “We are within eight blocks of the Central Park Zoo. There’s a gorilla that looks like a tenor I know.”

We paid our respects to the gorilla. About a dozen blocks later, back on Broadway, we stood in, front of a delicatessen store. In the window it was displayed a barrel of dill pickles. Chaliapin’s doctor did not let him eat pickles so he merely stared. “A beautiful sight!” he exclaimed. “It reminds me of my youth.”

I should have been half dead by this time but to my surprise I felt better than I had in days. When we finally reached Chaliapin’s hotel (after having paused to admire the array of fruit in a market at 90th Street and a newly painted subway station at 96th Street) Chaliapin laughed contentedly. “It didn’t take long, did it? Now let’s have lunch.”

Over a satisfying meal my host confessed why he made me walk those 60 blocks. “You’ll never forget this walk,” the great man explained gravely. “It was a lesson in the art of living. Never worry about the distance between you and your goal. Always concentrate on what is within five short blocks from you. Don’t let the faraway future bother you. Always think of the joys, no matter how small, awaiting you in the next 24 hours.”

Nineteen years passed. Chaliapin is gone and so are most of the landmarks that stood along that well-remembered trek. But in those years, Chaliapin’s practical philosophy has come to my rescue many times.

It helped me when I set out to master English. I never said to myself, “It will be years before I can write in that strange language.” I said instead, “Today there were 28 words on the editorial page of *The New York Times* that I didn’t know. Tomorrow there won’t be more than 20.”

It kept me going when, because of mistake made my business associates, I was obliged to assign to creditors one half of what I expected to make in the following four years. Had I admitted to myself that for 208 weeks I would be deprived of all comforts, chances are I would have lost courage and not made a cent. But I merely said, “On Mondays, Wednesdays and Fridays I will work for the creditors; on other days, for myself.”

Somehow that made a world of difference. The creditors got paid in full and I accomplished enough to afford a few comforts.

Anyone can benefit by the rule of “only five short blocks.” While it may take a long time to reach your goal, it’s only 5 short blocks to your counterpart of Chaliapin’s shooting gallery on Sixth Avenue – and by similar easy stages you will not only arrive at your destination but enjoy many interesting things along the way.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. Н. 2013. Биографический дискурс: Акт общения, отображение реальности и изъятие себя (заметки об «эстафете памяти»). – Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе. Избранное 2003–2012. СПб.: НИЦ «Мемориал». С. 351–384.
- Белобровцева И. 2002. Лицо не в фокусе (К проблеме одного прототипа). – Toronto Slavic Quarterly. Vol. 2. s. p. [URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml>]
- Дон-Аминадо 1994. Наша маленькая жизнь. М.: Терра.
- Летопись 1984. Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина: В 2-х кн. Кн. I. Л.: Музыка.
- Толстая Е. Д. 2006. Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917 – 1923). М.: РГГУ.
- Толстой А. Н. 1931. Черное золото. – Новый мир. № 1. С. 5–15; № 2. С. 42–53; № 3. С. 64–74; № 4. С. 64–76; № 5. С. 62–77; № 6. С. 53–65; № 7. С. 106–121; № 8. С. 90–107; № 9. С. 63–74; № 10. С. 92–102; № 11. С. 42–52; № 12. С. 71–104.
- Толстой А. Н. 1958. Мираж. – Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 3. М.: ГИХЛ. С. 386–394.
- Толстой А. Н. 1958. Эмигранты. – Толстой А. Н. Собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 4. М.: ГИХЛ. С. 225–515.
- Устинов А. 2016. Биография как сюжет: «Американская мечта» А. Ветлугина. – Сюжетология и сюжетография. № 2. С. 224–239.
- Johnson, O. 1916. The Woman Gives: A Story of Regeneration. Boston: Little, Brown, and Company.
- Niven, P. 1991. Carl Sandburg: A Biography. New York: Charles Scribner’s Sons; Macmillan Publishing Co.

Van Ryn, F. 1941. Only Five Short Blocks. – The Reader's Digest. Vol. 39. No. 232-236 (August-December). P. 65-67.

Van Ryn, F. 1953. Carl Sandburg Speaking: "I See Great Days Ahead". – This Week. 1953. No. 1. January, 4. P. 7, 16.

REFERENCES

Alekseev, A. N. "Biograficheskii diskurs: Akt obshcheniia, otobrazhenie real'nosti i iz"iavlennie sebii (zametki ob 'estafete pamiati')." In *Pravo na imia: Biografika 20 veka. Chteniia pamiati Veniamina Iofe. Izbrannoe 2003–2012*, 351–84. Saint Petersburg: NITs "Memorial," 2013.

Belobrovtsseva, I. "Litso ne v fokuse (K probleme odnogo prototipa)." – Toronto Slavic Quarterly 2 (2002): s. p. Accessed December 10, 2022. <http://sites.utoronto.ca/tsq/02/belobrovceva.shtml>

Don-Aminado. *Nasha malen'kaia zhizn'*. Moscow: Terra, 1994

Johnson, O. *The Woman Gives: A story of Regeneration*. Boston: Little, Brown, and Company, 1916.

Letopis' zhizni i tvorchestva F. I. Shaliapina. 2 vols. Vol. 1. Leningrad: Muzyka, 1984.

Niven, P. *Carl Sandburg: A Biography*. New York: Charles Scribner's Sons; Macmillan Publishing Co., 1991.

Tolstaia, E. D. *Degot' ili med: Aleksei N. Tolstoi kak neizvestnyi pisatel' (1917–1923)*. Moscow: RGGU, 2006.

Tolstoi, A. N. *Chernoie zoloto*. *Novyi mir* 1–12 (1931): 5–15, 42–53, 64–74, 64–76, 62–77, 53–65, 106–21, 90–107, 63–74, 92–102, 42–52, 71–104.

—. "Mirazh." In *Sobranie sochinenii*, by A. N. Tolstoi. 10 vols. Vol. 3, 386–94. Moscow: GIKhL, 1958.

—. *Emigranty*. In *Sobranie sochinenii*, by A. N. Tolstoi. 10 vols. Vol. 4, 225–515. Moscow: GIKhL, 1958.

Ustinov, A. "Biografiia kak siuzhet: 'Amerikanskaia mechta' A. Vetlugina." *Siuzhetologiiia i siuzhetografiia* 2 (2016): 224–39.

Van Ryn, F. "Only Five Short Blocks." *The Reader's Digest* 39, no. 232–236 (August–December 1941): 65–67.

—. "Carl Sandburg Speaking: 'I See Great Days Ahead'." *This Week* 1 (January 4, 1953): 7, 16.

«А ЗДЕСЬ Я НИКОМУ НЕ НУЖЕН»: ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ НИКОЛАЯ ЗАРЕЦКОГО В ПРАГЕ¹

Ф. Б. Поляков
(Вена)

Пражский период деятельности художника, книжного графика, историка литературы и коллекционера Николая Васильевича Зарецкого (1876–1959) продолжался с 1931 по 1950 год². Драматические события этих десятилетий разделили его биографию на три отрезка. В начале 1930-х, оказавшись после беспокойного Константинополя и неустойчивого Берлина в столице Чехословацкой республики, Зарецкий за несколько лет смог добиться значительных успехов, хотя, вероятно, и не в таких размерах, как представлял себе эти «несомненные барыши» его берлинский друг Роман Гуль (см.: Поляков 2000: 255). Вслед за годами творческого расцвета наступило трудное время выживания в «Протекторате Богемии и Моравии»; сведения о тогдашнем положении Зарецкого до сих пор фрагментарны. Но в отличие от многих других русских обитателей Праги Зарецкому по окончании войны удалось не только избежать политических репрессий, но даже выехать из социалистического лагеря в Париж. В нашей статье мы попытаемся дополнить биографию Зарецкого в эти последние годы его пребывания в Чехословакии.

Первым значительным результатом деятельности Зарецкого в Праге оказалась экспозиция «Пушкин и его время» (1932 г.). Ее реализация в выставочных залах, имеющих общенациональное значение, как и поддержка целого ряда чехословацких организаций

¹ Искренне благодарим Сергея Гагена (Praha), Anne Hultsch (Wien/Praha) и Юлию Янчаркову (Praha) за существенную и постоянную помощь в нашей работе.

² Общие сведения о биографии Н. В. Зарецкого см.: Лейкинд, Махров, Северюхин 2019, 1: 540–542; Ю. Янчаркова s. v. (<https://artzr.ru/search/Зарецкий/1804783772.html>); Представители эмиграции 2021: 185–186; см. также: Поляков 2018: 236–265.

была бы невозможна для недавно прибывшего из Берлина художника-собиранителя. Подчеркнем, что успех Зарецкого определялся итогами сотрудничества графини С. В. Паниной с чехословацкими академическими и политическими кругами, при еще незначительном тогда воздействии советской культурной политики (см.: Поляков 2020: 254–275). Организаторы пушкинской выставки 1932 г. не подвергались давлению той атмосферы юбилейных мероприятий с их идеологическим противоборством, которого уже не удалось избежать в Праге позднее, на торжествах 1937 г. (см. о них: Копршилова 2000: 249–259). Вслед за пушкинской экспозицией Зарецкий представил художественную ретроспективу «Рисунки русских писателей» – на столь значимую для него тему соотношения текста и образа, «письма» в обоих смыслах³. Зарецкий также участвовал в театральных проектах и коллективных выставках; приведем некоторые сведения, дающие представление о его активности до середины 1930-х годов (Белошевская 2001, с указанием страниц хроники в квадратных скобках):

1932

Пушкинская выставка (вернисаж 28 февраля) [111], лекция о портретах Пушкина (20 марта) [116]

1933

Сценография по Тургеневу (8 июня) [207], выставка «Рисунки русских писателей», с разделами, посвященными Тургеневу и Ремизову (вернисаж 2 декабря) [229], оформление декораций для Русской драматической группы (5 и 21 декабря) [231]

1934

Декорации к «Пульчинелле» (28 апреля) [257]

³ Название «Рисунки русских писателей» также встречается и в одном из альбомов А. М. Ремизова, ближайшим образом участвовавшего в реализации плана Зарецкого; ср. Грачева 2000: 230–231.

1935

Эскизы для оперного вечера (10 января) [285], декорации к «Лебединому озеру» (19 декабря) [347]⁴

В том же 1935 г. Зарецкий принимал участие в выставке русского искусства во дворце Клам-Галласов (см.: Jančarková 2008: 215–235) и в создании Русского культурно-исторического музея в Збраславе⁵. Сохранение фондов музея позднее, во время «Протектората», потребовало от Зарецкого больших личных усилий⁶. Однако уже во второй половине 1930-х годов наметилось, по-видимому, и какое-то изменение положения Зарецкого, отразившееся в протоколе общего собрания Союза русских писателей и журналистов в Чехословацкой Республике от 1 июня 1935 г.: «...выбыл по собственному желанию Н. В. Зарецкий...» (Sládek, Běloševská 1998: 100).

В переписке Эллиса (Льва Кобылинского) с Зарецким неоднократно упоминалось и о намерении последнего устроить в Праге какую-то «выставку гравюр». В начале 1936 г. Зарецкий обращался к Эллису с просьбой навести для него справки в Женеве, которые

⁴ Об упоминаемых здесь сценических работах Зарецкого см. подробнее: Букреева 2019: 140–147.

⁵ См. письмо В. Ф. Булгакова к А. Л. Бему от 10 декабря 1933 г. с предложением о приглашении Зарецкого в инициативную группу по созданию музея: Kuthanová, Chlaňová, Ščeblyginová, Hauser 2017: 181, № 32. См. также: Булгаков 1999: 151–152; постановлением Совета Русского свободного университета от 27 февраля 1934 г. Зарецкий был включен в Музейную комиссию (Ibid.: 153) и переизбран в 1936–1937 гг. (Ibid.: 166).

⁶ См.: Муромцева 2010: 182–194; Букреева 2015: 36–43; Букреева 2016: 503–521; ср. также: Козырева 2008: 176–189; Hauser 2020: 195–236, особенно с. 226–232. Этот эпизод в истории культурных инициатив эмиграции, несмотря на большой приток информации, еще далеко не полностью прояснен. Достаточно красноречиво о конфликтах свидетельствует резолюция на отчете Зарецкого от 15 сентября 1945 г. (первая страница машинописи воспроизведена в статье: Hauser 2019: 107), предназначавшегося для Музейной комиссии Русского культурно-исторического музея: «Лживые самооправдания трусливого человека». Отметим и словоупотребление самого Зарецкого в этом письме (речь идет о невозможности частых поездок из Праги в Збраслав): «<...> в последний раз 24 апреля, перед революционными событиями <...> В период революционных событий <...>» (курсив наш. – Ф. П.). Такое обтекаемое обозначение Пражского восстания и освобождения Праги от гитлеровской оккупации позволяет увидеть политическую осторожность Зарецкого.

могли иметь отношение как раз к его выставочным планам. По контексту ответа Эллиса понятно, что это обращение Зарецкого было вызвано его отчаянным материальным положением и напряженной обстановкой в пражских кругах эмиграции:

Дорогой друг!

Спасибо за вести о Вас!

Чувствую, что пресловутая русская «кружковщина» цветет и в эмиграции. Очень печально, однако мало удивительно!

Я тоже совершенно одинок и занят работой в уединении. Однако несколько ценных и верных друзей у нас осталось. Этого довольно!

Однако мы должны тем более подать друг другу руки из нашего одиночества.

Я охотно исполню Ваши небольшие поручения. За успех, конечно, не могу поручиться.

Жалко, что Вы и Николай Онуфр<иевич> столь обезденежели! Впрочем, сейчас возможна общая полная катастрофа! Все можем погибнуть. *Работать необходимо все же!*..

К сожалению, я никого не знаю в Женеве. Обращусь в Пуб<личную> Библиотеку конечно. Но что будет? Не знаю. Желаю успеха Вашей идее о выставке! <...>⁷

Писем Зарецкого к Эллису не сохранилось, однако исходя из распросов Эллиса, продолжавшихся вплоть до середины 1938 г., можно полагать, что план выставки гравюр реализован не был⁸. Поскольку

⁷ New York. Columbia University Libraries. Rare Book & Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (далее – BAR). Nikolai Vasil'evich Zaretskii Papers. Box 1 (здесь и далее в квадратных скобках даются ссылки на номера писем в подготовленном нами издании этой переписки), письмо [№ 20] от 10 февраля 1936 г., курсив Эллиса. Здесь же упомянут философ Н. О. Лосский; о его материальном положении Зарецкий писал ранее, как свидетельствует фраза Эллиса в предыдущем письме ([№ 19], 20 января 1936): «Я очень прошу Вас передать мою благодарность и сочувствие во всем уважаемому Николаю Ануфриевичу <sic!>, известие о материальных трудностях которого меня очень взволновало».

⁸ [№ 21, 1 января 1937]: «Давно ничего не знаю о Вас. Как живёте, работаете? Как Ваша выставка?»; [№ 23, 4 мая 1937]: «Как живёте, работаете и что выставка гравюр?»; [№ 24, 6 сентября 1937]: «Уже давно ничего о Вас не знаю. Что Ваше выставка гравюр?»

материальное положение Зарецкого, не имевшего постоянного источника доходов, напрямую зависело от успеха подобных мероприятий, то ослабление его организационных возможностей впоследствии проявилось самым отрицательным образом⁹.

В юбилейный 1937 г., когда общественный интерес создавал условия для разнообразных эмигрантских публикаций и проектов, захвативших и Прагу, вклад Зарецкого-пушкиниста представляется все-таки несоизмеримо скромным при сопоставлении с выставкой 1932 г. или его другими работами на пушкинские темы. Возможно, в таком изменении масштаба его участия и присутствия отразилась наметившаяся изоляция или какая-то перемена статуса Зарецкого в кругах пражской эмиграции, о которых, вероятно, и шла речь в приведенном выше ответном письме Эллиса. Тем не менее Зарецкий был приглашен к участию в работе пражского Пушкинского комитета, первое заседание которого состоялось 26 февраля 1936 г. (Копршилова 2000: 254). В состав комитета также входили Е. А. Ляцкий, графиня С. В. Панина, А. Л. Бем и В. А. Францев, некогда связанные с организацией пушкинской выставки 1932 г. Однако к этому юбилею Зарецкий смог выпустить только набор открыток с воспроизведением двенадцати рисунков Пушкина и вводным очерком „Puškin-kreslíř“ (название в оригинале – «Пушкин-рисовальщик»)¹⁰. Издание открыток было осуществлено Зарубежным союзом русских военных инвалидов¹¹. Оно вышло в свет весной

Как живёте и что делаете?»; [№ 25, 1 июля 1938]: «Как пошло дело с планом выставки гравюр?».

⁹ Отметим, что в коллективных выставках Зарецкий в следующее десятилетие принимал участие лишь однажды – в составе Первой выставки «Профессионального союза русских художников в Протекторате Богемия и Моравия» в Праге 15 октября – 1 ноября 1943 г. (см.: Лейкинд, Махров, Северюхин 2019, 2: 764).

¹⁰ См.: Zareckij 1937; очерк (с. 1–5) переведен на чешский Žofie Pohorecká, неоднократно сотрудничавшей с Зарецким (см.: Поляков 2018: 238), и посвящен внуку поэта Н. А. Пушкину (с ним Зарецкий поддерживал отношения еще с Константинополя, ср. Чистова 2000: 302; Букреева 2014: 296). См. далее: Чистова 1996: 252; Чистова 2000: 299. Русский оригинал очерка впервые опубликован уже в парижский период (см.: Зарецкий 1951: 145–150) и переиздан с комментариями: Зарецкий 2000: 305–311.

¹¹ Об этом объединении см.: Микуленок 2020: 170–179. В его состав в Чехословакии на 1 марта 1938 г. входило 192 человека (см.: Зарубежный союз [1938]: 7).

1937 г.; ср., например, упоминание Эллиса в начале мая того же года: «Многоуважаемый и дорогой друг Николай Васильевич! Искренний привет и спасибо за присылку пушкинских рисунков, весьма удачных»¹².

Как указывается уже в самом названии пражской публикации, очерк Зарецкого о Пушкине-графике заимствован из его книги «Рисунки русских писателей» (полностью не опубликована, о ее судьбе см. ниже). Сравнение чешского варианта (перевод Софии Погорецкой для пражского издания 1937 г.) с русским (по версии 1951 г., возможно, адаптированной по сравнению с оригиналом начала 1930-х годов) позволяет установить, что хотя чешский перевод подвергся сокращению, которое коснулось цитат, отдельных фраз и абзацев, однако в целом отражает оригинал Зарецкого. Напротив, фрагмент о Пушкине-графике в книге, изданной Д. И. Чижевским под именем Зарецкого (Zaretzky 1960: 23–24), воспроизводит лишь несколько предложений из первоначального авторского текста, давая представление не столько об источнике, сколько о радикализме редакторского вмешательства. Подборка пушкинской графики в издании Zarečskij 1937 также отсылает нас к выставке 1933 года: все двенадцать рисунков, попавшие на открытки в 1937 г., были ранее включены в ее каталог (BAR, Coll. Zaretskii, Box 11). Таким образом, художник решил не предпринимать какого-то нового синтеза на основании накопленного им материала.

Как мы уже упоминали, в военные годы Зарецкому приходилось заниматься организационной работой в Збраславском музее. Оказавшийся в Праге в 1944 г. художник Е. Е. Климов пишет в своих воспоминаниях (Климов 2005: 308):

В последнее время он был директором русского музея в Збраслове <sic!>. С трудом пришлось ему преодолеть косность прежних распорядителей и провести в некоторых залах новую развеску

¹² Письмо [№ 23], 4 мая 1937. Другие положительные отзывы об этом издании (среди них и отклик пушкиниста М. Л. Гофмана) упомянуты в статье: Чистова 1996: 252; Чистова 2000: 299.

картин. Но его энергии хватило только на несколько залов, остальные продолжали быть неким свалочным местом, а не художественным музеем. Николай Васильевич видел и сознавал это безобразие, но сделать ничего не мог, ибо Совет музея был против него. Одна из комнат музея была отведена работам самого Н. В.

По письмам переводчика и историка литературы Артура Лютера (BAR, Coll. Zaretskii, Vox 4) выясняется, что для пополнения фондов музея Зарецкий стремился собрать и связанную с Пушкиным литературу. Вышедшие по-немецки книги принимали на себя в тот момент в условиях «Протектората», как можно предположить, и защитную функцию по отношению к русской культуре. В письме из Лейпцига от 6 октября 1941 г. Лютер обещает прислать для «Пушкинского зала» некоторые свои переводы и исследования и упоминает о значимости переводов Генри фон Гейзелера и своей дружбе с его сыном Бернтом фон Гейзелером, от которого он также желал получить для Зарецкого экземпляр издания этих переводов¹³.

В том же году Зарецкому удалось выпустить брошюру с материалами, посвященными столетию со дня гибели М. Ю. Лермонтова; она завершается миниатюрным очерком «М. Ю. Лермонтов-рисовальщик», основанным на цитатах из мемуарных источников¹⁴. Публикация появилась с уведомлением: «Издано в качестве особого приложения к № 1–6 журнала “Русский Врач”, орган Проф. Союза Русских Врачей в Протекторате Чехия и Моравия». В том же письме к Зарецкому от 6 октября 1941 г. Лютер писал:

Сердечно благодарю Вас за Ваше любезное письмо и прекрасные Пушкинские открытки, служащие, как и книга о Лермонтове, доказательством, как и при небольших средствах можно достойно

¹³ В частности, речь идет о посылке издания: Puschkin [1941]. Об отношениях А. Лютера с Генри фон Гейзелером см. также: Poljakov, Sippl 1999: 91–98. Сведения о работе Зарецкого над пушкинской экспозицией в Збраславле см.: Булгаков 1999: 194; Чистова 1996: 252–253; Чистова 2000: 299–300; Букреева 2015: 36–43; Букреева 2016: 503–521.

¹⁴ Зарецкий 1941: 73–74. О занятиях Зарецкого лермонтовской темой см.: Букреева 2013: 103–114; Букреева 2022: 57–64.

почтить память поэта – и тем самым делать ценную культурную работу¹⁵.

Как и в случае с пушкинскими открытками издания 1937 г., заметка Зарецкого о Лермонтове также восходит к его книге «Рисунки русских писателей». Сравнение русскоязычной версии очерка (1941 г.) с пассажем о Лермонтове в немецком издании под редакцией Д. И. Чижевского (Zaretzky 1960: 38–44), показывает, что речь идет об изначально одном и том же тексте, ср., например (отмечаем здесь курсивом опущенную редактором фразу):

М. Ю. Лермонтов начал рисовать рано, в детстве. Его бабушка, не щадившая средств на воспитание внука, собрала в Тарханах несколько сверстников будущего поэта, *так что одно время их было человек десять.*

Michail Jurjevič Lermontov begann bereits früh in der Kindheit zu zeichnen. Seine Großmutter, die keine Ausgaben für die Erziehung ihres Enkels scheute, versammelte auf ihrem Gut Tarchany einige Altersgenossen des künftigen Dichters.

¹⁵ BAR, loc. cit. Почти так же Лютер заканчивает и свою рецензию на эту публикацию: «В общем и целом, эта книга – прекрасный пример тому, как и со скромными средствами, при любви к делу и знанию, можно достойно почтить память великого поэта и обрадовать его почитателей, т. е. всех, кому дорого русское слово» (Лютер 1941: 6). Об этом берлинском издании см.: Равдин 2016: 303–316; историко-биографический контекст описан в статье: Кратц 2016: 190–206. В экземпляре лермонтовской публикации Зарецкого, находящемся в пражской библиотеке А. Л. Бема, имеются машинописные копии письма Лютера к издателю журнала «Русский врач» И. Т. Камышанскому (с отзывом об издании Зарецкого) и цит. рецензии; их текст воспроизведен в кн.: Магидова, Ильина 2021: 399–400, № 347. В указанном номере «Новой жизни», в том же 1941 г. прекратившей свое существование, помещена заметка журналиста Сергея Савинова (до войны – участника пражских литературных кружков) «К столетию со дня смерти М. Ю. Лермонтова». В Праге к юбилею появилась книга педагога В. В. Перемиловского, также связанного с А. М. Ремизовым (см.: Перемиловский 1941) и издание (при участии А. Л. Бема) «Песни про царя Ивана Васильевича» и «Демона» (см.: Магидова, Ильина 2021: 396, № 340). Другие материалы об этом юбилее в эмиграции см. в работах: Пономарева 2007: 420–433; Пономарева, Шор 2009: 49–65; некоторые публикации перепечатаны в сборниках: Филин 1999; Маркович, Потапова 2002: 825–967.

Насколько известно, лермонтовская мемуарная подборка – последняя историко-литературная публикация, осуществленная Зарецким в пражский период.

*

Обстоятельства жизни Зарецкого в Чехословакии могут быть уточнены на основе специфического источника – материалов его личного дела в актах Пражского полицейского управления¹⁶. Привлекая к показанию этих свидетельств сохранившуюся переписку Зарецкого, можно утверждать, что работа Зарецкого начиная с последних лет Чехословацкой республики, еще до наступления всеобщей катастрофы, проходила в неблагоприятных условиях, которые обернулись для него нищетой.

Первым документом личного дела оказывается удостоверение личности (*Personalausweis* Nr. NS 153), выданное Берлинским полицейским управлением 26 июля 1929 г. со сроком действия до 25 июля 1930 г. на имя *Nicolas Saretzky* (род. 9/22 мая 1876 г. в Липецке), проживавшего по адресу: *Leibnizstraße, 35* в Шарлоттенбурге¹⁷. Документ присовокуплен к прошению Зарецкого о легализации в Чехословакии, поданному в Праге 29 октября 1931 г. В этой анкете Зарецкий сообщает, что выехав из Константинополя, он прибыл в Чехословакию в феврале 1922 г. и оставался в стране почти четыре месяца, затем около девяти лет находился в Берлине, в июне 1931 г. вернулся (*sic!*) в *Kouřim* (в другом документе уточнена дата отъезда из Германии – 6 июня), в настоящее время пребывает в Праге¹⁸. Также говорится о том, что у него имеется «малоимущий»

¹⁶ Документы из архива полицейского управления (Praha. Národní archiv. PŘ 1941–1951. Z 470/5) были предоставлены нам в выписках, сделанных коллегой Юлией Янчарковой.

¹⁷ В 1930-х гг. по тому же адресу проживал и публицист Александр Матанкин, личность с авантюрной биографией: Азадовский, Суперфин 2019: 273; см. также: Kratz 1999: 530, Nr. 116.

¹⁸ В документе о регистрации 1947 г. упомянуто, что в Коуржине Зарецкий проживал у г-на Ржехака; *Jaromír Řehák* был последним местным пивоваром. С этим городком была связана и переводчица София Погорецка (см. ниже).

(nemajetný) брат Митрофан, проживающий в Литве¹⁹. Целью пребывания Зарецкого в Праге названо проведение выставки, посвященной «поэту Пушкину», по приглашению Славянского института. На основании этого обращения 13 ноября 1931 г. ему был выдан нансеновский паспорт № 271 сроком на один год.

В прошении о бесплатном получении противогаза от 4 июня 1938 г. Зарецкий указывает свои средства к существованию – ежемесячную поддержку Красного креста в размере 250 Кч и нерегулярную помощь от брата из Литвы. Позднее, 2 августа 1938 г., чиновник дополняет эти данные сведениями о квартальной стоимости аренды Зарецким мастерской (750 Кч) и минимальном размере доходов художника, получающего социальную помощь (упомянутые 250 Кч), которая уходит на оплату его чердачной квартиры, а также о поддержке в размере 100 Кч от эмигрантских организаций. В заявлении говорится о его заболеваниях (невроз, воспаление легких) и прошении вдвое увеличить социальную помощь. По представлению Полицейского управления от 31 июля 1939 г. (уже во время «Протектората»), вскоре, 9 августа 1939 г., ему выдается очередной вид на жительство. Не следует особо удивляться, что среди полицейских документов всплывают и медицинские свидетельства о болезнях Зарецкого в мае и августе 1940 г. Эти справки сопровождаются предписанием передать результаты больничного обследования в гестапо (sic!). По постановлению министерства социального обеспечения и здравоохранения (Ministerium für Soziale und Gesundheitsverwaltung / Ministertvo sociální a zdravotní správy) Зарецкому увеличивают социальную помощь, назначая выплаты по 500 Кч на срок с 1 октября 1941 по 30 апреля 1942 г. Такова, в общих чертах, документация о положении Зарецкого в Праге при «Протекторате», сохраненная в послевоенной подборке его полицейского дела.

Новые чехословацкие власти не применяли карательных мер против неимущего, больного художника-апатрида. На основе

¹⁹ Митрофан Васильевич Зарецкий (род. в 1873 г.), подполковник, в 1917 г. – помощник начальника Московского губернского жандармского управления (см.: www.ria1914.info/index.php/Зарецкий_Митрофан_Васильевич).

имевшегося регистрационного документа от 12 марта 1943 г., который после войны потребовалось подтвердить свидетельством о рождении, выданном православной церковью в Праге 21 декабря 1945 г., Зарецкий получил легализацию до 10 июля 1946 г. Для этого также привлекались двое свидетелей, подтверждавших его личность; ими выступали художник Михаил Ромберг и издатель Владимир Минаржик²⁰. Последний, как мы увидим, сыграл существенную роль для облегчения судьбы Зарецкого в эти пять послевоенных лет.

Занимавшееся иностранцами чехословацкое учреждение, в компетенции которого оказался теперь Зарецкий, носило обозначение *Ředitelství Národní Bezpečnosti v Praze*; его официальное наименование по-русски – «Дирекция народной безопасности в Праге». Для делопроизводства предусматривались формуляры с вопросами на четырех языках – чешском, русском, английском и французском, ответы же предписывалось заполнять на чешском или словацком. Зарецкому приходилось регулярно подавать «Прошение о разрешении пребывания в ЧСР» (и каждый раз платить пошлину за регистрацию). В такой периодичности походов в отделение чехословацкой государственной безопасности (сталинского времени) для самого Зарецкого, несомненно, таилась опасность. Опуская здесь все регистрационные мытарства Зарецкого, отметим, что уже по этой причине он постоянно пребывал в поле зрения органов. Рамки наблюдения за ним подтверждаются хронологическими указаниями актов полиции и госбезопасности. Так, например, после того, как закончилось разрешение, действительное до 10 января 1947 г., ему было выдано новое, с 25 января 1947 по 10 января 1948 г. (хотя встречается и дата 10 июля 1947 г.). Вскоре, 14 февраля 1947 г., Зарецкий подает заявление на получение

²⁰ Михаил Ромберг (1918–1982), художник-иллюстратор, см. о нем: Лейкинд, Махров, Северюхин 2019, 1: 335–336; Представители эмиграции 2021: 403–404. Vladimír Minařík (1908–1981), юрист, журналист, переводчик с английского; год рождения приведен согласно данным регистратуры Пражского полицейского управления: <http://digi.nacr.cz/prihlasky2/index.php?action=link&ref=czarch:CZ-100000010:874&karto n=397&folium=606> (в некоторых источниках встречается указание на 1909 г.).

чехословацкого гражданства, а 18 мая полицейское управление подтверждает его статус владельца нансеновского паспорта. Из прошения, направленного в «Дирекцию» год спустя, 8 июля 1948 г., выясняется, что статус беженца остался без изменений, а разрешение на местожительство в ЧСР было действительно только с 7 февраля до 10 июля 1948 г. Такого же рода бумаги выдавались и в следующем году (например, до 10 июля 1949 г., с продлением до 18 ноября и др.). Однажды, в 1948 г., Зарецкий, как и требовалось в документе, указал свое прежнее – (императорское) российское – подданство (автограф, синие чернила), а чиновник, очевидно, находясь в смятении, в начале формуляра дополнил (черными чернилами) „S.S.S.R.“ – название страны, где Зарецкому даже не довелось побывать. Во всех тех случаях, где формуляры предписывали сообщить основание для пребывания в ЧСР, названа «работа с издательством Минаржик в Праге» („Práce s nakladatelstvím Minařík v Praze“). Речь идет об издании многострадальной книги «Рисунки русских писателей», так и не получившей воплощения в авторской редакции.

Среди близких знакомых художника, с которыми он продолжал поддерживать контакт и по окончании войны, оставалась его давняя переводчица Žofie Pohorecká (1877–1963; в русском кругу – София Антоновна)²¹. Из переписки с ней становятся известными многие важные факты биографии Зарецкого, в том числе и обстоятельства его отъезда из Чехословакии; кроме того, в письмах говорится о ее участии в попытке опубликовать сделанный ею чешский перевод упомянутой книги Зарецкого²².

По сведениям, сообщаемым в письме Зарецкого к графу Ф. М. Нимроду, книгу «Рисунки Русских Писателей» (227 стр., 248 репродукций) в 1945 г. приобрел издатель Владимир Минаржик

²¹ По-видимому, во второй половине 1950-х гг. их переписка прервалась, так что в 1958 г. Зарецкий упоминал ее имя в письме Д. И. Чижевскому с атрибутом «ныне покойная» (Поляков 2018: 254, со ссылкой на справку, полученную от Владимира Янцена). В действительности она умерла 18 июня 1963 г. в упоминавшемся выше Коуржине, где провела многие годы, пережив и самого Зарецкого.

²² Praha, Literární archiv Památníku národního písemnictví, f. Pohorecká Žofie (korespondence vlastní – přijatá – osoby – Zarěckij Nikolas); цитаты приводятся с сокращением NZ/ŽP и указанием даты письма.

(Поляков 2018: 254), так что на следующий год Зарецкий обращается к Погорецкой с таким предложением (NZ/ŽP, 27 августа 1946 г.):

<...> Мою книгу «Рисунки Русских Писателей», в переработанном и дополненном содержании приобрел издатель Владимир Minařík. Он ознакомился с Вашими переводами в журнале рана Д<окто>ра Милослава Навотного <sic!>²³ и выразил пожелание просить Вас взять на себя труд сделать перевод моей книги для его издательства. <...>

Книга будет богато иллюстрирована, большого формата и на прекрасной бумаге.

Об условиях (денежных) благоволите снести непосредственно с издательством. Адрес его:

Minaříkovo Nakladatelství
Praha II Křemencova ul. čis. 18
телеф. 410–36

<...> Каждое посещение издательства Minaříkovo невольно заставляет вспомнить то самое время, когда мы встречались в Праге и бывали на Křemencova ulice в учреждении графини С. В. Паниной²⁴.

Хорошее было время, отраднo о нем вспоминать.

Перевод книги на чешский был завершен и оплачен, как и авторский гонорар, но за время существования издательства до его национализации (около 1947 г.) напечатать ее не представлялось возможным, поскольку, по объяснению Зарецкого, «правительство не разрешает выдачу бумаги» (Поляков 2018: 254).

²³ Miloslav Novotný (1894–1966), историк литературы, переводчик, редактировал несколько литературных журналов, см. о нем: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=527>.

²⁴ Издательство Минаржика, основанное отцом Владимира, известным литератором и переводчиком Stanislav Minařík (1884–1944), находилось по адресу: ulice Křemencová 16; там же неподалеку, в доме № 8, размещалась возглавляемая графиней С. В. Паниной благотворительная организация «Русский Очаг», открытая 26 ноября 1925 г. (см.: Постников 1995: 122–128), до переезда в другое здание в начале 1933 г. (см.: Чеботарева 2012: 131).

В конце следующего года, на Рождество, Зарецкий упоминает о своем планируемом отъезде как о чем-то, что уже было известно его корреспонденту (NZ/ŽP, 23 декабря 1947 г.):

В общем грустно. Надо собираться в дорогу. Предстоит много хлопот, а хватит ли у меня для этого сил? Поэтому тоска.

А здесь я никому не нужен. Никому совершенно. А работать хочется и думаю, что еще мог бы кое-то сделать красивого и людям полезного. Но, что же? Насильно мил не будешь.

Однако наступивший год оказался, очевидно, не менее тягостным, чем предыдущий (NZ/ŽP, 1 декабря 1948 г.):

Я почти весь октябрь и половину ноября прохворал, как и полагается мне платить осеннюю дань.

Вообще же на душе мрачно, никуда не хочется идти и видеться. Были неприятности, после чего осталась на душе оскомины. Грустно и работать не хочется.

Обстоятельства эмиграции из Чехословакии названы в письмах к С. Погорецкой, отправленных уже из Парижа. Письма, посылаемые в подцензурные края, написаны сдержанно, с присущей Зарецкому осторожностью и обтекаемостью формулировок. Так, он умалчивает об опасностях выселения или принудительной репатриации, о которых упоминается, например, в письме к графу Ф. М. Нимроду (см.: Поляков 2018: 255):

При изменении политического положения в Чехии все частные книгоиздательства перестали существовать и я остался без заработка. Перспектива выселения из Праги в провинцию, в деревню, или на Родину, или ... заставили меня сделать смелый шаг переезда.

Через две недели после своего приезда Зарецкий кратко сообщает о самочувствии, материальных трудностях, распродаже коллекций и ограниченном сроке действия выездных документов (NZ/ŽP, 30 марта 1950 г.):

Я выехал из Праги полубольным, хворал с половины января и весь февраль, да и выехать пришлось с кашлем и насморком, т. к. кончались сроки моим бумажкам выездным. Расстался я с Златой Прагой и многими друзьями поневоле, ибо не было работы, заработка, а продавать нечего было. Это и заставило меня бросить насиженное место и ринуться в неизвестное.

Существенная информация, проясняющая, каким образом Зарецкий смог покинуть пределы социалистического лагеря в то время, когда многие из его прежнего эмигрантского круга оказались в советском Гулаге (см.: Поляков 2018: 241–243), содержится в следующем письме (NZ/ŽP, 23 апреля 1950 г.):

<...> я до половины января был серьезно болен, начинало <sic!> воспаление легких. Друзья мои дружно взялись за мое лечение и я полагаю, что спасли меня. Но я вплоть до моего отъезда был очень слаб и выехал только лишь потому, что кончались сроки: срок пребывания на территории Č.S.R.; срок транзитной визы и разрешение Народ<ного> Банка о деньгах. Словом я выехал полубольным, с насморком и кашлем.

I.R.O. снабдило меня билетом в спальном вагоне II класса и это делало мое путешествие до некоторой степени комфортабельным. К тому же я был не долго в пути – выехал 15/IV. 8.35 утра и был в Париже 16 числа в 8 ч. 35 утра²⁵. Если бы не мои друзья, то я разумеется не справился бы со всеми хлопотами и хождениями по уждам²⁶. Я до сих пор еще не поправился, продолжаю лечиться и не выхожу из дома, т. к. погода холодная и сырая. Пользуюсь врачами. Живу я в семье моего старинного друга, моего ровесника по рождению. Отношение ко мне совершенно родственное, как в сердечной родной семье.

²⁵ Полное совпадение времени отправления из Праги и прибытия в Париж представляет собой, возможно, опisku. Прямой поезд из Праги (с 1945 г. № 161, одно время называвшийся *Zapadni Express*) следовал через Plzeň, Cheb, Nürnberg, Würzburg, Frankfurt/Main, Mainz, Forbach до конечного вокзала Paris-Est.

²⁶ Русифицированный вариант чеш. *úřad* ('официальное учреждение').

Итак, благодаря сохраненному довоенному статусу беженца и нанесенному паспорту Зарецкий оказался в числе апатридов, которые смогли покинуть Чехословакию при помощи упомянутой в письме *International Refugee Organization* (IRO). Хотя сведений о численности этой категории беженцев в Чехословакии на 1950 г. не имеется, по подсчетам на 1945 и 1947 гг. видно, что речь шла приблизительно о 386 человек (см.: Holborn 1956: 189, 361). Согласно доступной документации IRO, Зарецкий был включен в список лиц, отъезд которых предполагался уже 28 января 1950 г. (<https://collections.arolsen-archives.org/en/document/81786593>), но, как выясняется из цитированного письма к Погорецкой, он задержался в Праге до последнего момента.

Сопоставляя же слова Зарецкого о первом пристанище в Париже в семье «ровесника по рождению» с указанием, содержащимся в автобиографическом письме к графу Ф. М. Нимроду: «дружеское, человеколюбивое отношение ко мне семьи Ковалевских» (Поляков 2018: 255), мы можем отождествить главу семьи и давнего друга Зарецкого – это полковник, военный историк, коллекционер Владимир Григорьевич Ковалевский, родившийся в известных Кречевицких казармах Новгородской губернии 31 марта / 12 апреля 1876 г. и скончавшийся в Париже 17 декабря 1958 г.²⁷

В письмах к Погорецкой упоминаются также имена Тэффи и Бориса Пантелеймонова; с последним Зарецкий встречался еще в Константинополе и состоял в переписке, которая велась и в условиях новой Чехословакии. Так, все еще находясь в Праге, он предлагает Погорецкой написать Пантелеймонову по его адресу (Paris IX 24, rue Pétrelle) с просьбой о передаче этого письма Тэффи (NZ/ŽP, 20 сентября 1947 г.). Как впоследствии выяснилось, в Париже он

²⁷ См. о нем: Волков 2002: 234–235; РЗФ 2008: 703. – Генеалогические материалы по истории этой семьи оказывались на аукционах: Документы и письма из семейного архива В. Г. Ковалевского (1876–1958) и его жены Зои Николаевны (ур. Лишиной, 1879–1941) (<https://hermitagefineart.com/ru/lots/2019-july-russian-art/366/>); фотоальбом семьи Карповых – Лишиных – Ковалевских, 1903 г., продававшийся в 2011 г. (<http://www.egeteevs.com/index.php?lotid=347147>). Ковалевский и Зарецкий вместе заканчивали в 1898 г. Тверское кавалерийское училище; после переезда во Францию Зарецкий присоединился к военно-историческим разысканиям своего однокашника.

сам жил недалеко от Пантелеймонова, по адресу: Paris VIII, 23, rue de la Répinière (NZ/ŽP, 30 марта 1950 г.), однако вскоре, 17 сентября 1950 г., Пантелеймонов скончался, так что, по словам Зарецкого: «мне не удалось даже повидаться с ним» (NZ/ŽP, 27 сентября 1950 г.). Хотя Зарецкому было известно о потере частным издательством Менаржика своей независимости, в том же письме он осведомлялся у Погорецкой (NZ/ŽP, 27 сентября 1950 г.):

А что же наш издатель «Рисун<ков> Русск<их> Писателей», как Вы думаете, будет он издавать и когда?

Вы не встречались с ним? Жил он в том же доме, надо войти в подворотню, направо лестница, 3й этаж.

Он милый человек и очень порядочный.

После утраты своего издательства Владимир Минаржик прожил еще целую жизнь, до 1981 г., став свидетелем и Пражской весны, и даже ввода войск в Афганистан, но, разумеется, в той новой жизни не было места прежним планам. Так этот перевод Погорецкой остался неопубликованным, как, впрочем, и его русский оригинал, о котором Зарецкий писал: «Эту книгу я привез в Париж в надежде издать ее по-русски или по-французски» (Поляков 2018: 254). Но эта надежда оказалась обманчивой, как в Праге, так и в Париже (NZ/ŽP, 10 мая 1952 г.):

Книга моя о рисунках Русских писателей до сих пор не нашла издателя из-за большого числа репродукций, а я считаю это особенно ценным, т. к. цель книги показать работы всех рисовавших писателей.

<...>

Иногда я, вспоминая мою жизнь, сожалею, что покинул Вашу страну гостеприимную и моих дорогих друзей. Но обстоятельства сильнее нас. Как моя книга о рисунках русских писателей появилась на свет или нет?

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азадовский К. М., Суперфин Г. Г. 2019. Русский в Германии: Одиссея «профессора» Матанкина. – Азадовский К. Сюжеты и судьбы: Немецко-русские отражения. М.: Литфакт. С. 241–283 (Rossica. Россия и Запад. Литературные связи и контакты. Вып. 2).
- Белошевская Л. Н. 2001. Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. II. 1930–1939 / Под общей ред. Л. Белошевской. Прага: Славянский институт АН ЧР.
- Букреева Е. М. 2013. Иллюстрации художника русского зарубежья Николая Васильевича Зарецкого к произведениям М. Ю. Лермонтова. – Лермонтовские чтения – 2012: Лермонтов и изобразительное искусство. СПб.: Лики России. С. 103–114.
- Букреева Е. М. 2014. «Пушкинист и неутомимый собиратель пушкинской иконографии» Николай Зарецкий. – Болдинские чтения – 2014. Нижний Новгород: Бегемот-НН. С. 290–301.
- Букреева Е. М. 2015. Пушкиниана Николая Зарецкого. – Сохранить для России: К 80-летию Русского культурно-исторического музея в Праге. Каталог выставки. М.: Государственная Третьяковская галерея. С. 36–43.
- Букреева Е. М. 2016. Хранитель пушкинского отделения РКИМ Николай Зарецкий. – Павел Федотов. Валентин Серов. Сергей Тимофеевич Конёнков: Русский культурно-исторический музей в Праге М.: Государственная Третьяковская галерея. С. 503–521.
- Букреева Е. 2019. Николай Зарецкий – сценограф и декоратор пражских театров. – Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Из истории изгнания: Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / Přel. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního písemnictví. С. 140–147.
- Букреева Е. М. 2022. Вклад художника Н. В. Зарецкого в оформление «Полного иллюстрированного собрания сочинений М. Ю. Лермонтова». – М. Ю. Лермонтов в контексте литературы и культуры народов Евразии: Материалы Международной научной лермонтовской конференции – 2021. Пятигорск: ПГУ. С. 57–64.
- Булгаков В. Ф. 1999. Русский культурно-исторический музей (1934–1939). – Ариаварта. № 3. С. 149–198.

- Волков С. В. 2002. Офицеры Российской гвардии: Опыт мартиролога. М.: Русский путь.
- Грачева А. М. 2000. Альбом А. М. Ремизова «Рисунки русских писателей» / Публикация А. М. Грачевой. – Рисунки писателей: Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Академический проект. С. 230–249.
- Зарецкий Н. В. 1941. Памяти Михаила Юрьевича Лермонтова: род. 2 окт. 1814 г. – ск. 15 июля 1841 г.: Исторические материалы / Литературная и художественная ред. Н. В. Зарецкого. Прага: Русский врач в Чехии и Моравии.
- Зарецкий Н. В. 1951. Пушкин-рисовальщик. – Возрождение: Литературно-политические тетради / Под ред. С. П. Мельгунова. № 15. С. 145–150.
- Зарецкий Н. В. 2000. Пушкин-рисовальщик / Публикация и комментарии И. С. Чистовой. – Рисунки писателей: Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Академический проект. С. 305–311.
- Зарубежный союз [1938]. Зарубежный Союз Русских Военных Инвалидов: 1920–1938. Paris: [б. и.].
- Климов Е. Е. 2005. Воспоминания Е. Е. Климова / Составитель и автор вступительных ст. Юрий Абызов. – Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. X. С. 214–362.
- Козырева Н. М. 2008. Письма М. В. Добужинского Н. В. Зарецкому (по материалам Бахметевского архива). – Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение русского зарубежья / Отв. ред. О. Л. Лейкинд. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 176–189.
- Копршилова А. В. 2000. Пушкинский юбилей 1937 года в Чехословакии на фоне политической обстановки. – Пушкин и культура русского зарубежья / Сост. М. А. Васильева. М.: Русский путь. С. 249–259.
- Кратц Г. 2016. Артур Лютер и его русские псевдонимы. – Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубы и О. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение. С. 190–206.
- Лейкинд О. Л., Махров К. В., Северюхин Д. Я. 2019. Художники Русского зарубежья: Первая и вторая волна эмиграции. Биографический словарь. Т. 1–2. СПб.: Издательский дом «Миръ».
- Лютер А. 1941. Памяти Лермонтова. – Новая жизнь. Иллюстрированный еженедельный журнал / Под ред. В. М. Деспотули. Берлин. 1941. № 2. 10 сентября. С. 6.

- Магидова М., Ильина О. Н. 2021. Библиотека А. Л. Бема: Варшава – Прага, 1921–1945. Опыт реконструкции и описания. Прага: Национальная библиотека Чешской Республики.
- Маркович В. М., Потапова Г. Е. 2002. М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова. Вступительная ст. В. М. Марковича. Комментарии Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Микуленок А. А. 2020. Деятельность Союза русских военных инвалидов в Чехословацкой Республике в 1920-х гг. – Российская история. Вып. 1. С. 170–179.
- Муромцева Л. П. 2010. В. Ф. Булгаков и русский культурно-исторический музей в Праге. – Россия и современный мир. 2010. № 3 (68). С. 182–194.
- Перемиловский В. 1941. Лермонтов. Харбин-Прага: [б. и.].
- Поляков Ф. Б. 2018. Автобиографические письма Николая Зарецкого. – Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S. Bd. 6. С. 236–265.
- Поляков Ф. Б. 2019. «Чудный заколдованный круг». Эллис в Локарно в 1930-е годы (По материалам переписки с Николаем Зарецким). – Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S. Bd. 7. С. 234–255.
- Поляков Ф. Б. 2020. Пушкинская выставка 1932 года в Праге. I: Проект Николая Зарецкого и его реализация в контексте чехословацко-русского взаимодействия. – Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S. Bd. 8. С. 254–275.
- Пономарева Г. М. 2007. Юбилей М. Ю. Лермонтова в Эстонии 1939 и 1941 годов. – Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 4: Пушкинская эпоха: Проблемы рефлексии и комментария. Материалы международной конференции. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 420–433.
- Пономарева Г. М., Шор Т. К. 2009. Два юбилея М. Ю. Лермонтова (1939, 1941). – Пономарева Г. М., Шор Т. К. Русская печать и культура в Эстонии во время Второй мировой войны (1939–1945). Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus. С. 49–65.
- Постников С. П. 1995. Русские в Праге: 1918–1928 гг. Прага [reprint Praha: Národní knihovna, 1995].

- Представители эмиграции 2021. Представители эмиграции с территории бывшей Российской Империи в Чехословакии (1918–1945). Биографический словарь. Praha: Academia.
- Равдин Б. 2016. Роспись журнала «Новая жизнь» (Берлин, 1941). – Культура русской диаспоры: Судьбы и тексты эмиграции. Сборник статей / Под ред. А. Данилевского, С. Доценко и Ф. Полякова. Frankfurt am Main: Peter Lang. С. 303–316 (Русская культура в Европе. Russian Culture in Europe. Vol. 13).
- РЗФ 2008. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь / Под общей ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой.
- Филин М. Д. 1999. Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов: Из наследия первой эмиграции / Сост., вступительная ст. и комментарии М. Д. Филина. М.: Русский миръ.
- Чеботарева Т. 2012. «На чужом пиру незваные гости»: Из истории «Русского очага» в Праге. – Русская акция помощи в Чехословакии: История, значение, наследие / Сост. Л. Бабка, И. Золотарев. Прага: Русская традиция. С. 125–132.
- Чистова И. С. 1996. Труды и дни Николая Зарецкого. – Русское подвижничество / Сост. Т. Б. Князевская. М.: Наука. С. 244–257.
- Чистова И. 2000. Труды и дни Николая Зарецкого. – Рисунки писателей. Сборник научных статей / Сост. С. В. Денисенко. СПб.: Академический проект. С. 288–304.
- Hauser, J. 2019. Ruské kulturně-historické muzeum ve fondech českých archivů. – Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Из истории изгнания: Эмиграция с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / Přel. Michaela Kuthanová. Praha: Památník národního písemnictví. S. 103–107.
- Hauser, J. 2020. Sans retour. Výtvarníci ruské emigrace v meziválečné Praze. Praha: Památník národního písemnictví.
- Holborn, Louise W. 1956. The International Refugee Organization: A Specialized Agency of the United Nations. Its History and Work 1946–1952. London; New York; Toronto: Oxford University Press.
- Jančárková, J. 2008. Nikolaj Okunev und die „Erste historische Ausstellung russischer Malerei und Plastik (18.–20. Jh.)“ in Prag. – Die russische

- Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert: Religiöses und kulturelles Leben / Hrsg. A. J. M. Davids, F. B. Poljakov. Frankfurt am Main [u.a.]: Peter Lang. S. 215–235 (Русская культура в Европе. Russian Culture in Europe. Vol. 4).
- Kratz, G. 1999. Russische Verlage und Druckereien in Berlin 1918–1941. – Chronik des russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. von Karl Schlögel, Katharina Kucher, Bernhard Suchy und Gregor Thum. Berlin: Akademie Verlag. S. 501–569.
- Kuthanová, M., Chlaňová, T., Ščeblyginová, I., Hauser, J. 2017. Paměť exilu: Knihy a literatura. – Zkušenost exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Опыт изгнания: Судьбы эмигрантов с территории бывшей Российской империи в межвоенной Чехословакии / Přel. Jakub Hauser. Praha: Památník národního písemnictví. S. 157–210.
- Poljakov, F. B., Sippl, C. 1999. A. S. Puškin im Übersetzungswerk Henry von Heislers (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur. München: Otto Sagner (Slavistische Beiträge. Bd. 388).
- Puschkin, A. S. [1941]. Erzählungen / Übersetzt von Arthur Luther, Sigismund von Radecki, Reinhold von Walter. Hrsg. und eingeleitet von Arthur Luther. Dessau: Rauch.
- Sládek, Z., Běloševská, L. 1998. Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939) / Zdeněk Sládek, Ljubov Běloševská a kolektiv avtorů. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939). Praha: Euroslavica.
- Zarěckij, N. V. 1937. Dvanáct kreseb A. S. Puškina: 1837–1937. Tekst „Puškin-kreslíř“ byl vzat z knihy N. V. Zarěckého „Kresby ruských spisovatelů“. Týž autor také vybral kresby a provedl uměleckou úpravu vydání / Přel. Žofie Pohorecká. Praha: Svaz ruských válečných invalidů v ČSR.
- Zaretsky, N. V. 1960. Russische Dichter als Maler und Zeichner / Aus dem Nachlass des Verfassers herausgegeben und ergänzt von D. Tschizewskij. Aus der russischen Handschrift übertragen von Wolfgang Busch. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers.

REFERENCES

- Azadovskii, K. M. and G. G. Superfin. "Russkii v Germanii: Odisseia 'professora' Matankina." In *Siuzhety i sud'by: Nemetsko-russkie otrazheniia*, by K. M. Azadovskii. Rossica. Rossiia i Zapad. Literaturnye sviazi i kontakty. Vol. 2, 241–83. Moscow: Litfakt, 2019.
- Bukreeva, E. M. "Illiustratsii khudozhnika russkogo zarubezh'ia Nikolaia Vasil'evicha Zaretskogo k proizvedeniiam M. Iu. Lermontova." In *Lermontovskie chteniia – 2012: Lermontov i izobrazitel'noe iskusstvo*, 103–14. Saint Petersburg: Liki Rossii, 2013.
- . "Pushkinist i neutomimyi sobiratel' pushkinskoi ikonografii' Nikolai Zaretskii." In *Boldinskie chteniia – 2014*, 290–301. Nizhnii Novgorod: Begemot-NN, 2014.
- . "Pushkiniana Nikolaia Zaretskogo." In *Sokhranit' dlia Rossii: K 80-letiiu Russkogo kul'turno-istoricheskogo muzeia v Prage. Katalog vystavki*, 36–43. Moscow: Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia, 2015.
- . "Khranitel' pushkinskogo otdeleniia RKIM Nikolai Zaretskii." In *Pavel Fedotov. Valentin Serov. Sergei Timofeevich Konenkov: Russkii kul'turno-istoricheskii muzei v Prage*, 503–21. Moscow: Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia, 2016.
- . "Nikolai Zaretskii – stsenograf i dekorator prazhskikh teatrov." In *Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Iz istorii izgnaniia: Emigratsiia s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhoennoi Chekhoslovakii*. Edited by Michaela Kuthanová, 140–47. Prague: Památník národního písemnictví, 2019.
- . "Vklad khudozhnika N. V. Zaretskogo v oformlenie 'Polnogo illiustrirovannogo sobraniia sochinenii M. Iu. Lermontova.'" In *M. Iu. Lermontov v kontekste literatury i kul'tury narodov Evrazii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi lermontovskoi konferentsii – 2021*, 57–64. Piatigorsk: PGU, 2022.
- Bulgakov, V. F. "Russkii kul'turno-istoricheskii muzei (1934–1939)." *Ariavarta* 3 (1999): 149–98.
- Chebotareva, T. "Na chuzhom piru nezvannye gosti': Iz istorii 'Russkogo ochaga' v Prage." In *Ruskaia aktsiia pomoshchi v Chekhoslovakii: Istoriia, znachenie, nasledie*. Edited by L. Babka and I. Zolotarev, 125–32. Prague: Ruskaia traditsiia, 2012.
- Chistova, I. S. "Trudy i dni Nikolaia Zaretskogo." In *Russkoe podvizhnichestvo*. Edited by T. B. Kniazevskaia, 244–57. Moscow: Nauka, 1996.

- Chistova, I. "Trudy i dni Nikolaia Zaretskogo." In *Risunki pisatelei: Sbornik nauchnykh statei*. Edited by S. V. Denisenko, 288–304. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Fatalist. Zarubezhnaia Rossiia i Lermontov: Iz naslediiia pervoi emigratsii*. Edited, prefaced and annotated by M. D. Filin. Moscow: Russkii mir, 1999.
- Gracheva, A. M. "Al'bom A. M. Remizova 'Risunki russkikh pisatelei'." In *Risunki pisatelei: Sbornik nauchnykh statei*. Edited by S. V. Denisenko, 230–49. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Hauser, J. "Ruské kulturně-historické muzeum ve fondech českých archivů." In *Z historie exilu: Emigrace z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Iz istorii izgnaniia: Emigratsiia s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezhoennoi Chekhoslovakii*, 103–07. Přel. Michaela Kuthanová. Prague: Památník národního písemnictví, 2019.
- . *Sans retour. Výtvarníci ruské emigrace v meziválečné Praze*. Prague: Památník národního písemnictví, 2020.
- Holborn, L. W. *The International Refugee Organization: A Specialized Agency of the United Nations. Its History and Work 1946–1952*. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1956.
- Jančárková, J. "Nikolaj Okunev und die „Erste historische Ausstellung russischer Malerei und Plastik (18.–20. Jh.)“ in Prag." In *Die russische Diaspora in Europa im 20. Jahrhundert: Religiöses und kulturelles Leben*. Edited by A. J. M. Davids and F. B. Poljakov. Russkaia kul'tura v Evrope. Russian Culture in Europe. Vol. 4, 215–35. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2008.
- Khronika kul'turnoi, nauchnoi i obshchestvennoi zhizni russkoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike*. Edited by L. Beloshevskaia. Vol. 2, 1930–1939. Prague: Slavianskii institut AN ChR, 2001.
- Klimov, E. E. "Vospominaniia." Edited and prefaced by Iurii Abyzov. In *Baltiiskii arkhiv. Russkaia kul'tura v Pribaltike* 10 (2005): 214–362.
- Koprshivova, A. V. "Pushkinskii iubilei 1937 goda v Chekhoslovakii na fone politicheskoi obstanovki." In *Pushkin i kul'tura russkogo zarubezh'ia*. Edited by M. A. Vasil'eva, 249–59. Moscow: Russkii put', 2000.
- Kozyreva, N. M. "Pis'ma M. V. Dobuzhinskogo N. V. Zaretskomu (po materialam Bakhmetevskogo arkhiva)." In *Izobrazitel'noe iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie russkogo zarubezh'ia*. Edited by O. L. Leikind, 176–89. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2008.
- Kratz, G. "Russische Verlage und Druckereien in Berlin 1918–1941." In *Chronik des russischen Lebens in Deutschland 1918–1941*. Edited by Karl Schlögel,

- Katharina Kucher, Bernhard Suchy and Gregor Thum, 501–69. Berlin: Akademie Verlag, 1999.
- . “Artur Liuter i ego russkie psevdonimy.” In *Psevdonimy russkogo zarubezh'ia: Materialy i issledovaniia*. Edited by M. Schrubá and O. Korostev, 190–206. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016.
- Kuthanová, M., Chlaňová, T., Ščeblyginová, I. and J. Hauser. *Paměť exilu: Knihy a literatura. – Zkušenosť exilu: Osudy exulantů z území bývalého Ruského impéria v meziválečném Československu. Opyt izgnaniia: Sud'by emigrantov s territorii byvshei Rossiiskoi imperii v mezvhoennoi Chekhoslovakii*. Edited by Jakub Hauser, 157–210. Prague: Památník národního písemnictví, 2017.
- Leikind, O. L., Makhrov, K. V. and D. Ia. Severiukhin. *Khudozhniki Russkogo zarubezh'ia: Pervaia i vtoraiia volna emigratsii. Biograficheskii slovar'*. Vols. 1–2. Saint Petersburg: Izdatel'skii dom “Mir,” 2019.
- Luther, A. “Pamiati Lermontova.” *Novaia zhizn': Illiustrirovannyi ezhenedel'nyi zhurnal* 2 (September 10, 1941): 6.
- M. Iu. Lermontov: *Pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Mikhaila Lermontova v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiiia*. Edited by V. M. Markovich and G. E. Potapova. Prefaced by V. M. Markovich. Annotated by G. E. Potapova and N. Iu. Zavarzina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2002.
- Magidova, M. and O. N. Il'ina. *Biblioteka A. L. Bema: Varshava – Praga, 1921–1945. Opyt rekonstruktsii i opisaniia*. Prague: Natsional'naia biblioteka Cheshskoi Respubliki, 2021.
- Mikulenok, A. A. “Deiatel'nost' Soiuzá russkikh voennykh invalidov v Chekhoslovatskoi Respublike v 1920-kh gg.” *Rossiiskaia istoriia* 1 (2002): 170–79.
- Muromtseva, L. P. “V. F. Bulgakov i russkii kul'turno-istoricheskii muzei v Prage.” *Rossiiia i sovremennyi mir* 68, no. 3 (2010): 182–94.
- Peremilovskii, V. *Lermontov*. Harbin and Prague: [n. p.], 1941.
- Poljakov, F. B. “Avtobiograficheskie pis'ma Nikolaia Zaretskogo.” *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S.* 6 (2018): 236–65.
- . ““Chudnyi zakoldovannyi krug.' Ellis v Lokarno v 1930-e gody (Po materialam perepiski s Nikolaem Zaretskim).” *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook, N. F. / N. S.* 7 (2019): 234–55.
- . “Pushkinskaia vystavka 1932 goda v Prage. I: Proekt Nikolaia Zaretskogo i ego realizatsiia v kontekste chekhoslovatsko-russkogo vzaimodeistviia.”

- Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook*. N. F. / N. S. 8 (2020): 254–75.
- Poljakov, F. B. and C. Sippl. A. S. *Puškin im Übersetzungswerk Henry von Heiseler (1875–1928). Ein europäischer Wirkungsraum der Petersburger Kultur*. Slavistische Beiträge. Vol. 388. Munich: Otto Sagner, 1999.
- Ponomareva, G. M. “Iubilei M. Iu. Lermontova v Estonii 1939 i 1941 godov.” In *Pushkinskie chteniia v Tartu*. Vol. 4, *Pushkinskaia epokha: Problemy refleksii i kommentariia: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*, 420–33. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007.
- Ponomareva, G. M. and T. K. Shor. “Dva iubileia M. Iu. Lermontova (1939, 1941).” In *Russkaia pechat’ i kul’tura v Estonii vo vremia Vtoroi mirovoi voiny (1939 – 1945)*, by G. M. Ponomareva and T. K. Shor, 49–65. Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus, 2009.
- Postnikov, S. P. *Russkie v Prage: 1918–1928 gg*. Prague: Národní knihovna, 1995. *Predstaviteli emigratsii s territorii byvshei Rossiiskoi Imperii v Chekhoslovakii (1918–1945). Biograficheskii slovar’*. Prague: Academia.
- Puschkin, A. S. *Erzählungen*. Translated by Arthur Luther, Sigismund von Radecki, Reinhold von Walter. Edited and prefaced by Arthur Luther. Dessau: Rauch, [1941].
- Ravdin, B. “Rospis’ zhurnala ‘Novaia zhizn’ (Berlin, 1941).” In *Kul’tura russkoi diaspori: Sud’by i teksty emigratsii. Sbornik statei*. Edited by A. Danilevskii, S. Dotsenko and F. Poliakov. *Russkaia kul’tura v Evrope. Russian Culture in Europe*. Vol. 13, 303–16. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2016.
- Rossiiskoe zarubezh’e vo Frantsii, 1919–2000: Biograficheskii slovar’*. Edited by L. Mnukhin, M. Avril’ and V. Losskaia. Vol. 1. Moscow: Nauka; Dom-muzei Mariny Tsvetaevoi, 2008.
- Sládek, Z. and L. Běloševská et al. *Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Dokumenty k istorii russkoi i ukrajinskoi emigratsii v Chekhoslovatskoi respublike (1918–1939)*. Prague: Euroslavica, 1998.
- Volkov, S. V. *Ofitsery Rossiiskoi gvardii: Opyt martirologa*. Moscow: Russkii put’, 2002.
- Zarěckij, N. V. *Dvanáct kreseb A. S. Puškina: 1837–1937. Tekst „Puškin-kreslíř“ byl vzat z knihy N. V. Zarěckého „Kresby ruských spisovatelů“*. Týž autor také vybral kresby a provedl uměleckou úpravu vydání. Edited by Žofie Pohorecká. Praha: Svaz ruských válečných invalidů v ČSR, 1937.

- Zaretskii, N. V. *Pamiati Mikhaila Iur'evicha Lermontova: rod. 2 okt. 1814 g. – sk. 15 iiulia 1841 g.: Istoricheskie materialy*. Prague: Russkii vrach v Chekhii i Moravii, 1941.
- . “Pushkin-risoval'shchik.” *Vozrozhdenie: Literaturno-politicheskie tetradi* 15 (1951): 145–50.
- . “Pushkin-risoval'shchik.” Published and annotated by I. S. Chistova. In *Risunki pisatelei: Sbornik nauchnykh statei*. Edited by S. V. Denisenko, 305–11. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Zaretsky, N. V. *Russische Dichter als Maler und Zeichner*. Edited by D. Tschizewskij and Wolfgang Busch. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers, 1960.
- Zarubezhnyi Soiuz Russkikh Voennykh Invalidov: 1920–1938*. Paris: [n. p.], [1938].

«СМЕРТЬ АННЫ АНДРЕЕВНЫ АХМАТОВОЙ – ВЕЛИКАЯ ПОТЕРЯ» (ИЗ ПИСЕМ ЛЬВА АРЕНСА ГРИГОРИЮ ПЕТНИКОВУ)¹

П. Е. Поберезкина

(Киев / Таллинн)

В личном фонде поэта и переводчика Григория Николаевича Петникова (1894–1971) в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины значительное место занимают письма². Отдаленность от литературной жизни после переезда в Старый Крым в 1958 г. частично компенсировалась обширной корреспонденцией. С биологом и литератором Львом Евгеньевичем Аренсом (1890–1967) Петникова связало бюджетянство (см.: Аренс 1991b: 135–150); их дружба длилась около полувека, но многолетняя переписка уцелела не полностью: Аренс был репрессирован (см.: Финкельштейн 2009: 184–189), а литературный архив Петникова пропал во время Второй мировой войны (см.: Петников 2012: 318).

Знакомство Аренса с Анной Ахматовой состоялось в молодости:

В 1910 г. я услышал, что Гумилев женится на неизвестной мне тогда Ахматовой. Вскоре он нанес вместе с ней визит моим родителям в Адмиралтействе, я случайно в это время был там, и тогда увидел ее впервые. Запомнилось, как Гумилев шел под руку с Ахматовой по коридорам Адмиралтейства.

Второй раз я видел Ахматову и Гумилева вместе в редакции журнала «Аполлон», куда я зашел по какому-то делу. Там были Пунин, Чулков, Кузмин, Маковский (Аренс 1991a: 29)³.

¹ Статья завершена и подготовлена к печати в рамках проекта “TLU TEE: Tallinn University as a promoter of intelligent lifestyle” (No 2014-2020.4.01.16-0033).

² Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИУ). Ф. 440. Оп. 1. № 87–399.

³ Ср. дарственную надпись Аренса 15 августа 1961 г. на оттиске статьи: «Дорогой Анне Андреевне Ахматовой в ознаменование пятидесятилетия нашего знакомства. В

Регулярное общение началось значительно позже, когда Ахматова переехала в Фонтанный Дом: Аренс был не только другом, но и родственником Николая Николаевича Пунина – братом его жены Анны Евгеньевны, в то время как другая сестра, Зоя Евгеньевна, вышла замуж за Александра Николаевича Пунина (подробнее см.: Зыков 2000: 17–18; Тименчик 2021: 200).

В 1960-х гг. Лев Евгеньевич и его жена Сарра Иосифовна (урожденная Савускан; 1900–1982) жили летом в Комарове, обустроивая быт в «Будке». С ними связаны повседневные заметки в рабочих блокнотах Ахматовой и ее переписке с Ириной Николаевной Пуниной (см.: Зыков 1996: 146–148, 153, 157). Этот период общения Аренсов с Ахматовой наиболее ярко описан в двух мемуарных фрагментах:

Хозяйство в комаровском домике вела Сарра Иосифовна Аренс, почти семидесятилетняя старушка, маленькая, с утра до вечера в переднике, всегда с улыбкой на морщинистом личике с всегда печальными глазами. Тихая, нежная, услужливая, самоотверженная, она боялась Ахматовой, но ничего не могла поделать с неистребимым желанием дать отчет о расходах и находила момент пробормотать что-то о подорожавшем твороге, на что та немедленно разъярялась: «Сарра! я вам запретила говорить мне про творог». Еще больше Ахматовой она боялась – и безгранично любила и почитала – своего мужа, Льва Евгеньевича, брата первой жены Пунина. Он тоже был маленького роста, с выразительным живым лицом чудака, с живыми веселыми глазами и длинной белой бородой, которая развевалась по ветру, когда он ехал на велосипеде, а ездил он на велосипеде главным образом купаться на Щучье озеро. Ботаник и, кажется, с ученой степенью, он знал названия и свойства множества растений. Человек был верующий, православный, часто уезжал на электричке в шуваловскую церковь (Найман 1999: 200–201).

знак благодарности за книгу Ваших стихов» (Черных 2016: 685), – и запись Ахматовой того же года: «Кто жил в Царском <...> Аренсы» (Ахматова 1996: 132–133).

Лев Евгеньевич, переживший десятилетия лагерей и ссылок, шельмование, голод, смерть детей, был не очень склонен к рассказам, но иногда он зажигался и вспоминал, как, следуя по отцовским стопам, он плывал в первую мировую гардемаринном, как они с Евгением Полетаевым и Николаем Пуниным появлялись в респектабельном Павловском вокзале в визитках и больших черных треуголках или как он «исполнял обязанности» одного из «Председателей Земного Шара». Лев Евгеньевич был последним свидетелем собраний царскосельского «Салона наук и искусств». Его ревматические руки давно уже не позволяли ему играть на фортепьяно, но он никогда не переставал писать стихи и иногда с задором читал их своим родным и ближайшим друзьям (Зыков 2000: 18).

В письмах Аренса, сохранившихся в личном фонде Петникова, упоминания о жизни на ахматовской даче относятся к 1965–1966 гг. Письмо из Комарова 10 июля 1965 г.:

Сарра Иосифовна <...> остается в Комарово. <...>
 В Комарово мы пробудем, вероятно, все лето. <...>
 Невзирая на почтенный возраст и старческие хворости, я езжу каждый день на велосипеде к Щучьему озеру, в котором купаюсь.
 В море купаться трудно, т. к. мелководе широкое.
 По ту сторону залива мое родное село Мартышкино⁴.

Письмо 18 октября 1965 г.: «В начале августа я вернулся с Вероникой в Комарово из поездки в Дарвинский заповедник. <...> Мы уже давно вернулись из Комарова в Ленинград на зимнюю квартиру»⁵.

Спустя два с половиной месяца после кончины Ахматовой Аренс написал Петникову о похоронах. К тому времени Петников уже получил от литературных знакомых известия о прощании в Москве

⁴ ЦГАМЛИУ. Ф. 440. Оп. 1. № 99. Л. 41, 43, 43 об. Здесь и далее орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

⁵ ЦГАМЛИУ. Ф. 440. Оп. 1. № 99. Л. 45 об., 46 об. Ср. запись Аренса 12 августа 1965 г. (Тименчик 2021: 224). Вероника Евгеньевна Аренс-Пулавски, внучка Льва Евгеньевича и Сарры Иосифовны, упомянута также в переписке Ахматовой с И. Н. Пуниной (Зыков 1996: 156, 158).

и Ленинграде. 21 марта 1966 г. Наталия Александровна Брюханенко (1905–1985) сообщала из Москвы в Старый Крым:

Гостила в Ленинграде. Была там на похоронах Анны Ахматовой, которую увезли из Москвы прямо из морга на самолет, не дав никому с ней проститься. Как Пушкина. Да и там было нечто, скорее позорное, хотя после Блока город не хоронил такого своего поэта⁶.

А 10 апреля 1966 г. детская писательница Анна Львовна Гарф (Гарфункель; 1908–1997) прислала Петникову подробный отчет о прощании в Москве:

Расскажу Вам о том, как в Москве провожали Анну Андреевну Ахматову.

Ее привезли из Подмосковья в морг при ин-туте Склифосовского. Не было ни одного представителя официальной литературной общественности. Никого. Но собралась толпа у морга, толпа из тех, кто *случайно* узнал, что тело Ахматовой здесь.

Ее вынесли в маленькую комнатку при морге, куда выносят тех, с кем хотят проститься родные. Понятно, сначала было просто столпотворение, но потом выстроилась очередь – человек в триста – и все прошли мимо нее. Она лежала, как жила, – большая, красивая, царственная. Удивительно красивая.

Потом тут же во дворе сам собой организовался митинг. Тарковский первый сказал надгробное слово, потом еще говорили. Повторяю – из официальных лиц – никого. Может быть, и были, но их не было ни видно, ни слышно.

А вечером ее повезли в Ленинград.

А в Союзе в тот же вечер праздновали 60-летие Агнии Барто. Многие перепились. Потом было открытое партийное собрание, и люди требовали ответа:

– Почему в Доме литераторов не было прощания?

⁶ ЦГАМЛИУ. Ф. 440. Оп. 1. № 116. Л. 4. Позднее эти непосредственные впечатления отразились в мемуарном очерке Брюханенко 2006: 102–111.

Михалков порол всякую чушь, а жена Вс. Иванова⁷ после каждой его реминисценции громко говорила из зала:

– Это ложь!

Наконец он не выдержал и тонким заикающимся голосом предложил ей взять слово.

Она вышла и сказала все, что накипело, и даже несколько больше. За ней выступал Тельпугов⁸. Он сказал, что, мол, хватит бояться умершей. И высказался в том смысле, что делегация московских писателей выедет в Ленинград.

В Ленинград поехали многие и сами по себе. Отпевание было по церковному обряду, согласно ее воле и по желанию родных. Собор был переполнен.

Потом прощание было в Доме литераторов.

Берггольц и Дудин говорили очень хорошо, нужные и от души идущие слова.

Похоронили ее в Комарово.

...А вы, мои друзья последнего призыва!..⁹

Известно довольно много свидетельств похорон Ахматовой, и к сорокалетию кончины даже вышло отдельное издание (см.: Копылов, Позднякова 2006), но голос Аренса из близкого круга дополнил траурную симфонию:

Ленинград

19 мая 1966 г.

Вы правы, смерть Анны Андреевны Ахматовой – великая потеря. Нам (в особенности Сарре Иосифовне), не одно лето жившим с ней на даче в Комарово, она – эта потеря – особенно чувствительна.

⁷ Тамара Владимировна Иванова (1900–1995) лично знала Ахматову. Ее выступление на собрании в Союзе писателей 9 марта 1966 г. отметила не только Гарф (см.: Грудцова, Напельбаум 2006: 95, Чуковский 2011, 3: 428, Орлова, Копелев 1990: 295–296).

⁸ Виктор Петрович Тельпугов (1917–1999) – писатель, парторг Московского горкома КПСС.

⁹ ЦГАМЛИУ. Ф. 440. Оп. 1. № 130. Л. 11–12. Авторизованная машинопись. 14 декабря 1965 г. Гарф писала Петникову о «Беге времени»: «Однако уже кое-где открыта форточка и повеяло свежестью. Поживем – увидим. Вышел одностомник Анны Андреевны Ахматовой – это событие» (ЦГАМЛИУ. Ф. 440. Оп. 1. № 130. Л. 7 об. Датируется по почтовому штемпелю на конверте).

10 марта мы присутствовали на отпевании А. А. в Никольском соборе. Служил настоятель собора совместно с протодьяконом, пел хор в полном составе. Было очень торжественно. Я с некоторыми другими, в том числе сыном А. А. Л. Н. Гумилевым, стоял у самого гроба. Собор был полон народу. Когда наступил момент прощания с телом А. А., то мимо прошло несколько тысяч людей. Это было что-то потрясающее.

После того как мы вынесли гроб и поставили его в автобус, я с Саррой Иосифовной уехали в Комарово, где вечером состоялись похороны А. А. После этого близкие к ней люди собрались на даче, где жила А. А., отслужили панихиду, после чего струнный квартет играл произведения Баха.

И вот теперь в нашей жизни образовалась пустота. С. И. до сих пор нет-нет да поплачет. Взаимная любовь связывала ее с А. А.

Сохранилось у нас фото, где сняты Н. Н. <Пунин>, А. Е. <Аренс>, А. А., С. И., я и наши дети Геня <Аренс> и Ирина <Пунина> (столовая в Фонтанном Доме). Впервые я увидел А. А., когда она, выйдя замуж за Н. С. Г<умилева>, появилась с новобрачным визитом в родительском доме – Царскосельском Адмиралтействе¹⁰.

Последнее упоминание об Ахматовой в сохранившихся в архиве Петникова письмах Аренса датировано 1 сентября 1966 г.:

Наша внучка Вероника очень любит стихи. Покойная А. А. Ахматова одобряла ее чтение стихов. <...>

В Комарово давно не были. Собираемся поехать туда и побывать на могиле А. А., и тогда возложим цветы на ее могилу за Вас и за себя.

С Пагиревым встречался. Он был соседом Ахматовой в Комарово. Теперь оттуда он давно уже уехал¹¹.

23 июля 1967 г. Льва Евгеньевича Аренса не стало.

¹⁰ ЦГАМЛИУ. Ф. 440. Оп. 1. № 99. Л. 48 об. – 49.

¹¹ ЦГАМЛИУ. Ф. 440. Оп. 1. № 99. Л. 52 об. – 53. Глеб Валентинович Пагирев (1914–1986) – поэт; работал в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель» (см.: Ахматова 1996: 306, 405, 437, 459, 655, Тименчик 2014, 2: 135–136).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аренс Л. Е. 1991а. Воспоминания. – Жизнь Николая Гумилева (Воспоминания современников) / Сост. Ю. В. Зобнин, В. П. Петрановский, А. К. Станюкович. Л.: Издательство Международного фонда истории науки. С. 28–29.
- Аренс Л. 1991б. Слово о полку будетлянском / Публикация Е. Л. Аренса, вступительная ст. и примечания А. Мирзаева. – Хлебниковские чтения: Материалы конференции 27–29 ноября 1990 г. / Ответственный ред. С. В. Старкина. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. С. 135–150.
- Ахматова А. 1996. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / [Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. Вступительная ст. Э. Г. Герштейн. Научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных.] М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Брюханенко Н. А. 2006. Воспоминания о похоронах А. А. Ахматовой. Вступительная заметка, подготовка текста и примечания А. А. Мелуа. – «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева; под общей редакцией Д. Макфадьена, Н. И. Крайневой. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 102–111 (UCLA Slavic Studies. New series. Vol. V).
- Грудцова О. М., Наппельбаум Л. М. 2006. Письма к И. М. Наппельбаум: Отклики на смерть Ахматовой / Публикация Е. М. Царенковой; вступительная заметка, подготовка текста и примечания А. Л. Дмитренко. – «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева; под общей ред. Д. Макфадьена, Н. И. Крайневой. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 93–99 (UCLA Slavic Studies. New series. Vol. V).
- Зыков Л. А. 1996. Из семейной переписки А. А. Ахматовой. – Звезда. № 6. С. 131–159.
- Зыков Л. А. 2000. Предисловие. – Пунин Н. Н. Мир светел любовью: Дневники. Письма / Сост., предисловие, примечания и комментарии Л. А. Зыкова. М.: Артист. Режиссер. Театр. С. 7–18.
- Копылов Л. Ю., Позднякова Т. С. 2006. Послесловие: Мартовские дни 1966 года. СПб.: Невский Диалект.
- Найман А. Г. 1999. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Вагриус.
- Орлова Р. Д., Копелев Л. З. 1990. Мы жили в Москве: 1956–1980. М.: Книга.

- Петников Г. 2012. Страничка воспоминаний (Осип Мандельштам) / Предисловие, публикация, примечания П. Поберезкиной. – Toronto Slavic Quarterly. № 40. С. 312–325. [URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/40/tsq40_petnikov.pdf]
- Тименчик Р. 2014. Последний поэт. Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 2: Сноски и выноски. Изд. 2-е, исправленное и расширенное. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры.
- Тименчик Р. Д. 2021. О летописи поэтовой: Например, Ахматова. – *Slavica Revalensia*. Vol. 8. С. 178–237.
- Финкельштейн К. И. 2009. Императорская Николаевская Царскосельская гимназия: Ученики. СПб.: Серебряный век.
- Черных В. А. 2016. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Азбуковник.
- Чуковский К. И. 2011. Дневник: В 3-х тт. Т. 3: 1936–1969 / Сост., подготовка текста, комментарии Е. Ц. Чуковской. М.: ПРОЗАиК.

REFERENCES

- Ahrens, L. E. “Vospominaniia.” In *Zhizn’ Nikolaia Gumileva (Vospominaniia sovremennikov)*. Edited by Iu. V. Zobnin, V. P. Petranovskii, A. K. Staniukovich, 28–29. Leningrad: Izdatel’stvo Mezhdunarodnogo fonda istorii nauki, 1991.
- . “Slovo o polku budetlianskom.” Published by E. L. Ahrens. Prefaced and annotated by A. Mirzaev. In *Khlebnikovskie chteniia: Materialy konferentsii 27–29 noiabria 1990 g.* Edited by S. V. Starkina, 135–50. Saint Petersburg: Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannom Dome, 1991.
- Akhmatova, A. *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- Briukhanenko, N. A. “Vospominaniia o pokhronakh A. A. Akhmatovoi.” Edited, prefaced and annotated by A. A. Melua. In “*Ja vsem proshchenie daruiu...*”: *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and D. MacFadyen. UCLA Slavic Studies. New series. Vol. 5, 102–11. Moscow and Saint Petersburg: Alliance-Arheo, 2006.
- Chernykh, V. A. *Letopis’ zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966*. 3rd ed. Moscow: Azbukovnik, 2016.
- Chukovsky, K. I. *Dnevnik*. Edited and annotated by E. Ts. Chukovskaya. 3 vols. Vol. 3, 1936–1969. Moscow: PROZAiK.

- Finkelshteyn, K. I. *Imperatorskaia Nikolaevskaia Tsarskosel'skaia gimnaziia: Ucheniki*. Saint Petersburg: Serebrianyi vek, 2009.
- Grudtsova, O. M. and L. M. Nappelbaum. "Pis'ma k I. M. Nappelbaum: Otkliki na smert' Akhmatovoi." Published by E. M. Tsarenkova. Prefaced and annotated by A. L. Dmitrenko. In "*Ia vsem proshchenie daruiu...*": *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and D. MacFadyen. UCLA Slavic Studies. New series. Vol. 5, 93–99. Moscow and Saint Petersburg: Alliance-Arheo, 2006.
- Kopylov, L. Iu. and T. S. Pozdniakova. *Posleslovie: Martovskie dni 1966 goda*. Saint Petersburg: Nevskii Dialekt, 2006.
- Naiman, A. G. *Rasskazy o Anne Akhmatovoi*. Moscow: Vagrius, 1999.
- Orlova, R. D. and L. Z. Kopelev. *My zhili v Moskve: 1956–1980*. Moscow: Kniga, 1990.
- Petnikov, G. "Stranichka vospominanii (Osip Mandelstam)." Published, prefaced and annotated by Polina Poberezkina. *Toronto Slavic Quarterly* 40 (2012): 312–25. Accessed December 10, 2022. http://sites.utoronto.ca/tsq/40/tsq40_petnikov.pdf
- Timenchik, R. *Poslednii poet: Anna Akhmatova v 1960-e gody*. 2nd ed. Vol. 2, *Snoski i vynoski*. Jerusalem and Moscow: Gesharim; Mosty kul'tury, 2014.
- . "O letopisi poetovoi: Naprimer, Akhmatova." *Slavica Revalensia* 8 (2021): 178–237.
- Zykov, L. A. "Iz semeinoi perepiski A. A. Akhmatovoi." *Zvezda* 6 (1996): 131–59.
- . "Predislovie." *Mir svetel liubov'iu: Dnevnik. Pis'ma*, by N. N. Punin. Edited, prefaced and annotated by L. A. Zykov, 7–18. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000.

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ: ДЖОН КИТС

Р. Д. Ти́менчик

(Иерусалим)

Китс (Keats) Джон (1795–1821) – английский поэт, из которого взят эпиграф к циклу «Шиповник цветет» («Из сожженной тетради»): «And thou art distant in Humanity» (The Pot of Basil)» (Ахматова 1996: 193, 344); «и ты далеко в человечестве. *Китс*» (Ахматова 1996: 597) – из поэмы “Isabella, or the Pot of Basil” («Изабелла, или горшок с базиликом. Повесть из Боккаччо», строфа XXXIX), в переводе Галины Гампер: «А ты среди живых, в толпе людской» (Китс 1986: 86)¹. Следует отметить, что с поэмой Китса адресат цикла связан метонимически – в газете, которую Исайя Берлин курировал в качестве сотрудника английского посольства (см.: Ти́менчик, 2014а: 80; Ти́менчик 2014b: 134) была напечатана статья о Китсе Оливера Элтона (Oliver Elton, 1861–1945), одного из первых переводчиков Ахматовой на английский язык – о чем тоже сообщалось в газете². В статье О. Элтона в числе прочего рассказывалось и о поэме, где братья прячут голову убитого ими любовника сестры в вазу³ (Эльтон 1945: 10). В цикле «Шиповник цветет» можно видеть отголосок запомнившегося Ахматовой места поэмы:

And many a chapel bell the hour is telling,
Paining me through: those sounds grow strange to me,
And thou art distant in Humanity.

(Keats 1962: 200)

¹ О переводе эпиграфа см.: Кружков 1993: 223; Поберезкина 2015: 16–17. О семантике эпиграфа см.: Ketchian 1986: 70; Amert 1992: 151–160; Серова 2016: 41–46.

² См.: Боура С. М. Оливер Элтон. – Британский союзник. 1946. № 9 (186). 3 марта. С. 10.

³ См.: Эльтон О. Джон Китс. – Британский союзник. 1945. № 43 (168). 28 октября. С. 10.

Ср. сходные реалии в «Сне» (14 августа 1956) –

И в деревенском колокольном звоне

Над чернотой распаханной земли.

(Ахматова 1989: 178)

– где монолог тени Лоренцо, вышедшей из могилы, служит одним из подтекстов, причем Ахматова должна была обратить внимание на сходство загробных lamentаций Лоренцо и стихотворения Гумилева «Больной» (см.: Тименчик 1981: 301; Тименчик 2017: 729).

«С осени 1927 стала самостоятельно учить английский язык <...> читала <...> потом – Китса...» (Ахматова 1996: 666); ср. запись разговора Елены Данько с Ахматовой в июле 1928 г.: «Разговор об искренности в литературе. Читает Байрона и Китса – не в силах читать сов<етскую?> литературу» (Дилакторская 2021: 286). Сергею Спасскому Ахматова перед войной сказала: «Китс написал, что слава капризная девчонка. Если стремиться к ней, просто ничего не выйдет» (Тименчик 2014с: 121) – пересказывается стихотворение «Слава» (“On fame”): “Fame, like a wayward girl...” (Keats 1962: 339). В переводе Корнея Чуковского:

Слава, что девушка! Если пред нею

Робко вздыхаешь – она оттолкнет.

Смейся над ней – и рабою твоею

Снидет покорная с гордых высот.

О, научись без нее обходиться

И пред тобою склонится она.

Слава – блудница! Горда и скромна,

Славы она, как бесславья, боится!

Вы, обольщенные ею глупцы, –

Бледные барды, певцы, мудрецы!

Ей за презренье воздайте презреньем!

Гордо прощальный отвесьте поклон,

Ветреной деве полюбится он

И побредет она к вам со смиреньем.

(Китс 1908: 435–436)

В 1940 году Ахматова получила от Пастернака его книгу «Избранные переводы» с надписью: «Анне Андреевне / Ахматовой, / которая так много / простила людей, что / простит и 180 стра / ниц совершенной дре / бедени / со слабою надеждой, / что Китс и Верлен / может быть займут / ее / преданный и любящий / Б. Пастернак / 15.XI.40 / Переделкино»⁴. По выходе этой книги два советских переводчика откликнулись:

После «Гипериона» и лирики третьей книги стихов Шелли писал, что Китсу «суждено стать одним из величайших писателей нашего века». Ранняя смерть помешала Китсу осуществить это предсказание. Но с его смертью Англия потеряла большого поэта, может быть, самого большого живописца в слове и во всяком случае самого вдохновенного и преданного слугу «принципа красоты во всем существующем» (Е. Л., О. Х. [Ланн, Холмская] 1941: 77).

2 декабря 1940 г. Ахматова с К. И. Чуковским «[г]оворили о Джоне Китсе, о новой книжке переводов Пастернака» (Чуковский 2007: 53), а Лидии Чуковской в разговоре 1940 г. она сказала о пастернаковском переводе сонета “On the Sea”: «Байроновская интонация вся воплощена в русской поэзии и без Пастернака. А вот этот звук – звук Китса – он впервые прозвучал по-русски» (Чуковская 2007: 227):

Шепча про вечность, спит оно у шхер,
И вдруг, расколыхавшись, входит в гроты,
И топит их без жалости и счета,
И что-то шепчет, выйдя из пещер.
А то, бывает, тише не в пример,
Оберегает ракушки дремоту
На берегу, куда ее с излету
Последний шквал занес во весь карьер.

Сюда, трудом ослабившие зренья!
Обширность моря даст глазам покой.
И вы, о жертвы жизни городской,

⁴ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Ф. 1. Оп. 4. Д. 76.

Оглохшие от мелкой дребедени,
 Задумайтесь под мерный шум морской,
 Пока сирен не различите пенья!
 (Китс 1986: 157)

Заметим, что в этом переводе Ахматова могла увидеть отголосок первого варианта своего стихотворения «Борис Пастернак»: «Чтоб не спугнуть лягушки чуткий сон» (Чуковская 1997: 18); ср.: «Оберегает ракушки дремоту» – см. в оригинале: “Scarcely will the very smallest shell / Be moved for days from where it sometime fell” (Keats 1962: 273). О переводе Пастернака см.: Пушкарёва, Уразаева 2006: 21–24.

Среди поставленных под знак рано ушедшего 25-летнего Китса был и 22-летний поэт Всеволод Князев, прототип героя «Поэмы без героя». «Образы (восходящие к Блоку) из предисловия отца Князева к посмертному сборнику стихотворений своего сына («тот милый “сон”, которым он “цвел и дышал”, пока жил на земле...» – Князев 1914: I), возможно, должны быть сопряжены с ахматовским стихом «А ведь сон – это тоже вещица / Soft embalmer, синяя птица...» («Решка»), особенно если вспомнить, что “soft embalmer” – цитата из Китса (имплицуемого, как этим образом, так и рифмой: вещица – птица), который также использован для эпиграфа к книге Князева – “Heard melodies are sweet, but those unheard are sweeter”. Ср. “unheard melodies” в связи с темой «черновика» в (Первом) «Посвящении» к «Поэме» (см.: Тименчик, Топоров, Цивьян 1978: 225, 305); эпиграф подобран Г. М. Князевым (см.: Князев 1914: I) из «Оды греческой вазе» (“Ode on a Grecian Urn”); в переводе Василия Комаровского: «Напевы слушать сладко; а мечтать / О них милей», И. А. Лихачева: «Нам сладостен услышанный напев, / Но слаще тот, что недоступен слуху»; Олега Чухонцева: «Пропетые мелодии нежны, / А непропетые – еще нежнее»; Григория Кружкова: «Пускай напевы слышные нежны, / Неслышные, они еще нежней» (Китс 1986: 107, 329–331). Впрочем, о переводе своего друга Комаровского «знаменитой “Оды к греческой вазе” Китса» Гумилев писал: «[О]чень неточ[е]н и страда[е]т какой-то разнузданностью синтаксиса, хотя сделан с большим подъемом» (Гумилев 1990: 177; ср.: Мишук 2010: 391–397; Линючкина 2016: 260–264).

Следующая оставившая след встреча Ахматовой с английским романтиком произошла в эвакуации, когда в мае 1943 г. проезжавший в Москву из Ашхабада через Ташкент Георгий Шенгели подарил ей сборник Китса (см.: Бабаев 2000: 12). См. запись в дневнике Валентина Берестова в 1944 г.: «Н. Я. <Мандельштам. – Р. Т.> распевно, прямо-таки трубным голосом, словно сама это сочинила, по просьбе Ахматовой прочла нам “Оду к соловью”. Обе они переводили и поясняли каждую строку. Ахматова рассказывала о жизни Китса»⁵. «В Ташкенте, живя на балахане, мы читали с Ахматовой прелестные стихи Китса (Ахматова говорила, что Китс ей почти физиологически напоминает Мандельштама) и отметили, что он мечтает на том свете посидеть в таверне рядом с самим Шекспиром» (Мандельштам Н. 1987: 26) – вспомнили собеседницы «Стихи о русалочьей таверне» (“Lines on the Mermaid Tavern”):

Souls of Poets dead and gone,
What Elysium have ye known,
Happy field or mossy cavern,
Choicer than the Mermaid Tavern?
(Keats 1862: 230)

См. в переводе М. Зенкевича:

О поэтов души, где бы
Не дало Элизий небо,
Лучшей не найти наверно,
Чем Русалочья Таверна!
(Китс 1998:142)

Ср. перевод А. Л. Жовтиса:

Души бардов, ныне сущих
В горних долах, в райских кущах!
Разве этот лучший мир
Лучше, чем у нас трактир.
(Китс 1986: 116)

⁵ Берестов В. Бим и Бом. Из воспоминаний. – Московские новости. 1995. № 18. 19–26 марта.

Как отголосок ташкентских разговоров с Ахматовой Н. Я. Мандельштам писала Н. Я. Берковскому 19 февраля 1962 г.: «1) Я сравниваю Китса с О. М., а не с Hölderlin. Что-то есть общее в природе этих людей; 2) Китс, по-моему, очень крупный поэт, и, ради бога, не ставьте его рядом с Шелли – этого я терпеть не могу. У меня тоже есть “пластинки”: одна из них – почему я не люблю Шелли. Природа Китса и Шелли разные, если не противоположные. Шелли – это огромное пламя, и при этом холодное. А. А., защищая от меня Шелли, хвалит его за какую-то птичку, которую я знать не хочу. А Китс очень знакомый и чудный мальчишка. 3) Кто выше – Китс или Hölderlin? Стоит ли ставить так вопрос? У нас ведь всегда занимаются измерением такого рода. Оба первоэпические и в высшем разряде поэзии. Кто лучше – Бодлер, Верлен или Рембо? Вот Шелли – другое дело – он в другом разряде» (Мандельштам Н. 2008: 251). *Какая-то птичка* – по-видимому, упомянутая в примечаниях к «Поэме без героя» ода Шелли “Ode to a Skylark” («К жаворонку»), проецирующаяся на историю про птичку, которая не хотела покидать место погребения Шелли (см.: Рубинчик 2010: 181–182). Спор о Китсе и Шелли, нередко захватывавший любителей английской поэзии (например, такую читательскую тяжбу вел Борис Анреп со своей второй женой; см.: Фарджен 2003: 147–148) вызван был на сей раз пристальным интересом Ахматовой к Шелли: «Ахматова, воскрешая для общения тех, кого с нами уже нет, интересовалась их жизнью, бытом, общением с людьми. Так впервые преподнесла она мне Шелли – на нем она как будто тренировалась... Затем у нее наступила эпоха общения с Пушкиным» (Мандельштам 1970: 221). Один эпизод предельно личного прикосновения к судьбе Перси Биши Шелли зафиксирован очевидцем:

АА прочла: А. Моруа. Ариель. Роман из жизни Шелли. Пет-роград. 1925. АА сказала, что когда прочла его до конца – очень огорчилась... – Расстроилась, прочитав подробности об обстоятельствах смерти Шелли (Шелли утонул). Сказала, что ей всю жизнь снятся сны, в которых она тонет...

АА: это пытка какая-то! Я тонула (во сне) всеми способами, все [возможны] допустимые случаи снились... тонула на броненосце, на подводной лодке, тонула на парусной яхте, просто на лодке, тонула, купаясь, плавая... Вот Вам [тоже] даже я говорила...

(АА, засыпая на днях при мне, уже сквозь сон [говорила] шептала: «Купальня... Камин...»).

Я: Ну тут вод еще не было...я Вас спросил: купальня – и море? А Вы ответили так же, почти во сне – нет, моря нет...

АА: Ну это уже, это уже... Купальня... Это уже близко.

Смерть от воды – сон, всю жизнь преследующий АА⁶.

Чтение Китса в Ташкенте сказалось в написанных там стихах. Ср., например: “The gradual sand that through an hour-glass runs” (“After dark vapors have oppress’d our plains...”); в переводе К. Чуковского: «Как шепот песчинок покорных / В стекле неустанных часов» (Китс 1986: 342); у Рауля Рабинерсона: «Песок что плавно сыплется в часах» (Китс 1986: 343) и «Полноценно цедится минута / На часах песочных...» («Под Колодной»); ср. также «нежный взгляд» солнца в этом стихотворении и “Autumn suns smiling at eve” у Китса: «Как тихого солнца улыбка» в переводе К. Чуковского, “Then save me...” (“To Sleep”) и «Спаси ж меня...» («И ты ко мне вернулась знаменитой...»), “Was never said in rhyme” (“In a drear-nighted December”) и «Но еще ни один не сказал поэт...» («Наше священное ремесло...»).

Правомерно поэтому ставить вопрос о генезисе ахматовского стихотворения «Три осени», которое наследует грациям сезона в развертывании китсовской «Осени» (см. о последнем: Klein 1993: 146–160).

1 августа 1945 г. художница А. В. Любимова записала: «Сегодня была у Анны Андреевны. Опять она лежала, 6 дней была больна и только сегодня первый день чувствует себя ничего, слабость и температура 35,5°. <...> Прочитала по-английски Китса, сразу переводя на русский, стихотворение “К Рейнольдсу”. <...> Посоветовала, изучая английский (я сейчас учу его снова, уже в третий раз), не

⁶ Лукницкий П. Н. Acumiana. – Коллекция П. Н. Лукницкого. ИРЛИ (сообщено Т. М. Двинятиной).

читать хороших и трудных вещей, вроде Китса, книжку которого мне дала в прошлый раз, а что-нибудь ерундовое, “чего не жалко”, и обязательно выбросить словарь» (Кралин 1990: 237). Речь может идти о стихотворениях “Epistle to John Hamilton Reynolds” (см. перевод Е. Фельдмана: Китс 1998: 156–160), “Sonnet to John Hamilton Reynolds”, “Sonnet Written in Answer to a Sonnet Ending Thus: ‘Dark eyes are dearer far / Than those that mock the hyacinthine bell’ – by John Hamilton Reynolds” (см. перевод А. Парина: Китс 1998: 145–146). В контексте описываемого разговора о соотношении поэзии и живописи, когда, возможно, Ахматова полагала ошибочно, что другом Китса был художник сэр Джозуа Рейнольдс (1723–1792) – скорее всего могло возникнуть последнее – апология синего цвета:

Blue! ‘Tis the life of heaven, – the domain
Of Cynthia, – the wide palace of the sun, –
The tent of Hesperus, and all his train, –
The bosomer of clouds, gold, gray, and dun.

(Keats 1962: 285)

Введение эпиграфа из Китса у Ахматовой увенчало сближение русского поэтического модернизма с недооцененным было английским гениальным юношей. Авторитетный для постсимволистского поколения критик Евгений Аничков сообщил, что Китса чтит культовый для модернистов Эдгар По: «Совершенны – Китс и Шелли» (Аничков 1909: 76). При этом на русском языке имелись только считанные переводы этого поэта (см.: Подольская 1993), и обозревая антологию современной поэзии, отражавшую вкусы эпохи журнала «Весы», Гумилев упрекал составителей: «В английском отделе нет ни Китса, ни Стивенсона, ни Теннисона, ни Браунинга» (Гумилев 1990: 233).

Интерес к английскому романтику в послереволюционном Петрограде связан с именами Е. Замятина и Н. Гумилева: «Замятин сообщил о поэте, имя которого в Англии возносится над славой его современника Шелли, и тогда заинтересовался им, знавший о нем, впрочем, раньше, Гумилев. Произведения Китса включены были в каталог “Всемирной Литературы”, несколько поэтов разобрали

для переводов его поэмы. К. Чуковский и Е. Замятин взяли на себя подробную биографию поэта. Если не все, то кое-что из этой обширной программы выполнено»⁷. См. воспоминания знакомицы В. К. Шилейко: «Как известно, “Всемирная Литература” являлась в первые месяцы революции своего рода благотворительным учреждением, спасательным пунктом для всей погибавшей петербургской интеллигенции. За нее много на том свете грехов отпустится Алексею Максимовичу <Горькому. – Р. Т.>. В числе сотен других получал оттуда работу и П. П. <Волконский. – Р. Т.>. На его долю выпало переводить Keats’a:

A thing of beauty is a joy for ever.

Но мало радости доставляла нам прекрасная поэма. В погоне за ускользающей рифмой, П. П. целыми ночами добросовестно пыхтел над работою. И, конечно, совершенно напрасно. На качество стихов заказчики не обращали никакого внимания; по всей вероятности, никто и не читал их. Да и платили за это гроши; вся сила была в получении “удостоверения с места службы”. Куда потом делись эти кипы никому не нужных, голодными, замученными людьми исписанных листов бумаги? Весьма возможно, что и до сих пор валяются на каком-нибудь чердаке на Моховой» (Волконская 1925: 74–75; Wolkonsky 1931: 97); цитированный начальный стих поэмы «Эндимион» в переводе Бориса Пастернака: «Прекрасное пленяет навсегда»⁸.

Спустя два года в практике «Всемирной литературы» произошел следующий эпизод: «В зароботке <Мандельштам. – Р. Т.> нуждался еще больше остальных. Однажды он торжественно принес Гумилеву рукопись: “Вот, оды Китса!” – Гумилев удивился: “Но ведь ты не знаешь английского?” – “Мне сделали подстрочник!”. Перевод оказался отчаянным. Гумилев, просмотрев его, взялся за Мандельштама: “Осип, признавайся, откуда ты взял это?” И Мандельштам “признался”. Перевод ему вручила знакомая барышня,

⁷ Даманская А. Китс. – Последние новости. 1928. № 2758. 10 октября.

⁸ Китс Дж. <Из поэмы «Эндимион»> / Пер. Б. Пастернака. – Литературная газета. 1938. № 72 (779). 31 декабря.

мечтавшая увидеть его напечатанным, хотя бы под псевдонимом, только бы напечатали. Гонораром она не интересовалась. “Гонорар мне! А Мандельштам чем не псевдоним?” – старался он убедить Гумилева» (Иванов 1956: 302). Гумилев редактировал тогда остававшийся ненапечатанным в течение 80 лет перевод поэмы Китса «Канун Святой Агнесы», выполненный Татьяной Кладо – то некое, что выполнено из программы, упомянутой А. Даманской (см.: Гумилев 2000: 242–252).

Возможно, В. К. Шилейко тоже был привлечен к переводам Китса, который во всяком случае (как, впрочем, вообще огромный массив мирового поэтического текста) входил в круг шилейковского чтения, о чем свидетельствует выписка (из стихотворения «Глоток солнечного сияния»), видимо, связанная с исследованиями ритуала напоения солнечного божества (см.: Емельянов 2019: 175):

Instead of a pitiful rummer,
 My wine overbrims a whole summer;
 My bowl is the sky,
 And I drink at my eye,
 Till I feel in the brain
 A Delphian pain –
 Then follow, my Caius, then follow!
 On the green of the hill,
 We will drink our fill
 Of golden sunshine...
 (“A Draught of Sunshine”)⁹

Далее в китсовском стихотворении говорится –

Till our brains intertwine
 With the glory and grace of Apollo!
 (Keats 1962: 282)

⁹ Шилейко В. К. Фрагменты рукописей В. К. Шилейко. – Архив РАН. Ф. 1059. Оп. 1. № 12. Л. 56.

– т. е. «на зеленом холме мы выпьем свою дозу золотого солнечного света, пока наш разум не исполнится сиянием и благодатью Аполлона».

В годы продолжительной культурной изоляции сведения о возрождении в Англии некоего культа Китса¹⁰ могли долетать до читателей в СССР. Вероятно, значим был эпизод в явно автобиографичном романе ахматовского почти сверстника, к кругу которого ее влекло любопытство обостренного осознания «параллельности жизней в одном времени» (Чуковская 1997: 490; это было сказано про поэтессу Хилду Дулитл, одно время жену Ричарда Олдингтона): «Подозревал ли изысканно любезный и свирепый директор, отчитывая стоящего перед ним школьника с замкнутым, упрямым лицом, что школьник его вовсе не слушает, а повторяет про себя Китсову “Оду к соловью” – своего рода внутреннюю “декларацию независимости”? “Волшебные окна” – минуты, когда распахиваешь окно, чтобы послушать птиц на закате, или ночью поглядеть на звезды, или, едва проснувшись поутру, вдохнуть всю свежесть солнечных лучей и увидеть сверкающую листву» (Олдингтон 1976: 68). “*Волшебные окна*” – “The same that oft-times hath / Charm’d magic casements, opening on the foam / Of perilous seas, in faery lands forlorn” (Keats 1962: 222); «Та песня, что не раз / Влетала в створки тайного окна / Над морем сумрачным в стране забвенной» в переводе Е. Витковского (Китс 1998: 232). Олдингтон передал своему герою отражение воспоминания своего детства: “One day in the library he picked up a volume that his father left open, read a paragraph about Keats, and was entranced” (Smith 1977: 16).

Одним из поздних собеседников Ахматовой о Китсе мог быть переводчик Владимир Рогов, который подготовлял и снабдил предисловием московское издание Китса по-английски (см.: Keats 1966) – по меньшей мере одна встреча с В. В. Роговым зафиксирована в ежедневнике (см.: Ахматова 1996: 262, 285). В сентябре 1959 года другой собеседник записал: «Анна Андр. <...> думает о переводах

¹⁰ См., например: Вейдле В. Письма и стихи Китса. – Последние новости. 1931. № 3935. 31 декабря.

Дж. Китса» (Глёкин 2015: 76). Переводившему Китса Игнатию Ивановскому Ахматова сказала: «Поэт последней стройности, которой после него ни у кого уже не было» (Воспоминания 1991: 621).

Вышеприведенные материалы, как представляется, подтверждают релевантность темы «Китс и Ахматова», начало изучения которой положено публикациями Сони Кетчан (см.: Ketchian 1999: 138–156; Ketchian 2001), хотя сомнение об отражении поэмы «Изабелла» в ахматовском стихотворении 1911 года «В лесу» видится обоснованным (см.: Basker 2004: 559; ср. также: Белоусова 2022: 8–16).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аничков Е. 1909. Бодлер и Эдгар По. – Современный мир. № 2. С. 75–100.
- Ахматова А. 1989. После всего / Предисловие Р. Д. Тименчика. Сост. и примечания Р. Д. Тименчика и К. М. Поливанова. М.: Издательство МПИ.
- Ахматова А. А. 1996. Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / [Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой. Вступительная ст. Э. Г. Герштейн. Научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных.] М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Бабаев Э. Г. 2000. Воспоминания. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Белоусова О. Г. 2022. Цитатное «эхо» Дж. Китса в поздней лирике Анны Ахматовой. – Филология: Научные исследования. № 10. С. 8–16.
- Волконская С. А. Кн. 1925. Горе побежденным: *Vae victis*. Воспоминания. Paris: Oreste Zeluk, Editeur.
- Воспоминания 1991. Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. Комментарии А. В. Курт и К. М. Поливанова. М.: Советский писатель.
- Глёкин Г. В. 2015. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подготовка текста, вступительная ст., комментарий Н. Г. Гончаровой. М.: Азбуковник.
- Гумилев Н. С. 1990. Письма о русской поэзии: сборник / Сост., вступительная ст. Г. М. Фридендера. Комментарий и подготовка текста Р. Д. Тименчика. М.: Современник.

- Гумилев Н. 2000. Антология английской поэзии: Сборник переводов / Под ред. Н. Гумилева. Предисловие, комментарии: Л. Володарская. М.: Арт-Флекс.
- Дилакторская Е. С. 2021. Ахматовский архив Наталии Дилакторской. – Русский Север – 2021: Проблемы изучения и сохранения культурного наследия. Рубцовские чтения: Сборник работ V Всероссийской научной конференции с международным участием. Вологда: «Полиграф-периодика». С. 284–295.
- Е. Л., О. Х. [Ланн Е. Л., Холмская О. П.] 1941. Джон Китс. – Литературное обозрение. № 4. С. 77–78.
- Емельянов В. В. 2019. Вольдемар Казимирович Шилейко. Woldemar Georg Schileico: Научная биография. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Иванов Г. 1956. Ответ гг. Струве и Филиппову. – Новый журнал. № 45. С. 301–304.
- Китс Д. 1908. Слава, что девушка! Если пред нею... / Пер. К. Чуковского. – Нива (Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения). № 3. Стб. 435–436.
- Китс Д. 1986. Стихотворения: «Ламия», «Изабелла», «Канун св. Агнесы» и другие стихи: Переводы / Изд. подготовили: Н. Я. Дьяконова и др. Примечания С. Сухарева. Л.: „Наука”. Ленинградское отделение.
- Китс Д. 1998. Стихотворения. Поэмы / Вступительная ст., сост., примечания Е. Витковского. М.: Рипол классик.
- Князев Вс. 1914. Стихи: Посмертное издание. СПб.: Типография императорских СПб. театров.
- Кралин М. М. 1990. Примечания. – Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат.
- Кружков Г. 1993. «Ты опоздал на много лет...»: Кто герой «Поэмы без героя»? – Новый мир. № 3. С. 216–226.
- Линючкина Е. 2016. История переводов произведений Джона Китса на русский язык в начале XX века (1901–1917 гг.). – Филология и культура. № 2 (44). С. 260–264.
- Мандельштам Н. Я. 1970. Воспоминания. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова.
- Мандельштам Н. Я. 1987. [Воспоминания: Об О. Э. Мандельштаме]. Книга третья. Paris: YMCA-Press.
- Мандельштам Н. Я. 2008. «Я всегда Вас помнила...» (Письма Н. Я. Мандельштам к Н. Я. Берковскому) / Публикация М. Виролайнен.

- Подготовка текста, вступительная заметка и примечания Л. Дубшана. – «Сохрани мою речь...». Вып. 4/1. М.: РГГУ. С. 245–256.
- Мищук О. Н. 2010. «Ода греческой вазе» Дж. Китса в переводе В. А. Комаровского. – Известия Тульского государственного университета: Гуманитарные науки. Вып. 2. С. 391–397.
- Олдингтон Р. 1976. Смерть героя: Роман / Пер. с англ. Норы Галь. Примечания Д. Шестакова. М.: Художественная литература.
- Поберезкина П. Е. 2015. Вокруг Ахматовой: Избр. работы о творчестве Анны Ахматовой. М.: Азбуковник.
- Подольская Г. Г. 1993. Джон Китс в России: Новые переводы: к 300-летию со дня рождения Джона Китса. Астрахань: Издательство Астраханского педагогического института.
- Пушкарева Е. Н., Уразаева Т. Т. 2006. Лирика Джона Китса: Своеобразие русской рецепции. – Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 8 (59). С. 21–24.
- Рубинчик О. 2010. «Если бы я была живописцем...»: Изобразительное искусство в творческой мастерской Анны Ахматовой. СПб.: Серебряный век.
- Серова М. В. 2016. Любовная трилогия в поздней лирике А. Ахматовой. Ижевск: Издательство «Удмуртский государственный университет» (Академический час. Вып. 5).
- Тименчик Р. 1981. Храм Премудрости Бога: Стихотворение Анны Ахматовой «Широко распахнуты ворота...». – *Slavica Hierosolymitana*. Vol. V–VI. Jerusalem: Magnes Press. P. 297–317.
- Тименчик Р. Д. 2014а. Последний поэт: Анна Ахматова в 60е годы. Изд. 2-е, исправленное и расширенное. Т. 1. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. Д. 2014б. Последний поэт: Анна Ахматова в 60е годы. Изд. 2-е, исправленное и расширенное. Т. 2. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2014с. Сергей Спасский и Ахматова. – *Toronto Slavic Quarterly*. № 50. P. 85–134. [URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf]
- Тименчик Р. Д. 2017. Подземные классики: Иннокентий Анненский, Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. 1978. Ахматова и Кузмин. – *Russian Literature*. Vol. VI. № 3. С. 213–305.

- Фарджен А. 2003. Приключения русского художника: Биография Бориса Анрепа / Пер. с англ. Нины Жутовской. СПб.: «Звезда».
- Чуковская Л. 1997. Записки об Анне Ахматовой: В 3-х тт. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковский К. 2007. Собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 13: Дневник. 1936–1969. / Сост. И комментарии Е. Чуковской. М.: Терра.
- Amert, S. 1992. In a Shattered Mirror: The Later Poetry of Anna Akhmatova. Stanford: Stanford University Press.
- Basker, M. 2004. <Review of:> *Keats and the Russian Poets*, by Sonia I. Ketchian. – *Modern Language Review*. Vol. 99. № 2. P. 558–559.
- Keats, J. 1962. *The Poetical Works*. London: Oxford University Press.
- Keats, J. 1966. *Poetical Works of John Keats* / Сост. сборника, автор вступительной ст. и комментариев В. Рогов. М.: Progress.
- Ketchian, S. 1986. *The Poetry of Anna Akhmatova: A Conquest of Time and Space* / Verse translation by D. F. Reeve. München: Verlag Otto Sagner.
- Ketchian, S. 1999. In the Forest with Anna Akhmatova and John Keats. – *Keats-Shelley Journal*. Vol. 48. P. 138–156.
- Ketchian, S. 2001. *Keats and the Russian Poets*. Birmingham: Department of Russian, University of Birmingham (Birmingham Slavonic Monographs. No. 33).
- Klein, H. 1993. Autumn Poems: Reflection on Theme as “Tertium Comparationis.” – *The Return of Thematic Criticism* / Ed. by Werner Sollors. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press. P. 146–160.
- Smith, R.-E. 1977. *Richard Aldington*. Boston: Twayne Publishers.
- Wolkonsky, P. 1931. *The Way of Bitterness: Soviet Russia, 1920*. London: Methuen & Co. Ltd.

REFERENCES

- Akhmatova A. *Posle vsego*. Prefaced by R. D. Timenchik. Edited and annotated by R. D. Timenchik and K. M. Polivanov. Moscow: Izdatel'stvo MPI, 1989.
- . *Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- Aldington, R. *Smert' geroia: Roman*. Translated from the English by Nora Gal'. Annotated by D. Shestakov. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1976.
- Amert, S. *In a Shattered Mirror: The Later Poetry of Anna Akhmatova*. Stanford: Stanford University Press, 1992.

- Anichkov E. "Baudelaire i Edgar Poe." *Sovremennyi mir* 2 (1909): 75–100.
- Babaev, E. G. *Vospominaniia*. Saint Petersburg: INAPRESS, 2000.
- Basker, M. Review of *Keats and the Russian Poets*, by Sonia I. Ketchian. *Modern Language Review* 99, no. 2 (2004): 558–59.
- Belousova, O. G. "Tsitatnoe 'ekho' J. Keats'a v pozdnei lirike Anny Akhmatovoi." *Filologiya: Nauchnye issledovaniia* 10 (2022): 8–16.
- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. 3 vols. Vol. 1, 1938–1941. Moscow: Soglasie, 1997.
- Chukovskii, K. *Sobranie sochinenii*. Edited and annotated by E. Chukovskaia. 15 vols. Vol. 13, *Dnevnik. 1936–1969.* Moscow: Terra, 2007.
- Dilaktorskaia, E. S. "Akhmatovskii arkhiv Natalii Dilaktorskoii." In *Russkii Sever – 2021: Problemy izucheniia i sokhraneniia kul'turnogo nasledii. Rubtsovskie chteniia: Sbornik rabot 5 Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*, 284–95. Vologda: "Poligraf-periodika," 2021.
- E. L. and O. Kh. [Lann E. L. and O. P. Kholm'skaia]. "John Keats." *Literaturnoe obozrenie* 4 (1941): 77–78.
- Emel'ianov, V. V. *Vol'demar Kazimirovich Shileiko. Woldemar Georg Schileico: Nauchnaia biografiia*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2019.
- Farjeon, A. *Priklucheniia russkogo khudozhnika: Biografiia Borisa Anrepa*. Translated from the English by Nina Zhutovskaia. Saint Petersburg: "Zvezda," 2003.
- Glekin, G. V. *Chto mne dano bylo... Ob Anne Akhmatovoi*. Edited, prefaced and annotated by N. G. Goncharova. Moscow: Azbukovnik, 2015.
- Gumilev, N. S. *Pis'ma o russkoi poezii: Sbornik*. Edited and prefaced by G. M. Fridlender. Annotated by R. D. Timenchik. Moscow: Sovremennik, 1990.
- . *Antologiya angliiskoi poezii: Sbornik perevodov*. Edited by N. Gumilev. Prefaced and annotated by L. Volodarskaia. Moscow: Art-Flex, 2000.
- Ivanov, G. "Otvét gg. Struve i Filippovu." *Novyi zhurnal* 45 (1956): 301–04.
- Keats, J. "Slava, chto devushka! Esli pred neiu..." Translated by K. Chukovskii. *Niva (Ezhemesiachnye literaturnye i populiarno-nauchnye prilozheniia)* 3 (1908): 435–36.
- . *Stikhotvoreniia: "Lamiia", "Izabella", "Kanun sv. Agnesy" i drugie stikhi: Perevody*. Edited by N. Ia. D'iakonova et al. Annotated by S. Sukharev. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1986.
- . *Stikhotvoreniia. Poemy*. Edited, prefaced and annotated by E. Vitkovskii. Moscow: Ripol klassik, 1998.

- . *The Poetical Works of John Keats*. London: Oxford University Press, 1962.
- . *Poetical Works of John Keats*. Edited, prefaced and annotated by V. Rogov. Moscow: Progress, 1966.
- Ketchian, S. *The Poetry of Anna Akhmatova: A Conquest of Time and Space*. Verse translation by D. F. Reeve. Munich: Verlag Otto Sagner, 1986.
- . “In the Forest with Anna Akhmatova and John Keats.” *Keats-Shelley Journal* 48 (1999): 138–56.
- . *Keats and the Russian Poets*. Birmingham Slavonic Monographs. Vol. 33. Birmingham: Department of Russian, University of Birmingham, 2001.
- Klein, H. “Autumn Poems: Reflection on Theme as ‘Tertium Comparationis.’” In *The Return of Thematic Criticism*. Edited by Werner Sollors. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1993. P. 146–160.
- Kniazev, Vs. *Stikhi: Posmertnoe izdanie*. Saint Petersburg: Tipografiia imperatorskikh SPb. Teatrov, 1914.
- Kralin M. M. “Primechaniia.” In *Ob Anne Akhmatovoi: Stikhi. Esse. Vospominaniia. Pis'ma*. Edited by M. M. Kralin. Leningrad: Lenizdat, 1990.
- Kruzhkov, G. “‘Ty opozdal na mnogo let...’: Kto geroi ‘Poemy bez geroia?’” *Novyi mir* 3 (1993): 216–26.
- Liniuchkina, E. “Istoriia perevodov proizvedenii John’a Keats’a na russkii iazyk v nachale 20 veka (1901–1917 gg.)” *Filologiya i kul'tura* 44, no. 2 (2016): 260–64.
- Mandel’shtam, N. Ia. *Vospominaniia*. New-York: Izdatel’stvo im. Chekhova, 1970.
- . *Vospominaniia: [ob O. E. Mandel’shtame]. Kn. tret’ia*. Paris: YMCA-Press, 1987.
- . “‘Ia vseгда Vas pomnila...’ (Pis'ma N. Ia. Mandel’shtam k N. Ia. Berkovskomu).” Published by M. Virolainen. Edited, prefaced and annotated by L. Dubshan. In “*Sokhrani moi rech’...*” Vol. 4/1, 245–56. Moscow: RGGU, 2008.
- Mishchuk, O. N. “‘Oda grecheskoi vaze’ John’a Keats’a v perevode V. A. Komarovskogo.” *Izvestiia Tul’skogo gosudarstvennogo universiteta: Gumanitarnye nauki* 2 (2010): 391–97.
- Poberezkina, P. E. *Vokrug Akhmatovoi: Izbrannye raboty o tvorchestve Anny Akhmatovoi*. Moscow: Azbukovnik, 2015.
- Podol’skaia, G. G. *John Keats v Rossii: Novye perevody. K 300-letiiu so dnia rozhdeniia John’a Keats’a*. Astrakhan’: Izdatel’stvo Astrakhanskogo pedagogicheskogo instituta, 1993.

- Pushkareva, E. N. and T. T. Urazaeva. "Lirika Dzhona Kitsa: Svoeobrazie russkoi retseptsii." *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo univesiteta* 59, no. 8 (2006): 21–24.
- Rubinichik, O. "Esli by ia byla zhivopistsem...": *Izobrazitel'noe iskusstvo v tvorcheskoi masterskoi Anny Akhmatovoi*. Saint Petersburg: Serebrianyi vek, 2010.
- Serova, M. V. *Liubovnaia trilogiia v pozdnei lirike A. Akhmatovoi*. Akademicheskii chas. Vol. 5. Izhevsk: Izdatel'stvo "Udmurtskii gosudarstvennyi universitet," 2016.
- Smith, R.-E. *Richard Aldington*. Boston: Twayne Publishers, 1977.
- Timenchik, R. D. "Khram Premudrosti Boga: Stikhotvorenie Anny Akhmatovoi 'Shiroko raspakhnuty vorota...'" In *Slavica Hierosolymitana*. Vol. 5–6, 297–317. Jerusalem: Magnes Press, 1981.
- . "Sergei Spasskii i Akhmatova." *Toronto Slavic Quarterly* 50 (2014): 85–134. Accessed December 10, 2022. http://sites.utoronto.ca/tsq/50/tsq50_timenchik.pdf
- . *Poslednii poet: Anna Akhmatova v 60e gody*. 2nd rev. and expanded ed. Vol. 1. Moscow and Jerusalem: Mosty kul'tury; Gesharim, 2014.
- . *Poslednii poet: Anna Akhmatova v 60e gody*. 2nd rev. and expanded ed. Vol. 2. Moscow and Jerusalem: Mosty kul'tury; Gesharim, 2014.
- . *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii, Nikolai Gumilev*. Moscow and Jerusalem: Mosty kul'tury; Gesharim, 2017.
- Timenchik, R. D., Toporov, V. N. and T. V. Tsiv'ian. "Akhmatova i Kuzmin." *Russian Literature* 6, no. 3 (1978): 213–305.
- Volkonskaia, S. A. princesse. *Gore pobezhdenym: Vae victis. Vospominaniia*. Paris: Oreste Zeluk, Editeur, 1925.
- Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi*. Edited by V. Ia. Vilenkin i V. A. Chernykh. Annotated by A. V. Kurt and K. M. Polivanov. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991.
- Wolkonsky, P. *The Way of Bitterness: Soviet Russia, 1920*. London: Methuen & Co. Ltd, 1931.

||

«НЕ ДЕЛАТЬ НЕ В ЕЕ ХАРАКТЕРЕ». (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ В. И. ИКСКУЛЬ ФОН ГИЛЛЕНБАНД)

М. Г. Сальман
(С.-Петербург)

Весной 1887 датский критик Георг Брандес, посетивший Петербург и Москву, чтобы выступить там с лекциями на французском языке о современной европейской литературе¹, слышал немало рассказов о баронессе Варваре Ивановне Иксуль фон Гилленбанд (далее – В. И.) и спустя год написал о ней в своей книге.

Одна известная баронесса вышла сначала замуж за молодого красивого человека, занимавшего хорошую должность, но затем бросила его, чтобы выйти за его начальника, старше ее на 30 лет. Во время этого брака она в течение нескольких лет разъезжала с австрийским графом и вернулась домой в Россию в то время, когда муж был связан своей должностью с Мадридом. В Петербурге у нее в доме живет молодой живописец, она ежедневно видится с одним молодым поэтом <...> и тем не менее – после некоторого колебания со стороны общества – она все еще молода и необыкновенно хороша, принята повсюду. Она ездит на балы в министерство иностранных дел и сидит там одетая цыганской королевой с золотым обручем вокруг лба, принимает живое участие в светской жизни высшего общества и делает глазки молодым людям. <...> Она пишет в большом французском журнале романы из большого света в России о прелестных графинях, которые падают и снова всплывают на поверхность, и сочиняет брошюры в копейку для народных изданий в Москве. Она находится в дружеских отношениях с разными молодыми людьми из радикального крыла либеральной партии, но еще в более интимных отноше-

¹ Лекции в том же году были опубликованы в «Вестнике Европы», подробнее см.: Брандес 2002: 426–428.

ниях состоит она с полицмейстером большого города, помощью которого она может добыть и действительно добывает множество помилований (Брандес [1913]: 61–62)².

В этом утрированном описании, как в кривом зеркале, отразились многие факты из жизни В. И.³

Она родилась 29. 11 (11. 12) 1850, ее отец – генерал И. С. Лутковский, мать – М. А. Лутковская (урожд. Штерич, в первом браке княгиня Щербатова), которой посвящено лермонтовское стихотворение «На светские цепи» (1840)⁴.

В 1868 В. И. вышла замуж за Николая Дмитриевича Глинку-Маврина (1838–1884). Дед ее мужа был женат на сестре В. К. Кюхельбекера, Юстине Карловне, их старший сын Дмитрий, свекор В. И., был дипломатом⁵, по его стопам пошел и муж В. И., окончивший в 1857 Александровский лицей. У супругов родилось трое детей: Григорий (1869–1923), морской офицер⁶, Иван (1870–1920), офицер

² В переводе указанного выше переиздания восстановлены цензурные купюры первой русской публикации произведений, вошедших в этот том. О приезде Брандеса см.: Милюков 1991: 115.

³ См. о ней подробный очерк: Бокова 1994: 95–123 и статью того же автора: Русские писатели 1989–2019, 2: 410–411. Неверно утверждение, что в неопубликованном при жизни рассказе Н. С. Лескова «Неоцененные услуги» (в словаре ошибочно напечатано «необыкновенные») В. И. выведена под именем баронессы. Причина ошибки – упоминание Иксуль в письме Лескова к редактору журнала «Русская мысль» В. А. Гольцеву от 10. 05. 1891: «Здесь описана правда, смешанная с вымыслом и затушеванная, чтобы иметь право быть печатаемою. Указываю для Вас некоторые имена: <...> “княгиня” – Радзивилл, “баронесса” – Иксуль <...>. События верны действительности» (Лесков 1958, 11: 487). Рукопись, отправленная Гольцеву, не сохранилась, до наших дней дошел лишь черновик рассказа (см.: Лесков 1977: 42, 46, сн. 43). В опубликованном тексте нет подобного персонажа (см.: Лесков 1992: 155–179). Публикатор О. Е. Майорова сообщила, что в расширенном виде, «с учетом всех редакций и вариантов» (Там же: 155) текст должен появиться в посвященном Лескову томе «Литературного наследства». Однако в издании «Неизданный Лесков» 1997–2000, Т. 101 в 2-х кн. рассказ отсутствует.

⁴ См.: Русские писатели 1989–2019, 2: 410.

⁵ Подробнее о семье ее первого мужа см.: Востриков, Грачева 2010: 130–136.

⁶ Год смерти указываем по: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/glinka-nd.html> Подробнее о нем см.: Капустин 2018: 155–164. Чехов писал А. С. Суворину 9.12.1890: «Я ехал из Владивостока до Москвы с сыном баронессы Иксуль (она же Выхухоль), морским офицером. Маменька остановилась в “Слав<янском> базаре”. Сейчас поеду к ней,

кавалерийского полка (именно Иван упоминается в публикуемых мемуарах В. И.) и дочь Софья (?)⁷.

Не позднее 1873 В. И. добилась развода и 11.01.1874 вышла замуж за русского посланника в Риме, барона Карла Александра Петера Петровича Иксуль фон Гилленбанда (1817–23.11.1894)⁸. В браке родилась дочь Варвара (25.10.(6.11.)1874, Рим–18.12.1937, в эмиграции), которая 21.09.1892 вышла замуж за военного (впоследствии дослужившегося до генеральского чина) Николая Николаевича Казнакова (1856–1929). Их сын Николай, внук В. И., родился в 1894⁹; в 1908 дочь В. И. развелась с мужем и вышла замуж за его младшего брата Александра Казнакова (1871–1933)¹⁰.

*

В 1883 в парижском журнале « *Revue des deux Mondes* » В. И. опубликовала под псевдонимом V. Rouslane свой первый роман « *Le Juif de Sofievka* »¹¹, в том же году он вышел отдельным изданием¹². В следующем году В. И. выпустила еще два романа¹³.

Возможно, что первые публикации В. И. появились не без содействия Ги де Мопассана; во всяком случае, в письме из Étretat от 29.10.1891, написанном князю А. В. Голицыну (1832–1901), писатель, прося сообщить баронессе, что он рассчитывает вернуться в Париж 4 или 5 ноября и останется там до января, добавлял: «Я очень тронут, что она вспомнила обо мне, и я полностью в ее распоряжении для всех литературных дел, в которых мог бы оказать ей услугу»¹⁴.

зовет зачем-то. Она хорошая женщина; по крайней мере сын от нее в восторге, а сын чистый и честный мальчик» (Чехов 1974–1983 (Письма), 4: 140).

⁷ См.: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/glinka-nd.html>

⁸ См.: https://www.adelsvapen.com/genealogi/Von_Yxkull-Gyllenband_nr_30#TAB_27
Дату кончины по старому стилю см.: ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 4635. Л. 22.

⁹ См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Казнаков,_Николай_Николаевич#cite_ref-Иксуль_6-0.

¹⁰ См.: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/ikskul-kp.html> Даты жизни А. Н. Казнакова см: Савицкий 2015: 338.

¹¹ См.: Rouslane 1883a.

¹² См.: Rouslane 1883b.

¹³ См.: Rouslane 1884a; Rouslane 1884b.

¹⁴ « Puisque vous avez bien voulu vous charger de répondre à Mme la baronne d'Uxkull, je vous serais fort reconnaissant de lui dire que je compte rentrer à Paris vers le 4 ou 5 novembre

По-видимому, В. И. нередко приезжала в Петербург, известно о ее присутствии здесь в январе 1886¹⁵. В этом же месяце она опубликовала в только что основанном «Северном вестнике» роман на русском языке¹⁶. Секретарем журнала была жена директора Консерватории А. А. Давыдова, в салоне которой собирались как известные литераторы – В. М. Гаршин, В. Г. Короленко, Н. М. Минский, Н. К. Михайловский, А. Н. Плещеев, Г. И. Успенский, – так и только начинавшие печататься Д. С. Мережковский, А. Л. Волынский. Последний вспоминал в 1920-е о В. И.:

Это была обаятельная женщина, в которую влюблялись все – и литераторы, и гвардейцы, и министры, и иностранные знаменитости, как Мопассан. Она владела пером, и один из ее романов был напечатан в «Северном вестнике». Эту тонкую женщину, с осинной талией, ровную, стройную, я помню особенно хорошо в салоне А. А. Давыдовой. Приход Иксуль всегда возвещал влетевший ветерок, и все кругом нее начинало трепетать. И. Е. Репин, написавший ее портрет с вуалеткою, так же млеял перед нею, как и тяжело фатоватый Н. К. Михайловский (Волынский 1994: 285–286).

pour y rester jusqu'au 1^{er} janvier. Je suis très sensible à son aimable souvenir et je me mets entièrement à sa disposition pour toutes les affaires littéraires où elle pourrait avoir besoin de moi » (http://www.album-rgali.ru/index.php?view=scientific_publication&u=76). Перевод наш. Письмо публиковалось по-русски с указанием неверного года (см.: Мопассан 1958, 12: 200–201).

¹⁵ В. М. Гаршин писал С. Я. Надсону в январе 1886: «Мы праздновали юбилей А. Н. <Плещеева> <...> в ред. «Сев. Вестника», где были всё свои люди <далее следует описание произошедшего скандала. – М. С.>. Баронесса Иксуль Ф. Гильдебант (Руслан) дарит нам с Над. Мих. ангорскую кошку <...>» (Гаршин 1934: 364–366). Надежда Михайловна – жена Гаршина. 15.01.1886 отмечалось 40-летие литературной деятельности А. Н. Плещеева.

¹⁶ См.: Руслан 1986. «Она принесла свой роман, написанный на французском языке и переведенный поэтом Плещеевым <...> и это положило начало ее сближению с литературным кругом» (Пименова 1929: 149). В номерах журнала, где публиковался роман, нет указаний, что это перевод. Возможно, что Плещеев, заведовавший литературным отделом, редактировал перевод романа. Эмилия Кирилловна Пименова (1854–1935) – прозаик, публицистка, переводчица с английского и немецкого языков, мемуаристка; в юности окончила женские медицинские курсы при Николаевском военном госпитале, подробнее о ней см.: Русские писатели 1989–2019, 4: 604–606.

Проведя за границей почти двадцать лет, В. И. в Петербурге очутилась среди бывших сотрудников запрещенных «Отечественных записок», перешедших в «Северный вестник», то есть в самом центре позднего народничества. Его влияние оказалось сильнее влияния декадентов, оно отразилось в ее письмах и мемуарах. В это время ее подругой стала беллетристка Е. П. Леткова-Султанова¹⁷, вместе с ней В. И. с 1889 вошла в библиотечную комиссию Общества для доставления средств Бестужевским курсам (см.: Востриков 2018: 99)¹⁸. В письме к подруге от 1.06.1897 В. И. писала:

<...> люди, которые хоть раз вздохнули свежим воздухом, хоть раз познали, что есть свет, *никогда* этого не забудут и всеми силами будут стремиться к тому, чтобы пользоваться и этим воздухом, и этим светом. <...> *Развитие потребностей* – в этом, мне кажется, весь вопрос настоящего времени. Задачей народников должно было быть именно это развитие посредством всего, что попадаетея по пути (цит. по: Бокова 1994: 111).

Когда в марте 1890 «Северный вестник» оказался без средств, В. И. предложила деньги для его возобновления Михайловскому, с тем чтобы тот стал редактором журнала, но Михайловский отказался (см.: Чехов 1960: 360. Письмо А. Н. Плещеева Чехову от 28.03.1890). Литературный критик П. П. Перцов вспоминал, что В. И. хлопотала перед министром внутренних дел о Михайловском, когда его собирались выслать из столицы весной 1891 (см.: Перцов 2002: 79).

Тем не менее знаменитого публициста выслали. «С участием в похоронах Шелгунова в апр. 1891 связана вторая высылка М. из

¹⁷ Екатерина Павловна Леткова (в замуж. Султанова; 1856–1937) – писательница, переводчица, мемуаристка; жена архитектора Н. В. Султанова, тетка художественного критика и мемуариста С. К. Маковского. В 1910-е – председательница художественной комиссии Литфонда (см.: Леткова 1936: 114). В 1930-е жила в общежитии при Доме ученых. В 1934 хлопотала о сосланном в Саратов Р. В. Иванове-Разумнике (см.: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000576.pdf). Подробнее о ней см.: Русские писатели 1989–2019, 3: 351.

¹⁸ О книгах, подаренных В. И. библиотеке Курсов, см.: Востриков 2018, подробнее см.: Востриков, Грачева 2010: 130–136.

Петербурга, хотя он лишь пытался погасить конфликт молодежи с полицией. Проведя неск. месяцев в клинском имении редактора “Рус. вед.” В. М. Соболевского, а затем на ст. Любань, получил разрешение вернуться. В хлопотах о прекращении ссылки принимал участие Вл. С. Соловьёв» (Русские писатели 1989–2019, 4: 103)¹⁹.

Соловьёв был постоянным посетителем салона В. И. и подарил ей свой сборник стихов с инскриптом (подробнее см.: Котрелев 2014: 173). Мережковский посвятил баронессе множество стихов. «Сохранился изданный в 1888 сборник “Стихотворений” Мережковского, с его дарственной надписью на титульном листе: “Милому человеку Варваре Ивановне Иксуль на память о всем добром и хорошем, что автор вместе с нею пережил и за что он остался ей навсегда обязанным. Январь 1888”» (Бокова 1994: 98). В книге автор отметил 12 стихотворений, посвященных В. И. (см.: Там же)²⁰.

*

Вот какой увидел В. И. уже не у Давыдовой, а в ее собственном салоне (в доме на Екатерининском канале, 156) Перцов:

Я застал еще баронессу в полном расцвете ее редкой красоты. Хотя ей было уже около сорока лет и у нее были взрослые дети <...> она была еще совсем молода и, стоя рядом со своей двадцатилетней

¹⁹ Как пример ее попыток помочь в «политическом» деле, приведем случай с П. Н. Милюковым. Когда в 1895 его уволили из Московского университета и должны были выслать из Москвы, В. И. устроила для его жены встречу (ничего не давшую) с министром просвещения И. Д. Деляновым, а новый министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, родственник баронессы (см.: Сухотина-Толстая 1987: 386), позволил приват-доценту самому выбрать для ссылки город, лишь бы в нем не было высших учебных заведений (см.: Милюков 1991: 121).

²⁰ Подробнее о поэте в салоне В. И. см. во вступительной статье и комментарии К. А. Кумпан: Мережковский 2000: 20–21, 901. К. М. Фофанову В. И. пыталась помочь со службой. Репин писал поэту: «Дорогой Константин Михайлович. Побывайте завтра у баронессы Иксуль в 10 часов утра; она имеет для вас место, где ничего не надо делать и получать 30 р. в месяц. <...> Ее адрес: у Аларчина моста, собств. дом» (Репин 1950: 171). Год написания письма (1904), приведенный в книге комментаторами, ошибочен, так как В. И. еще в 1896 переехала от Аларчина моста (на Екатерининском канале) на Кирочную ул., 18 (см. ниже). Екатерининский канал – ныне канал Грибоедова.

дочерью, казалась моложе ее. Известный портрет Репина <...> где лицо спрятано за вуалью и безвкусный костюм той эпохи портит фигуру, не дает понятия о своем оригинале. К красоте присоединялись столь же редкий ум и широкое развитие (Перцов 2002: 78).

О создании портрета и об отношениях художника и модели рассказала в мемуарах Леткова-Султанова²¹. После первого визита к Репину баронесса «пригласила его посмотреть картины, привезенные ею из Рима<,> и скоро Репин стал бывать у ней очень часто. Конечно<,> уговорил ее позировать для портрета. “Уговорил”, потому что она искренно отказывалась по многим причинам. Но раз он увидел ее в красной кофточке, в шляпе под черной вуалью до половины лица<,> и Репин опять, помимо того, что В. Ив. представляла сама по себе интересную натуру<,> – зазвучала иная, ярко присущая ему струна: сочетание каких-то внешних признаков с внутренней сущностью человека или что-то ему одному понятное – и это так загло его, что он уговорил В. Ив. позировать для портрета <Так у мемуаристки! – М. С.>.

Сеансы эти В. Ив. вспоминала с удовольствием. Портрет с первого же сеанса удавался<,> и Репину не приходилось мучительно искать; он написал его очень скоро. Варвара Ивановна ни за что не хотела принимать его в подарок: во-1-х, она не любила своих портретов <...> а во-2-х, просто не хотела принимать такого дорогого подарка, так как Репин уже тогда ценился очень дорого. Из-за этого у нее с Ил. Еф. чуть не вышел конфликт. Но в первый же день открытия передвижной выставки приехавший как всегда к этому дню С. М. Третьяков захотел купить этот портрет<,> и Репин отдал его после искренней и горячей просьбы В. И.» (Л. 202)²².

²¹ Мемуары о Репине (ОР РНБ. Ф. 757. Ед. хр. 43. Машинописная копия. Закончены после мая 1935, см.: Л. 211) частично публиковались, но с редакционными искажениями (сокращения, изъятия имен З. Н. Гиппиус и Мережковского, перестановка частей предложения, измененная пунктуация) (см.: Леткова 1936: 104–114). Мы цитируем их, указывая номера архивных листов и отмечая не публиковавшиеся фрагменты текста.

²² Репин писал Третьякову 16.03.1890: «Баронесса пришла даже в восхищение от мысли, что портрет ее будет в такой знаменитой галерее. При этом мне показалось,

Первый альбом, заполненный Репиным в салоне «герцогини д'Аларкон»²³ был почти весь занят ее «головками». <...> Ее деловитость вместе с легкомыслием, большое увлечение литературой, искусством, искание в людях чего-то не банального, преклонение перед талантом и восхищение героизмом – рядом с очень многими женскими и общечеловеческими слабостями – делали ее неуловимомногогранной и трудно постижимой. Помню<,> как Репин нарисовал во всю страницу альбома только верхнюю половину ее лица – лоб, брови, глаза и сейчас же стал неистово зачеркивать все. <...> Второй альбом был заполнен во время чтений у В. Ив. Одно из этих собраний – чтение Вл. Серг. Соловьевым «Трех разговоров» <-> зарисовано было И. Е. подробнее: набросок всего собрания с Вл. Серг. за столом и сидящими кругом слушателями. На отдельных листках – Зин. Гиппиус, Мережковский, я, Н. А. Вельяминов²⁴ и др. (Л. 203, публиковалось с купюрой).

она воображает, что я возьму с Вас горы золота за портрет, и она деликатно уступает. С меня она взяла почти слово написать для нее другой портрет. Может быть, и напишу когда-нибудь: она – модель интересная и позирует, как статуя. Для Вас я назначаю за портр<ет> бар<онессы> половинную плату – т. е. 3 т<ысячи> р.; уступки никакой не сделаю» (Письма Репина 1946: 143–144). «Портрет этот производил сильное впечатление на XVIII Передвижной выставке 1890 г., где он был единственным произведением, выставленным Репиным» (Грабарь 1964, 2: 80).

²³ Как сообщает Леткова-Султанова, это прозвище дал баронессе П. Д. Боборькин (см.: Л. 203). Паронимическая игра слов: Аларчин мост и испанский город Аларкон, знаменитый своим средневековым замком. Менее вероятно аллюзия на испанского писателя Педро Антонио де Аларкона (1833–1891), хотя в 1880-е вышел по-русски сборник его прозы, см.: Аларкон П. А. де. 1886.

²⁴ Николай Александрович Вельяминов (1855–1920) окончил медицинский факультет Московского университета, военный врач, лейб-хирург Александра III. Создатель и бессменный редактор журнала «Хирургический вестник» (1885; впоследствии – «Русский хирургический архив»). Был женат на Елизавете Марквардовне фон Котц (1853–1890, см.: <https://forum.vgd.ru/171/89025/>), овдовев в 1890, он собрался закрыть журнал («справляться одному было не под силу, покрывать дефициты, которые не уменьшались, становилось все труднее»), однако «нашлась одна просвещенная личность, пожелавшая остаться неизвестной, которая не только поддержала меня нравственно, но и предложила помогать журналу материально в течение 3 лет. Было решено не только не прекращать издания, а расширить его, увеличив раздел рефератов и рецензий, что, конечно, нельзя было сделать без средств» (статью Вельяминова 1909

Графический портрет Вельяминова из альбома В. И. датируется 1893, Гиппиус – 1894, портреты Мережковского и Летковой-Султановой не датированы (см.: Дульский 1936: 81).

Скорее всего, мемуаристка ошиблась в названии лекции, так как автор начал писать «Три разговора» в апреле 1899 (см.: Русские писатели 1989–2019, 5: 738), т. е. чтение этого сочинения не могло состояться ранее осени-зимы того же года. В это время В. И. давно жила не у Аларчина моста, а на Кирочной ул. Здесь уместно привести свидетельство Репина из его воспоминаний о Соловьеве:

<...> была еще лекция В. Соловьева, домашняя, у баронессы Варвары Ивановны Иксуль <...> Да, там и В. С. Соловьев также бывал, хотя и очень редко, на этих ассамблеях, у Аларчина моста, и читал свою лекцию. <...>

Варвара Ивановна как опытная хозяйка, заметив, что я все молчу и только слушаю (я был умный ребенок и в 40 с лишком лет)²⁵, подсунула мне альбом и карандаш. Я быстро освоился с

цит. по: Седов 2015: 10). Вероятно, под «просвещенной личностью» подразумевалась баронесса. О жизни Вельяминова в 1919–1920 писал (для В. Д. Бонч-Бруевича, директора Гослитмузея) в памятной записке от 5.05.1933 журналист Л. М. Клячко (1873–1933), по заказу которого врач занялся мемуарами. «Вскоре после октябрьского переворота я решил приступить к собиранию воспоминаний оставшихся в столице сановников. Вернее, не столько к собиранию, сколько к тому, чтобы заставить написать. Моя преимущественная (но, конечно, неисключительная) установка была такова, чтобы писали о том, что видели,> люди, сами не игравшие политической роли и вообще не заинтересованные в извращении событий. <...> Получив разрешение Наркомпроса, я организовал редакцию “Мемуаров”, состоявшую вначале из пишущего эти строки, секретаря и делопроизводителя-переписчицы. <...> Так например, царский хирург Вельяминов был мною взят на полное “иждивение”. Помимо гонорара я взял на себя устройство всех его нужд. Я устроил ему право обедать в Доме литераторов. Кроме того, посылал ему на дом провизию, керосин, дрова и даже прачку для стирки белья. Его дело было только писать. И вот блестящий царедворец <...> написал в течение 1½ лет около 40 печ. листов, значительная часть которых представляет большой интерес. Баронессу Иксуль <...> мне удалось заставить написать о Распутине (она была его поклонницей, потом отошла) лишь после того, как мне удалось добыть ей какое-то заграничное лекарство, которого она достать не могла» (Вельяминов 1994: 250). Опубликованы также воспоминания врача о министре внутренних дел Д. С. Сипягине (см.: Вельяминов 1995: 377–392).

²⁵ Ссылка Репина на свой возраст (род. в 1844) также свидетельствует в пользу предположения, что выступление Соловьева, о котором упоминает мемуаристка,

положением: усевшись, я рисовал кого-нибудь. Таким образом я перерисовал почти всех <...> посетителей сих четвергов; и этот альбом еще неизвестен никому. В. И. Икскуль не пускает его в издания. Отказывает даже благотворительницам Красного Креста. В. С. Соловьев нарисован мною два раза за лекцией и просто портретом²⁶. Но как странно: сейчас я не могу ни одним словом вспомнить, о чем читал тогда, в великолепном салоне баронессы, Владимир Соловьев. <...> Читал он, кажется, о соединении церквей. <...> После лекции о ней еще долго говорили и спорили. А после очень дивились огромному знанию В. Соловьева духовной литературы <...> Зарисована была вся сцена, где кто сидел; конечно, не попали только те, кто помещались не в фокусе моего зрения (Репин 2004: 162)²⁷.

состоялось в начале 1890-х.

²⁶ Портрет датируется 1891 (см.: Дульский 1936: 81; Грабарь 1963–1964, 2: 168).

²⁷ Цитированный фрагмент взят из первой полной публикации воспоминаний художника о Соловьеве, написанная по просьбе профессора петербургского Психоневрологического института С. О. Грузенберга в качестве текста для выступления. В первом издании мемуаров текст, отредактированный К. И. Чуковским и напечатанный под названием «Владимир Соловьев», сопровождался примечанием: «Печатный оттиск этой статьи правлен рукою Репина» (Репин 1937: 469). Редакционная и цензурная история издания репинских мемуаров требует отдельного рассказа, заметим лишь, что уже во втором издании (Репин 1944) очерк о Соловьеве подвергся цензурному вмешательству, так, из 3-й главы была вычеркнута синтагма «показная жалкая фальшь Кутузова». В следующем издании (Репин 1949) была выброшена вся 3-я глава и, соответственно, изменена нумерация. Кроме того, из четвертой главы, ставшей третьей, удалили перечень гостей в салоне В. И. Наконец из 4-го издания (Репин 1953) очерк о Соловьеве был целиком исключен и не перепечатывался до 1982, когда вышло 8-е издание (Репин 1982), в которое очерк вошел в редакции 1949, при этом нумерацию глав восстановили и за 2-й главой последовала 4-я. По-видимому, из-за этой истории издания мемуары Репина исчезли из поля зрения исследователей раннего модерна, очерк не включен даже в библиографию к статье о Соловьеве в словаре «Русские писатели». Что касается современных изданий репинских мемуаров, то из них без всяких оговорок исключены не только текст о Соловьеве, но и очерк о Гаршине и «Последняя встреча с Гаршиным», «Мои восторги», «Знакомство с Антокольским», «Казнь Каракозова» (в издании 1937 назывался «В шестидесятих годах») и др. (см., напр.: Репин 2019).

*

Вот как о репинском альбоме вспоминала Леткова-Султанова:

Я не знаю<, > попал ли этот альбом на рынок. Только помню, что в начале 20-х годов, вскоре после отъезда Вар. Ив. за границу, ко мне пришел П. П. Добычин²⁸ и спросил<, > знаю ли я альбом работы Репина, где имеется и мое изображение? Знаю. Он просил, чтобы я перечислила всех зарисованных в нем. Я перечислила. Он мне и рассказал, что кто-то нашел этот альбом на барахолке и продает его. Позже я с удовольствием узнала, что он у И. И. Бродского. Ко мне же Добычин обратился только для подтверждения, что это настоящий Репин, хотя для знатоков штриха И. Е. и сомненья не было, что это именно его работы. Заинтересовался Добычин<, > чей портрет на первой странице: какой-то генерал, казалось бы ничего общего со всей компанией не имеющий. А этот “генерал” был одним из очень близких людей Ильи Ефимовича. И не оттого<, > что он позировал ему для “Дуэли”²⁹ (военный врач, склонившийся над раненым), а оттого<, > что он познакомился и сошелся с ним в очень важный период жизни Варвары Ивановны. Ее сын от первого брака – Иван Глинка, офицер конного полка<, > был ранен на дуэли

²⁸ Петр Петрович Добычин (1881 – январь 1942, в блокаду, см.: <http://visz.nlr.ru/blockade/show/1060293>) – помощник присяжного поверенного, см.: *Весь Петроград на 1917 год*. [1917]: 215. Муж галеристки Надежды Евсеевны Добычиной (урожд. Фишман; 1884–1950), владелицы «Художественного бюро Н. Е. Добычиной» (Марсово поле, д. 7).

²⁹ «Среди картин конца 90-х и начала 900-х годов ярким пламенем горит только одна вещь – так называемая “1-я дуэль”, которой автор вскоре дал несколько напыщенное название: “Простите!” Это знаменитая “Дуэль” 1896 г., прославившая имя Репина в Италии, где она появилась на Венецианской выставке того же года <...>» (Грабарь 1963–1964, 2: 129). Репин писал литератору и военному юристу А. В. Жиркевичу 27.01.1898: «“Дуэль” моя продана в Венеции, домой не вернулась, копировать не с чего» (Репин 1969, 2: 137). Второй вариант «Дуэли» был написан для Третьякова и находится в ГТГ. «Здесь драмы нет, а есть только чисто внешнее изображение эпизода, ни с какой стороны не варьирующее венецианской картины: на “2-й дуэли” раненый еще не упал, а стоит, поддерживаемый тремя офицерами. К этой группе спешит справа врач, а совсем у правого края эскиза видна фигура победителя, отвернувшегося с злым лицом» (Грабарь 1963–1964, 2: 132). В 1913 Репин написал третий вариант, озаглавленный «Поединок» («Дуэль»), для раненого позировал Чуковский (см.: Там же: 142). Этот последний вариант хранится в Отделе личных коллекций ГМИИ им. А. С. Пушкина.

с товарищем, и военный врач – Н. А. Вельяминов “выходил” его. Репин, часто бывавший в то время у Вар. Ив-ны, переживал вместе с Вельяминовым всю печаль и волнения В. Ив-ны, как матери<,> и это связало их очень тесно. Вельяминов искренно полюбил Илью Ефимовича и когда тот решил писать свою картину “Дуэль” – он с удовольствием согласился позировать для доктора. Раненый офицер – портрет Глинки» (Л. 203–204, прежде не публиковалось).

*

Продолжим цитировать Леткову-Султанову:

Помню, как у В. И. Иксуль, только что приехавшей из Ясной Поляны³⁰ – шел горячий разговор о Толстом. Всем известно<,> как Репин любил Л. Н., повторять это нечего.

– А ведь у вас, Илья Ефимович, Толстой всегда граф... <-> сказала одна из присутствующих.

Репин<,> тогда еще разделявший всецело идеологию Толстого, возмутился.

– Где граф? Когда граф?

– А вот например ваша акварель – Толстой в красном кресле. Как он сидит, как по-барски положил ногу на ногу... Конечно – граф.

– Что вы говорите? Что вы говорите? – почти закричал Репин.

– А в соломенном кресле в саду?

– Вы еще скажете: а босой? а за сохой? – горячился Илья Ефимович.

– И скажу... “чем бы граф не тешился”...

Варвара Ивановна, с привычной светскостью, потушила этот разговор. Репин, с дружеским укором, по привычке поймал ее на этом, – называя “кроткая посланица небес”. Он считал, что многое в ней было от сиденья в Риме двадцать лет, в качестве жены посла, не верил в ее демократизм, подшучивал над ее наносным народничеством (Л. 209).

³⁰ Возможно, имеется в виду встреча с писателем в Ясной Поляне в июне 1895, проездом В. И. из Мценска (см.: Толстой 1928–1958, 69: 218). Других упоминаний о встрече нет ни в: Гусев 1958, ни в: Он же. 1960.

*

Не позднее 1890 В. И. начала издавать книги для народа и основала издательство «Правда В. И.», где вышли брошюры с рассказами Г. Успенского, Короленко, К. М. Станюковича, повестями Жорж Санд³¹. Многие книги переиздавались, насчитывается более 60 названий³². Возможно, что связаться с Мопассаном в 1891 В. И. пыталась, чтобы договориться о переводе некоторых его новелл для своего издательства.

О визите к ней писал Д. Н. Мамин-Сибиряк в письме к матери от 24.01.1893: «Свои сорок лет она носит с гордостью и еще сейчас красавица. Лицо худенькое, цыганское, большие глаза и умное выражение. <...> Пили чай и говорили о народных изданиях, издателях и вообще о книжном деле. <...> Представь себе три больших комнаты, сплошь набитых всякими редкостями – китайским фарфором, японскими лаками, старинными материями, редкой мебелью разных эпох и стилей, артистической бронзой, картинами <...> Муж был посланником в Риме. Сейчас это совсем древний старец, разбитый параличом³³. Он терпеливо ждет христианской кончины где-то на своей половине, и гости баронессы никогда его не видят» (цит. по: Бокова 1994: 105, 106).

В 1896 она переехала с Екатерининского канала на Кирочную ул., 18 (см.: Весь Петербург на 1897. [1897]: 169). Гиппиус, посещавшая

³¹ См., напр.: Успенский Г. И. Аграфена. Не знаешь, где найдешь. М., 1892. № 33; Занд Ж. Чертово болото (Из народного быта). М., 1894. № 62. Перечень девяти изданий см. в письме Чехова В. О. Кононовичу от 19.02.1891: Чехов. 1974–1983 (Письма), 4: 181. О выборе книг В. И. советовалась с писателем, тот рекомендовал порыться в старых журналах и альманахах (см.: Там же: 149–150). Письмо Чехова А. С. Суворину от 24.12.1890.

³² Подробнее см.: Бокова 1994: 101.

³³ В апреле 1891 барон был освидетельствован и признан одержимым сумасшествием. В. И. смогла добиться, чтобы дворянская опека назначила ее опекуном мужа, чья пенсия как тайного советника составляла 9800 руб. в год. В. И. ежегодно посылала отчет о расходовании средств (врачу, жалованье прислуге, расходы на дачу, столовое довольствие, лекарства, гардероб и пр.) в дворянскую опеку (см.: ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 4635. Л. 1. Л. 4. Л. 9.). В январе 1895 вдова просила выдать ей пенсию за ноябрь 1894 (муж скончался 23.11); см.: Там же. Л. 22.

много лет салон баронессы³⁴, в письме к Волынскому от 1.11.1896 так описывала проведенный у В. И. вечер: «Вот скука-то была у баронессы! Какая она неинтеллигентная, все-таки, дама! Оттого и люди, ее окружающие, так не интеллигентны, до неприличия. Владимир Соловьев читал статью о Случевском ... и, право, они оба друг друга стоили, у Случевского есть какие-то нотки, впрочем, но Владимир! Право, это постыдно. <...>. После этого разврата баронесса начала читать письмо Толстого на французском языке, длинно, длинно, серо, скучно и старо, все о том же, о непротивлении злу, о воинской повинности, бесконечно о воинской повинности!» (Гиппиус 2001–2013, 14: 70)³⁵.

³⁴ Четырьмя годами ранее, 6.12.1892 в письме к Н. М. Минскому (с которым баронесса активно переписывалась) Гиппиус делилась своими впечатлениями: «баронесса – делец, совершенно неинтересная личность» (Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским 2018: 298).

³⁵ О каком письме или статье Толстого идет речь, установить не удалось. Это было не личное письмо к В. И. (их знакомство относится к 1892; письмо к ней от 4.12.1896 по поводу духоборов, которых преследовали тогда, как сейчас иеговистов, опубликовано; см.: Толстой 1928–1958, 69: 217–218). Из того, что в письме речь шла о воинской повинности и непротивлении злу, а текст был французским, следует, что оно предназначалось для заграничной прессы. В эти годы Толстой свои статьи писал по-русски, для публикации за границей их переводили переводчики. Единственная подходящая по смыслу и времени статья «Приближение конца» (в которой Толстой писал: «Никакие аргументы не могут разговорить ту простую истину, что человеку, уважающему себя, нельзя идти в рабство к неизвестному или хотя бы известному, но имеющему убийственные цели, хозяину. А в этом самом только и состоит военная служба с своей дисциплиной») была напечатана в «*Journal des Débats*» 24.10.1896 под заглавием «*Les temps sont proches*», но сам писатель получил ее от переводчика лишь 30.10 (по ст. ст.; см.: Там же: 189, 190). Русский текст см.: Толстой 1928–1958, 31: 78–86. В салоне В. И. регулярно читались сочинения Толстого, так, Репин сообщал В. Г. Черткову 16.02.1888: «Недавно нам баронесса Иксуль читала книгу Льва Николаевича “О жизни”» (Репин 1969, 1: 342). Ему же художник писал 13.01.1890: «Баронесса Иксуль просила Вам передать, что она очень-очень желала бы Вас видеть. И еще ее покорнейшая просьба, не можете ли Вы дать ей “Крейцерову сонату” Л[ьва] Н[иколаевича] на 24 часа? Пожалуйста, ответьте ей. <...> Не можете ли одолжить мне ее же на один день?» (Репин 1950: 51–52). Т. Л. Сухотиной-Толстой художник писал 17–18.11.1891: «Статью Льва Николаевича (“Страшный вопрос”) в “Русских ведомостях” я читал сейчас по прибытии газеты сюда. <...> У баронессы Иксуль целое литературное собрание было по этому поводу» (Репин 1969, 1: 396). «О жизни» (1886–1887) – трактат. «Страшный вопрос» (1891) – статья о голоде, затронувшем около 20 миллионов человек в центральных губерниях России. По подсчетам американского

*

Лето 1900 В. И. проводила в имении Вельяминова «Гарболово»³⁶, там она получила письмо от Летковой-Султановой о смерти Соловьева. 17.08. В. И. писала подруге:

Очень жалко, что Вы не написали мне подробнее о похоронах Соловьева – я понимаю, что они должны были быть тяжелыми. Это был человек для «избранных». Толпа не могла понять, что именно в нем было ценно: всеобъемлющая доброта, полное отсутствие зависти <...> при его болезненном самолюбии, удивительная чуткость и свобода души, и всепонимание, что и делало его неудобным, да даже и невозможным для какой бы то ни было «русской партии» <...> Из наших Комитетских никого не видела и ничего про них не знаю <...> Впрочем, я знаю, что Вы не разделяете мой взгляд на многое в нашем Комитете; я нахожу, что он как-то страшно «измельчал», и что слишком много значения придает всяким личным вопросам, – упуская суть. –

Об этом говорила еще недавно с Ольденб<ургом>, который совершенно со мной согласен, – я ему говорила, что мне хочется уйти, ибо чувствую, что бесполезна, и занимаю напрасно место; у меня слишком много другого дела, которое берет все мои силы и время. Он меня отговаривает, а я, по правде сказать, в раздумье <...>³⁷.

Новым делом для В. И. стала работа в основанной по распоряжению вдовствующей императрицы Марии Федоровны Общине сестер

историка Р. Робинса, в 1891–1892 от него умерло от 375 до 400 тысяч человек (см.: Ананьич, Ганелин 2000: 63).

³⁶ В имении было около 1800 десятин, оно включало в себя две мызы («Малое Гарболово» и «Большое Гарболово») в Куйвизовской волости Петербургского уезда (ныне – Всеволожский район).

³⁷ РО ИРЛИ. Ф. 230. Ед. хр. 283. Л. 50. Л. 50 об. Л. 51. За предоставленный фрагмент письма благодарю А. В. Вострикова, за посредничество – Н. Г. Охотина. «Комитетские» – члены комитета Общества по доставлению средств Бестужевским курсам. С. Ф. Ольденбург в это время – профессор санскритской словесности в Петербургском университете и член того же комитета.

милосердия имени генерала М. П. фон Кауфмана. При Общине была создана Школа ученых сиделок. Финансовую поддержку школе, по просьбе В. И., оказала императрица Александра Федоровна (см.: Соколова 2014: 67). Вот какой увидела ее в это время писательница Т. Л. Щепкина-Куперник:

<...> баронесса не красилась, не подводила глаз – да ей это и не нужно было, ее глаза сохраняли блеск и огонь молодости, а черные брови необычайно подчеркивали властный характер лица. Она только скрывала свою седину – красила волосы, но делала это в Париже и у лучших мастеров, и очень искусно: оставляя белую прядь над правым виском так, что непосвященные не могли и представить себе, что волосы у нее крашенные. <...> Особняк баронессы подходил к ней и характером: эlegantный, корректный, внутри обставленный со спокойной роскошью. <...> Но как сама баронесса под безупречной внешностью светской дамы была исключительно деловой женщиной, практической и предусмотрительной, так и этот аристократический особняк скрывал в своем дворе большой доходный дом, – с улицы незаметный. <...> Когда наш общий друг, писательница М. В. Крестовская тяжело заболела и должна была одна поехать за границу для серьезной операции, причем муж ее из-за дел не имел возможности сопровождать ее, а отправил с доктором и горничной, – В. И., узнав, как Крестовская страдает от одиночества, приказала взять билет, поехала к ней и две самых страшных недели провела, не отходя от ее постели. <...> В последний год ее жизни муж перевез ее из прежней квартиры <...> в особняк Иксуль, уступившей им весь нижний этаж. Он это сделал для того, чтобы она не была одна в то время, когда он уезжал по делам, а всегда оставалась под надзором умных глаз В. И., умевших так тепло смотреть на нее (Щепкина-Куперник 1949, 2: 270, 272, 274)³⁸.

³⁸ Цитируем по прижизненной полной публикации, в посмертном издании очерк о Репине опубликован с купюрой (см.: Щепкина-Куперник 1959: 368–387). В издании: Щепкина-Куперник 1954 очерк не вошел. Мария Всеволодовна Крестовская (в замуж. Картавцева; 1862–1910) – прозаик, дочь писателя В. В. Крестовского (подробнее см.:

*

Вероятно, в первые годы XX в. В. И. познакомилась с М. Горьким и вместе с ним отметила в ресторане премьеру пьесы «На дне» (1902): «Были все наши, была Иксуль <...> Леонид Андреев с супругой, Бунин, Найденов, Скиталец, Крандиевская. <...> Играли на гармонике, на балалайке, плясали русскую, все кому хотелось. Пели цыганские песни, пили коньяк» (Чехов 1974–1983 (Письма), 11: 407. Из письма О. Л. Книппер-Чеховой к писателю от 20.12.1902).

О помощи В. И. после закрытия в 1905 социал-демократической газеты «Новая жизнь» упомянул, говоря о переполохе в квартире Горького, В. Д. Бонч-Бруевич: «Ожидали обысков, арестов. Стали чиститься, и многие документы, папки с рукописями и архивы быстро стали размещать в Петербурге по недостижимым для охранной полиции квартирам, среди которых особенно была хороша квартира баронессы Варвары Ивановны Иксуль-фон-Гильдебрандт, которая всегда помогала левым элементам общества, давая многим приют в своем фешенебельном доме <...>» (Бонч-Бруевич 1950: 679).

Художник М. В. Нестеров познакомился с ней на своей выставке в 1907:

Помню, что Варвара Ивановна была вся в черном, никаких украшений, ничего лишнего. Лицо бледное, красивое, интересное, очень хорошо сохранившееся для своих лет <...> Особую оригинальность облику Варвары Ивановны Иксуль придавал локон седых волос надо лбом <...>. С первых же слов умелая барыня взяла со мной верный тон, простой, как бы дружеский. Первая встреча наша закончилась приглашением, без обычного визита, к обеду... (Нестеров 2005: 222–223).

Русские писатели 1989–2019. 3: 145–146). В особняке жили также доктор Вельяминов с сыном Александром, камер-юнкером (1889–1953, Берлин; см.: Весь Петербург на 1909 год. [1909]: 133, 2-я паг.) Александр учился в Тенишевском училище классом младше Мандельштама, весной 1906 был оставлен в том же классе еще на полгода (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 119. Л. 59), по-видимому, вскоре отец забрал его из училища.

*

В конце 1909 Гиппиус, чтобы помочь А. М. Ремизову, затеяла вечер чтения. Она писала Ф. К. Сологубу 3.12.1909: «<...> мы устраиваем дружеский вечер <...> Вечер назначен 14 Декабря у баронессы Иксуль <...> Билеты (“чашка чаю”) уже отпечатаны, их 70, по 5 р. <...> Читайте, что хотите <...> Обожающих вас курсисток, увы! не будет. Будут, очевидно, “графья да князья”, но что же делать, так лучше для Ремизова» (Письма З. Н. Гиппиус 2018: 531–532). Среди выступивших была Гиппиус, прочитавшая стихотворение «Декабрист», Мережковский, который прочел и прокомментировал новонайденные отрывки из стихотворений Пушкина³⁹ (подробнее см.: Там же: 532–533, комм.). Были также представлены несколько сцен из драмы Мережковского «Павел I», поставленные В. Э. Мейерхольдом. Не обошлось и без скандала, кратко упомянутого Гиппиус⁴⁰ и подробно описанного Щепкиной-Куперник.

Как-то у В. И. был большой вечер. <...> давали отрывки из запрещенной пьесы «Павел I». Крестовская, которая давно уже не вставала с постели, решила быть на этом вечере. В конце-концов это было почти в ее квартире – стоило подняться на несколько ступеней... <...> Она оделась. Было ужасное впечатление: словно мы обряжаем покойницу. <...> Ей страстно хотелось на минуту обмануть себя, на минуту уйти в живую жизнь, к живым людям... <...> Ее усадили в кресло. Знакомые делали вид, что не удивляются ее появлению, незнакомые – со страхом смотрели на этот призрак женщины <...> Среди элегантных туалетов, фраков, мундиров выделялась богатырская фигура Шаляпина. Он был что-то не в духе и довольно небрежно отвечал на приветствия и комплименты. Крестовской страстно захотелось его послушать. Она потребовала, чтобы ей его представили, и с прежней своей горячностью стала просить его тут же что-нибудь спеть. Шаляпин был неприятно

³⁹ Впоследствии они публиковались как отрывки из 10-й главы «Евгения Онегина».

⁴⁰ «Публика была самая пышная. Между прочим – Шаляпин. Писательница Мария Крестовская, тогда уже смертельно больная, трогательно умоляла его спеть. Но он, конечно, отказал. Даже резко. Суров был на этот счет» (Гиппиус 2001–2013, 6: 341).

поражен. <...> Он вежливо, но твердо отказал. Она продолжала настаивать. Он с скрытым раздражением, но еще улыбаясь сказал:

– Разрешите мне хоть на этот раз быть просто гостем.

– Но если я прошу вас. Я должна вас услышать.

– Разрешите мне прислать вам билет на мой концерт.

Она вспыхнула:

– Я думала, что вы простой и милый, а вы римский сенатор какой-то!

Муж рассказывал мне, что этот «римский сенатор» почему-то особенно взбесил Шаляпина, и он наотрез отказал. Тогда у нее вырвался малодушный вопль:

– Но поймите! Я могу не дожить до вашего концерта!

Но на Шаляпина уже «накатило» и он ответил ей так резко, что муж поспешил его увести. Он рассказывал мне потом, что Шаляпин возмущался и на его объяснения отвечал:

– Если бы я для всех умирающих пел, – у меня давно бы голоса не хватило!

Натянутые нервы М. В. не выдержали: с ней сделалась истерика. Подоспела хозяйка, прибежала я – мы увели рыдающую М. В. Этот эпизод, сам по себе незначительный, страшно подействовал на Крестовскую. <...> На всех присутствовавших эта сцена произвела тяжелое впечатление. Уже после ее смерти Д. Философов посвятил ей взволнованную статью...» (Щепкина-Куперник 1949, 2: 274–275)⁴¹.

*

Когда в 1912 В. И., отдавая дань моде, увлеклась Г. Е. Распутиным, Гиппиус не замедлила вывести ее и «старца» в романе «Роман-царевич»: «Непостижимая старуха. Я ожидал, что она в теософию ударится, ну туда-сюда. Так нет, за православие схватилась. У нее и епископы, и архиепископы, и монахи, и прорицатели ... Федька

⁴¹ В 1949 Щепкина-Куперник не могла упомянуть имен Ремизова, Гиппиус, Сологуба, Мейерхольда и автора «запрещенной пьесы»; разрешен один Шаляпин. Д. П. Философов прошел «за недосмотром начальства»; вероятно, в цензорской картотеке не было его имени. Как и мемуары Репина о Соловьеве, воспоминания Щепкиной-Куперник не входили в «цитатный багаж» исследователей модерна.

Растекай, говорят, бывает. <...> графиня не пошла в теософию. Ей там нечего делать, а не делать не в ее характере» (Гиппиус 2001–2013, 5: 197–198).

Позднее Гиппиус упомянула об общении В. И. с Распутиным в мемуарах:

<...> очаровательница не сделалась распутилкой. Она обладала исключительной уравновешенностью и громадным запасом здравого смысла. Всех «пытала» и ко всем, в сущности, оставалась равна. Но чутье к значительности – даже не человека, а его успеха – было у нее изумительное. Распутин, вероятно, понял, что тут много не возьмешь, но зааживал нередко. Надарил ей кучу портретов с безграмотными надписями. Она, смеясь, показывала нам портреты, рассказывала о «старце» и все звала к себе – повидать его (Гиппиус 2001–2013, 6: 71).

Наконец в книге о Мережковском заключила: «Наша баронесса – ее салона не избегала ни одна новоявленная петербургская звезда – не могла, конечно, обойти и эту, не рассмотреть ее поближе. Ей это ничем не грозило: поклонницей “пророка” сделаться она не была способна» (Там же: 350).

В октябре 1912 началась первая Балканская война, на которую вскоре отправилась В. И. вместе с сестрами милосердия Кауфманской общины (см.: Бокова 1994: 117–118)⁴². Милюков, бывший в Турции в 1913, вспоминал:

<...> я был больше всего заинтересован выяснением вопроса о болгарских «зверствах» при занятии Адрианополя⁴³. <...> оказалось, что в греческом источнике факты были сильно преувеличены. Город действительно стал жертвой всеобщего грабежа и убийств в первые два дня болгарской оккупации; в грабеже приняло большое участие и местное население, включая греков.

⁴² Письма В. И. к Летковой-Султановой от 1.02.1913, 1.03.1913 и 12.03.1913.

⁴³ Адрианополь, ныне Эдирне, после многомесячной осады был захвачен болгарскими и сербскими войсками 13.03.1913 и взят обратно турками 23.07.1913.

<...> Очень спокойное и уравновешенное показание за дни болгарского управления городом дано в письме В. И. Иксуль, заведовавшей в те месяцы общиной сестер милосердия имени Кауфмана (Милюков 1991: 362).

Осенью 1914 В. И. вместе с Кауфманской общиной побывала на Юго-западном фронте, в 1916 была награждена Георгиевским крестом (см.: Бокова 1994: 103).

*

Сведений о ее жизни в 1917–1918 до обыска и ареста 19.10.1918⁴⁴ не нашлось, но из мемуаров видно, что В. И. за это время научилась не только запасаться продуктами, но и уничтожать полученные письма. Выдержка ей не изменяла: разбуженная чекистами в два часа ночи, проведшая на ногах во время обыска более двенадцати часов, 68-летняя В. И. предусмотрительно берет с собой чай, одеяло и при этом замечает прохожих, спешащих по улице с бидонами, и сама решает вопрос, как добраться до дома бывшего градоначальства, превращенного в дом ЧК.

Освободили ее 12 или 13.11.1918 «ввиду отсутствия данных для обвинения». Узнав о гибели великих князей, В. И. на одном дыхании пишет историю своего обыска, ареста и сидения в Доме предварительного заключения на Шпалерной ул. 25, где она с ними общалась⁴⁵.

Зимой 1920 умер ее сын Иван (см.: Бокова 1994: 103), весной 1920 – Вельяминов (см.: Там же)⁴⁶, а летом она, по-видимому, ока-

⁴⁴ Об аресте В. И. ее знакомые узнали через несколько дней, так, Гиппиус записывала в дневнике 9.10.1918 (ст. ст., то есть 22-го по новому): «Большевики судорожно арестовывают направо и налево. <...> Даже баронессу Иксуль!» (Гиппиус 2001–2013, 8: 445).

⁴⁵ Великие князья Николай Михайлович, Георгий Михайлович, Дмитрий Константинович и Павел Александрович с августа 1918 содержались в Доме предварительного заключения. 9.01.1919 ВЧК в Москве приняла решение об их расстреле (см.: Архив ВЧК 2007: 319). Их перевели в Петропавловскую крепость и расстреляли 29.01.1919 (см.: Советский государственный террор 2017: 12). Подробнее о всех названных лицах см. в комментарии к мемуарам.

⁴⁶ На Волковом кладбище сохранился могильный памятник Вельяминову.

залась в такой тяжелой ситуации, что 24.08.1920 написала Бонч-Бруевичу:

Неужели я так жестоко наказана за то, что всю сознательную жизнь помогала «политическим»? <...> Я в буквальном смысле слова голодаю, думаю о зиме с ужасом, потому что купить дров не на что. Сын мой скончался в ужасных мучениях – я не могу оправиться от этого горя. Жизнь не имеет больше цели – все рухнуло. Хотелось бы, чтобы она скорее кончилась. Кроме несчастий и разочарований, ничего не осталось (цит. по: Бокова 1994: 104).

К осени 1920 ей удалось поселиться в открытом при Доме искусств общежитии, к этому времени В. И. числилась сотрудником Пушкинского Дома.

Сохранилось командировочное удостоверение, выданное ей 16.10.1920:

Дано сие Научному Сотруднику Пушкинского Дома Варваре Ивановне Иксуль в том, что она командирована в Москву, сроком на 3 дня, для получения от А. М. Козловской⁴⁷ рукописей и автографов, пожертвованных ею в Пушкинский Дом, и для доставки их в Петроград, равно для доставки из Москвы в Пушкинский Дом рукописей Пушкина, Лермонтова и др. писателей и музейных предметов, эвакуированных из Петрограда в Москву в октябре 1917 года.

Пушкинский Дом просит все учреждения и лица оказывать В. И. Иксуль всякое законное содействие <...> Директор Н. Котляревский⁴⁸.

⁴⁷ Александра Михайловна Козловская (1856–1921) – дочь М. Н. Лонгинова (1823–1875) – литератора, библиографа, поэта-порнографа (подробнее см.: Русские писатели 1989 – 2019, 3: 386–389). Подробнее об условиях поступления в ПД архива и библиотеки Лонгинова см.: Иванова 2006: 58, 98.

⁴⁸ СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 3. Л. 235–235 об. В начале сентября 1917, опасаясь оккупации Петрограда немцами, Академия наук приняла решение об эвакуации академических учреждений. В начале октября 1917 часть рукописей Пушкина и Лермонтова перевезли в московский Исторический музей, об этом и о командировке за ними в Москву В. И. в 1920 см.: Пушкинский Дом 2005: 127, 450.

Как уточняет современный исследователь, командировочное удостоверение часто служило «охранной грамотой» своему обладателю, оно давало возможность выехать из Петрограда «на законных основаниях». С ним можно было и ездить по семейным делам, и попытаться привезти в голодный город продукты (подробнее см.: Иванова 2006: 96)⁴⁹.

О жизни В. И. в Доме искусств вспоминал В. Ф. Ходасевич, поселившийся в нем в начале 1921:

<...> в просторной, но несколько мрачной комнате, отделанной темным дубом, жила бар. В. И. Иксуль, к которой не всем был доступ, но которая умела угостить посетителя и хорошим чаем, и умной беседой – по большей части воспоминаниями о своей долгой и хорошо наполненной событиями жизни. Не раз я ее уговаривал записать или продиктовать хоть отрывки, но она только махала рукой и отмалчивалась с горьковатой улыбкой (Ходасевич 1997, 4: 283).

В. И. стремилась уехать за границу и просила поэта поговорить об этом с Горьким. Тот «велел Варваре Ивановне заполнить анкету, написать прошение и приложить фотографические карточки. Вскоре он поехал в Москву. Это было весной 1921 года. Легко себе представить, с каким нетерпением Варвара Ивановна ждала его возвращения. Наконец он вернулся, и я отправился к нему в тот же день. Он мне объявил, что разрешение получено <...> Варвара Ивановна благодарила меня со слезами, о которых мне стыдно вспомнить. Она принялась распродавать кое-какое имущество, остальное раздаривала» (Там же: 172–173).

Однако разрешения и паспорта В. И. так и не дождалась. С Летковой-Султановой, живущей под Порховом в писательской летней колонии «Бельское устье», устроенной Чуковским⁵⁰, она делилась 21.08.1921:

⁴⁹ Такое удостоверение получил 9.06.1920 (за год до своего ареста) В. Н. Таганцев, ему поручалось «принять все меры к доставке библиотеки М. Н. Лонгинова из села Ивановского Клинского уезда <...> в Пушкинский Дом» (Иванова 2006: 96).

⁵⁰ См.: Чуковский 2012–2013, 11: 351, 356–357.

Горький, конечно, ничего не сделал, да, по правде сказать, – я и ничего и не ожидала от него: он делает только тогда, когда ему выгодно и нужно – я это давно заметила, так что разочарования нет. <...> О Грише⁵¹ ничего не знаю <...> Улицы пустынные, город замер совершенно⁵². Сейчас я шла по Морской и не встретила более 2-х человек. Миша⁵³ Вам расскажет “новости”, которых нет. <...> Пришлите мне сколько наменяете яблоков на те тряпочки, которые посылаю. <...> Читаю, пишу и... главное – тоскую. Беспросветная тоска! Когда думаете вернуться? Хотя лучше оставайтесь сколько живется. Вам там хорошо. Тут успеете натоскаться, – ничего привлекательного нет. Дом искусств тоже замер, тишина мертвая. <...> Давно Вам не писала, потому что пишу только с оказиями, ведь почта все равно что не существует (цит. по: Бокова 1994: 119–120).

Письмо написано после смерти Блока и прошедших арестов по Таганцевскому делу. Из жильцов Дома искусств, кроме Н. С. Гумилева, был арестован кн. С. А. Ухтомский⁵⁴. Из дневника Сомова известно, что среди навещавших жену арестованного была и В. И.: «Два раза заходил к Евг<ении> Павл<овне>. У нее много визитеров. Пиковая дама (баронесса И<кскуль>) очень пронзительно на меня

⁵¹ Сын Григорий Николаевич Глинка-Маврин.

⁵² «В 1914 г. в Петрограде проживало 2 103 000 человек. На протяжении последующих двух лет численность населения города не только не уменьшалась, но, напротив, увеличивалась за счет притока беженцев с оккупированных немцами территорий и рабочей силы на военные предприятия города и в 1916 г. достигла 2 415 700 человек. Убыль населения началась с 1917 г., и в 1920 г. в Петрограде проживало всего 722 229 человек <...>» (Мусаев 2013: 95).

⁵³ Михаил Леонидович Слонимский (1897–1972) – член группы «Серрапионовы братья», также обитатель Дома искусств. Цитируемое письмо отправлялось с ним в Бельское Устье, см. письмо Ходасевича оттуда В. Г. Лидину от 27.08.1921: «Живут здесь <...> три юных беллетриста: Зощенко, Лунц и Слонимский» (Ходасевич 1996–1997, 4: 434).

⁵⁴ Сергей Александрович Ухтомский (1886–1921, расстрелян) – скульптор, архитектор, работал в Русском музее. Дату его ареста позволяет уточнить дневник художника К. А. Сомова: не июнь 1921, как сказано в <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Uv.html#u.77>, а 25.07.1921. Сомов записывал 24.07: «Вечером поздно пошел к Ухтомским <...> было у них очень приятно». Запись от 26.07: «<...> узнал об Сер<гее> Ал<ександровиче> <...> пошел к Евг<ении> Павлов<не>. Ее рассказ, ее предположения» (Сомов 2017: 560).

глядит, просила показать ей мой портр<ет>. Хотела даже идти к нам, но я обещал принести его в Дом <искусств>» (Сомов 2017: 561. Запись от 3.08.1921).

В середине сентября 1921 Чуковский сообщил Летковой-Султановой, что в ее квартиру вселяют красноармейцев, а ее комнату в Доме искусств собираются занять (притом что она была членом литературного отдела Дома⁵⁵): «Приезжайте, авось Вам удастся отстоять ее. <...> все Ваши друзья волновались весьма энергично: и Врубель, и В. И. Икскуль, и М. Слонимский – все» (Чуковский 2012–2013, 14: 473)⁵⁶.

О том, что такая же история произошла с комнатой В. И., известно из недатированного письма Чуковского:

Глубокоуважаемая Варвара Ивановна!
Я думаю, что все это недоразумение.
Ваши права на комнату непререкаемы.
Я просил Екатерину Павловну – завтра
утром переговорить с П. В. Сазоновым<,>
Заведывающим Хозяйственным Отделом,
И не сомневаюсь, что завтра же к вечеру
Вы будете в Доме Искусства. Но –
может быть<,> в другой комнате.
Преданный Вам
Чуковский⁵⁷.

Возможно, что В. И. обратилась к Чуковскому, потому что он был одним из основателей Дома искусств и членом Высшего совета⁵⁸.

Жила В. И., как и многие, продажей вещей, рассчитывать на заработок или на пенсию от большевиков не приходилось. Вот какой увидел ее в это время старый знакомец Волынский, живший в том же Доме:

⁵⁵ См.: Весь Петроград 1922: Стб. 614.

⁵⁶ Анна Александровна Врубель (1855–1928) – сестра художника, живущая в Доме искусств.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1192. Оп. 2. Ед. хр. 10. Екатерина Павловна – Леткова-Султанова. Скан документа получен от Н. Г. Охотина.

⁵⁸ См.: Весь Петроград 1922: Стб. 609.

От прежнего облика не осталось даже воспоминания. Какой-то темный комок, а не лицо, насквозь изъеденный отчаянием. Поступь старческая, бессильная, особенно удручающая, потому что прежняя львица подслеповато опиралась на палку, не глядя по сторонам. Я несколько раз посетил Иксуль на новой квартире и заговаривал с нею на литературные темы. Но в собеседнице моей я не нашел ничего, кроме клокочущей злобы, – ни одного светлого блика в глазах (Волынский 1994: 286).

Некоторым счастливым удавалось бежать из Петрограда: так, в августе 1921 в Эстонию перебрались супруги Ремизовы⁵⁹, а в Финляндию (после второго ареста) – А. В. Амфитеатров с семьей (см.: Деккер 2001: 245). В январе 1922 деверя дочери баронессы, Варвары, Сергея Николаевича Казнакова (1863–1930), «арестовали за попытку нелегально перейти финскую границу и приговорили к двум месяцам принудительных работ» (Пушкинский Дом 2005: 63). Тем не менее В. И. решилась на побег. Вероятно, она получила новости о сыне, жившем в Париже, и смогла с ним связаться.

В. Б. Шкловский, бежавший от ареста из Петрограда несколькими днями ранее В. И., писал Горькому 25.03.1922 из финских Келломяк, где беглецы сидели в двухнедельном карантине: «Сейчас приехала баронесса Иксуль, передала мне, что жена моя арестована» (Шкловский 2018: 186)⁶⁰.

Дочь Репина Вера Ильинична сообщала отцу 4.04.1922: «Все здесь проехавшие – *нелегально*, одна я – *легально*⁶¹, в числе приехавших

⁵⁹ «Вывез их – конечно, нелегально – Орг, не без риска для себя, уступая, как он тогда рассказывал, слезным мольбам Ремизова» (Флейшман 2016: 45). Альберт Георгиевич Орг – эстонский консул в Петрограде.

⁶⁰ Келломяки – ныне Комарово.

⁶¹ Чуковский записывал 20.03.1922: «Сегодня устраивал в финской торговой делегации дочь Репина Веру Ильиничну»; 22.03.1922: «<...> устроил для Репина все – и деньги (990 марок), и визу для Веры Репиной» (Чуковский 2012 – 2013, 12: 21, 23). Именно о В. И. Репиной писал Шкловский в «Сентиментальном путешествии»: «Помню: легально приехала в карантин одна старуха 60–70 лет. Она восхищалась всему. Увидит хлеб: “Ах, хлеб”. На масло и на печку она молилась» (Шкловский 2019: 259). Комментаторы ошибочно решили, что речь здесь идет о В. И. (см.: Там же: 916). В. И. Репиной (1872–1948) тогда не было и 50 лет.

Варвара Ив<ановна> Иксуль». Спустя два дня: «Варвара Иван<овна> Иксуль уже завтра уезжает в Териоки, оттуда в Ригу и Париж». 7.04.1922: «За чаем и обедом рассказы, кто как спасся из России. Варвару Ив<ановну> неожиданно спас сын Григорий Ник<олаевич>, который в Париже <...> Варвару Ив<ановну> везли на лошадях до Белоострова и перевели через реку, а потом она попала на стражников, которые к ней отнеслись очень хорошо» (цит. по: Доронченков 1996: 230–231).

Скончалась В. И. в Париже 20.02.1928 (см.: Русские писатели 1989–2019, 2: 410)⁶².

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аларкон П. А. де. 1886. Повести и рассказы / Пер. с исп. М. В. Ватсон. СПб.: А. С. Суворин.
- Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. 2000. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Архив ВЧК 2007. Архив ВЧК Сборник документов / Сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М.: Кучково поле.
- Бокова В. М. 1994. Баронесса Иксуль. – Лица. Биографический альманах. [Вып.] 4. М.; СПб.: Феникс; Atheneum. С. 95–123.
- Бонч-Бруевич В. Д. 1950. Мое первое издание: Из воспоминаний. – Звенья. [Т.] VIII. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы. С. 641–716.
- Брандес Г. [1913]. Собр. соч.: В 20-ти тт. Т. 19: Россия. Наблюдения и размышления. Литературные впечатления / Пер. с датского М. В. Лучицкой. СПб.: Типо-лит. Акционерного О-ва „Самообразование“.
- Брандес Г. 2002. Русские впечатления / Пер. с датского Т. Чесноковой. Вступительная ст., примечания А. Сергеева. Сост. А. Поливанова. М.: ОГИ.
- Вельяминов Н. А. 1994. Воспоминания об императоре Александре III / Публикация, вступительная ст. и примечания Д. Налепиной. – Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах

⁶² Перечень некрологов, посвященных баронессе, см.: Незабываемые могилы 1999–2007, 3: 67.

- XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Российский Архив. [Т.] V. С. 249–313.
- Вельяминов Н. А. 1995. Воспоминания о Д. С. Сипягине / Публикация, вступительная ст. и примечания О. Ю. Щербаковой. – Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII– вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Российский Архив. [Т.] VI. С. 377–392.
- Весь Петербург на 1897 год. [СПб.], [1897].
- Весь Петербург на 1909 год. [СПб.], [1909].
- Весь Петроград на 1917 год. [Пг.], [1917].
- Весь Петроград 1922 г. [Пг.], [1922].
- Волынский А. Л. 1994. Русские женщины / Предисловие, комментарии, публикация А. Л. Евстигнеевой. – Минувшее: Исторический альманах. [Т.] 17. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 209–292.
- Востриков А. В. 2018. В. И. Иксуль фон Гильденбанд в Библиотеке Бестужевских курсов: Книги и биографии. – Хранители памяти: История, традиции и значение библиотек, архивов и музеев в изучении истории и культуры Петербурга. СПб.: Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского. С. 96–107.
- Востриков А., Грачева Е. 2010. Книги Закупской библиотеки в библиотеке Бестужевских курсов. – *Сop amogē*: Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой / Сост. Р. Г. Лейбов и др. М.: О.Г.И. С. 130–136.
- Гаршин В. М. 1934. Письма / Ред., предисловие и примечания Ю. Г. Оксмана. [Л.]: Academia.
- Гиппиус З. Н. 2001–2013. Собр. соч.: В 15-ти тт. Т. 1–9. М.: Русская книга; Т. 10. М.: Интелвак; Т. 11–15. М.: Издательство «Дмитрий Сечин».
- Грабарь И. Э. 1963–1964. Репин: В 2-х тт. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Гусев Н. Н. 1958. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого: 1828–1890. М.: Гослитиздат.
- Гусев Н. Н. 1960. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1891–1910. М.: Гослитиздат.
- Деккер А. 2001. Дело Амфитеатрова. 1921 / Публикация и комментарий Андреаса Деккера. – Вестник Мемориала (СПб.). № 6. С. 244–257.
- Доронченков И. А. 1996. Петроград–Куоккала: Через границу. 1920-е годы. – Минувшее: Исторический альманах. [Т.] 19. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 210–233.

- Дульский П. М. 1936. Малоизвестные работы И. Е. Репина. – Искусство. № 1. С. 59–81.
- Иванова Т. Г. 2006. Рукописный отдел Пушкинского Дома: Исторический очерк. СПб.: «Дмитрий Буланин».
- Капустин Д. 2018. Чехов, мичман Глинка и баронесса Выхухоль. – Новый мир. № 1. С. 155–164.
- Котрелев Н. В. 2014. Из неизданного и несобранного Владимира Соловьева: Дарственная надпись баронессе В. И. Икскуль фон Гильденбандт и авторские маргиналии на книге «Стихотворения» (1891). – Тихие песни: Историко-литературный сборник к 80-летию Л. М. Турчинского / Сост. А. Л. Соболев, А. Б. Устинов. М.: Трутень. С. 169–177.
- Лесков Н. С. 1956–1958. Собр. соч.: В 11-ти тт. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Лесков Н. С. 1977. Из творческих рукописей (Незавершенные произведения) / Вступительная ст. и публикация К. П. Богаевской. – Из истории русской литературы и общественной мысли: 1860–1890 гг. М.: Наука. С. 36–91 (Литературное наследство. Т. 87).
- Лесков Н. С. 1992. Неоцененные услуги / Подготовка текста, вступительная заметка и примечания О. Е. Майоровой. – Знамя. № 1. С. 155–179.
- Леткова Е. П. 1936. О Репине. – Искусство. № 5. С. 104–114.
- Мережковский Д. С. 2000. Стихотворения и поэмы / Вступительная ст., сост., подготовка текста и примечания К. А. Кумпан. СПб.: Академический проект.
- Милюков П. Н. 1991. Воспоминания. М.: Политиздат.
- Мопассан Г. де. 1958. Полн. собр. соч.: В 12-ти тт. М.: Правда.
- Мусаев В. И. 2013. Городская повседневность. – Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М.; СПб.: Центрполиграф; Русская тройка-СПб. С. 95–194.
- Незабытые могилы 1999–2007. Незабытые могилы: Российское зарубежье. Некрологи 1917–2001: В 6-ти тт. / Сост. В. Н. Чуваков. М.: Пашков дом.
- Неизданный Лесков 1997–2000. Неизданный Лесков. М.: ИМЛИ РАН «Наследие» (Литературное наследство. Т. 101. Кн. 1–2).
- Нестеров М. В. 2005. Давние дни: Встречи и воспоминания / Сост., подготовка текста, примечания Т. Ф. Прокопова. Вступительная ст. В. Н. Хмары. М.: Русская книга.
- Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским 2018. Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912) / Вступительная ст., примечания С. В. Са-

- пожкова. Сост. и подготовка текстов А. В. Сысоевой, С. В. Сапожкова. – Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1 / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН. С. 108–397 (Литературное наследство. Т. 106: В 2-х кн.).
- Перцов П. П. 2002. Литературные воспоминания: 1890–1902 / Вступительная ст., сост., подготовка текста и комментарии А. В. Лаврова. М.: Новое литературное обозрение.
- Пименова Э. К. 1929. Дни минувшие / Предисловие М. Неведомского. Л.; М.: Книга.
- Письма З. Н. Гиппиус 2018. Письма З. Н. Гиппиус Федору Сологубу и А. Н. Чеботаревской (1898–1918) / Вступительная ст., подготовка текста и комментарии М. М. Павловой. – Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1. / Сост. Н. А. Богомолов и М. М. Павлова. М.: ИМЛИ РАН. С. 477–549 (Литературное наследство. Т. 106: В 2-х кн.).
- Письма Репина 1946. Письма И. Е. Репина: Переписка с П. М. Третьяковым. 1873–1898. / Подготовка к печати и примечания М. Н. Григорьевой и А. Н. Щекотовой; [предисловие А. Замошкина]. М.; Л.: Искусство.
- Пустильник Л. С. 1960. Чехов и Плещеев: Письма Плещеева к Чехову. – Чехов. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 293–362 (Литературное наследство. Т. 68).
- Пушкинский Дом 2005. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: «Дмитрий Буланин».
- Репин И. Е. 1937. Далекое – близкое / Под ред. и с предисловием К. Чуковского. М.; Л.: Искусство.
- Репин И. Е. 1944. Далекое близкое / Под ред. и со вступительной ст. К. Чуковского. М.; Л.: Искусство.
- Репин И. Е. 1949. Далекое близкое / Под ред. и со вступительной ст. К. Чуковского. 3-е изд., исправленное и дополненное. М.; Л.: Искусство.
- Репин И. Е. 1950. Письма к писателям и литературным деятелям: 1880–1929 / Письма подготовлены к печати и примечания к ним сост. О. И. Гапоновой, В. А. Ждановым, И. В. Федоровым, А. Н. Щекотовой. М.: Искусство.
- Репин И. Е. 1953. Далекое близкое / Под ред. и со вступительной ст. К. Чуковского. 4-е изд. М.: Искусство.
- Репин И. Е. 1969. Избр. письма: В 2-х тт. / Сост. и автор вступительной ст. И. А. Бродский. М.: Искусство.

- Репин И. Е. 1982. Далекое близкое / Вступительная ст. К. Чуковского. 8-е изд., переработанное и дополненное Л.: Художник РСФСР.
- Репин И. Е. 2004. Случайные впечатления от Владимира Сергеевича Соловьева – Ильи Репина, предназначавшееся сообщение для Неврологического института / Публикация Т. М. Макагоновой. – Записки Отдела рукописей [РГБ]. Вып. 52. М.: Пашков дом. С. 135–172.
- Репин И. Е. 2019. Далекое близкое. СПб.: «Азбука-Аттикус».
- Руслан В. 1886. На туманном севере. – Северный вестник. № 1. С. 91–146; № 2. С. 133–172; № 3. С. 131–192; № 4. С. 181–211.
- Русские писатели 1989–2019. Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–5. М.: Большая Российская энциклопедия; Т. 6. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Нестор-История.
- Савицкий И. В. 2015. К биографии Сергея Николаевича Казнакова. – Петербургский исторический журнал. № 6. С. 330–339.
- Седов В. М. 2015. Первый хирургический журнал России (к 130-летию основания журнала «Вестник хирургии им. И. И. Грекова»). – Вестник хирургии имени И. И. Грекова. Т. 174. № 2. С. 9–17.
- Советский государственный террор 2017. Советский государственный террор и сопротивление тоталитарному режиму: Хроника основных событий 1917–1991 / Сост. А. Д. Марголис, Т. Б. Притыкина, А. Ю. Даниэль. СПб.: Норма.
- Соколова В. А. 2014. Российское общество Красного креста (1867–1918 гг.). Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет.
- Сомов К. А. 2017. Дневник: 1917–1923 / Вступительная ст., подготовка текста, комментарии П. С. Голубева. М.: Издательство «Дмитрий Сечин».
- Сухотина-Толстая Т. Л. 1987. Дневник / Сост., вступительная ст. и примечания Т. Н. Волковой. М.: Правда.
- Толстой Л. Н. 1928–1958. Полн. собр. соч.: В 90 тт. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Флейшман Л. С. 2016. Бегство в Эстонию: Ремизов и ревельское издательство «Библиофил». – Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. Bd. 4. С. 42–74.
- Ходасевич В. Ф. 1996–1997. Собр. соч.: В 4-х тт. М.: Согласие.
- Чехов А. П. 1974–1983. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. М.: Наука.

- Чуковский К. И. 2012–2013. Собр. соч.: В 15-ти тт. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд.
- Шкловский В. Б. 2018. Собр. соч. Т. 1: Революция / Сост., вступительная ст. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение.
- Шкловский В. Б. 2019. Собр. соч. Т. 2: Биография / Сост., вступительная ст. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение.
- Щепкина-Куперник Т. Л. 1949. О Репине и его некоторых моделях. – Репин: В 2-х тт. Т. 2. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 261–278.
- Щепкина-Куперник Т. Л. 1954. Избранное: Воспоминания и портреты. Рассказы и очерки. Стихотворения. Драматические переводы / Сост. и подготовили к печати А. О. Богуславский и С. Н. Дурылин. М.: Советский писатель.
- Щепкина-Куперник Т. Л. 1959. Из воспоминаний / Ред. и сост. А. О. Богуславский. [Комментарии А. М. Эскин. Вступительная ст. И. Эвентова]. М.: Всероссийское театральное общество.
- Roussane, V. 1883a. *Le Juif de Sofievka*. – *Revue des deux Mondes*. T. LVII. 1^{er} Mai. P. 31–80; *ibidem*. 15 Mai. P. 301–351.
- Roussane, V. 1883b. *Le Juif de Sofievka*. Paris: E. Plon et Cie.
- Roussane, V. 1884a. *Kira, une jeune fille russe*. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie.
- Roussane, V. 1884b. *La faute de la Comtesse*. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie.

REFERENCES

- Alarcón, P. A. de. *Povesti i rasskazy*. Translated from the Spanish by M. V. Vatson. Saint Petersburg: A. S. Suvorin, 1886.
- Anan'ich, B. V. and R. Sh. Ganelin. *Sergei Iul'evich Vitte i ego vremia*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2000.
- Arkhiv VChK: Sbornik dokumentov*. Edited by V. Vinogradov, N. Pere-myshlennikova. Moscow: Kuchkovo pole, 2007.
- Bokova, V. M. “Baronessa Uexküll.” In *Litsa. Biograficheskii al'manakh*. [Vol.] 4, 95–123. Moscow and Saint Petersburg: Phoenix; Atheneum, 1994.
- Bonch-Bruevich, V. D. “Moe pervoe izdanie: Iz vospominanii.” In *Zven'ia*. [Vol.] 8, 641–716. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noi literatury, 1950.
- Brandes, G. *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Vol. 19, *Rossiiia. Nabliudeniia i razmyshleniia. Literaturnye vpechatleniia*. Translated from the Danish by M. V. Luchitskaia. Saint Petersburg: Tipo-lit. Aktsionernogo O-va “Samobrazovanie,” [1913].

- . *Russkie vpechatleniia*. Translated from the Danish by T. Chesnokova. Prefaced and annotated by A. Sergeev. Edited by A. Polivanov. Moscow: OGI, 2002.
- Chekhov, A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Pis'ma*. 12 vols. Moscow: Nauka, 1974–1983.
- Chukovskii, K. I. 2012–2013. *Sobranie sochinenii*. 15 vols. 2nd rev. electronic ed. Moscow: Agentstvo FTM, Ltd.
- Dekker, A. “Delo Amfiteatrova: 1921.” *Vestnik Memoriala (SPb.)* 6 (2001): 244–57.
- Doronchenkov, I. A. “Petrograd–Kuokkala: Cherez granitsu. 1920-e gody.” *Minushee: Istoricheskii al'manakh*. [Vol.] 19, 210–33. Moscow and Saint Petersburg: Atheneum; Phoenix, 1996.
- Dul'skii, P. M. “Maloizvestnye raboty I. E. Repina.” *Iskusstvo* 1 (1936): 59–81.
- Fleishman, L. S. “Begstvo v Estoniiu: Remizov i revel'skoe izdatel'stvo ‘Bibliofil’.” *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge* 4 (2016) 42–74.
- Garshin, V. M. *Pis'ma*. Edited, prefaced and annotated by Iu. G. Oksman. [Leningrad]: Academia, 1934.
- Gippius, Z. N. *Sobranie sochinenii*. 15 vols. Vols. 1–9. Moscow: Russkaia kniga; Vol. 10. Moscow: Intelvak; Vols. 11–15. Moscow: Izdatel'stvo “Dmitrii Sechin,” 2001–2013.
- Grabar', I. E. *Repin*. 2 vols. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963–1964.
- Gusev, N. N. *Letopis' zhizni i tvorchestva L. N. Tolstogo: 1828–1890*. Moscow: Goslitizdat, 1958.
- . *Letopis' zhizni i tvorchestva L'va Nikolaevicha Tolstogo: 1891–1910*. Moscow: Goslitizdat, 1960.
- Ivanova, T. G. *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo Doma: Istoricheskii ocherk*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin,” 2006.
- Kapustin D. “Chekhov, michman Glinka i baronessa Vykhukhol'.” *Novyi mir* 1 (2018): 155–64.
- Khodasevich, V. F. *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Moscow: Soglasie, 1996–1997.
- Kotrelev, N. V. “Iz neizdannogo i nesobrannogo Vladimira Solov'eva: Darstvennaia nadpis' baronesse V. I. Uexküll von Gyllenband i avtorskie marginalii na knige ‘Stikhovoreniia’ (1891).” In *Tikhie pesni: Istoriko-literaturnyi sbornik k 80-letiiu L. M. Turchinskogo*. Edited by A. L. Sobolev and A. B. Us'tinov, 169–77. Moscow: Truten', 2014.

- Leskov, N. S. *Sobranie sochinenii*. 11 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1956–1958.
- . “Iz tvorcheskikh rukopisei (Nezavershennye proizvedeniia).” Published and prefaced by K. P. Bogaevskaia. In *Iz istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli: 1860–1890 gg.* Literaturnoe nasledstvo. Vol. 87, 36–91. Moscow: Nauka, 1977.
- . “Neotsennnye usluzhi.” Published, prefaced and annotated by O. E. Maio-rova. *Znamia* 1 (1992): 155–79.
- Letkova, E. P. “O Repine.” *Iskusstvo* 5 (1936): 104–14.
- Maupassant, G. de. *Polnoe sobranie sochinenii*. 12 vols. Moscow: Pravda, 1958.
- Merezhkovskii, D. S. *Stikhotvoreniia i poemy*. Edited, prefaced and annotated by K. A. Kumpan. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2000.
- Miliukov, P. N. *Vospominaniia*. Moscow: Politizdat, 1991.
- Musaev, V. I. “Gorodskaiia povsednevnost'.” In *Petrograd na perelome epokh: Gorod i ego zhiteli v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny*, 95–194. Moscow and Saint Petersburg: Tsentrpoligraf; Russkaia troika-SPb., 2013.
- Neizdannyi Leskov*. Literaturnoe nasledstvo. Vol. 101. Pt. 1–2. Moscow: IMLI RAN “Nasledie,” 1997–2000.
- Nesterov, M. V. *Davnie dni: Vstrechi i vospominaniia*. Edited and annotated by T. F. Prokopov. Prefaced by V. N. Khmara. Moscow: Russkaia kniga, 2005.
- Nezabytye mogily: Rossiiskoe zarubezh'e. Nekrologi 1917–2001*. Edited by V. N. Chuvakov. 6 vols. Moscow: Pashkov dom, 1999–2007.
- Pavlova, M. M. “Pis'ma Z. N. Gippius Fedoru Sologubu i A. N. Chebotarevskoi (1898–1918).” In *Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius*. Vol. 1. Edited by N. A. Bogomolov and M. M. Pavlova. Literaturnoe nasledstvo. Vol. 106, 477–549. Moscow: IMLI RAN, 2018.
- Pertsov, P. P. *Literaturnye vospominaniia: 1890–1902*. Edited, prefaced and annotated by A. V. Lavrov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.
- Pimenova, E. K. *Dni minuvshie*. Prefaced M. Nevedomskii. Leningrad and Moscow: Kniga, 1929.
- Pis'ma I. E. Repina: Perepiska s P. M. Tret'iakovym. 1873–1898*. Edited and annotated by M. N. Grigor'eva and A. N. Shchekotova. [Prefaced by A. Zamoshkina]. Moscow and Leningrad: Iskusstvo, 1946.
- Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005*. Saint Petersburg: “Dmitrii Bulanin,” 2005.

- Pustil'nik, L. S. "Chekhov i Pleshcheev: Pis'ma Pleshcheeva k Chekhovu." In *Chekhov. Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 68, 293–362. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960.
- Repin, I. E. *Dalekoe – blizkoe*. Edited and prefaced by K. Chukovskii. Moscow and Leningrad: Iskusstvo, 1937.
- . *Dalekoe blizkoe*. Edited and prefaced by K. Chukovskii. Moscow and Leningrad: Iskusstvo, 1944.
- . *Dalekoe blizkoe*. Edited and prefaced by K. Chukovskii. 3rd rev. and expanded ed. Moscow and Leningrad: Iskusstvo, 1949.
- . *Pis'ma k pisateliam i literaturnym deiateliam: 1880–1929*. Edited and annotated by O. I. Gaponova, V. A. Zhdanova, I. V. Fedorov and A. N. Shechekotova. Moscow: Iskusstvo, 1950.
- . *Dalekoe blizkoe*. Edited and prefaced by K. Chukovskii. 4th ed. Moscow: Iskusstvo, 1953.
- . *Izbrannye pis'ma*. 2 vols. Edited and prefaced by I. A. Brodskii. Moscow: Iskusstvo, 1969.
- . *Dalekoe blizkoe*. Prefaced by K. Chukovskii. 8th rev. and expanded ed. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1982.
- . "Sluchainye vpechatleniia ot Vladimira Sergeevicha Solov'eva – Il'i Repina, prednaznachavsheesia soobshchenie dlia Nevrologicheskogo instituta." Published by T. M. Makagonova. In *Zapiski Otdela rukopisei [RGB]*. Vol. 52, 135–72. Moscow: Pashkov dom, 2004.
- . 2019. *Dalekoe blizkoe*. Saint Petersburg: "Azбука-Attikus."
- Rousslan, V. "Le Juif de Sofievka." *Revue des deux Mondes* 57 (May 1, 1883 and May 15, 1883): 31–80, 301–51.
- . *Le Juif de Sofievka*. Paris: E. Plon et Cie, 1883.
- . *Kira, une jeune fille russe*. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1884.
- . *La faute de la Comtesse*. Paris: E. Plon, Nourrit et Cie, 1884.
- Ruslan, V. "Na tumannom severe." *Severnyi vestnik* 1–4 (1886): 91–146, 133–172, 131–192, 181–211.
- Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Vol. 1–5. Moscow: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia; Vol. 6. Moscow and Saint Petersburg: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia; Nestor-Istoriia, 1989–2019.
- Sapozhkov, S. V. and A. V. Sysoeva. "Perepiska Z. N. Gippius s N. M. Minskim 2018. Perepiska Z. N. Gippius s N. M. Minskim (1891–1912)." In *Epistoliarhoe nasledie Z. N. Gippius*. Vol. 1. Edited by N. A. Bogomolov and

- M. M. Pavlova. *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 106, 108–397. Moscow: IMLI RAN, 2018.
- Savitskii, I. V. “K biografii Sergeia Nikolaevicha Kaznakova.” *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* 6 (2015): 330–39.
- Sedov, V. M. “Pervyi khirurgicheskii zhurnal Rossii (k 130-letiiu osnovaniia zhurnala ‘Vestnik khirurgii im. I. I. Grekova’).” *Vestnik khirurgii imeni I. I. Grekova* 174, no. 2 (2015): 9–17.
- Shklovskii, V. B. *Sobranie sochinenii*. Vol. 1, *Revoliutsiia*. Edited and prefaced by I. Kalinin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 2, *Biografiia*. Edited and prefaced by I. Kalinin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Shchepkina-Kupernik, T. L. “O Repine i ego nekotorykh modeliakh.” In *Repin*. Vol. 2, 261–78. Moscow and Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
- . *Izbrannoe: Vospominaniia i portrety. Rasskazy i ocherki. Stikhotvoreniia. Dramaticheskie perevody*. Edited by A. O. Boguslavskii and S. N. Durylin. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1954.
- . *Iz vospominanii*. Edited by A. O. Boguslavskii. [Annotated by A. M. Eskin. Prefaced by I. Eventov]. Moscow: Vserossiiskoe teatral’noe obshchestvo, 1959.
- Sokolova, V. A. *Rossiiskoe obshchestvo Krasnogo kresta (1867–1918 gg.)*. Unpublished PhD diss. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 2014.
- Somov, K. A. *Dnevnik: 1917–1923*. Edited, prefaced and annotated by P. S. Golubeva. Moscow: Izdatel’stvo “Dmitrii Sechin,” 2017.
- Sovetskii gosudarstvennyi terror i soprotivlenie totalitarnomu rezhimu: Khronika osnovnykh sobytii 1917–1991*. Edited by A. D. Margolis, T. B. Pritykina and A. Iu. Daniel’. Saint Petersburg: Norma, 2017.
- Sukhotina-Tolstaia, T. L. *Dnevnik*. Edited, prefaced and annotated by T. N. Volkovoi. Moscow: Pravda, 1987.
- Tolstoi, L. N. *Polnoe sobranie sochinenii*. 90 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel’stvo khudozhestvennoi literatury, 1928–1958.
- Vel’iaminov, N. A. *Vospominaniia ob imperatore Aleksandre III*. Published, prefaced and annotated by D. Nalepina. In *Rossiiskii arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel’stvakh i dokumentakh 18–20 vv.: Al’manakh*. [Vol.] 5, 249–313. Moscow: Studiia TRITE; Rossiiskii arkhiv, 1994.
- . “Vospominaniia o D. S. Sipiagine.” Published, prefaced and annotated by O. Iu. Shcherbakova. In *Rossiiskii arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel’stvakh*

- i dokumentakh 18–20 vv.: Al'manakh.* [Vol.] 6, 377–92. Moscow: Studiia TRITE; Rossiiskii arkhiv, 1995.
- Ves' Peterburg na 1897 god.* [Saint Petersburg], [1897].
- Ves' Peterburg na 1909 god.* [Saint Petersburg], [1909].
- Ves' Petrograd na 1917 god.* [Petrograd], [1917].
- Ves' Petrograd 1922 g.* [Petrograd], [1922].
- Volynskii, A. L. *Russkie zhenshchiny.* Published, prefaced and annotated by A. L. Evstigneeva. In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh.* [Vol.] 17, 209–92. Moscow and Saint Petersburg: Atheneum; Phoenix, 1994.
- Vostrikov, A. V. “V. I. Uexküll von Gyllenband v Biblioteke Bestuzhevskikh kursov: Knigi i biografii.” In *Khraniteli pamiati: Istorii, traditsii i znachenie bibliotek, arkhivov i muzeev v izuchenii istorii i kul'tury Peterburga*, 96–107. Saint Petersburg: Tsentral'naia gorodskaiia publichnaia biblioteka im. V. V. Maiakovskogo, 2018.
- Vostrikov, A. and E. Gracheva. “Knigi Zakupskoi biblioteki v biblioteke Bestuzhevskikh kursov.” In *Con amore: Istoriko-filologicheskii sbornik v chest' Liubovi Nikolaevny Kiselevoi.* Edited by R. G. Leibov et al., 130–36. Moscow: OGI, 2010.

В. И. ИКСКУЛЬ ФОН ГИЛЛЕНБАНД ИЗ ПЕРЕЖИТОГО В 1918 ГОДУ

Подготовка текста и примечания

Н. Г. Охотина и М. Г. Сальман (С.-Петербург)

Биографические известия о баронессе В. И. Иксуль¹ неизменно затрагивают тему послереволюционных преследований, общую для жизнеописания почти всех «бывших людей», представителей «эксплуататорских классов» императорской России. К сожалению, беглые сообщения об арестах, обысках и реквизициях в случае Иксуль как правило лишены существенных подробностей. Впервые публикуемые ниже воспоминания баронессы, а также материалы, полученные при подготовке их к печати, позволяют отчасти документировать репрессивную сторону ее биографии и вписать ее судьбу в историю «Красного террора».

В эмигрантских мемуарах кн. С. А. Волконской есть фрагмент, оформленный в стиле великосветского анекдота:

[Б]аронесса В. И. Иксуль говорила нам в то время [1920], что «празднует свою серебряную свадьбу с Чрезвычайкой». Это значило, что у нее в доме накануне произведен был двадцать пятый обыск (Волконская 1925: 140).

Жанровые законы *bons mots* могли исказить фактическое число обысков, но можно не сомневаться, что их действительно было много. Однако арестовали баронессу, похоже, всего один раз – и это как раз тот случай, который описан в ее воспоминаниях. Во всяком случае, апелляция к сохранившимся архивам ЧК не дает повода думать по-другому – в казенной справке из «Большого дома»,

¹ См. выше подробный биографический очерк, написанный М. Г. Сальман (с. 247–283).

приводимой здесь дословно², нашел отражение лишь один подобный эпизод:

Фон Иксуль-Гилленбанд (так в деле) Варвара Ивановна, 1850 г. р., баронесса, проживала в г. Петрограде (ул. Кирочная, д. 18, кв. 3).

Фон Иксуль-Гилленбанд В. И. арестована 19 октября 1918 г. Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Союзе коммун Северной области по подозрению в отношениях с иностранцами (так в деле). Арест был произведен в Знаменской гостинице³.

Постановлением Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Союзе коммун Северной области от 12 ноября 1918 г. фон Иксуль-Гилленбанд В. И. из-под стражи была освобождена ввиду отсутствия данных для обвинения (так в деле).

(Основание – архивное уголовное дело № П-17967).

После декретирования «Красного террора» (05.09.1918) аресты в Петербурге приняли массовый характер. Людей брали по конкретным обвинениям, в качестве заложников, да и просто случайно – в результате проведения облав и засад. Формула об «отношениях с иностранцами» в деле баронессы заставляют думать, что ее арестовали не как заложницу из числа «социально-чуждых элементов», а руководствуясь вполне определенными подозрениями: возможно, чекисты пытались вовлечь В. И. в орбиту так называемого «дела о заговоре послов» («дело Локкарта»)⁴, в связи с которым в

² Справка Архива УФСБ по СПб. и Ленинградской обл. № 10/2686 от 6.11.2020 по архивному уголовному делу № П-17967, выданная по запросу ИРЛИ РАН (далее – Справка по АУД № П-17967). С самим делом В. И. нам, к сожалению, ознакомиться не удалось.

³ Как видно из справки, баронесса проживала в это время в своей квартире на Кирочной; из ее воспоминаний определенно следует, что обыск и арест производились именно там. Упоминание о Знаменской гостинице в связи с арестом, видимо, делопроизводственная ошибка, разъяснить которую невозможно без полного знакомства с делом. Знаменская гостиница размещалась по адресу: Лиговский проспект, д. 43 (впоследствии была переименована в «Московскую»).

⁴ ЧК начало расследовать этот, в значительной мере мнимый, заговор, якобы организованный странами Антанты и США, еще летом 1918, причем это расследование

Москве и Петербурге шли многочисленные аресты и тщательно проверялись связи дипломатов и вообще иностранных граждан с русской «контрреволюционной средой». Тема охоты на людей, поддерживающих знакомство с иностранцами, всплывает и в мемуарах самой баронессы – в эпизоде первого (и единственного) допроса, и в разговоре В. И. со знакомыми дамами в ДПЗ. Однако, при всей широте светских и дипломатических связей баронессы, никаких конкретных ниточек, ведущих к «заговору послов», чекисты обнаружить не смогли, да может быть настойчиво и не искали – при том количестве людей, которые попадали в тенета «чрезвычайки», проследить все открытые и прикровенные связи подозреваемых было просто невозможно, и если не вырочали прямое давление и доносы, то следствие нередко заходило в тупик. Впрочем, отсутствие улик далеко не всегда служило основанием для освобождения – поводом для расстрела или дальнейшего заключения могли послужить социальное происхождение, нежелательная партийность, персональная антипатия или, наконец, корыстный расчет.

Баронессе повезло. 6 ноября (24 октября), к середине третьей недели ее тюремной жизни 6-й Всероссийский чрезвычайный съезд Советов, созванный к первой годовщине Октябрьской революции,

строилось на провокации, шантаже, внедрении в дипломатическую среду подставных фигур и побуждении сотрудников, подозреваемых в намерении свергнуть советскую власть, к активным действиям (при этом некоторые дипломатические работники, по-видимому, действительно строили планы по организации антисоветского сопротивления, опираясь на белое офицерство и другие антибольшевистские силы). После покушений на Ленина и убийства Урицкого 30.08.1918 ЧК попыталась увязать действия Фанни Каплан и Леонида Каннегисера с интригами стран Антанты и поспешила объявить заговор раскрытым, используя это в качестве пропагандистского обоснования для объявления «Красного террора» (05.9.1918). Расследование возможных ответвлений «заговора» продолжалось еще долго, но фигурантам из дипломатической среды уже в октябре позволили покинуть Россию (в том числе и главному фигуранту дела, генеральному консулу Великобритании Роберту Брюсу Локкарту, 1887–1970). Революционный трибунал при ВЦИК рассматривал дело с 25.11 по 03.12.1918 и приговорил двоих человек к расстрелу, десятерых – к 5-ти годам тюремного заключения, а восьмерых оправдал, чем окончательно обнажил дутый характер «заговора». Из обширной литературы, посвященной этому делу, приведем здесь лишь несколько ссылок общего характера: Петерс 2007; Ратьковский 2019; Шнир 2022.

выпустил постановление о частичной амнистии. Среди подлежащих освобождению категорий в постановлении упоминалась и такая:

1) Освободить от заключения всех тех задержанных органами борьбы с контрреволюцией, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против Советской власти, или подготовке его, или в организации белогвардейских сил, или в содействии тем партиям и группам, которые явно поставили себе целью вооруженную борьбу против Советской власти⁵.

Эти формулировки как нельзя лучше соответствовали статусу В. И. на тот момент. Видимо, никаких веских причин оставлять баронессу в ДПЗ у следователя не нашлось, и через несколько дней после публикации постановления она была освобождена⁶.

Тюремные мемуары В. И. Иксуль были написаны в промежутке между началом февраля (когда В. И. узнала о расстреле великих князей) и началом апреля 1919⁷, когда рукопись поступила в мемуарное собрание известного журналиста Льва Моисеевича Клячко (1873–1933).

Историю своей коллекции Клячко описывал в пояснительной записке от 05.05.1933, адресованной В. Д. Бонч-Бруевичу, директору

⁵ Опубликовано: Известия. 1918. 9 ноября. № 244; Правда. 1918. 9 ноября. № 242. В число амнистированных попали также все заложники, кроме тех, чье задержание необходимо для безопасности «товарищей, попавших в руки врагов», а также осужденные, чье освобождение «не представляет опасности для Республики». Постановление об амнистии отражало определенный этап борьбы за власть и влияние в большевистской верхушке: бесконтрольность и кровожадность карательных органов стали беспокоить конструктивную часть политического руководства; в предшествующие съезду недели в партийной и советской печати все чаще стали раздаваться голоса о чрезмерности проводимых репрессий. Одной из технических целей амнистии была «разгрузка» переполненных тюрем.

⁶ Точная дата освобождения баронессы неизвестна. Ее могли освободить и в день подписания постановления ЧК, но более вероятно, что это произошло на следующий день – 13 ноября.

⁷ Наборный штамп синими чернилами в левом верхнем углу первого листа рукописи: 8 апр<еля> 1919.

Государственного литературного музея, куда и было передано все собрание (с 1941 – в ЦГАЛИ):

Вскоре после октябрьского переворота я решил приступить к собиранию воспоминаний оставшихся в столице сановников. Вернее, не столько к собиранию, сколько к тому, чтобы заставить написать. Моя преимущественная (но, конечно, неисключительная) установка была такова, чтобы писали о том, что видели<,> люди, сами не игравшие политической роли и вообще не заинтересованные в извращении событий. Именно таким пороком страдают такие данные воспоминания, как например, воспоминания гр. Витте (и др.), который лжет и извращает истину там, где пытается оправдать свои ошибки и двойственные действия.

Получив разрешение Наркомпроса, я организовал редакцию «Мемуаров», состоявшую вначале из пишущего эти строки, секретаря и делопроизводителя-переписчицы. Но уже вскоре после того, как начали поступать материалы, редакция была мною организована по-настоящему <...>. Эта часть редакции имела своей миссией определить историко-общественно-политическую значимость данного материала, после чего он шел в переписку. Кроме указанных лиц мною были привлечены для проверки правильности написанного бюрократа <...>⁸.

Среди своих вкладчиков Клячко упоминает и В. И. Иксуль:

Баронессу Иксуль <...> мне удалось заставить написать о Распутине (она была его поклонницей, потом отошла) лишь после того, как мне удалось добыть ей какое-то заграничное лекарство, которого она достать не могла⁹.

Помимо тюремных воспоминаний и обширных записок о Григории Распутине¹⁰ в собрании Клячко сохранился еще один текст,

⁸ РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 1. Цит. по: Вельяминов 1994: 250 (в составе предисловия Д. А. Налепиной).

⁹ Там же.

¹⁰ Кто такой был Григорий Распутин – РГАЛИ. Ф. 1208. Оп.1. Д. 22. Л. 1–87. Архивная датировка: [06.05.1918].

принадлежащий перу В. И. Икскуль, – лирические размышления о смерти ее друга, бывшего Тобольского (1912–1915) и Самарского (1915–1916) губернатора, Андрея Афанасьевича Станкевича (1868 – март 1919)¹¹.

Текст воспоминаний печатается по автографу В. И. Икскуль, хранящемуся в РГАЛИ – Ф. 1208 (Л. М. Клячко). Оп. 1. Д. 21. Л. 1–28. Записан чернилами на сложенных полулистах, заполненных с двух сторон.

Мемуары, видимо, писались автором прямо набело, поэтому в тексте немало помарок и зачеркиваний (зачеркнутые фразы воспроизводятся в сносках). Авторский орфографический режим непоследователен: с одной стороны, в рукописи не употребляется (за редкими исключениями) *ѣ* в конце слов, как и *ѵ*, а с другой, – сохраняется большинство других признаков старой орфографии – *нѣ, і, -аго* в родительном падеже прилагательных мужского рода, *-ыя/-ія* в именительном падеже прилагательных женского рода, *-з-* в приставках *из-, воз-* перед глухой согласной основы, формы местоимений *ея, онѣ*, и т. п. В настоящей публикации текст мемуаров печатается нами по новой орфографии, модернизировано также архаичное написание некоторых слов (напр., *корридор, комиссар*). Пунктуация, представления о которой у баронессы Икскуль были весьма своеобразны, также приведена к современной норме. Описки и ошибки исправляются без оговорок. Сохранены индивидуальные лексические и синтаксические особенности авторского письма (в частности, галлицизмы и плеоназмы). Подчеркнутые в рукописи слова передаются курсивом. Публикаторские конъектуры даются в угловых скобках.

¹¹ За гробом – РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 20. Л. 1–5. Время смерти А. А. Станкевича в литературе считается не установленным, и хотя Икскуль не называет точную дату, но ее помета на первом листе некролога – «март 1919» – все же существенно сужает поле поиска.

Из пережитого в 1918 г<оду>. Обыск и арест

В. И. Икскуль фон Гилленбанд

Я проснулась от шума каких-то голосов. Посмотрела на часы – 2 часа ночи. Вскочив с кровати и наскоро надев туфли и халат, вышла в переднюю, где стояло восемь вооруженных людей в шинелях и папахах.

– Что вам нужно? – спросила я.

– Обыск, – был ответ и предъявлен ордер от Чрезвычайной Следственной Комиссии¹² на производство обыска в моей квартире. Уполномоченный по дому и старший дворник были налицо, значит, формальности соблюдены.

– У вас склад оружия, укажите его, а то расстрел, – крикнул, как потом оказалось, комиссар¹³, направляя на меня револьвер. Остальные смотрели злобно.

– Никакого склада у меня нет, да и вообще нет оружия; угрожать нечего; впрочем, сами ищите, – спокойно возразила я.

– Неправда, врешь, вот найдем – не остаться тебе живой, – поднялись возгласы со всех сторон.

Я предложила разбудить всех спящих.

– Ни с места, а то расстреляем; сами, небось, проснутся скоро, – был грубый окрик.

Вошли гурьбой в мою спальню, накинулись на письменный стол, на зеркальный шкаф, на кровать.

¹² В. И. путает названия двух комиссий: Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), созданной в декабре 1917 (и ее филиала – петроградской ЧК, созданной 10 (23).03.1918), и Чрезвычайной следственной комиссии, образованной 4 (17).03.1917 при Министерстве юстиции Временным правительством для расследования противозаконной деятельности царских министров, крупных чинов тайной полиции и жандармерии, а также лиц, близких к царскому двору. Вначале арестованные ЧСК содержались в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, затем их перевели на Фурштатскую ул., 40 в арестный дом при здании жандармского управления (переданном окружному суду). Постепенно всех выпустили, а комиссия была упразднена после Октябрьского переворота (подробнее см.: Манухин 1958: 97–116).

¹³ В это время комиссарами в ЧК назывались полевые агенты, осуществлявшие обыски, аресты, облавы и прочие вооруженные операции.

– Покажите, где оружие, бриллианты, деньги, – требовал комиссар.

– Оружия нет, бриллиантов нет, а какие есть деньги, сами найдете, – и действительно, открыв письменный стол, нашли 1160 руб. Незначительность суммы привела их в недоумение. Комиссар настаивал под угрозой расстрела выдачи тех крупных денег и оружия, которые, по их сведениям, хранились у меня. Искали всюду, под матрацем и подушками, в столах, стряхивали занавеси, книги. Через несколько минут комната превратилась в хаос.

Комиссар обыскивал письменный стол и находил только счета, открытки; писем не было, я давно имела привычку их рвать. Нашлась старая записка Ник<олая> Конст<антиновича> Михайловского¹⁴, которую хранила на память. Стало ее жаль и хотела ее взять. Писал он, что придет чай пить вечером. Как я ни доказывала незначительность для Чрезвычайной Следственной Комиссии этой записки, датированной двадцать лет тому назад, комиссар ее не отдал, а на мой вопрос, знает ли он, кто был Михайловский, ответил: «А черт его знает, верно, какой-нибудь писака для буржуев, а записка важна, и я ее беру».

– А, да тут целый склад провианта, – торжествуя, воскликнул один из солдат, открыв шкаф, где я хранила сухую провизию для больного сына.

– Склада нет, не наберется и пуда муки, а по вашей же газете каждый человек может держать для своей надобности 1½ <пуда> муки и по 5 ф<унтов> крупы, нас же девять едоков.

Комиссар оторвался от письменного стола, и, обернувшись ко мне лицом, гримасничая и меня передразнивая: «*Ваша* газета, ваша газета, – язвил он, – значит, есть ваши и наши газеты, по-вашему; какие уж такие газеты ваши и какие наши?»

– «Северная коммуна»¹⁵ есть орган теперешней власти, вы ее представители, вот почему и сказала «*ваша* газета».

¹⁴ О Н. К. Михайловском см. в статье М. Г. Сальман (с. 250).

¹⁵ Полное название газеты: «Северная коммуна. Известия Исполнительного комитета Советов Крестьянских, Рабочих и Красноармейских депутатов Северной области и Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов». Официоз под

Он выругался и продолжал свои розыски. Остальные не унимались, все пересматривая вторично, издеваясь и бранясь. Один из них, совсем еще юнец, с хохлатым чубом под папайкой, лихо вскинутой на затылок, развалился в кресле, куря мои папиросы и, нагло глядя на меня, хихикал: «Неприятно, небось, что сижу на твоём кресле? а? Прежде не добратся до вас, а теперь – эге, эге! Ты стоишь, а я сижу и могу делать с тобой все, что вздумаю. Другие времена пошли – мы хозяева, а вы ничто, пикнуть не смееете», и он еще плотнее углубился в кресло, вскинул ногу на ногу и засмеялся зло, нахально.

Другой, навалившись на кровать, указывая на образа, спросил вызывающе: «А почто столько богов у тебя?». Я не поняла остроты его шуток, но, не ответив ему, заметила комиссару, что на обыск они имеют право, но на издевательство нет. Он смутился и робким тоном заметил: «Она права, товарищи, издеваться нельзя; прошу вас не говорить о том, что не относится к делу».

Все «товарищи» сразу загалдели, ссылаясь на «свободу», позволяющую им делать и говорить, что хотят. Комиссар не возражал, он, видимо, их боялся и никакого авторитета над ними не имел. Он опрокинулся на стул, посмотрел на меня пристально и что-то грустное, мягкое проскользнуло по жестоким, огрубевшим чертам.

– Небось, дворянская кровь кипит, – сказал он вполголоса. – Тяжко, а? Хотелось бы, – он сделал выразительный жест, – но нельзя... все в себя втолкнуть... дворянская выдержка... Я сам бывший дворянин, – добавил он еще тише. – Когда-то и я тоже... А ну! – махнул он рукой и грубо крикнул: – Чтó тут копать! Довольно! Айда дальше – показывайте квартиру.

Я повела их всех гурьбой в конец коридора, в комнату, где помещалась кухарка с ее детьми. Открыв дверь, комиссар испуганно отскочил назад, крикнув:

этим названием выходил в период с 02.06 (20.05) 1918 по 11.05.1919. Сам Союз коммун Северной области был упразднен 24.02.1919, распавшись на отдельные губернии.

– Что за сборище? Кого скрываете? Отчего не предупредили? За сокрытие расстрел...

– Это моя кухарка, ее сын 15-ти лет и дочь 18-ти. Работают они на стороне, а живут у меня, с матерью. Я никого не скрываю и сказала вам в присутствии всех, что нас девять едоков, а вы не спросили, кто они.

После опроса перепуганной кухарки и ее детей двинулись дальше. Часть солдат разбрелась по всему помещению.

– Что высыпала из мешка? Что? Говори, что скрываешь, куда высыпала, сам видел, – вдруг заорал один из обыскивающих, торжественно указывая на пустой мешок, который он вытащил из какой-то комнаты. – Не скрывай, сознайся, а то расстрел. Сам видел, как ты сыпала что-то...

Улыбаясь, я ответила, что не мог он меня видеть в комнате, где меня не было, т. к. я все время находилась при комиссаре.

– Врешь, врешь, сам видел, как ты что-то вынимала и высыпала, – озверевши, кричал солдат. – Врешь... Товарищи, обыскать ее, расстрелять... С<ука>... ничего не боится... мы тебе покажем, справимся с тобой...

Я взглянула на командира. Он побледнел, но молчал, как будто занятый осмотром какого-то стула. Солдаты окружили меня, загалдели.

– Что вы делаете, товарищи, – наконец робко заметил он. – Так не полагается; оставьте ее. Пойдем дальше, еще много надо осмотреть.

За это время все проснулись, кроме моего сына, который жил наверху, в маленькой квартирке, соединенной винтовой лестницей с моею¹⁶. Два солдата поднялись к нему, невзирая на мой протест, что не имеют права врывать к больному человеку, не помеченному в

¹⁶ В мансарде. Вот как описывал дом А. Н. Бенуа: «Стоял <...> он на Кирочной, насупротив того места, где начинается Надеждинская. Самый дом был полуособняком в два этажа над высоким подвалом, но можно было с натяжкой за третий счесть мансарды <...> Как раз слуховые окна (люкарны барочного стиля) этого мансардного этажа придавали дому <...> заграничный, парижский характер» (Бенуа 1993, 1–3: 129). Мансарды по фасаду дома в 1946–1948 были преобразованы в полноценный третий этаж. О сыне В. И. Иване Николаевиче Глинка-Маврине (1870–1920) см. в статье М. Г. Сальман (с. 270).

ордере. Его привели полуодетым; всех собрали и заперли в пустую комнату, ключи комиссар положил в карман. Увидев запертый чемодан в коридоре, хотели его вскрыть; я села на него, заявив, что не дам его взламывать, когда его хозяин, Роман Александрович Дистерло¹⁷, тогда живший у меня, заперт вместе с другими. Его привели, обыскали его вещи, его комнату.

Мои чулки сползли, я нагнулась, чтобы их поправить, солдат схватил меня за плечи:

– Что прячешь? Что? Говори!

Я его оттолкнула: «Не смей меня трогать!» – в свою очередь крикнула я. Он отступил в недоумении, выпятил на меня глаза, но промолчал и отстал.

Собака моя, обыкновенно никого не допускающая в мою комнату без лая, не подавала звука и не двигалась; теперь только она выползла из-под стола, посмотрела на меня и на солдат, и, понутив голову и опустив хвост, снова побрела в корзинку, из которой больше не показывалась, – инстинктивный страх ее покорил.

Вытащили 3 бутылки вина, которые я хранила на случай заболевания, чай, кофе, сахар, свечи и мыльный порошок. Его было пуда полтора, т. к. я его закупала, когда он еще был дешев и продавался свободно. Вино и остальное утонуло в карманах комиссара и других, а мыльный порошок внесли торжественно, с заявлением, что напали на «взрывчатое вещество». Убедить их, что «Феникс»¹⁸ употребляется исключительно для стирки, было

¹⁷ Роман Александрович Дистерло, барон (1859–1919) окончил юридический факультет Петербургского университета, служил в министерстве юстиции, впоследствии член Государственного совета, сенатор. Сотрудничал с периодическими изданиями, автор книги «Граф Л. Н. Толстой как художник и моралист» (1887).

¹⁸ Имеется в виду, вероятно, французское стиральное средство «Лессив–Феникс» (Lessive Phénix) – сухой мыльный порошок на щелочной основе, который начал производиться в Европе с 1880, в России получил временную торговую привилегию в 1884, с 1892 получил постоянное таможенное свидетельство, а с 1912 в стране уже действовало одноименное товарищество на паях с капиталом 500 000 руб., занимавшееся упаковкой и дистрибуцией товара. В середине 1917 порошок продавался в Петрограде по 25–30 коп. за фунт. Параллельно с французским средством в России встречались и другие стиральные порошки под близкими названиями («Феникс», «Феникс–Щелок»), скорее всего контрафактные.

невозможно: не могли уразуметь, на что такое количество, когда на одного человека выдается по $\frac{1}{4}$ фунта мыла в месяц. Мне надоели глупые рассуждения, и я заметила самому рьяному и нахальному солдату, что разница между нами и заключается в том, что ему хватает $\frac{1}{4}$ ф<унта> мыла, а мне нет, – и понять этого он даже не может. Мои доводы его не переубедили, и «Феникс», как и все остальное, были сложены вместе для дальнейшей отправки на Гороховую¹⁹.

Полураздетой, мне было холодно, я устала, а главное, – стало противно, и я заявила, что дальше не пойду; меня может заменить моя девушка и мой человек Слесарев. Погалдели, протестовали, но согласились, когда <я> решительно села и сказала, что не двинусь. Выпустили сына, с которым пошли наверх, мою девушку и Слесарева, а меня заперли на их место. Сидеть без дела не могла, попросила работу из моей спальни и стала подрубать начатые полотенца. Ничто так не успокаивает, как ручная работа. Я слышала, как солдат, приставленный к двери, ходил по комнатам, стучал в стены и долго оставался в моей спальне, где, как оказалось впоследствии, он выбирал, что ему пригляделось.

Обыскали всю квартиру, чердаки. Было давно светло. Трамваи бегали, люди спешили по улицам с корзинками и бидонами за дневным пропитанием. На дворе сыро, тускло, уныло. В душе возмущение, протест, недоумение. За что? Почему такое злоключение?

Пробило 2 часа. Наконец обыск кончился. Он длился более двенадцати с половиной часов. Собрались в моей спальне писать протокол. Задержали еще нового человека, конторщика. Он пришел по обыкновению в 9 часов и поднялся в контору, несмотря на предупреждение об обыске. Его тут же схватили; пожелтевшие, усталые, голодные солдаты потребовали чая и хлеба и, развалившись кто куда, полусонные и вялые, пустились в разговоры. На мои вопросы,

¹⁹ На Гороховой (вскоре переименованной в Комиссаровскую, затем ставшей ул. Дзержинского, сейчас опять Гороховой), в доме 2 находилась ВЧК. До революции там располагалась канцелярия градоначальника.

кто они и откуда, оказались все безземельными крестьянами окрестных уездов и губерний, бывшие рабочие с заводов, заявившие о своем желании служить Чрез<вычайной> След<ственной> Ком<иссии>, где получали два фунта хлеба в день, хорошее питание и 350 р. жалования, что они, впрочем, находили недостаточным за «каторжную работу». Мне интересно было выяснить, не добиваются ли земли? На что все загоготали и ответили, что им достаточно трех аршин, которые всегда будут их.

Комиссар мешкал и не приступал к протоколу, что-то обдумывая; наконец отвел меня в сторону и вполголоса предложил еще раз сознаться, где спрятано оружие, в коем случае он не арестует моего сына. Говорил он вкрадчиво, но когда я повторила, что ничего не скрывала, он сверкнул глазами и зло процедил сквозь зубы: «Напрасно, раскаетесь, но поздно; будете расстреляны».

По телефону хотели вызвать автомобиль. Телефонная барышня по обыкновению путала номера; ей грозно объявили, что Чр<ез-вычайная> С<ледственная> Ком<иссия> с ней расправится по-своему. Угроза подействовала, получился требуемый №, но грузовика не оказалось. Нас было 5 человек арестованных, кроме вещей и «доказательств»: 7 пустых шрапнельных гильз, которые я привезла из-под Адрианополя с прошлой Болгарской войны²⁰.

Я предложила разделить на группы и, не дожидаясь грузовика, довольствоваться обыкновенным автомобилем. Согласились. Написали протокол. Мотор приехал, и я села в него с Дистерло, конторщиком и тремя солдатами; комиссар остался при сыне. По дороге мы встречали много автомобилей, едущих или стоящих у подъездов, и солдаты с удовольствием объясняли мне, что это все «их» машины, т. к. сегодня ночью было их пущено в ход более 250, и то не хватало за множеством обысков и арестов. Утомленные бессонной ночью, солдаты не казались уже лютыми зверь-человеками, безобразничающими и свирепствующими во время обыска. Они дремали и только изредка поднимали сонные

²⁰ О пребывании В. И. в Адрианополе во время первой Балканской войны см. во вступительной статье.

отяжелевшие веки; лица были обыденные, тупые, скуластые – мужицкие лица с добродушной улыбкой.

Остановились на Гороховой, 2, бывшее Градоначальство. И прежде этот адрес внушал неприятное чувство, но теперь его не произносят без смертельного трепета. В большом холле сидело довольно много народа, только что доставленного; часовой стоял у входа. Через несколько минут прибыл мой сын; у него был такой болезненный вид, что мне за него стало страшно, и я попросила комиссара, приехавшего с ним, предупредить приемщика, что привез больного и чтобы позвал доктора. Я слышала, как он это говорил, а на вопрос «зачем тащил больного», его ответ: «Не притащил бы, отвечай, почему привез, знаю я вас здесь – не потрафил, сейчас “к стенке”, одна расправа у вас». Пожал плечами и удалился.

Я подошла к приемщику, на вид полуинтеллигентному, с суровым лицом, низким лбом, в черной коммунистической блузе, и повторила мою просьбу, добавив, что желательно было бы допросить больного первым. Врача не оказалось, пришел фельдшер, пощупал пульс сына, насчитал 140 ударов, пожал плечами, пробормотал «безобразия» и пошел к приемщику. Что он ему говорил, не знаю, но оба смотрели на нас, и куда-то была послана записка.

Время шло, мы все ждали. Прибывали новые партии арестованных, с виду спекулянты или погромщики, евреев не было. Я снова обратилась к приемщику с просьбой ускорить допрос. Он отвечал, что сделал, что мог: два раза писал следователю, который завален делом; больше напоминать ему не может.

Наконец часов в 7 позвали сына. Он вернулся довольно скоро и, недоумевающий, сообщил, что его, главным образом, следователь расспрашивал про меня и что я обвиняюсь в каком-то политическом, очень важном деле. Наконец пришел мой черед. Вооруженный солдат повел меня и остался стоять у двери. Маленькая, закопченная комната с открытой дверью в соседнюю и в коридорчик. У стола в тени (свет лампы падал на меня) сидел следователь, опрятно одетый, лет 35; с интеллигентным озлобленным лицом, с холодными сосредоточенными глазами. После

обычных вопросов об имени, фамилии, возрасте и пр. он сказал мне внушительным тоном, что я обвиняюсь в серьезном политическом деле, что все улики налицо, отрицание ни к чему и может только привести к печальному и роковому исходу, а потому он советует мне чистосердечно во всем признаться. Этим может быть отвращена грозящая высшая кара.

– Расстрел? – добавила я с улыбкой. – Эта угроза не особенно меня страшит; она так часто повторялась сегодня ночью, во время обыска, что я с ней свыклась. В чем же я обвиняюсь?

– В близких сношениях с Савинковым²¹, в сношениях с главными французскими и немецкими военными представителями. За вами давно установлено наблюдение; все нити контрреволюции сводятся у вас.

– Я не совсем уясняю себе, как я могу быть одновременно в сношениях с французами и немцами... Заявляю, что никого из немцев и французов не знаю, даже по имени, Савинкова никогда не видала и ничего общего с ним не имею и не имела.

– Он у вас был вчера; – я это знаю, – решительно произнес следователь. – Может быть, он пришел под чужой фамилией, загримированный – он великолепно гримируется...

²¹ Борис Викторович Савинков (1879–1925) в 1897, окончив гимназию в Варшаве, поступил в Петербургский университет, арестовывался «за пропаганду», сослан в Вологду. В 1903 бежал в Швейцарию, где вступил в партию эсеров. Вскоре был принят в боевую организацию партии. После разоблачения Азефа БО пришлось создавать заново, в 1911 ее распустил ЦК. Савинков жил в эмиграции, писал стихи и романы, с началом войны стал военным корреспондентом. Вернувшись в 1917 в Россию, назначен комиссаром Временного правительства, затем товарищем военного министра. После корниловского мятежа исключен из партии эсеров. Захватив власть, большевики издали приказ об аресте Савинкова (см.: Беленкин 2005: 51). Летом 1918 пытался поднять восстания в приволжских городах. «Итоги бессмысленного во всех отношениях июльского восстания в Ярославле: свыше 100 человек казнены савинковцами, в боях погибли с обеих сторон сотни людей, и еще сотни людей погибли во время “красного террора”» (Там же: 52). Осенью 1918 уфимская Директория, в которую входили и эсеры, отправила Савинкова в Париж вести переговоры «о предоставлении союзниками помощи белым армиям» (Там же: 55). Весной 1920 он в Варшаве, где, по просьбе Ю. Пилсудского, формирует русские воинские части в составе польских войск (см.: Там же: 56). Затем последовала высылка из Польши (1921), чекистская провокация и наконец арест в Минске в августе 1924. Следствие, суд и самоубийство на Лубянке.

– Позвольте, если он явился под чужим именем, как же я могла знать, что это Савинков? Но и этого не может быть, у меня вчера никого незнакомого не было, да и вообще не бывает.

– С каких пор? Прежде, я знаю, что вы всех принимали.

– Верно, но теперь боюсь пустить к себе хулигана, боюсь ваших налетчиков и воров.

Он продолжал задавать самые несуразные вопросы; из них явствовало, что я даже принимала участие в восстании матросов²².

²² 13.10.1918 в Петроград прибыло несколько тысяч мобилизованных матросов, которых разместили во Втором балтийском экипаже (другое название Крюковских казарм), по адресу: Большая Морская ул., 69, угол наб. Крюкова канала и Благовещенской ул., 7. Матросы устроили там митинг, требуя расторгнуть Брестский договор, не платить контрибуцию и организовать поход на Украину, чтобы изгнать германских оккупантов. 14.10 митинг продолжился на Театральной пл.; ворвавшись в Мариинский театр, матросы захватили музыкантов и под музыку двинулись к кораблям на Неве. Ночью арестовали 11 человек, зампреда ЧК Н. К. Антипов на собрании Петросвета 15.10 заявил, что «весь план фарсового восстания был разработан на конференции левых эсеров, где присутствовали представители правого левоэсеровского лагеря и один монархист» (Елизаров 2004: 129). Приехавший в Петроград Л. Д. Троцкий сказал на митинге 19.10 мобилизованным красноармейцам и матросам, что восстание – «это дело рук англичан, французов, американцев и японцев или же белогвардейцев и левых с.-р. Вернее всего <...> это гнусное восстание является делом рук всех этих негодяев вместе взятых, ибо нельзя теперь отличить, где начинается лево-эсеровско-белогвардейская банда и где кончается англо-франко-американский капитализм» (Северная коммуна. 1918. № 134. 20 октября. С. 2). 21.10.1918 было расстреляно 11 арестованных, среди которых был один анархо-синдикалист и три левых эсера (см.: Партия левых социалистов-революционеров 2000–2017, 2, Ч. 3: 461). О расстреле сообщили в газете только через 9 дней (см.: «Северная коммуна». 1918. № 143. 30 октября. С. 1; см. также листовку «Правда о событиях 14 октября в Петрограде» и «Воззвание о расстреле» – Партия левых социалистов-революционеров 2000–2017, 2, Ч. 3: 59–67). Николай Кириллович Антипов (1894–1938, расстрелян) из крестьянской семьи Старорусского уезда, окончил четырехклассное училище, работал слесарем-механиком в Петербурге. Член РСДРП(б) с 1912, в 1917 член петроградского комитета РСДРП(б), участник Октябрьского переворота. С августа 1918 зампреда, затем председатель петроградской ЧК. В 1919 секретарь губкома в Казани, с 1920 член Президиума центрального совета профсоюзов. В 1923–1924 секретарь Московского комитета РКП(б), затем заведовал Организационно-распределительным отделом ЦК. С 1925 первый секретарь Уральского обкома, в 1926–1927 второй секретарь Ленинградского губкома и секретарь Северо-западного бюро ЦК. В январе 1928 стал наркомом почт и телеграфов, в 1931 замнаркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР и член президиума Центральной контрольной комиссии ВКП(б). С апреля 1935 председатель Комиссии советского контроля при Совнаркоме и зампреда СНК

Обвинения были настолько нелепые, что я рассмеялась, что вызвало его неудовольствие.

Он все время справлялся в каком-то довольно волюминозном «деле», лежащем на столе.

– Вы не станете отрицать ваши связи с «Русском Богатством», с Николай Константиновичем Михайловским, со многими другими?

– Не только не буду этого отрицать, но считаю за честь дружбу с Михайловским; но – это было очень давно, какая эпоха моей жизни вас интересует?

– Со времени переворота.

– При чем же здесь «Русское Богатство», Михайловский?.. Если за мной было наблюдение, меня ваши обвинения удивляют. За исключением своих ближайших друзей, я никого не вижу; мое материальное положение настолько изменилось, что я веду самый скромный и замкнутый образ жизни.

– Вы так умны, тонки и умелы, что не станете, конечно, прибегать к заезженным приемам. Повторяю: все нити контрреволюции сосредоточены у вас, но вы так ловки, и вас трудно словить.

Я поблагодарила за лестный, незаслуженный отзыв. Допрос продолжался в том же духе. Я начинала терять терпение, так как все, что говорилось, было совершенно безосновательно, и отказалась отвечать. Если мои слова не принимались во внимание, если им явно не верили, зачем же было говорить?

Следователь задал еще несколько вопросов и, видя мое упорное молчание, произнес красноречивую отповедь, где говорил, что если бы он поддался личному впечатлению, то, вероятно, меня бы отпустил, я так хорошо «симулирую искренность», но что обязанность следователя строго придерживаться фактов, а не субъективных впечатлений. Если б был «обыкновенный» суд, я, несомненно, сумела бы внушить ему убеждение в моей непричастности к контрреволюции, но такого суда теперь нет... Мы переживаем революцию, кровавую революцию. Темные массы

и Совета труда и обороны. Арестован 21.06.1937 (см.: <https://biography.wikireading.ru/175007>)

главенствуют, они сделали переворот и стоят во главе его. Им нужны жертвы за прошлое. Настала классовая борьба, эксплуатируемые мстят эксплуатирующим за прежние унижения и обиды, а интеллигенты не могут остановить этого потока ненависти... Торжествующему пролетариату нужны жертвы... нужны.... Пролетарский революционный суд вас не оправдает, и я не могу... Вы арестованы.

– Хорошо, – ответила я, не показывая ему, как была поражена столь неожиданным заключением, – но зачем, на каком основании арестованы мой сын и другие? Они совсем не причастны к политике, даже не интересуются ею. Сын совсем больной, какая вам охота добывать его в одной из ваших тюремных больниц? Не понимаю такой ненужной жестокости, которая причинит вам много хлопот.

Он сознался, что фельдшер его предупредил о тяжелом состоянии сына, но определенного ответа не дал. Выходя, я увидела какого-то, до тех пор не замеченного мною человека, сидящего в темноте за моей спиной. У большевиков всегда присутствуют соглядатаи. Повели меня опять в большой зал, и вскоре явилась за мной шустрая, резкая и злющая, рябая надзирательница в сопровождении солдата с винтовкой. Я простилась со своими, предупредив, что им придется, вероятно, переночевать на Гороховой. Все были утомлены, измучены бессонной, тревожной ночью, голодные, холодные. Не доходя до женского помещения, я заметила, что забыла корзиночку с чаем, – мне позволили вернуться в зал, и какова же была моя радость, когда узнала, что сына только что отпустили домой! Остальные еще ждали допроса.

Мы прошли через ряд больших комнат, запущенных, затоптанных, где сновали хохлатые солдаты, люди в черных блузах. Прошли мимо бывшей церкви, там чего-то ломали, снятый с места престол стоял в углу, заваленный каким-то хламом. Наконец дошли до женского отделения. Надзирательница ушла. Я стояла в недоумении на пороге: куда приткнуться?

Комната была полна женщин всех возрастов, но не всех сословий; преобладали самые «простые», было только несколько очевидно «одних прислуг», немного попорядочней и чище одетых, а остальные

– кто в затасканных «шальях», кто в полушубке, рваных кофтах, в потрепанных юбках; головы замотаны шерстяными платками. Было смрадно, пахло селедкой, сапогами, потом и всякими другими испарениями. Лежали друг на друге, подсунув под головы грязные мешки и заваленными всякими тюками. Кто жевал какие-то огрызки, кто плакал, стонал, кто бранился. Места не было. Какая-то женщина, примостившись у самого входа, часто рыгая и обдавая винным дыханием, приглашала меня сесть между нею и другой оборванной старухой.

Пока я оглядывалась, в открытую в соседнюю комнату дверь показалась знакомая мне тонкая, нервная фигура Веры Викторовны Шульгиной²³. Пораженная моим появлением, она увлекла меня в «интеллигентную половину». «Интеллигенток» было не много, всего шесть. Приняли меня радушно, угощали чем могли – остатками селедки. Обрадовались моему чаю, которого у них не было. На ночь Вера Викторовна устроилась на столе, предоставив мне свою койку. Она сидела уже четыре месяца и, видимо, мало надеялась на скорое освобождение; главная ее вина была, кажется, что она сестра брата – офицера, уехавшего на Украину. Бодрая, деятельная, всегда одинаково заботливая, она всех поддерживала нравственно и сама не выказывала уныния. Ее роскошные золотистые волосы

²³ В. В. Шульгина, род. 10.01.1880 (ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13937), дочь чиновника Министерства юстиции, действ. стат. сов. Виктора Ивановича (1836–07.08.1900) и Софьи Андреевны Шульгиных, младшая сестра ген.-майора Б. В. Шульгина (1878–1953), выпускница Смольного института (1897 – Черепнин 1915: 646). В 1916–1917 старшая сестра милосердия (видимо, в Царскосельском военно-санитарном проезде № 143 е. и. в. Александры Фёдоровны). Арестована 24.08.1918 по делу о нелегальной транспортировке офицеров русской армии в Архангельск и далее за границу. Переправку координировал санитарный врач Балтийского флота Владимир Павлович Ковалевский (1875–1918), а Шульгина содержала кафе на углу Знаменской и Кирочной (д. 17), которое выполняло функции явочной квартиры. Вместе с другими участниками организации была расстреляна 13.12.1918 и похоронена у Головкина бастиона Петропавловской крепости (подробнее см.: Ратьковский 2012: 100–115; Кильдюшевский, Петрова 2011: 482–491). 22.11.2022 перезахоронена на кладбище Памяти жертв 9 января (б. Преображенское) на юге Петербурга, как и десятки других жертв Красного террора, останки которых были обнаружены в 2000–2010-х гг. при раскопках на Заячьем острове (см.: СПб. ведомости от 25.11.2022).

обрамляли бледное, исхудалое лицо. И когда она их распустила и стала расчесывать на ночь, то как будто осветила всю комнату.

Начались расспросы, рассказы. Каждая имела свое грустное повествование. У одной муж был арестован и пропал. Пока она сама была на воле, она тщетно его искала по всем тюрьмам; был ли он жив или расстрелян? Она мучилась, переходя от надежды к отчаянию, и от отчаяния к надежде, когда получала какие-нибудь туманные сведения о нем. Эти сведения, главным образом, доставлял ей старший комиссар Геллер²⁴, который позволял себе фамильярничать с ней; она терпела его пошлые шутки, двусмысленные комплименты, лишь бы что-нибудь узнать о муже. Мне же сказали, что Геллер только морочил ее.

Другая, уже пожилая, ничего не знала о своих двух дочерях, арестованных одновременно с нею. Ее обещали вскоре освободить; она этого и желала, и боялась; что узнает она об участи дочерей? Некоторые натуры, как ни мучительна неизвестность, боятся узнать свершившееся.

Столько сосредоточилось мук, терзаний в этих стенах, столько пролитых слез, что они были как <бы> насыщены горем; оно висело в воздухе²⁵, душило.

Дверь не закрывалась в соседнюю комнату, откуда часто заглядывали любопытные женщины, которые оказались большею частью мародерками, спекулянтами или просто воровками, убийцами. Через эту дверь виднелась другая, также открытая в маленький коридор, где дремали часовые, опустив головы на винтовки, стоящие между колен.

²⁴ Семен Леонидович Геллер, в 1918 глава боевого отдела ПетроЧК, руководил работой комиссаров и разведчиков (Филёров), в частности, осуществлял арест Каннегисера и его семьи (30.08.1918) и возглавлял вооруженный налет на английское посольство по «делу Локкарта» (31.08.1918). В начале 1919 был уволен из ЧК и назначен зам. комиссара войск Северного фронта. В октябре 1919 арестован, 10 января 1920 приговорен к расстрелу за преступления, совершенные в период службы в ЧК – хищение ценностей, конфискованных при арестах, вымогательство, покровительство спекулянтам и уголовным элементам. О нем см.: Бережков 2005: 38–41.

²⁵ Далее зачеркнута фраза: «как огромная, давящая со всех сторон тяжесть...».

Меня предупредили о необходимой осторожности: шпионство и доносы процветали. Мы говорили шепотом, пока, усталые, не задремали. Не надолго. Беспреданно приводили новых арестованных, но к нам не помещали. Пригоняли баб из простонародья; каждый раз поднимался шум, визг, брань и, действительно, была давка, некуда помещаться вновь прибывшим. Они, кто сидя, кто полулежа, валяются на грязном полу, тесня друг друга и придавленные наваленными на себя пожитками.

На следующее утро мы пошли заваривать чай в буфетную и прошли через просторную кухню, где готовился обед для комиссаров и членов Чрезвычайной Следственной Комиссии. Они, очевидно, в кушаньях себя не стесняли – оно было в изобилии. Нам же подали какую-то неопределенную бурду и вонючую селедку – больше ничего. Все, кто мог, прикупал на свой счет, посылая в лавку кого-нибудь из конвойных; некоторые охотно исполняли поручения, т. к. за них получали хорошую мзду; другие грубо отказывали. Денег тратилось много, а питание было скудное.

Умывались в загрязненной уборной, куда можно было войти только в галошах. Ходили туда часто через длинный коридор в надежде встретить по дороге комиссара или кого-нибудь другого и что-нибудь узнать. Конвойные, которые должны были нас сопровождать, не одобряли эти прогулки, нарушающие их ленивую дремоту, и часто не воздерживались от скверных слов по нашему адресу.

На дворе постоянно сновали автомобили. Треск часто ломающихся шин походил на выстрелы, и многие заключенные вздрагивали, бледнели и прислушивались каждый раз. Их обнаженные нервы не выдерживали звука, напоминающего расстрел. Вообще было очень шумно и очень тоскливо. Читать было невозможно, хотя у некоторых имелись книги; о постороннем не говорилось, все сосредотачивалось на собственных переживаниях и на слухах, которые приносили вновь прибывающие, на случайных словах того или иного служащего, встреченного по дороге в уборную или в буфет. Все жаловались, многие не осушали глаз. Одна Вера Викторовна всех утешала, подбадривала, о всех заботилась, хотя говорила редко, всегда сосредоточенная и внимательная.

Под вечер явился какой-то человек со списком в руках; за ним стояли часовые. Он стал перечислять имена переводимых в тюрьмы или освобождаемых. Каждая, услышав свою фамилию, всхлипывала от радости или от горя. Назвали меня. Я переводилась в Дом предварительного заключения на Шпалерную. Это назначение для всех явилось неожиданностью, т. к. никто его не ожидал.

Поднялась суматоха. Все готовились. Кто на волю, кто в тюрьму. Было строго приказано не мешкать, и через несколько минут все были готовы. Распрощались друг с другом, у многих слезы блестели на глазах. Из нашей комнаты уходила я одна.

В КАМЕРЕ № 134

Выстроили нас на дворе, по четыре в ряд. Всего четырнадцать женщин направлялись на Шпалерную; свои вещи несли сами. Солдаты с винтовками нас окружали. Сзади группа мужчин, назначенных в Дерябинские казармы²⁶. Я искала среди них своих домашних, участь которых была мне неизвестна. Увидела только Дистерло, стоящего подавленным, понутив голову. Обрадовалась, предполагая, что другие два на свободе, и только позже узнала, что их продержали десять дней в тех же Дерябинских казармах, где была эпидемия сыпного и возвратного тифа, которым один из них и заболел²⁷.

²⁶ Дерябинские казармы на Васильевском острове (морские казармы на углу Кожевенной линии и Большого пр.) в 1918 стали концлагерем, где содержались заложники, арестованные сразу после покушения на М. С. Урицкого и объявления «красного террора». Там находился и поэт Лазарь Васильевич (Вульфович) Берман (1894–1980), близкий друг В. Б. Шкловского, о котором он написал в «Сентиментальном путешествии»: «У меня сидел в тюрьме смертником один товарищ. Мы переписывались. Это было около трех или четырех лет тому назад. Письма выносил конвойный в кобуре. Друг писал мне: “Я подавляю в себе желание жить, я запретил себе думать о семье. Меня страшит одно (очевидно, это была его мания) – меня страшит, что мне скажут: ‘Снимай сапоги’, – у меня высокие шнурованные сапоги до колен (шоферские), я боюсь запутаться в шнуровке”» (Шкловский 2019: 228–229). Подробнее о дружбе Шкловского и Бермана см.: Сальман 2017: 148–167.

²⁷ Подробнее о жизни заключенных в Дерябинских казармах см. воспоминания протоиерея М. П. Чельцова, проведенного в этой тюрьме несколько месяцев 1918 года: Чельцов 1995: 33–56.

После неизбежных во всех случаях русской жизни суеты, беспорядка и сквернословия мы тронулись в путь через Марсово поле и Миллионную²⁸. Было воскресное время, когда возвращаются домой, и я все оглядывалась и надеялась встретить знакомых. Но тщетно. Попросила немолодого конвойного с лицом, внушившим мне доверие, опустить приготовленную открытку в почтовый ящик. Сначала он отказался, но потом исполнил мою просьбу. Шли мы быстро. Две сестры, слабые и болезненные учительницы, одна уже очень пожилая, не поспевали за нами. Я просила уменьшить шаг; конвойные постарше согласились, но молодые дерзко возражали, что «их надо подгонять штыками», а уголовные, злобно оглядывая бессильных женщин, понукали их ругательствами.

Совсем стемнело, когда добрались до Шпалерной. Нас ввели в большую, слабо освещенную комнату для записи фамилий и пр. Запись проходила не без запинок. Безграмотность записывающих и записывающихся путала имена и фамилии. Я попала к «интеллигенту», как узнала впоследствии, из заключенных, который взглянул на меня с удивлением, когда назвала себя, и на вопрос, за что арестована, ответила «не знаю».

– Так и записать?

– Да.

Я просила одиночную камеру²⁹. Остальные предпочитали быть вдвоем. Электричество еще не горело. Защищая рукою свечу, почерневший фитиль которой повис на бок и угрожал потухнуть при каждом шаге, надзиратель повел меня наверх. Длинные, гулкие коридоры, крутые лестницы, ряды замкнутых, плотных дверей камер внушали жуть. Остановившись у одного из номеров, вошли в пустую камеру, предназначенную мне. То, что на тюремном наречии именуется бельем, т. е. полотнище из грубого серого холста, плохо покрывающее соломенный матрац, наволочка из такого

²⁸ Путь от Гороховой проходит мимо Александровского сада, через Дворцовую пл., Миллионную ул., Марсово поле, Пантелеймоновский мост через Фонтанку, Пантелеймоновскую ул. и по Литейному пр. до Шпалерной.

²⁹ Едва ли не единственное свидетельство современника о возможности выбрать себе камеру в ДПЗ в 1918.

же холста на соломенной избитой подушке, было смято, покрыто подозрительными пятнами. Из драного матраца выбивались клочки гнилой соломы. Я справилась, нельзя ли переменить «белье». «И это достаточно хорошо для Вас», – получился ответ; надзиратель повернулся и ушел, замкнув тяжелую железную дверь на ключ. Звук закрывающихся замков в тюрьме совсем особенный, нигде не бывает так пронзительно, вызывающе и безучастно жестокий.

Вспыхнуло электричество, и я осмотрела свое новое жилище. Три шага в ширину, шесть в длину. Против двери окно с железной решеткой, высоко вделанной в наружную стену во двор. Железная койка, железный столик, такой же табурет, все привинченное к стене; чугунная почерневшая раковина, белая эмаль давно облупилась, т. е. не чищенная, видно, месяцами. Над столом 5-тигсвечевая электрическая лампочка, тускло горящая. Сидя на табурете, читать было темно, и надо было стоять под самым светом.

Надзиратели размещали вновь прибывших; шаги их и лязг больших ключей, хлопанье тяжелых дверей отчеканивались в гулких коридорах. Наконец все стихло. Началось ночное перестукивание. Стучали сверху, снизу, с боков. Вся тюрьма говорила своим обычным тюремным языком. Я не отвечала и, сидя на табурете, предугадывала предстоящую ночь. Со мной не было ни белья, ни подушки. Стащив матрац, я легла на голые грязные доски, завернувшись в одеяло, захваченное с собой. Уснуть не могла. Несмотря на тишину, наступившую, когда устали перестукиваться, казалось, вся тюрьма шепчет свою горемычную повесть, вздыхает и стонет под гнетом горя, насыщающего воздух, наполняя его не видимой, но ощутимой тяжестью; точно вековая, громадная глыба человеческого страдания теснила со всех сторон. Эти давние, всеобщие мучения проникали во все существо, вдыхались с каждым дыханием, пропитывали все тело, причиняя невыразимую физическую боль. Клещи страдания сжимали грудь.

Электричество потухло. Я вскочила, зажгла спичку. Было десять часов. Крикнуть, броситься к двери, пробить стену, вырваться из этого одиночества, заселенного отчаянием, где невидимые слезы капали камнями на изболевшие нервы, – и сознание, что

кричать, стучать, сломать себе руки, голову бесполезно! Двери не открыть, стены не пробить, никто не откликнется на крик – это сознание было настолько ужасно, что я почувствовала близость сумасшествия. Я поняла, что надо сделать усилие над собой, иначе совершится нечто страшное, неотвратимое.

Собрав всю силу воли, я отогнала осаждающие призраки, мысли, и за все время моего пребывания в тюрьме, как только они надвигались, – я их гнала. Думаю, это единственный способ не лишиться рассудка.

Утром, еще было темно, меня разбудил после мучительного, прерывающегося сна пронзительный возглас: «Мусор есть, мусор есть?». Залязгали ключи, появилась надзирательница. Камеру я с вечера не мела, дверь захлопнулась. Двери в тюрьме никогда бесшумно не закрываются, а стучат как удар молота, и слышны были раскаты удаляющегося пронзительного голоса, повторяющего те же слова по коридору.

Дверное «окошко» – оно тоже было замкнуто на ключ – открылось, и та же надзирательница спросила, нет ли у меня писем или заявлений. Ни того, ни другого не было. «Окошко» осталось открытым, и вскоре грязная рука просунула на откидную дощечку ломоть скомканного сырого хлеба, сдерживаемый воткнутой щепкой в середине.

Что-то вдруг загрохотало по коридору, сопровождаемое визгливыми шутками, хохотом и сквернословием. Уголовные – растрепанные, грязные – тащили чан с кипятком и спрашивали, кому он требуется. Мне сунули засаленный оловянный котелок и деревянную обгрызенную ложку, скользкую от всего на ней накопившегося. Налили кипятку, но заварить чай в нем не решилась. Вода жирная, мутная, отдавала гнилой рыбой. Когда не хватало кипятку, развлекали из-под крана. Потом узнала, что в том же чане разводят суп и что он никогда не чистится. Вообще в тюрьме, кроме коридоров и, вероятно, кухни, ничто не чистилось, некому было. Я была разбита и голодна, с собой ничего не взяла.

Серое октябрьское утро лениво ползло и тускло освещало камеру.

Чтоб видеть двор, надо было влезть на высокий подоконник. Из камеры виднелись только скучные, угрюмые, высокие желто-грязные стены, симметрично проткнутые продолговатыми окнами с железными решетками. В одной из них неизвестно почему болталось маленькое красное чучело.

Часы казались вечностью.

Попробовала вымести камеру, но ветхая швабра оставляла густой след грязи на пыльном, черном асфальтовом полу, где посередине тянулась глубокая борозда, протоптанная возбужденным нетерпением запертого человека.

Делать нечего. Стала ждать. Чего? Сама не знала. Думы осаждали, тревожные, гнетущие. Почему посадили, надолго ли? А главное, мучило беспокойство о домашних. Что с ними? Знать только одно – что ничего знать нельзя.

Никакое слово не передаст того, что переживается в такие минуты. Требуется какое-то новое, не употребленное и не употребляемое в иных случаях слово – веское, исключительное... А может быть, его и не найти, не передать непередаваемого...

Представился мне Зоологический сад, клетки с разными зверями, бегающими взад и вперед и с лихорадочным отчаянием глядящими на свободно гуляющих людей. Звери с такими глазами испытывают то же, что и мы... И те же люди заключают в неволю и зверей, и себе подобных...

– На прогулку, готовьтесь на прогулку, – прокричала надзирательница, пробегая по коридору.

Зазвенели ключи, затрещали замки, захлопали двери.

Все заключенные вспорхнули из своих камер. Кто бегом, кто степенно, но все радостные спустились по лестницам, разделенным тяжелыми дверьми, вероятно, для возможной изоляции в случае беспорядков, в длинный темный коридор-кишку. В нем помещались карцеры, несколько камер, редко заполняемых, т. к. лишены были света и обильно снабжены сыростью, даже водой. Пройдя через низкую дверь, где сторожили вооруженные надзиратели, очутились на воздухе, на свете Божиим!

Светил он мало, скупо. Простора во дворе не было, но не было замкнутых дверей, было больше шести шагов пространства! Угрюмые стены теснили каменный мешок. Виднелось немного неба, низкого, серого, был воздух, были люди – главное – люди. Как ни раздражительно их постоянное присутствие, полное отсутствие их нестерпимо.

Двор был полон гуляющих; середина была окружена большим сквозным забором, внутри которого все кружились. Вплотную к нему толпились уголовные, плохо одетые, с головами, замотанными рваными платками, с вульгарными, бессознательными лицами. Все жаловались на судьбу, не понимая, за что взяты, среди них было много невинных, но были и преступницы. Одна из них, как мне помнится, выделялась своей тучностью. Она была довольно еще молода, лучше других одета, в большой голубой шали, с красным, жирным лицом, не безобразным. Грузно обрушившись на скамейку, в обширном круге своих юбок, с улыбкой на плоских чертах, самодовольная, словоохотливая, она сравнивала условия тюрем, которые хорошо знала, перебивав во всех, и рассказывала, не без хвастовства, о шести совершенных ею краж и убийств, а главное, о последнем: свою жертву она сварила в ванне. Слушали ее без возмущения, скорей с любопытным удивлением.

«Интеллигентные» заключенные не смешивались с уголовными. Они топтались в круге обыкновенно под руку друг с другом. Были истощенные, бедно одетые и нарядные, нарумяненные, в котиковых модных пальто, в дорогих шляпах, точно вышли на прогулку в город. Много молодых бессодержательных лиц, любопытно вглядываясь в окружающих. В общем, почти все производили впечатление случайно и неизвестно за что загнанных в этом дворе. Значительных лиц было мало.

Одна из гуляющих, в глубоком трауре, поразила меня скорбью всей фигуры. Взор ее как будто остановился в каком-то отчаянном ужасе, точно каменная безжизненная маска на лице; она никогда не улыбалась, слезы часто, бессознательно текли, не осушенные, по впалым щекам. Она или сидела неподвижная на скамейке, или, как автомат, ходила с другой, тоже в трауре. Они были сестры, а

первая – мать Каннегисера³⁰. После убийства Урицкого арестовали всю семью, включая и бабушку 85 лет³¹, и всех служащих в конторе, более 150 человек. Тут же находилась и дочь³². На вдохновенных чертах неутешное горе наложило свою печать. Она стояла под прикрытием наблюдательной башни, возвышающейся посреди двора, и с исступленным лицом мученицы, с горящими глазами, вся любовь, нежность и сострадание, она не отрывала взора от противоположного окна, за решеткой которого стоял ее отец³³. Она делала знаки, ему одному понятные, и передавала ему через разделяющее их пространство всю силу своего чувства, пламенное свое участие. Она не двигалась, не замечала, что делалось кругом, и только, встрепенувшись, уходила, когда кончалась прогулка. Шла, как во сне, автоматически, далекая от всех, близкая только тому, кого она оставляла своему безутешному горю.

Встретила знакомых, недоумевающих, как и я, о причинах ареста. Кто за знакомство с офицером, кто за знакомство с каким-нибудь французом, шведом, англичанином. Знакомство с шведами считалось особенно предосудительным. Одна моя приятельница рассказывала мне, что ее арестовали за то, что у нее часто обедал швед, которого она давно знала. Другого обвинения ей не предъявляли. Швед был на свободе, а она в тюрьме. Другая – за то,

³⁰ Роза Львовна Каннегисер (урожд. Сакер; 1863–1946) – мать Леонида Иоакимовича (Акимовича) Каннегисера (1896–1918, расстрелян), застрелившего 30.08.1918 председателя петроградской ЧК М. С. Урицкого. Ее спутница, названная В. И. сестрой, это, по-видимому, Мария Абрамовна Мандельштам (? – 1953), бывшая замужем за двоюродным дядей Леонида, переводчиком Исаем Борисовичем Мандельштамом (1885–1954, в ссылке), также арестованным. Все родственники Леонида были выпущены из ДПЗ, вероятно, во второй половине декабря 1918 (см.: Алданов 1923: 375; указываем первое, самое полное издание очерка, перепечатки 1990-х выходили с купюрами). В 1919 и в 1920 ЧК пыталась возобновить следствие, поскольку освобождение арестованных (вместо расстрела) означало неправильное ведение дела (подробнее см.: Шенталинский 2007: 182–184). В марте 1921 семья Каннегисеров вновь попала за решетку, а в 1924 ей удалось уехать из СССР (см.: Там же: 184). О Л. И. Каннегисере, помимо названных выше публикаций, см.: Морев 1994: 115–149.

³¹ Розалия Эдуардовна, см.: Шенталинский 2007: 110.

³² Елизавета Иоакимовна Каннегисер (домашнее имя Loulou, Лулу; 1897? – 1942/43?, Освенцим?).

³³ Иоаким Самуилович (Аким Самойлович) Каннегисер (1860–1930) – инженер.

что носила очень известное и нелюбимое большевиками имя мужа, с которым не жила уже лет десять. Не перечислить все курьезы.

Были и «забытые». Помню одну сестру милосердия. Она сидела как придавленная к скамейке, отсутствующая, сгорбленная, изголодавшаяся. Безучастное, застывшее, пожелтевшее лицо; потертое пальто, заношенное, не заштопанное, неопрятное платье, мятая косынка. Небрежно одетая, вся она была пришибленная, жалкая, безвольная, безжизненная. Она оказалась сестрой тифлисской общины, приехала в Петербург в первый раз навестить больную мать, которая ее послала с поручением к знакомому. Его только что увезли в тюрьму, в доме была засада. Сестру арестовали и препроводили на Шпалерную, где она сидела уже шесть месяцев. Мать умерла, немногочисленные знакомые разъехались, у нее в городе никого не осталось. Никто о ней не хлопотал, никто ей ничего не присылал, и забытая, голодная, она продолжала сидеть в тюрьме, не предвидя конца. Мало развитая, подавленная случившимся, она даже не протестовала, не напоминала о себе, не возмущалась, а просто голодала, мучилась и чахла. Ее удалось освободить после моего освобождения.

Таких, не получавших ничего извне, совсем одиноких, было довольно много, и их положение было очень тяжелым. Они слабели и погибали от недоедания, тюремная пища не могла насытить, не говоря о том, что она была омерзительна.

Через двадцать минут прогулка прекратилась и нас погнали в камеры, строго запрещая останавливаться по пути. Снова лязг ключей, хлопанье дверей, снова бешеный приступ бессильного и безмолвного негодования...

Загрохотало что-то по коридору. Уголовные тащили котел, хихикая, добродушно обмениваясь перебранкою и шутками. Раздавался звонкий голос надзирательницы: «Обед, обед».

В мой котелок налили вонючую жижицу, называлось это супом и было единственное блюдо на обед. Есть не могла, несмотря на голод. В темно-бурой воде плавали хвосты и головы каких-то рыб, воблы или селетки, которые сильно пахли гнилью. Раздавали еще кипяток – его не жалели – и затем наступило затишье. В 4 часа вторая дневная прогулка. Многие не выходили, опасаясь сырости и

слякоти, хотя прогулка была единственным способом видеть и говорить с людьми.

После прогулки опять угощали кипятком. Наступал октябрьский мрак до 6 часов. Ужин, повторение обеда, снова кипяток – и жизнь замирала. К вечеру меня позвали за передачей на площадку лестницы, где надзиратель открывал посылку, перебирал по вложенному списку, разворачивал завернутое, разрезал хлеб, картофель, котлеты и пр. Черный кофе не допускался; не допускалась и писчая бумага. Свои заявления я почти всегда писала на кромках газет.

Увидев знакомый почерк, я забыла все мучения; пишут, значит, здоровы, живы. Если б люди на воле знали, какое значение имеет один вид почерка, все близкие вписывали бы свое слово в список передачи и этим успокаивали бы терзающие душу опасения, принимающие в одиночестве фантастические размеры. Но это понять могут только пережившие.

Ночью опять перестукивались, говорили через трубы, и некоторые разговоры были так громки и так неосторожны, что становилось страшно за говорящих. Эти разговоры – часто между незнакомыми людьми – являлись доказательством необходимости сношения человека с человеком. Говорили из одного этажа в другой люди, которые друг друга никогда не видели, сообщали подробности жизни, делились своим душевным состоянием – и вдруг смолкали, услышав осторожные, заглушенные мягкими туфлями шаги подслушивающего надзирателя.

На следующее утро к «окошку» подскочил молодой и бледный, опухший лицом арестант.

– Я тоже политический-с – С. Р.-с, – произнес он скороговоркой, пугливо озираясь кругом. – Не угодно ли Вам кипяточка-с из чайника-с – пять рублей в неделю-с.

Я согласилась с удовольствием и поинтересовалась узнать, почему ему позволяют свободно разгуливать. Он пояснил, что находится на Шпалерной уже пять месяцев и что в отметку его хорошего поведения ему предоставлены некоторые льготы. Роль его мне стала ясна, я не поощряла дальнейший его разговор, но от кипятка не отказалась.

Его звали Гришей. Он не только, как потом убедилась, доброжелательно относился к «политическим», но, несомненно, и с нежной заботливостью стремился оказать им все услуги, какие только мог, подробно и аккуратно сообщал тюремные события, слухи. Записки из камеры в камеру, словесные поручения он передавал с каким-то сладострастием. Ему доставляло истинное удовольствие «перехитрить начальство», и каждый раз что, боязливо и быстро оглядываясь кругом, проскользал в «окошко» его сжатый кулак со скрытой в нем запиской, его бесцветные глаза блестели, сияющая улыбка обнажала черные гнилые зубы бескровного рта, и он наслаждался и ликовал. Когда наливал кипяток, он, захлопывая <<окошко>>, торопливо выговаривал возможно большее количество слов в наименьшее количество времени, сообщая малейшие подробности собранных им новостей. Вместе с тем он довольствовался наименьшими подачками, очень был за них благодарен и редко сам просил что-нибудь, а когда просил, то всегда в очень скромных размерах. Я думаю, что из желания угодить и услужить каждому, он передавал с одинаковым рвением и заключенным, и «начальству», которого, между прочим, смертельно боялся. Злонамерения, злобности у него не было никакой, и если он и делал зло, то только по свойственной ему угодливости.

Пришел заведующий библиотекой, тоже из арестованных «интеллигентов», бледный и опухший, как все заключенные, с бегающими, ускользящими глазами, робкий, запуганный; он мне показался не симпатичным. Он предложил мне книг для чтения, библиотека была богато снабжена книгами с давних пор – я это знала, но опасалась, что каталоги пропали, и трудно было сделать выбор. Я наугад написала длинный список и через несколько дней мне доставили некоторые книги. Когда я их получила, я нежно держала их в руках, хотелось покрепче прижать к усталому сердцу. В разлагающей обстановке жестокости и зла, созданной человеком, трудно подчас не усомниться в его высшем назначении; книга же, где светит все его лучшее, где дурное отодвигается в тень, возвращает поколебавшуюся веру и утраченную любовь. Я читала с упоением,

так что иногда забывала, где нахожусь, хотя читать можно было только стоя у окна в хмурые октябрьские дни.

Как-то раз откинулось «окошко» и в нем появилась белая косынка сестры милосердия. Незначительное, но интеллигентное лицо, елейный голос, соболезнующие банальные слова мне не понравились. Я ей указала на замаранное белье, на гнилую солому, на все вообще антисанитарное состояние камеры, которое и в обыкновенное время недопустимо, а во время эпидемий, как теперь, было прямо опасно. Она вздыхала, соглашалась со мной, но заявила, что ничего изменить не может, так как никто никого не слушает и работать не хочет. Я попросила видеть доктора, что ей не совсем понравилось, она почему-то очень его берегла, уверяла, что он болеет душой и телом и так же бессилен, как и она. Я все-таки настояла, и она меня записала на прием следующего дня.

Грустно было видеть женщину, носящую эмблему креста, так мало соответствующую своему высокому назначению. Если б она действительно была «сестра» и понимала бы свои обязанности, была бы проникнута важностью своего призвания, сколько бы она могла утешить, успокоить, поддержать людей, оторванных от жизни, от всего им близкого и дорогого. Доступ в камеры ей был свободен, она никем не контролировалась, она могла одним своим сочувствующим присутствием возжечь гаснущую надежду в истерзанных, усталых сердцах. Но для этого нужно было пережить переживаемое другими, нужно было страдать чужим страданием, а не формальное, фарисейское отношение, не бояться за свое место.

Когда увидела доктора (он принимал в пустой камере, не приспособленной к амбулатории), я сразу поняла, что от него ничего не добиться. Он давно уже служил в этой тюрьме, при всех режимах, и у него были такие же приемы, как и у сестры: формальное, елейное, фарисейское, а в сущности, безразличное. Соглашаясь с моими доводами относительно антисанитарности камер, он соболезненно вздыхал, боязливо оглядывался и заявил, что ничего сделать не может. Он мне сообщил, что получил два медицинских свидетельства, касающихся меня, но хода им не дал, так как это было бы бесполезно. Комиссар не обращает внимания на заявления

посторонних врачей. Я попросила о продлении прогулки, так как с моим больным сердцем я задыхаюсь от пыли и скверного воздуха камеры. Он посоветовал написать заявление комиссару, заявление поддержит, но я была убеждена, что это были только пустые слова.

Меня перевели в другую камеру. Размер и обстановка были одинакие, но новый надзиратель самодовольно постлал чистое полотно, дал чистую наволоку, хвастаясь своей аккуратностью. Несмотря на что грязное сменное белье осталось валяться на полу до моего выхода.

Три надзирательницы обслуживали женский коридор, и добросовестно исполняли свои обязанности ничего не делать и ничем не помогать арестованным. Я помню, как одна из них, с претензиями на красоту и молодость, сильно подрумяненная, стояла, скрестив руки, на пороге камеры, пока я мела.

– Фу, как вы пылите, – морщась, заметила она.

– Вы, вероятно, лучше умеете это делать, вам привычней, чем мне, – возразила спокойно я и взмахнула шваброй так, что ее обдало пылью. С тех пор она воздерживалась от замечаний. Каждая из них, больше ознакомившись со мной, жаловалась «по секрету» на новые порядки, на увеличивающееся шпионство, на постоянные доносы друг на друга. Опустить открытку в почтовый ящик, сходить за какой-нибудь покупкой они категорически отказывались. Говорили всегда шепотом, оглядываясь, заstraщенные угрозой «стенки». «Ведь у них одна расправа», – боязливо шептали они.

Комиссар был новый, свирепый, латыш³⁴; ни пощады, ни снисхождения он не допускал ни заключенным, ни служащим.

³⁴ Христиан Янович Трейман (1887–1978) родился в Лифляндской губ., сын сапожника, образование низшее. Слесарь. С 1904 выполнял технические поручения в рижской организации латышской СДРП, в 1905 участвовал в экспроприации в государственном банке, в 1906 осужден Гельсингфорским судом на 10 лет. Наказание отбывал в Финляндии, в 1913 освобожден по амнистии. В 1916 мобилизован в латышский стрелковый полк, где и находился до 1917. Впоследствии член Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, член ВКП(б) (см.: Политическая каторга и ссылка 1929: 563–564). Год смерти приводим по: <https://geno.ru/node/72/%D0%A2/?page=20>. Великий князь Николай Михайлович писал о Треймане 06.01.1919: «Седьмой месяц пошел моего заточения в качестве заложника <...> за последние три месяца

Служащих при входе и выходе (почти все жили в казенном доме на той же улице) тщательно обыскивали, и одного надзирателя действительно поставили «к стенке» за найденную открытку одного из арестованных. Такая расправа достигла желаемого результата и навела террор на всех.

Лучше остальных была одна надзирательница из «простых». Она делала по своему разумению, что могла; передавала записки и еду от одних к другим, когда ее об этом просили; оставляла дольше открытым «окошко». Из него несло едким коридорным запахом, но слышны были все движения тюремной жизни и это развлекало. За эти поблажки ей перепали кое-какие крохи от «передач», и она их очень ценила. Я ей всегда давала казенный хлеб, она его ждала, приходила голодная на дежурство, оставив свою порцию детям дома.

Передачи ожидались с нетерпением, которое поймут только те, кто испытал муку заключения. Вид дорогого почерка на приложенном списке облегчал временно гнетущее беспокойство за близких, а это непрерывное, сверлящее опасение тяжелее всего. Я, по крайней мере, совсем не заботилась о себе, так как была уверена, что обо мне хлопчут, но неизвестность о том, что с близкими мне людьми, была подчас невыносима, и каждый раз, что получала передачу, я хватала список с замиранием сердца.

Одно из светлых воспоминаний (их было очень мало) – это когда я нашла в одной из передач образок, присланный моей приятельницей А. Г. Никогда ничто, кажется, мне не причинило такой радости, как этот образок, в котором я чувствовала и неустанную заботу, и горячую молитву дорогого мне друга. По вещам я узнавала, кто их прислал, и каждый раз это было большое

тюремные обстоятельства изменились к худшему и становятся невыносимыми. Комиссар Трейман, полуграмотный, пьяный с утра до вечера человек, навел такие порядки, что не только возмутил всех узников своими придирками и выходками, но и почти всех тюремных служителей» (Великий князь Николай Михайлович 1992: 87). По-видимому, дата поставлена по ст. ст., но подтвердить это невозможно. Николай Михайлович (1859–1919) – внук Николая I, генерал-адъютант. Был председателем Русского географического и Русского исторического общества. Автор нескольких исторических исследований из эпохи Александра I, инициатор обширной программы «Русский некрополь».

утешение. Если б люди на воле имели представление о том, как ценно и дорого каждое малейшее доказательство их памяти и заботы, они бы никогда не пропускали случая это сделать.

Дни тянулись в томительном однообразии. Единственное развлечение – прогулка, где обменивались новостями, всякими «слухами», наполняющими тюрьму. В этом отношении мы ничем не отличались от свободных «граждан». Тюрьма, как и вся Россия теперь, живет только слухами. Достоверного ничего, но сенсационных разговоров бездна; столько же, сколько надежд и упований, рождающих и распространяющих эти «слухи», которые в зависимости от их содержания приносили радость или беспокойствие и разочарование.

Все интересовались четырьмя Великими князьями, которым разрешалось гулять два раза в день одновременно с нами. Они привлекали общее внимание; за ними наблюдали, всматривались в них, отмечали выражение лиц, на чем строили разные предположения. Они проходили мимо нас один за другим вглубь двора, за дровами скрываясь от любопытных взоров.

Грустный и болезненный вид Павла Александровича³⁵ вызывал соболезнование и симпатию; его жалели все несмотря на то что он ничем себя не проявлял и никогда не заговаривал ни с кем, кроме своих прежних знакомых. Изящный, высокого роста, как и остальные, стройный, всегда хорошо одетый, с редко элегантной и породистой осанкой, он проходил, не поднимая глаз, немного торопливо, как бы стесняясь общего любопытства. Иногда только, когда беседа с братьями оживлялась, был слышен его негибкий, немного деревянный, густой, без интонаций голос.

Николай Михайлович, наоборот, был очень общительный, буффонил громко, голосом, привыкшим к командованию, надсмехался, с своими острыми недобрыми глазами искал знакомых среди вновь прибывших и радостно их приветствовал. Он очень изменился; не было его гордой осанки, он как-то сгорбился, как

³⁵ Павел Александрович (1860–1919) – сын Александра II, генерал от кавалерии; двоюродный брат в. к. Николая Михайловича.

надломленный, одевался нерячливо, исхудалое лицо с багровыми пятнами покрылось глубокими широкими морщинами. Он поглощен был писанием своих воспоминаний³⁶, не жаловался на скуку, но раздражался долгим заключением и заметно хирел. Ему обещали скорое освобождение, которого он ждал нетерпеливо, ждал с часу на час. По мере того, как дни проходили, а освобождения не было, он нервничал, сердился, имел столкновения с комиссаром и с надзирателями; ему, властному и необузданному, трудно было подчиняться тюремному режиму, неволе. Заглушая тоску, он еще больше паясничал; его шуток, не всегда приятных, опасались, и его чудачества часто осуждались; чуждались его фамильярничанья, через которое сквозила немного презрительная, высокомерная надменность.

Вспоминая прошлое, он мне горько жаловался на Государя, которого он часто предупреждал о необходимости реформ (он в семье слыл «красным»), упрекал его в слабых характеристиках, в том, что окружал себя недостойными людьми, под влияние которых попадал. Очень резко и враждебно отзывался об Императрице Александре Федоровне, обвиняя ее, главным образом, во всех несчастиях семьи. Он ее считал неумной, недоброй, упрямой, самовольной, холодно экзальтированной, в руках проходимцев, эксплуатирующих ее суеверный, узкий мистицизм в пользу своих личных, низменных вождедений и выгод. Николай Михайлович вообще был так раздражен, что почти ни о чем говорить спокойно не мог. Он говорил много, в повышенном тоне, потом как-то сразу обрывался, точно интерес минуты прерван глубоким тревожным беспокойством.

Георгий Михайлович³⁷, с своим некрасивым, солдатским лицом, скромно одетый, ходил сумрачный, не словоохотливый,

³⁶ В уже цитированном письме от 06.01.1919 Николай Михайлович писал, что готовит «большую работу о Сперанском, несмотря на все тяжелые условия и большой недостаток материалов» (Великий князь Николай Михайлович 1992: 87).

³⁷ Георгий Михайлович (1863–1919) – внук Николая I, служил в лейб-гвардейском уланском полку, с 1895 занимал почетную должность управляющего Музеем императора Александра III (Русским музеем), нумизмат.

разговаривал только часто с одним надзирателем, бывшим вахмистром в его эскадроне и награжденный им же Георгиевским крестом. Он окольным путем получил из Англии письмо от своей жены³⁸, которая сообщала ему об убийстве царя и всей его ближайшей семьи. Подробностей было мало, но то, что она писала, было ужасающее зверство. Убийцы были красноармейцы. Убили Государя, Государыню убили с наследником на руках; великих княжон изнасиловали и убили на глазах родителей³⁹. Убили также лейб-медика Боткина⁴⁰, адъютантов Государя Татищева⁴¹ и кн. Долгорукова⁴², лектрису Шнейдер⁴³ и одну из фрейлин, немолодую; предполагают, что убитая Бар.^{ca} Буксгевден⁴⁴, а о другой, молодой, Гр.^{мх} Гендриковой⁴⁵ ничего не известно.

Георгий и Николай Михайлович не сообщили братьям содержание письма, держали его в тайне, и меня просили о нем молчать, что я исполнила. Теперь только, когда их уже нет в живых, я считаю себя вправе обнаружить то, что они мне доверили и что, кажется, знают уже многие из других источников. Великая княгиня Мария Георгиевна упоминала также тревожные вести о насильственных смертях В. К.^{мх} Елисаветы Федоровны⁴⁶, трех братьев Дмитрия

³⁸ В. к. Мария Георгиевна (1876–1940) – двоюродная племянница Георгия Михайловича, его жена с 1900.

³⁹ Царская семья вместе со свитой была расстреляна в ночь на 17.07.1918 (по нов. ст.). Изнасилования не было.

⁴⁰ Евгений Сергеевич Боткин (1865–1918) окончил Военно-медицинскую академию, доктор медицины, с 1908 – лейб-медик. Расстрелян в ночь на 17.07.1918.

⁴¹ Илья Леонидович Татищев, граф (1859–1918). Окончил Пажеский корпус, с 1910 – генерал-адъютант. Убит 10 июля.

⁴² Василий Александрович Долгоруков, князь (1868–1918). Окончил Пажеский корпус, с 1912 – генерал-майор свиты, с 1914 – гофмаршал. Убит вместе с Татищевым.

⁴³ Екатерина Адольфовна Шнейдер (1856–1918) – лектриса императрицы. Окончила петербургскую гимназию и педагогические курсы. Учила будущую императрицу русскому языку после ее помолвки. Убита в Перми 04.09.1918.

⁴⁴ София Карловна Буксгевден, баронесса (1883–1956, в эмиграции) – фрейлина императрицы, через Японию и США добралась до Европы. Оставила мемуары.

⁴⁵ Анастасия Васильевна Гендрикова, графиня (1887–1918) – фрейлина императрицы с 1910. Убита в Перми 4.09.1918 вместе со Шнейдер.

⁴⁶ Великая княгиня Елисавета Федоровна (1864–1918) – старшая сестра императрицы, вдова в.к. Сергея Александровича (дяди Николая II), убитого в 1905 эсером

Константиновича⁴⁷ и молодого князя Палей⁴⁸, сына В. К. Павла Александровича, будто бы умерщвленными в Алапаевском монастыре, где они все жили перед наступлением белых. Трупы были брошены в шахту, и все это происходило 6 июля⁴⁹.

Насколько достоверны были эти слухи, Великая княгиня не знала; были только еще не проверены слухи, дошедшие в Англию, а о смерти Государя и его семьи не было сомнения, и она считала его свершившимся фактом. Слухи эти подтвердились потом, и, кажется, нет сомнения, что они верны. По сведениям Николай Михайловича, Сергей Михайлович⁵⁰ находился в каком-то чудодейственном Сибирском курорте, где лечил свои ревматизмы, и был вне опасности. Кажется, увы, что он был плохо осведомлен и что Сергея Михайловича постигла та же участь, что и других.

Оба брата были глубоко потрясены этими известиями, а Георгий Михайлович ничего не ждал, ни на что не надеялся, как будто

И. П. Каляевым. Убита под г. Алапаевск в ночь на 18.07.1918.

⁴⁷ Описка В. И. Великий князь Дмитрий Константинович (1860–1919) – внук Николая I, двоюродный брат Александра III, генерал от кавалерии, был родным братом поэта К. Р. (в. к. Константина Константиновича), а упомянутые три брата – Иоанн Константинович (1886–1918), Константин Константинович мл. (1891–1918) и Игорь Константинович (1894–1918) – сыновья К. Р. и племянники Дмитрия Константиновича. Все три сына К. Р. были убиты под Алапаевском вместе с в. к. Елисаветой Федоровной и В. П. Палеем (см. ниже).

⁴⁸ Владимир Павлович Палей (1896–1918) – сын в. к. Павла Александровича от морганатического брака с Ольгой Валерьяновной Пистолькорс. Учился в Пажеском корпусе, писал стихи на французском, английском и русском языках. В 1915 поехал на фронт, но вскоре по болезни взял отпуск. В 1916 и в 1918 вышли сборники его стихотворений. В апреле 1918 был сослан в Вятку, оттуда в Екатеринбург. Затем Палея отправили в г. Алапаевск. В ночь на 18.07.1918 брошен в рудничную шахту в окрестностях города вместе с в. к. Елисаветой Федоровной. Рассказ об убитом поэте, «названном “Владимиром Баглеем”, содержится в пьесе И. Бабеля “Мария”» (Тименчик 2016: 326). Возможно, Палей послужил одним из прототипов поэта-самоубийцы в «Поэме без героя» (см.: Там же).

⁴⁹ В. И. указывает дату по старому стилю, ошибаясь на один день.

⁵⁰ Великий князь Сергей Михайлович (1869–1918) – брат Николая и Георгия Михайловичей, с 1905 генерал-лейтенант и начальник главного артиллерийского управления. Убит в ночь на 18.07.1918 под Алапаевском вместе с перечисленными выше родственниками.

утратил вкус к жизни, и точно в ней не принимал уже участия, безразлично относясь ко всему окружающему.

24^{го} октября нас не пустили на прогулку; передачи не было; следующие четыре дня мы оставались запертыми в камерах⁵¹. Многие буквально голодали и писали отчаянные записки. Строгости надзора усилились: ночью то и дело осторожно подползали шаги подслушивающих надзирателей, щелкали кнопки электричества в тишине, и зоркое око припадало к «глазку» и проверяло действия заключенных. Не спали многие, но притворялись спящими все. Ощущение пытливо инквизиторского взгляда, пронизывающее, обнажающее все ваше существо, стерегущее вашу сокровенную мысль, вашу душу, чтоб уловить их в каком-нибудь невольном движении, в слове, бессознательно произнесенном во сне, и ведающее, м. б., то сокровенно важное, что утаивается, настолько оскорбительно, что может довести человека до крайности. На башне во дворе появился большой фонарь, свет которого стелился по всей камере, и не было места, утаенного от его мягкого, расстилающегося всюду и все обличающего света. Мне он был приятен, как нечто живое, разделяющее и хранящее мое одиночество.

Почему нас лишили прогулок? Надолго ли? Что случилось? Что нас ожидало еще? На мои вопросы надзирательницы отвечали мне с еще большей боязнью, едва слышным шепотом, что опасаются каких-то беспорядков в тюрьме, что усилен караул, удвоено число

⁵¹ Дата указана баронессой по старому стилю. Накануне, 23.10.1918 – по советскому календарю 05.11 – в Петрограде в связи с приближавшимся празднованием первой годовщины Октябрьского переворота был введен особый военный режим, действующий до конца праздников, то есть до 09.11 включительно: военные части приведены в состояние повышенной готовности, в государственных ведомствах установлено вооруженное дежурство, отменены старые автомобильные пропуска, а выдача новых затруднена, разосланы предупреждения о возможных политических провокациях (см., в частности: Северная коммуна. 05.11.1918. № 148. С. 1). Резонно будет предположить, что аппарат ЧК, куда гражданам рекомендовалось сообщать обо всех «враждебных выступлениях», в эти дни также работал в особом режиме, который был призван минимизировать возможность нежелательных происшествий. Враждебные элементы, сконцентрированные в ДПЗ на Шпалерной, естественно, должны были стать первыми жертвами повышенной бдительности чекистов и лишиться всех своих и без того сомнительных прерогатив.

надзирателей. Насколько были неосновательны и нелепы эти опасения! Что могли сделать безоружные и обессиленные люди? Ожидались будто бы какие-то выступления и извне. Надзиратели кричали более обыкновенного, надзирательницы трусили и срывали свои нервы на заключенных. По ночам комиссар обходил коридоры, кричал, кого-то бранил, чаще хлопали двери и лязгали ключи. Как-то раз поднялся нечеловеческий крик; мужской голос вопил: «Помогите! душат, режут!», другие громкие голоса отвечали. Происходила какая-то отвратительная возня, голос сипел, повторяя все те же слова слабее и слабее, мало-помалу затих; слышен был какой-то храп, топанье многочисленных шагов, – и все утихло.

На следующее утро, несмотря на все мои старания, не узнала, что произошло. Отвечали надзирательницы и даже Гриша все одно: будто бы уголовные арестанты подрались в общей камере, один стал душить другого, и что обоих повлекли в карцер. Может быть, это и была правда, но крики были какие-то странные, и их все слышали.

Настроение было возбужденное. Ночью тревожные разговоры часто прерывались обходами «начальства». Эти разговоры, полные страха неизвестного, неожиданного, но опасаемого, изобиловали всякими предположениями, которые быстро передавались как факты. Мы ожидали каждую минуту, что ворвутся к нам и учинят кровавую расправу. Воспаленное воображение рисовало самые мрачные картины. Многие после этих четырех дней изменились. Время, казалось, нескончаемо. Одна ночь прошла особенно беспокойно; много было шума, громких разговоров, беготни по коридорам и лестницам. На следующее утро мне по секрету сообщил Гриша, что привезли много немцев, и что все они размещены под нами.

Оказывается, что взбунтовались военнопленные, захватили в свои руки власть, образовали солдатский Совет наподобие наших, который и арестовал всех прежних высших чинов, предоставил их Ч.С.К., а она их посадила на Шпалерную⁵². Рассказывал он

⁵² Эпизод этот логично вписывается в историю репатриации военнопленных Центральных держав из России после Брест-Литовского мира (заключен 03.03, аннулирован 13.11.1918). В распространение 8-й статьи мирного договора и согласно Берлинскому протоколу от 24.06.1918 в РСФСР были созданы 14 германских, а затем 11

эти потрясающие новости скороговоркой, торопясь, все время оглядываясь, боясь снующих надзирательниц. Кроме того, он

австро-венгерских комиссий, которые должны были – в сотрудничестве с советскими органами власти – организовывать репатриацию подведомственных континентов. В функции этих комиссий, распределенных по разным регионам, входили вопросы размещения, питания, бытового и медицинского обслуживания, обмундирования и собственно транспортировки пленных. Комиссии состояли из командированных германских и австро-венгерских чиновников, финансировались из бюджета соответствующих стран, привлекали помощь международных гуманитарных организаций (прежде всего, структур Красного Креста). С июля по середину октября 1918 процесс репатриации проходил довольно активно (вернулось на родину более 100 тыс. германских и около 700 тыс. австро-венгерских пленных). Однако с конца октября, на фоне катастрофических военных поражений в Германии и Австро-Венгрии, начался острый политический кризис, что привело к фактическому распаду Австро-Венгерской империи и революционной смене политического режима в Германии. Эти события негативно сказались на дипломатических отношениях РСФСР с центральными державами (напр., 5/6 ноября последовал разрыв отношений с Германией), а, следовательно, и на процессе обмена пленными. Комиссии по делам военнопленных стремительно теряли легитимность, и советские власти воспользовались этим, чтобы перехватить рычаги управления массой военнопленных, которые давно рассматривались большевиками как потенциальные агенты мировой революции и, несмотря на букву Брест-Литовских соглашений, подвергались постоянному пропагандистскому воздействию. В начале ноября 1918 полномочия комиссий по делам пленных были опротестованы «демократическим путем». Было инспирировано создание германских и австро-венгерских советов «рабочих и солдатских депутатов», в основном из числа военнопленных с левыми взглядами, давно просочившихся в аппараты комиссий. Имущество комиссий было конфисковано и частично передано новообразованным советам, которые должны были в дальнейшем заниматься репатриацией под большевистским руководством (советы просуществовали до конца 1920). В некоторых регионах передача полномочий и имущества сопровождалась арестами протестующих комиссионеров, однако эти репрессивные меры были временными, и в течение двух недель штат комиссий покинул пределы республики. К сожалению, в литературе отсутствуют подробные данные об обстоятельствах создания советов военнопленных в Петрограде, однако известно, что Австро-венгерский совет рабочих и солдатских депутатов был образован в Петрограде 05.11.1918 (в 1919 переехал в Москву), а Германский революционный совет рабочих и солдатских депутатов в Москве – 10.11 (см.: Кривогуз, Полянский 1967: 475–478; Документы 1959: 564). По косвенным данным, петроградские события в сообществе немецких военнопленных предшествовали московским; это согласуется со свидетельством В. И. о том, что инцидент произошел на исходе режимного (праздничного) периода в городе, то есть скорее всего 09.11 (27.10.) – в день отречения от престола императора Вильгельма II, известие о котором и могло послужить триггером событий (см. также: Brändström 1927: 195–199; Дэвис 1982; Хейгель, Мейер 2008: 22–33; Безруков 2001: 99–110).

добавил, что баронессу К. посадили в карцер за то, что она вечером перестукивалась с тёткой. Дежурный надзиратель подслушал и вместо того, чтоб сделать замечание, ничего ей не говоря, привел комиссара, который накричал и наказал. Она провела в этом карцере всю ночь. Было темно, сыро и холодно. Она не захватила с собой спичек и не могла уяснить, в каком помещении находится, ощупью проводила рукой вокруг себя, но ничего не нащупывала, кроме мокрого, голого пола. Она не знала ни часа, ни продолжительности своего наказания, и провела все время на корточках, боясь сесть или лечь в мокроту. На следующее утро ее выпустили. За эту ночь она изменилась как после тяжелой болезни.

На пятый день нам разрешили прогулку. Все были возмущены, даже самые кроткие; обсуждался проект петиции к Ленину с требованием освобождения. Многие не согласились дать свою подпись, и кажется, он так и не осуществился.

Я чувствовала себя плохо и снова пошла к доктору, прося консультации с другим врачом, который должен был быть у в. к. Павла Ал<ександровича>. Он опять сочувственно вздыхал, качал головой, жалел, но прибавил, что вероятно существуют веские причины для моего задержания, т. к. комиссар, когда он заговорил обо мне, сказал, что меня не скоро освободят. А другой раз, когда упомянул о моем здоровье, грубо прервал его словами «и пускайдохнет». Он больше ничего говорить не может, и опять посоветовал мне написать комиссару заявление⁵³.

Писать заявления сделалось для меня нечто вроде спорта; я их писала ежедневно, по одному образцу, прося свиданья. Заявления посылала, а комиссар не являлся. Я так его никогда и не видела.

Очень становилось тоскливо. Дни делались короче, с 3-х часов уже читать нельзя было, и эти три часа до появления электричества тянулись бесконечно. Новостей, особенно сенсационных, не было. Великих князей все держали; здоровье Павла Алек<сандровича> и Дм<итрия> Конст<антиновича> значительно ухудшилось. Ник<олай> Мих<айлович> точно таял, т<ак> он худел, а глаза его

⁵³ Вычеркнута фраза: «что я и сделала без всякой надежды на успех».

блестели лихорадочным внутренним огнем, щеки делались еще багровее, он укорочал прогулку – видимо, ему было не под силу говорить о постороннем. Он и Павел Алекс<андрович> особенно болезненно переносили ожидание освобождения, которому они верили безусловно и ждали в буквальном смысле с минуты на минуту.

Немцев продержали недолго и куда-то увезли или отпустили – никто наверное не знал. Погода становилась все хуже, гулять в нечищенном дворе не было привлекательно; все больше и больше заключенных не выходили из своих полутемных камер, потеряв всякую энергию. Тоска окутывала нас всех. Монотонность и однообразие жизни ничем не нарушались. Часто, просыпаясь утром, недоумевала: новый ли начинается день или продолжение предыдущего.

Вдруг почему-то у меня явилось убеждение, что освободят в известный день. Оснований на такую уверенность не было никаких, но тем не менее она была так сильна, что я успокоилась. В предназначенный мною день, я уложила свои вещи, не постелила даже только что полученное белье, и читала, изредка поглядывая на часы. В девять с половиной часов вечера послышались не затаенные шаги в коридоре, знакомая возня с замком и лязг ключей. Дверь в камеру распахнулась и в нее вошел человек с бумажкой в руках, в сопровождении надзирательницы; проверил мое имя и фамилию, и объявил, что я свободна. «Освобождение», – повторил он, пристально глядя на меня. Взрыва радости у меня не было. Во 1-х, это извещение не являлось неожиданностью, я его ждала и именно в этот день, а во 2-х, у меня как-то чувства притупились; я, вероятно, не могла тогда воспринять ни большой радости, ни большого огорчения.

Уходя, человек сказал торопиться со сборами и быть готовой через десять минут. Я возмутилась и резко возразила, что после того, что меня держали месяц неизвестно почему, теперь не дают время уложиться как следует и что торопиться не стану.

Укладывать-то почти было нечего, но я хотела разослать по камерам, что получила утром и в чем, я знала, многие так нуждаются. Я успела это сделать, хотя за мной посылали два раза.

Надзирательница суетливо лебезила, спросила мой адрес «на всякий случай». «Ведь времена могут перемениться», – добавила она наивно. «И я могу вам пригодиться», – добавила я добродушно.

Проходя по коридорам, стучала у нескольких дверей, хотела проститься со многими, но сопровождающий надзиратель не позволял останавливаться.

В канцелярии ждали меня две другие освобожденные. Нам прочли бумагу <1 слово нрзб.> в нашем освобождении и взяли с меня подписку о невыезде из Петербурга.

Я просила нас дать солдата нести наши вещи или разрешить мне по телефону вызвать кого-нибудь, чтоб прислали извозчика. Но в том и в другом было очень грубо отказано помощником комиссара. С трудом разрешили надзирателю снести наши вещи до ворот. Мы очутились втроем с нашими тюками на панели в пустынной улице в одиннадцать часов вечера. Знакомые жили поблизости, и я им предложила идти домой и прислать извозчика, который, может быть, встретится по пути; я же буду сторожить вещи у ворот. Оставшись с глазу на глаз с часовым, я завела с ним разговор. Сначала угрюмый и сдержанный, он скоро разоткровенничался, стал горько жаловаться на условия жизни, на службу, на плохое питание, распространяя на всеобщее неудовольствие служащих и караула особенно среди вновь призванных солдат. Улица была мертва, ни души, а солдат, разговорившийся, угрюмо и упрямо повторял: «Надоело служить, был на войне, и довольно, теперь больше не хочу – хочу домой».

Показался тихо бредущий извозчик. Он остановился у ворот. Его прислали за мною.

Я нагрузила вещи и поехала домой.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алданов М. А. 1923. Убийство Урицкого (к пятилетию). – Современные записки. Кн. XVI (III). С. 350–383.
- Безруков Д. А. 2001. Система управления военнопленными и использование их труда в Новгородской губернии 1914–1918 гг. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого.

- Беленкин Б. И. 2005. Пасынки революции: Савинков, Опперпут и др. М.: Яуза; Эксмо.
- Бенуа А. Н. 1993. Мои воспоминания: В 5-ти кн. 2-е изд., доп. (репринт 1990). М.: Наука.
- Бережков В. И. 2005. Питерские: Руководители органов госбезопасности Санкт-Петербурга. М.: Яуза; Эксмо.
- Великий князь Николай Михайлович 1992. Великий князь Николай Михайлович: Письмо из заточения / Вступительная заметка, публикация и комментарии Н. Сидорова. – Наше наследие. № 25. С. 86–87.
- Вельяминов Н. А. 1994. Воспоминания об императоре Александре III / Публикация, вступительная ст. и примечания Д. Налепиной. – Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив. [Т.] V. С. 249–313.
- Волконская С. А. кн. 1925. Горе побежденным: *Vae victis*. Воспоминания. Париж: Oreste Zeluk, Editeur.
- Документы 1959. Документы внешней политики СССР. Т. 1: 7 ноября 1917 – 31 декабря 1918. М.: Политиздат.
- Елизаров М. А. 2004. Выступление матросов в Петрограде 14 октября 1918 г. – Вопросы истории. № 6. С. 129–133.
- Кильдюшевский В. И., Петрова Н. Е. 2011. Находки захоронений жертв красного террора в Петропавловской крепости. – Красный террор в Петрограде. М.: Айрис-пресс. С. 477–502.
- Кривогуз И. М., Полянский И. С. 1967. Германские и австрийские военнопленные – интернационалисты. – Интернационалисты: Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М.: Наука. С. 460–488.
- Манухин И. И. 1958. Воспоминания о 1917–18 гг. – Новый Журнал. № 54. С. 97–116.
- Морев Г. А. 1994. Из истории русской литературы 1910-х годов: К биографии Леонида Каннегисера. – Минувшее: Исторический альманах. [Т.] 16. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 115–149.
- Партия левых социалистов-революционеров 2000–2017. Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. 1917–1925: В 3-х тт. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Петерс Я. Х. 2007. Дело Локкарта: Работа тов. Петерса о деле Локкарта 1918 г. – Архив ВЧК: Сборник документов. М.: Кучково поле. С. 489–592.

- Политическая каторга и ссылка 1929. Политическая каторга и ссылка: Биографический справочник членов О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.
- Ратьковский И. С. 2012. Петроградская ЧК и организация доктора В. П. Ковалевского в 1918 г. – Новейшая история России. № 1. С. 100–115.
- Ратьковский И. С. 2019. Роберт Брюс Локкарт и «Заговор трех послов». – *Russian Colonial Studies*. № 1. С. 180–210.
- Сальман М. Г. 2017. Молодой Шкловский (По архивным материалам). – *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge*. Bd. 5. С. 148–167.
- Тименчик Р. Д. 2016. Ангелы-люди-вещи: В ореоле стихов и друзей. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Хильгер Г., Мейер А. 2008. Россия и Германия: Союзники или враги? / Пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф.
- Чельцов М. П. 1995. Воспоминания «смертника» о пережитом / Предисловие В. В. Антонова. М.: Издательство имени святителя Игнатия Ставропольского.
- Черепнин Н. П. 1915. Императорское воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк. 1764–1914. Т. 3. СПб.: Государственная типография.
- Шенталинский В. А. 2007. Поэт-террорист. – Шенталинский В. А. Преступление без наказания: Документальные повести / Предисловие В. Леоновича. М.: Прогресс-Плеяда. С. 91–194.
- Шкловский В. Б. 2019. Собр. соч. Т. 2: Биография / Сост., вступительная ст. И. Калинина. М.: Новое литературное обозрение.
- Шнир Дж. 2022. Заговор Локкарта: Любовь, предательство, убийство и контрреволюция в России времен Ленина / Пер. с англ. Саши Мороз. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Brändström, E. 1927. *Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien: 1914–1920*. Leipzig: Verlegt bei Koehler & Amelang.
- Davis, G. 1982. *Deutsche Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg in Rußland. – Militärgeschichtliche Mitteilungen*. Bd. 31. S. 37–49.

REFERENCES

- Aldanov, M. A. "Ubiistvo Uritskogo (k piatiletiiu)." *Sovremennye zapiski* 16, no. 3 (1923), 350–83.
- Belenkin, B. I. *Pasynki revoliutsii: Savinkov, Oppenput i dr.* Moscow: Iauza; Eksmo, 2005.
- Benoi, A. N. *Moi vospominaniia*. 5 vols. 2nd rev. ed. Moscow: Nauka, 1993.
- Berezhkov, V. I. *Piterskie: Rukovoditeli organov gosbezopasnosti Sankt-Peterburga*. Moscow: Iauza; Eksmo, 2005.
- Bezrukov, D. A. *Sistema upravleniia voennoplennymi i ispol'zovanie ikh truda v Novgorodskoi gubernii 1914–1918 gg.* Unpublished PhD dissertation. Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet im. Iaroslava Mudrogo, 2001.
- Brändström, E. *Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien: 1914–1920*. Leipzig: Verlegt bei Koehler & Amelang, 1927.
- Chel'tsov, M. P. *Vospominaniia "smertnika" o perezhitom*. Prefaced by V. V. Antonov. Moscow: Izdatel'stvo imeni sviatitelia Ignatiia Stavropol'skogo, 1995.
- Cherepnin, N. P. *Imperatorskoe vospitatel'noe obshchestvo blagorodnykh devits: Istoricheskii ocherk. 1764–1914*. Vol. 3. Saint Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1915.
- Davis, G. "Deutsche Kriegsgefangene im Ersten Weltkrieg in Rußland." *Militär-geschichtliche Mitteilungen* 31 (1982): 37–49.
- Dokumenty vneshnei politiki SSSR*. Vol. 1, 7 noiabria 1917 – 31 dekabria 1918. Moscow: Politizdat, 1959.
- Elizarov, M. A. "Vystuplenie matrosov v Petrograde 14 oktiabria 1918 g." *Voprosy istorii* 6 (2004): 129–33.
- Hilger, G. and A. Meyer. *Rossii i Germaniia: Soiuzniki ili vragi?* Translated from the English by L. A. Igorevskii. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008.
- Kil'diushevskii, V. I. and N. E. Petrova. "Nakhodki zakhoroneni zhertv krasnogo terrora v Petropavlovskoi kreposti." In *Krasnyi terror v Petrograde*, 477–502. Moscow: Iris-press, 2011.
- Krivoguz I. M. and I. S. Polianskii. "Germanskie i avstriiskie voennoplennye – internatsionalisty." In *Internatsionalisty: Trudiashchiesia zarubezhnykh stran – uchastniki bor'by za vlast' Sovetov*, 460–88. Moscow: Nauka, 1967.
- Manukhin, I. I. "Vospominaniia o 1917–18 gg." *Novyi Zhurnal* 54 (1958): 97–116.
- Morev, G. A. "Iz istorii russkoi literatury 1910-kh godov: K biografii Leonida Kannegiseria." In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. [Vol.] 16, 115–49. Moscow and Saint Petersburg: Atheneum; Phoenix, 1994.

- Partiia levyykh sotsialistov-revoliutsionerov: Dokumenty i materialy. 1917–1925.* 3 vols. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia, 2000–2017.
- Peters, Ia. Kh. “Delo Lockhart’a: Rabota tov. Petersa o dele Lockhart’a 1918 g.” In *Arkhiv VChK: Sbornik dokumentov*, 489–592. Moscow: Kuchkovo pole, 2007.
- Politicheskaia katorga i ssylka: Biograficheskii spravochnik chlenov O-va politkatorzhan i ssyl’noposelentsev.* Moscow: Izdatel’stvo Vsesoiuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl’noposelentsev, 1929.
- Rat’kovskii, I. S. “Petrogradskaia ChK i organizatsiia doktora V. P. Kovalevskogo v 1918 g.” In *Noveishaia istoriia Rossii* 1 (2012): 100–15.
- . “Robert Bruce Lockhart i ‘Zagovor trekh poslov.’” *Russian Colonial Studies* 1 (2019): 180–210.
- Sal’man, M. G. “Molodoi Shklovskii (Po arkhivnym materialam).” *Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge* 5 (2017): 148–67.
- Schneer, J. *Zagovor Lockhart’a: Liubov’, predatel’stvo, ubiistvo i kontrrevoliutsiia v Rossii vremen Lenina.* Translated from the English by Sasha Moroz. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Ivana Limbakha, 2022.
- Shentalinskii, V. A. “Poet-terrorist.” In *Prestuplenie bez nakazaniia: Dokumental’nye povesti*, by V. A. Shentalinskii. Prefaced by V. Leonovich, 91–194. Moscow: Progress-Pleiada, 2007.
- Shklovskii V. B. *Sobranie sochinenii. Vol. 2, Biografiia.* Edited and prefaced by I. Kalinin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Sidorov, N. “Velikii kniaz’ Nikolai Mikhailovich: Pis’mo iz zatocheniia.” *Nashe nasledie* 25 (1992): 86–87.
- Timenchik, R. D. 2016. *Angely-liudi-veshchi: V oreole stikhov i druzei.* Moscow and Jerusalem: Mosty kul’tury; Gesharim.
- Vel’iaminov, N. A. *Vospominaniia ob imperatore Aleksandre III.* Published, prefaced and annotated by D. Nalepina. In *Rossiiskii arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel’stvakh i dokumentakh 18–20 vv.: Al’manaxh.* [Vol.] 5, 249–313. Moscow: Studiia TRITE; Rossiiskii arkhiv, 1994.
- Volkonskaia, S. A. princess. *Gore pobezhdennym: Vae victis. Vospominaniia.* Paris: Oreste Zeluk, Editeur, 1925.

III

LOTMAN – 100

НЕИЗВЕСТНАЯ ЗАМЕТКА Ю. М. ЛОТМАНА

Г. М. Утгоф

(Таллинн)

Весной 1970 г. – в преддверии ежегодной конференции молодых филологов-русистов – в Тарту были напечатаны «Материалы XXV научной студенческой конференции: Литературоведение. Лингвистика» (отв. ред. П. А. Руднев и П. С. Сигалов). Открывались они заметками, посвященными юбилею вождя мирового пролетариата («В. И. Ленин в поэмах Маяковского и творчестве Эйзенштейна» О. И. Байбуз и «Ленинская периодизация русской общественной мысли XIX века и дискуссия о славянофильстве в современном литературоведении» К. А. Кумпан), за которыми размещались краткие сообщения, затрагивающие широкий спектр славистической проблематики – от восточнославянского фольклора и средневековой словесности до теории литературы и квантитативной поэтики.

Появление материалов юбилейного свойства – о Ленине – представляло собой уступку обстоятельствам места и времени (после Пражской весны для Тарту становившегося все мрачнее)¹ – и вторило рубрикации XV выпуска «Трудов по русской и славянской филологии». В отличие от лингвистического – XIV – тома (отв. ред. С. В. Смирнов), готовившегося параллельно и позволившего себе роскошь Ленина не поминать (за единственным исключением – см.: Метса 1970: 168–195), том XV, литературоведческий (отв. ред. Б. Ф. Егоров), открывался разделом «К столетию со дня рождения В. И. Ленина» – со статьями Ю. М. Лотмана («В. И. Ленин об идеологической сущности движения декабристов» и «Из истории

¹ Об этих годах в жизни Ю. М. Лотмана, его семьи и ближайшего окружения (и – прежде всего – об обыске 30 января 1970 г.) см.: Егоров 1999: 161–166; Кузовкина 2015: 140–153; также см. обязательно: Лотман 1995: 45–46, 52–53. Об академическом контексте см.: Киселева 2003: 336–349.

изучения стиля Ленина»; см.: Лотман 1970а: 3–6; Лотман 1970b: 12–13)² и З. Г. Минц («Пьеса, посвященная Ленину (Из истории ранней советской ленинианы)»; см.: Минц 1970: 7–10)³. Примечательно, что юбилейная преамбула к «взрослому» сборнику была выстроена по хронологии; в сборнике же студенческом XIX век был дан следом за веком XX: «из тактических соображений»⁴ на первый план были выведены Маяковский и Эйзенштейн.

У заметки «В. И. Ленин в поэмах Маяковского и творчестве Эйзенштейна», открывающей «Материалы XXV научной студенческой конференции», есть своя история. Лотман поручил ее написанию доверенному лицу – студентке пятого курса О. И. Байбуз (в замужестве – Утгоф, 1946–2012)⁵, но едва не попал в затруднительное положение. Автору этих строк известно, что с «политическим» поручением она справиться не сумела – о чем и сказала Лотману: в круг ее интересов входила смежная тема, «Маяковский и полемика по вопросам кино в советской критике» (см.: Байбуз 1970)⁶, в разработке которой она, следуя рекомендациям научного руководителя, опиралась – прежде всего – на статью О. М. Брига «Маяковский-сценарист», а также работы Ю. Н. Тынянова («Об основах кино» и др., но не на «Словарь Ленина-полемика»), В. Б. Шкловского («О Маяковском» и др., но не на «Ленина, как деканонизатора»), Б. М. Эйхенбаума («Проблемы кино-стилистики», но не на «Основные стилевые тенденции в речи Ленина») и др. Тезисы, помещенные в «Материалах...» под ее именем, были

² Работы библиографированы в: Материалы 1992: 527 (позиции 183, 184); Список 1993: 450 (позиции 183, 184).

³ Работа библиографирована в: Пономарева 1993: 20 (позиция 65).

⁴ Речевой оборот Ю. М. Лотмана, использовавшийся в ситуациях вынужденного соблюдения советского идеологического этикета.

⁵ См. о ней в примечаниях к работе: Дорвинг, Кузовкин, Кузовкина 2023 (в печати).

⁶ Работа библиографирована в: Список 1999: 348. Структура ее такова: 1. «Историкография вопроса» (с. 3–14); 2. «Статьи Маяковского, посвященные киноискусству» (с. 15–45); 3. «Позиция ЛЕФ'а по вопросам киноискусства» (с. 46–82); 4. «Маяковский-сценарист» (с. 83–124); 5. «Заключение» (с. 125–129); 6. «Список использованной литературы» (с. 130–144; всего 145 позиций – в т. ч. на *англ.* и *польск.* языках); 7. «Приложение (Перечень фильмов с участием Маяковского и сценариев, написанных им)» (с. 144–145; всего 18 позиций).

написаны Лотманом – при ней – и прямо в машинку⁷. Ниже они приводятся по экземпляру, который достался мне по наследству – с исправлением опечатки и восстановлением авторства.

В. И. Ленин в поэмах Маяковского и творчестве

Эйзенштейна

<Ю. М. Лотман>

1. Интерес к документальному решению исторической темы в творчестве Маяковского и Эйзенштейна. Теоретические дискуссии в литературе и кинематографии 1920-х гг. и историко-документальная тема.
2. Полемика по вопросу об изображении истории средствами искусства. Роль «октябрьской темы» как модели революционного подхода к истории.
3. Значение образа Ленина в художественном решении октябрьской темы Маяковским и Эйзенштейном. Соотношение «личного» и «исторического», роль документа в поэзии и фильме. Игровой и документальный материал в фильме «Октябрь». Место фильма в истории советской кино-ленинианы.
4. Воздействие Маяковского на Эйзенштейна⁸. Влияние дискуссий по проблемам кинематографа на поэтику Маяковского.
5. Маяковский и Тынянов. Ленинский номер «ЛЕФ'а»⁹. Тынянов и Эйзенштейн. Проблема большей конкретности кинодокумента по сравнению с монтажом документов в художественной литературе.

⁷ Мне это было рассказано мимоходом (но tête-à-tête – и не без тени горечи) четверть века назад; об уступке – ради общего дела – мама говорила и Т. Д. Кузовкиной (частное сообщение, 12.11.2022) в пору их совместной работы в Eesti Semiootikavaramu (ныне – Juri Lotmani Semiootikavaramu).

⁸ Этот сюжет в работе Байбуз 1970 затронут не был, но – не без настояния Ю. М. Лотмана – он был раскрыт в статье: Газер 1972: 174–201.

⁹ Здесь фактически конспектируется следующий тезис: «Значение ленинского тома “ЛЕФ’а” для поэмы Маяковского <“Владимир Ильич Ленин”> – тема, которая еще ждет тщательного исследования» (Лотман 1970b: 13). В работе Байбуз 1970 речь об

6. Значение образа Ленина в поэзии Маяковского и творчестве Эйзенштейна для современности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Роспись содержания «Материалов XXV научной студенческой конференции: Литературоведение. Лингвистика» (Тарту, 1970)

Литературоведение

Lit.1. **О. Байбуз** [Ю. М. Лотман] (Тарту). «В. И. Ленин в поэмах Маяковского и творчестве Эйзенштейна» (с. 5); Lit.2. **К. Кумпан** (Тарту). «Ленинская периодизация русской общественной мысли XIX века и дискуссия о славянофильстве в современном литературоведении»¹⁰ (с. 5–6); Lit.3. **А. Байбурин** (Тарту). «О реализациях имени собственного в русских похоронных причитаниях» (с. 7–10); Lit.4. **А. Байбурин** (Тарту). «Функция загадки в свадебном обряде» (с. 11–12); Lit.5. **Е. Пиотровская** (Ленинград). «О русской редакции “Повести об Акире Премудром”» (с. 13–15); Lit.6. **М. Антонова** (Ленинград). «Стилистические особенности “Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго” (В связи с вопросом атрибуции памятника)» (с. 16–18); Lit.7. **Л. Итигина** (Ленинград). «О времени создания драмы “Акт о палестинских стран царице”» (с. 18–19); Lit.8. **Ю. Рыков** (Москва). «История о Великом Князе Московском» князя А. М. Курбского как источник по изучению опричнины» (с. 19–24); Lit.9. **Е. Добрушкин** (Москва). «В. Н. Татищев в работе над “Историей Российской” (Текстологический анализ статьи “Истории” под 1113 г.)» (с. 24–28); Lit.10. **Е. Бешенковский** (Москва). «“Российская история” Ф. А. Эмина как памятник исторической мысли XVIII века» (с. 28–30); Lit.11. **А. Аксенов** (Москва). «А. И. Мусин-Пушкин – этимолог, коллекционер, источниковед и археограф» (с. 31–34); Lit.12. **И. Душечкина** (Тарту). «Радищев и древнерусская литература» (с. 35); Lit.13. **Л. Петина** (Тарту). «Альбом пушкинской эпохи как вид литературного текста» (с. 36–38); Lit.14. **Г. Гитлина** (Тарту). «Е. М. Хитрово как социально-

этом не заходила; к поэме же «Владимир Ильич Ленин» (но под другим углом зрения) обратилась впоследствии Сильви Салупере (см.: Салупере 1987: 141–145).

¹⁰ Название заметки (и первая фраза начального абзаца) – Ю. М. Лотмана (К. А. Кумпан, частное сообщение, 19.12.2022).

психологический тип русской женщины пушкинской эпохи» (с. 38);
Lit.15. **М. Левин** (Тарту). «Проблема цикла в прозе И. Г. Эренбурга 1920-х гг.» (с. 39–41); Lit.16. **Р. Тименчик** (Рига). «К анализу “Поэмы без героя”: 2» (с. 42–45); Lit.17. **Д. Лашманов** (Москва). «Семиотика и наука о литературе» (с. 46–48); Lit.18. **В. Крутоус** (Москва). «Проблема мотивированности в словесном искусстве и семиотике» (с. 48–50); Lit.19. **А. Доценко** (Москва). «К вопросу о структуре категории “стиль” в литературоведении и искусствоведении <19>20-х годов» (с. 51–55); Lit.20. **Л. Маллер** (Смоленск). «Экспрессивно-тематический ореол трехстопного амфибрахия» (с. 55–59); Lit.21. **М. Красноперова** (Москва). «Замечания о ритме строфы “Евгения Онегина”»; «Приложение к работе М. Красноперовой “Замечания о ритме строфы “Евгения Онегина”» (с. 59–63, 65–67); Lit.22. **Е. Орлов** (Донецк). «Ритм в повести Гоголя “Страшная месть”» (с. 63); Lit.23. **С. Гиндин** (Москва). «Брюсовская семантическая теория народного стиха и развитие литературного стиха на рубеже XIX – XX столетий» (с. 64); Lit.24. **М. Лотман** (Тарту). «Об одном понятии фонологической организации поэтического текста» (с. 65).

Лингвистика

Ling.1. **З. Шаляпина** (<Москва>). «Некоторые вопросы семантики в связи с построением модели английского словообразования» (с. 70–72); Ling.2. **Л. Аронайте** (<Вильнюс>). «Лексико-семантическая группа слов со значением ‘свинья’ в московском переводе-редакции Литовского Статута» (с. 72–77); Ling.3. **В. Айрапетян** (<Ереван>). «Русский палиндром: I. Тексты. II. Тип текста» (с. 77–81); Ling.4. **Б. Маслов** (<Тарту>). «Сравнительный анализ “сверхфразовых единств” (На материале сербского и русского языков)» (с. 82–85); Ling.5. **А. Байбурин** (<Тарту>). «Некоторые замечания о синтаксисе русской былины» (с. 86–87)¹¹.

¹¹ Работы тартуских студентов перечислены в: Bibliograafia 1973: 56–60 (позиции 882–886, 889, 919, 922, 924, 926 и 945); так же см.: Указатели содержания 1991: 51–52 (позиции 63.1–63.24; лингвистические заметки «Материалов...» не библиографированы).

ЛИТЕРАТУРА

- Байбуз О. И. 1970. Маяковский и полемика по вопросам кино в советской критике: Дипломная работа <...>. Научный руководитель доктор филологических наук Ю. М. Лотман. Тарту: Тартуский государственный университет.
- Газер И. З. 1972. С. М. Эйзенштейн и В. В. Маяковский (К вопросу о языках поэзии и кино). – *Quinquagenario*: Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 174–201.
- Дорвинг Д., Кузовкин Д., Кузовкина Т. 2023. Переписка З. Г. Минц и Ю. М. Лотмана с В. И. и И. З. Белобровцевыми. – Зара Григорьевна Минц: Документы, письма, воспоминания. Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus (в печати).
- Егоров Б. Ф. 1999. Жизнь и творчество Ю. М. Лотмана. М.: Новое литературное обозрение.
- Киселева Л. Н. 2003. Ю. М. Лотман – заведующий кафедрой русской литературы. – *Slavica Tartuensia*. [Вып.] V: 200 лет русско-славянской филологии в Тарту. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 336–349.
- Кузовкина Т. Д. 2015. Один день профессора Ю. М. Лотмана (Памяти Натальи Горбаневской). – *Новый мир*. № 3. С. 140–153.
- Лотман Ю. М. 1970а. В. И. Ленин об идеологической сущности движения декабристов. – *Труды по русской и славянской филологии*. [Вып.] XV: Литературоведение. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 3–6 (Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vihik 251).
- Лотман Ю. М. 1970б. Из истории изучения стиля Ленина: Сообщение Ю. М. Лотмана. – *Труды по русской и славянской филологии*. [Вып.] XV: Литературоведение. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 11–13 (Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vihik 251).
- Лотман Ю. М. 1995. Не-мемуары. – *Лотмановский сборник*. [Вып.] 1. М.: Издательство «ИЦ-Гарант». С. 5–53.
- Материалы 1992. Материалы к библиографии трудов профессора Ю. М. Лотмана / Сост. Л. Н. Киселева. – [Lotman – 70]: Сборник статей к 70-летию проф. Лотмана. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 514–565.
- Метса А. А. 1970. Методика обучающего эксперимента по индивидуализации обучения русскому языку. – *Труды по русской и славянской филологии*. [Вып.] XIV: Серия лингвистическая. Тарту:

- [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 168–195 (Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vihik 245).
- Минц З. Г. 1970. Пьеса, посвященная В. И. Ленину (Из истории ранней советской ленинианы). – Труды по русской и славянской филологии. [Вып.] XV: Литературоведение. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 7–10 (Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vihik 251).
- Пономарева Г. М. 1993. Список печатных работ З. Г. Минц. – Блоковский сборник. [Вып.] XII. М.: Издательство «ИЦ-Гарант». С. 17–28.
- Салупере С. 1987. К вопросу точности перевода. – *Studia metrica et poetica: Poetiliste süsteemide dünaamika*. Труды по метрике и поэтике: Динамика поэтических систем. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 141–145.
- Список 1993. Список трудов Ю. М. Лотмана / Сост. Л. Н. Киселева. – Лотман Ю. М. Избранные ст.: В 3-х тт. Т. 3: Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки. Таллинн: «Александра». С. 441–482.
- Список 1999. Список дипломных работ по кафедре русской литературы [Тартуского университета] / Сост. Г. М. Пономарева. – Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. [Вып.] III: К 40-летию «Тартуских изданий». Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. С. 332–371.
- Указатели содержания 1991. Труды по русской литературе и семиотике кафедры русской литературы Тартуского университета: 1958–1990. Указатели содержания / Сост. Г. М. Пономарева и С. Г. Барсуков. Вступительные ст. Ю. М. Лотмана и С. Г. Исакова. Ред. С. Г. Исаков и Г. М. Пономарева. Тарту: Издательство «Компу».
- Bibliograafia 1973. Tartu Riiklik Ülikool: 1970.a. ilmunud tööde bibliograafia. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus].

REFERENCES

- Baibuz, O. I. *Maiakovskii i polemika po voprosam kino v sovetskoj kritike*. Unpublished senior essay. Tartu: University of Tartu, 1970.
- Dorving, D., Kuzovkin, D. and T. Kuzovkina. “Perepiska Z. G. Mints i Iu. M. Lotmana s V. I. i I. Z. Belobrovtssevymi.” In *Zara Grigor’evna Mints: Dokumenty, pis’ma, vospominaniia*. Tallinn: Tallinna Ülikooli Kirjastus (forthcoming).

- Egorov, B. F. *Zhizn' i tvorchestvo Iu. M. Lotmana*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1999.
- Gazer, I. Z. "S. M. Eisenstein i V. V. Maiakovskii (K voprosu o iazykakh poezii i kino)." In *Quinquagenario: Sbornik statei molodykh filologov k 50-letiiu prof. Iu. M. Lotmana*, 174–201. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1972.
- Kiseleva, L. N. "Materialy k bibliografii trudov professora Iu. M. Lotmana." In *[Lotman – 70]: Sbornik statei k 70-letiiu prof. Lotmana*, 514–65. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1992.
- . "Spisok trudov Iu. M. Lotmana." In *Izbrannye stat'i*, by Iu. M. Lotman. 3 vols. Vol. 3, *Stat'i po istorii russkoi literatury. Teoriia i semiotika drugikh iskusstv. Mekhanizmy kul'tury. Melkie zametki*, 441–82. Tallinn: "Aleksandra," 1993.
- . "Iu. M. Lotman – zaveduiushchii kafedroi russkoi literatury." In *Slavica Tartuensia*. Vol. 5, *200 let russko-slavianskoi filologii v Tartu*, 336–49. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 2003.
- Kuzovkina, T. D. "Odin den' professora Iu. M. Lotmana (Pamiati Natal'i Gorbanevskoi)." *Novyi mir* 3 (2015): 140–53.
- Lotman, Iu. M. "V. I. Lenin ob ideologicheskoi sushchnosti dvizheniia dekabristov." In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 15, *Literaturovedenie*. Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vol. 251, 3–6. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1970.
- . "Iz istorii izucheniia stilia Lenina: Soobshchenie Iu. M. Lotmana." In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 15, *Literaturovedenie*. Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vol. 251, 11–13. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1970.
- . "Ne-memuary." In *Lotmanovskii sbornik*. Vol. 1, 5–53. Moscow: Izdatel'stvo "ITs-Garant," 1995.
- Metsa, A. A. "Metodika obuchaiushchego eksperimenta po individualizatsii obucheniia russkomu iazyku." In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 14, *Seriia lingvisticheskaja*. Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vol. 245, 168–95. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1970.
- Mints, Z. G. "P'esa, posviashchennaia V. I. Leninu (Iz istorii rannei sovetkoi leniniany)." In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 15, *Literaturovedenie*. Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. Vol. 251, 7–10. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1970.
- Ponomareva, G. M. "Spisok pechatnykh rabot Z. G. Mints." In *Blokovskii sbornik*. Vol. 12, 17–28. Moscow: Izdatel'stvo "ITs-Garant," 1993.

- . “Spisok diplomnykh rabot po kafedre russkoi literatury [Tartuskogo universiteta].” In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie*. Vol. 3, K 40-letiiu “Tartuskikh izdanii,” 332–71. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999.
- Ponomareva, G. M. and S. G. Barsukov. *Trudy po russkoi literature i semiotike kafedry russkoi literatury Tartuskogo universiteta: 1958–1990. Ukazateli sodержaniia*. Prefaced by Iu. M. Lotman and S. G. Isakov. Tartu: Izdatel'stvo “Kompu,” 1991.
- Salupere, S. “K voprosu tochnosti perevoda.” In *Studia metrica et poetica: Poeetiliste süsteemide dünaamika. Trudy po metriki i poetike: Dinamika poeticheskikh sistem*, 141–45. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1987.
- Tartu Riiklik Ülikool: 1970. a. ilmunud tööde bibliograafia*. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1973.

КРИТИКА

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

РЕЦ. НА КН.: БАБАК Г., ДМИТРИЕВ А. АТЛАНТИДА
СОВЕТСКОГО НАЦМОДЕРНИЗМА: ФОРМАЛЬНЫЙ
МЕТОД В УКРАИНЕ (1920-е – начало 1930-х). М.: Новое
литеатурное обозрение, 2021. 784 с. Тираж: 1000 экз.

В. С. Отяковский
(Тарту)

Книга Галины Бабак и Александра Дмитриева о рецепции формального метода в Украине вышла из печати осенью 2021 года и тогда же автор этих строк решил ее отрецензировать. Наверное, в тот момент отклик выглядел бы спокойнее – вот, мол, формальный метод; вот, мол, как его воспринимали в Советской Украине, а вот, мол, зачем для этого придумывать концепт «нацмодернизма». Именно таким вышел «форум», посвященный монографии в журнале “Ab Imperio” (2021, № 4) – в девяти статьях авторы обсуждают разные аспекты книги, подчеркивают ее ценность для построения истории науки в Украине, с разных сторон обсуждают (в основном, оспаривая) терминотворчество в заглавии¹. Совсем в ином регистре читается первая же фраза ответа рецензентам, написанная авторами книги в конце февраля: «Дописывать этот текст было очень тяжело – стоило вспомнить тот или иной пассаж из текстов украинских коллег, перед главами вставляли картины из подвалов, станций метро и сводок новостей» (Бабак, Дмитриев 2022: 193). Война России против Украины влияет в том числе и на поле гуманитарных наук, со всей неизбежностью вскрывая его внутренние противоречия. В

¹ Именно из-за нежелания очевидных повторов на следующих страницах почти не будет размышлений по поводу «нацмодернизма», основное внимание уделено историко-научному сюжету монографии. В этом ракурсе особенно ценны возражения и дополнения из первой половины рецензии Андрея Портнова и Оксаны Пашко (см.: Пашко, Портнов 2021: 91–113).

славистике начинается реконфигурация, пересборка поля интересов, и в этом процессе «Атлантида советского нацмодернизма» кажется важным объектом для разговора о новых основаниях Russian и Ukrainian studies.

Дело в том, что формальный метод стал своего рода лейблом русской культуры в области теории; вместе с бахтинианством труды филологов 1920-х суммируются лаконичным названием Russian theory и в таком виде продвигаются в академической среде. Монография некоторым образом усложняет эту картину, добавляя важные обертона и расставляя акценты. Цель авторов не в том, чтобы отъединить теорию от русской культуры – это было бы задачей столь же вредной, сколь и нереализуемой, но при этом они стремятся снизить гомогенизирующий эффект «русскости», указать на те участки поля, которые при построении «русской» теории становятся слепыми зонами. В этом смысле славистике в России повезло, что книга такого охвата, выдержанная в спокойной академической интонации, появилась до начала войны – похожих работ в ближайшее время не предвидится. (Сразу стоит отметить двухсотстраничный раздел приложений – по сути, самостоятельную хрестоматию по заявленной теме, полную впервые переведенных украинских текстов и извлечений из архивов.)

В заявленном ракурсе прежде всего нужно говорить о первых двух главах первой части книги, посвященных предтечам формализма Александру Потебне и Владимиру Перетцу. Потебня – прорывной теоретик, особое положение которого, как пишут авторы, «в известной степени задает исходную рамку всей нашей книги» (с. 40). Его феномен складывается не только на основе работ ученого, но и с учетом истории их осмысления и канонизации – неслучайно эта глава называется «Наследие Александра Потебни» с ударением на первом слове. В Петербурге Потебня был острее всего воспринят сообществом не научным, а литературным, прежде всего в лице Андрея Белого, который активно обращался к его рефлексиям в попытке систематизировать символистскую эстетику. Неудивительно поэтому, что ранний формализм так нападает на Потебню (например, в небольшой статье Шкловского

«Потебня»), видя в его лице сподвижника символизма и, таким образом, союзника соперников. Позже, впрочем, отношение к нему сглаживается, и примечательно, что украинский критик Владимир Державин в конце 1920-х усматривает в «Технике писательского ремесла» Шкловского уже зависимость от харьковского теоретика (с. 563).

В свою очередь украинское сообщество, включающее прямых учеников, взаимодействует с более академичным образом Потебни, учитывает не только его эстетические труды (ко всему прочему, проблемные чисто текстологически), но и работу по изданию украинской литературы XIX века. Для формалистов существует в основном ранний Потебня, а украинские коллеги учитывают и стадильность его развития, постепенную эволюцию. Таким образом формируется иная линия его восприятия. Если опоязовцы используют концепты Потебни для спора с ними, то харьковское прочтение вполне сочувственно, причем по мере развития формального метода, украинские ученые, ему симпатизирующие, вполне бесконфликтно скрещивают потебнианский психологизм с принципами имманентного анализа. Такого рода синтез можно наблюдать, например, в лице Иеремии Айзенштока, который хоть и не застал Потебню, но с энтузиазмом примкнул к сообществу его наследников, участвуя в издании сочинений ученого. Позже он встретил триумф формального метода, выраженный в одном из самых комплиментарных украинских текстов о формализме – статье «Десять лет ОПОЯЗа», в которой утверждается способность адаптации опоязовского инструментария к разным гуманитарным парадигмам (сам Айзеншток, учитывая контекст конца 1920-х, пишет о марксистской, но подразумеваются и иные возможности).

Совсем иного рода влияние связано с фигурой Владимира Перетца, который важен для опоязовцев не только и не столько как методологический источник, но скорее как образец в области «научного быта», как мастер институционального обустройства. Его знаменитый киевский и затем петербургский семинар был одним из самых интересных научных образований в славистике начала XX века. Строгой формализованности, почти монастырскому

устройству семинара, ОПОЯЗ неявно противопоставил свободную ассоциацию литераторов, не связанных официальными отношениями. Таким образом, Перетц тоже оказывается скорее платформой для отталкивания, притом весьма важной.

Перетц синхронно со Шкловским заявил о принципиальности вопроса «как сделано произведение», и в отличие от российской среды, где его «филологический» подход был не так заметен на фоне авангардного самоутверждения формалистов, в Украине его труды породили благодарное поколение последователей – значительная часть героев книги аттестуется авторами как «ученик Перетца». В очерке об ученом уделяется внимание не только его работам и организаторским способностям, но также и вполне четко реконструируемой (в отличие от Потебни) политической позиции и способности ее продвигать в неблагоприятной для национального самосознания обстановке трансформирующейся империи. Академичный Перетц в таком изображении оказывается совсем не кабинетным ученым, а гибким и тонко чувствующим эпоху интеллектуалом, способным продвигать свои интересы в любой обстановке – неслучайно он попал под репрессии еще до 1937-го, в рамках «дела славистов».

Значение Потебни и Перетца для формалистов можно типологически сопоставить со значением петербуржцев Веселовского и Венгерова (с первым из каждой пары диалог скорее теоретический, со вторым – так сказать, институциональный), а авторы монографии ясно демонстрируют, что для харьковского и киевского ученых невозможно ограничиться дискурсом «провинции русской империи», для понимания их жизненных и интеллектуальных стратегий необходимо понимание именно «украинского вопроса», синхронного их деятельности. Поколение, к формированию которого Потебня и Перетц оба имеют прямое отношение, будет потом главным создателем того самого национального модернизма. Если для опоязовцев возможна только полемика с ними, то для прямых учеников обоих свойственен скорее синтетический подход, сочувственное восприятие конструктивных элементов формального метода, вопреки полемическому задору отрицания

академии – неслучайно украинские теоретики будут внимательно следить за работами Виктора Жирмунского, который не отрицал своей зависимости от предшественников по теории. Траектория, по которой идут потебнианцы и перетцианцы, параллельна и отлична от той, которую предпочли Шкловский сотоварищи.

За главами о Потевне и Перетце следует очерк «Особенности раннего модернизма в украинской литературе и критике рубежа XIX–XX веков». Смена предмета анализа объясняется общей концепцией книги, ведь помимо истории науки, она претендует на построение траектории общей интеллектуальной / культурной истории рассматриваемого периода. Основной стержень, связывающий разные части, связан с формализмом не только в узком значении, но и в расширенном, который сегодня становится все более распространен. Этапной для такого понимания стала антология под редакцией Сергея Ушакина «Формальный метод» (см.: Ушакин, 2016), в которой собраны труды не только опоязовцев, но и теоретические работы Родченко, Эйзенштейна, Малевича, Гастева и т. д. В одном из интервью Галина Бабак говорила, что к изучению формализма она пришла от увлечения украинским поэтическим авангардом (см.: Дмитриев, Бабак 2022: s. p.), и это видно в «Атлантиде советского нацмодернизма». «Формализм» здесь превращается в *umbrella term*, отчасти размывающий свое значение. Это заметный недостаток для истории науки, но авторы вполне сознательно используют этот ход как прием в построении истории культуры, не останавливающейся на одной конкретной дисциплине – такой ракурс позволяет включить в общий нарратив футуристический журнал «Новая генерация» и группу киевских «неоклассиков». Как при разговоре о Шкловском, Тынянове, Эйхенбауме сложно обойтись без фигур Маяковского, Хлебникова, Ахматовой – так и украинская наука о литературе тесно сплетается с художественной практикой харьковских и киевских прозаиков и поэтов.

Вторая часть книги «Русский формализм и становление литературной теории в советской Украине в 1920-е годы» открывается подробным очерком пореволюционной жизни литературного Киева,

где в период украинского национального возрождения живут также московские и петроградские поэты и художники. В Киеве в 1919 году публикуется статья Шкловского «Из филологических очевидностей современной науки о стихе»² с подробными комментариями к ней «киевского Малларме» Владимира Маккавейского. Именно этой русскоязычной публикации и было суждено открыть рецепцию формализма в Украине.

Но первым по-настоящему серьезным этапом восприятия нового метода стал «Харьковский кружок формалистов», устроенный под руководством Александра Белецкого при столичном университете. Белецкий известен прежде всего как методолог истории чтения, которую он начал разрабатывать в 1920-е годы, и уже из этого ясно, что обсуждения участников объединения не ограничивались теми направлениями, которые прокладывали ОПОЯЗ и МЛК. Работа кружка была скорее реферативной, на заседаниях обсуждалась новая европейская и советская наука о поэтике; о позднем периоде существования объединения Белецкий писал: «Особенностью нашей работы в 1926–1927 годах было выделение в особую группу докладов, связанных с историей читателя» (с. 148). Главным плодом работы кружка стали «Указатель литературы по поэтике 1900–1922» и перевод «Поэтики» Рихарда Мюллера-Фрейенфельса. Эти работы стали сигналом того, что новая украинская наука о литературе набирает обороты и готова к широкому производству знания.

В 1920-е в Украине происходит целый бум прикладного изучения поэтики, выходит множество пособий и учебников по литературной технике, а также собственно исследовательских работ, осмысляющих украинскую словесность в категориях новых парадигм: «формовка» украинского модернизма требует мастерства от своих создателей. Давая методологическую оценку этой литературе, авторы отмечают тягу ученых и писателей к синтезу разных методов: «В целом отличительной чертой всех вышеназванных сочинений по теории поэзии был ориентир на модели лингвистического

² Эта статья с примечаниями Маккавейского была недавно републикована и прокомментирована в: Устинов 2022: 107–115.

и психологического знания; это говорит о сильной традиции данных подходов внутри национального контекста развития украинской филологической науки тех лет. С другой стороны, здесь можно отметить эклектичность и тенденцию к смешению исследовательских ориентиров, в частности, формального, лингвистического и психологического методов» (с. 167, далее в главе разбираются также примеси марксизма и фрейдизма в этих работах).

Среди такого рода учебников особую роль занимает книга Бориса Якубского «Наука стихосложения» (1925), которой посвящена отдельная глава. Ученик Перетца Якубский, стремившийся к синтезу формального и социологического подходов, написал один из ключевых трудов для украинского стиховедения. В нем, во-первых, суммируется опыт восточноевропейского стиховедения вплоть до середины двадцатых, а во-вторых, дан ряд мнений по спорным вопросам науки о стихе того периода: Якубский пишет о соотношении ритма и метра, предлагает своеобразное деление систем стихосложения (на метрическую и тоническую), а также уделяет внимание тому, как различные стиховедческие концепты приложимы к украинской поэзии, учитывая не только очевидных теоретиков вроде Белого и Томашевского, но и подчеркивая ценность идей харьковского футуриста Божидара. Книгу Якубского высоко ценил Томашевский – он посвятил ей рецензию, перепечатанную в приложении (украинскому ученому, в свою очередь, принадлежит развернутый отзыв на «Поэтику» ленинградского коллеги, ее перевод также приложен к монографии).

Если Якубский стоит в центре разговора о стиховедении, то за теорию прозы «отвечает» Майк Йогансен. Полиглот, блестящий интеллектуал, яркий поэт и самобытный прозаик, Йогансен, по собственным словам, «и в своих стихах, и в прозе, и в теоретических статьях неуклонно старался поднять украинское слово до европейского уровня» (с. 197). В 1928 году вышла его книга «Как строится рассказ» – одновременно руководство по писательскому ремеслу и образец формального анализа малой прозы (автор выбирает в качестве примеров рассказы Тургенева, Уэллса, Эдгара По и Джона Барри). Это соединение техник creative

writing с высокой теорией мгновенно напоминает о Шкловском, и авторы монографии последовательно сравнивают книгу Йогансена с «О теории прозы», вышедшей тремя годами ранее. Украинский формалист во многом ориентируется на предшественника, уделяет внимание остранению (в переводе – «поновлению»), но, будучи избавленным от пафоса «защиты метода», также разбавляет свой анализ своеобразно понятым марксизмом и психологизмом. И если первый лишь иронически декларируется, то второй вполне вдумчиво интегрируется в разбор произведений: помимо описания и систематизации приемов повествования, Йогансен рассуждает о психологических мотивировках персонажей и рассказчика, несколько парадоксально смешивая «риторический» и «этический» регистры, хотя и не доводя их до синтеза, воплощенного Бахтиным, который лишь мельком упоминается в этой главе монографии.

Йогансен – единственный герой книги, которому посвящено сразу две персональные главы, поскольку «свои теоретические разработки (как серьезные, так и довольно шуточные) Йогансен применял и в собственной прозе» (с. 211). Роман с ослепительным названием «Путешествие ученого доктора Леонардо и его будущей возлюбленной Альцесты в Слобожанскую Швейцарию» рассматривается как «пример формалистской прозы». Это вполне закономерно – литературные течения 1920-х формируются с учетом того, что им необходима своя теория, и язык этой теории разрабатывается с учетом новой науки (в этом заметное отличие ранне-советских украинских писателей от русских футуристов, которые сами на формалистов влияли). «Фактура», «монтаж», «материал», «мотивировка» – ключевые термины украинского панфутуризма напрямую восходят к построениям опоязовцев. Взаимозависимость практики и теории – предмет активной дискуссии на страницах основных литературных журналов, а соотношение формы и содержания становится точкой преткновения для многих крупных литераторов. Постоянное обращение к формализму в этих спорах становится общим местом, метод проникает даже в издания внешне ему не симпатизирующие.

Отдельный интерес в этом ракурсе представляет журнал «Ваплите», печатный орган одноименной группы («Вольная академия пролетарской литературы»). Главного редактора журнала Миколу Хвылевого сложно назвать сторонником формализма, он был скорее политическим деятелем от литературы, поборником «азиатского ренессанса», то есть своеобразного самоопределения украинской культуры в евразийских терминах. Формализму Хвылевой посвятил специальный памфлет, в котором писал: «Ни со Шкловским, ни с Якобсоном, ни с Крученых и т. д. нам не по пути» (с. 381), но, несмотря на это, в его издании появлялись публикации, вполне сочувственные к опоязовской теории – статьи уже упомянутых Йогансена и Айзенштока, а также «Про реализм в искусстве» Якобсона (1927). Отдельная глава монографии о последней публикации – эффектная полемика с уже устоявшейся постколониальной интерпретацией Якобсона 1920-х, внимательное чтение как самой статьи, так и нескольких контекстов, связанных с ее публикацией, показывает, что евразийство Якобсона далеко не подразумевало «сплочения славянских стран вокруг России», а подспудное сравнение структуралиста с Хвылевым в очередной раз подчеркивает сложность разных проектов «национального модернизма», как и самого сочетания «национального» и «модернизма».

Формализм, проникнув на страницы крупных журналов и став общераспространенным среди рефлексирующих литераторов, подготовил почву для следующего сюжета, возможно, центрального во всей монографии. Он изложен в главе «Борис Эйхенбаум в Украине: дискуссия вокруг статьи “Теория ‘формального метода’” в журналах “Червоный шлях” и “Красное слово”». В апреле 1926 года Эйхенбаум приезжает в Харьков, где читает несколько лекций о формальном методе, и уже в августе в «Червоном шляхе» публикуется «Теория “формального метода”» – таким образом, одно из ключевых автоописаний формализма появилось на украинском языке, в одном из ведущих харьковских изданий. Лекции и статья породили целый ряд откликов от украинских интеллектуалов – авторы монографии анализируют публикации Захария Чучмарева, Анатолия Машкина, Агапия

Шамрая и Василя Бойко (последние две переведены на русский и опубликованы в приложении). Показательна методологическая пропорция, соблюденная в полемике – один из авторов (Шамрай) вполне сочувствует формализму, другой (Чучмарев) критикует его с позиции психологизма, имеющего мощную харьковскую традицию, еще два – борются с формализмом через апелляцию к марксизму, причем если Машкин в пересказе авторов монографии довольно схематичен и сер, то высказывание Бойко заслуживает более подробного внимания. Его статья «Формализм и марксизм (По поводу лекции проф. Эйхенбаума)» остроумно критикует философский фундамент формализма, усматривая в нем идеалистический плюрализм, и противопоставляет ему «правильный» марксизм. В отличие от официальной критики, сопровождавшей формализм на протяжении второй половины 1920-х, Бойко говорит о методологических недостатках оппонентов не ради обличений, а для критики «фальшивого» марксизма, который неспособен учитывать достоинства и сильные стороны «врага». Очерк Бойко – одно из самых интересных синхронных прочтений формализма с официальных позиций: «марксист – историк литературы или литературный критик должен быть хоть немного художником и оценивать произведения литературы художественно; другими словами, такой марксист должен быть *одновременно* и формалистом. Такие “*марксисты-формалисты*” наверняка скорее и лучше справятся и историей литературы, чем сами формалисты <...> такой марксист с честью будет выполнять свои задачи, не записываясь в группу формалистов, поскольку он будет понимать, что социология и объективная эстетика создают два акта *единой* материалистической критики» (с. 620).

Внимания заслуживает и вторая напечатанная в приложении работа, статья Шамрая «“Формальный” метод в литературе». В ней четко выражены симпатии украинских интеллектуалов к «умеренному» формализму, который не отрицает другие способы анализа и сосредоточен скорее на синтезе существующих инструментов, чем на маниакальной разработке новых – проще говоря, Шамрай симпатизирует не Шкловскому, а Жирмунскому, его гибкости и

способности институализировать знание. Увы, именно это стремление приладить «неудобный» метод к официальному дискурсу и привело Шамрая к печальному исходу.

Ожидаемо, нарратив о формализме завершается рассказом о разгроме сообщества. Украинский сюжет во многом отражает московско-ленинградский: публичные отречения и покаяния, увольнения и репрессии причастных интеллектуалов – Айзеншток писал Эйхенбауму в 1931-м: «Мы, на Украине, переживаем сейчас нечто подобное тому, что у вас, на Севере, было в 1928–1929 гг., – формализм является одним из жупелов, которых пугаются наши литературные критики, и Ваше имя неожиданно приобрело еще большую одиозность, нежели в Ленинграде» (с. 684). Тут, разве что, в меньшей степени можно говорить о разгроме формалистских институций за отсутствием таковых. В приложении помещен поразительный документ – стенограмма публичной самокритики Шамрая и его «проработки» коллегами по Институту Шевченко в 1931 году. Это саморазоблачение происходит в самом начале массовых кампаний по самокритике, поэтому ему в меньшей степени присуща жуткая ритуальность процессов середины 1930-х, самообвиняемый еще старается оправдаться, хотя вывод доклада неумолим: «В этом академическом 1930–1931 году, присоединившись к ударной группе, я обязал себя в течение этого года ликвидировать все идеалистические остатки в своих методологических концепциях, перейти окончательно на рельсы марксистского метода» (с. 649). Вопрос о том, спасла ли ученого самокритика, может показаться излишним – спасло его только бегство за пределы Украины: в Ижевск, потом Фергану, потом на Урал.

Шамрай не эмигрировал за пределы СССР, хотя именно это был основной способ самосохранения среди национальных интеллектуалов не только Украины, но и вообще всех частей советской империи. Прага и тогда польский Львов (который все-таки неточно называть именно эмигрантским пространством) стали центрами несоветского развития теории литературы. Глава, посвященная этому «посмертному» сюжету, не претендует на охват всех перипетий литературной теории (так, лишь мельком упоминается

живший во Львове Роман Ингарден), и основное внимание авторов приковано к работам о Гоголе Дмитрия Чижевского, в которых он сплавил пионерские статьи Эйхенбаума, ранние разработки пражских структуралистов и оригинальный религиозно-философский фундамент. Его желание поставить «мелочи» в центр интерпретации отдаленно напоминает деконструктивистский способ чтения – в первую очередь, к этому подталкивает повышенное внимание Чижевского к частотности гоголевского слова «даже» и идущие вслед за этим размышления.

Синтезом сразу нескольких синхронных интеллектуальных линий, попыткой прорваться в будущее – вот чем закончилась украинская рецепция формального метода.

И по количеству работ, и по их влиянию, украинский «формализм» несопоставим с московско-ленинградским, но собранные авторами монографии материалы и прочерченный нарратив показывают интересную интеллектуальную траекторию, отличную от уже известных. Основной сюжет рецепции метода связан со вторым этапом формализма, когда главный прорыв уже был совершен, ключевые прокламации провозглашены, и наступало время переработки нескольких новаторских идей в *школу*. Как показало время, эта трансформация была во многом обреченной – будучи «межпарадигмальной стадией» (Steiner 1984: 269) развития славистики, формализм с трудом сплавлялся с другими методами, его приемы лишь отчасти встраивались в, скажем, марксистский или феноменологический инструментарий – обычно это происходило в виде отдельных заимствований, а не подлинного синтеза. (Связь структурализма с формализмом сложна и заслуживает отдельного разговора.) Более всего указанный сюжет разработан в связи с младоформалистами³, но украинский контекст выглядит совсем иным: вместо узкого дружеского круга, возвращенного в камерных

³ Кстати, вопрос о влиянии украинской интеллектуальной среды на научное творчество младоформалистов заслуживает отдельного разговора. Если, кажется, оно не слишком релевантно для одеситки Лидии Гинзбург, то в полной мере справедливо для учеников Эйхенбаума – Соломона Рейсера, Арсения Островского, Исаака Ямпольского, возможно – Виктора Гофмана.

семинарах – то есть, попытки повторить на новом витке стратегии ОПЮЗа – широкое, хотя и децентрализованное обсуждение, сплавляющее передовую теорию с одним из ключевых вопросов времени – вопросов построения политического тела нации, создания одновременно ее будущего, настоящего и прошлого.

Почему же, после всего, Атлантида? Советское наследие нередко уподобляется мифической стране – эта метафора стала расхожей почти до уровня клише (из «книжных» предшественников можно назвать хотя бы серию переизданий советского pulp-fiction издательства “Ad Marginem” под названием «Атлантида» и том статей консервативных литературных критиков, вышедший в серии «Литературная матрица»). Но в случае с украинскими 1920-ми, видимо, это имеет какую-то более сущностную подоплеку, недаром метонимически схожий образ выбрала писательница София Андрухович в нашумевшем романе 2020 года «Амадока», названном в честь мифического озера, будто бы располагавшегося на территории нынешней Украины. В романе, как и в монографии речь идет об интеллектуалах 1920-х и том эхе, которое их рефлексии порождают в современности. Энергия утопии (а не только заблуждения), которую производили люди тех лет, была столь мощной, что порожденные ей фантомы живы и сегодня, очертания непостроенных небоскребов до сих пор можно разглядеть под толщей мифической воды. Не на эти ли будівлі напоролся брюхом русский военный корабль?

2022, сентябрь

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабак Г., Дмитриев А. 2021. Форма и немота. – *Ab Imperio*. № 4. С. 192–202.
- Дмитриев А., Бабак Г. 2022. Что такое украинский нацмодернизм. – Горький. 31 января. [URL: <https://gorky.media/context/chto-takoe-ukrainskij-natsmodernizm>]
- Пашко О., Портнов А. 2021. Над картой Атлантиды. – *Ab Imperio*. № 4. С. 91–113.
- Устинов А. 2022. Его прощальный поклон: Виктор Шкловский и киевский «Гермес». – *Зборник Матице српске за славистику*. № 101. С. 93–122.

- Ушакин С. 2016. Формальный метод: Антология русского модернизма / Под ред. С. Ушакина: В 3-х тт. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый.
Steiner, P. 1984. *Russian Formalism: A Metapoetics*. Ithaca: Cornell University Press.

REFERENCES

- Babak, G. and A. Dmitriev. "Forma i nemota." *Ab Imperio* 4 (2021): 192–202.
Dmitriev, A. and G. Babak. 2022. "Chto takoe ukrainskij nacmodernizm." *Gor'kii*. January 31, 2022. Accessed November 20, 2022. <https://gorky.media/context/chto-takoe-ukrainskij-natsmodernizm>
Formal'nyi metod: Antologija russkogo modernizma. Edited by Sergei Ushakin. 3 vols. Ekaterinburg and Moscow: Kabinetnyi uchenyi.
Pashko, O. and A. Portnov. "Nad kartoi Atlantidy." *Ab Imperio* 4 (2021): 91–113.
Steiner, P. *Russian Formalism: A Metapoethics*. Ithaca: Cornell University Press, 1984.
Ustinov, A. "Ego proshhal'nyi poklon: Viktor Shklovskii i kievskii 'Hermes'." *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 101 (2022): 93–122.

IN MEMORIAM

MAGNUS LJUNGGREN

(October 25, 1942 – June 19, 2022)

In June 2022, a sudden heart attack ended the life of the renowned Swedish literary scholar, Professor Magnus Ljunggren, putting an end to his lifelong dedication to Russian literature and thought.

Like many other Swedish Slavists, Ljunggren learned Russian at the Armed Forces Language School in Uppsala. In the sixties he worked as a journalist for Swedish newspapers and magazines, often writing outspokenly about his meetings with Soviet writers who visited Stockholm. Among these writers were Yevgeny Yevtushenko, Anatoly Sofronov, Yevgeny Dolmatovsky, Ilya Ehrenburg and Bulat Okudzhava. On his visits to the Soviet Union, he met and interviewed, among others, Joseph Brodsky, Viktor Shklovsky, Nikolai Khardzhiev, Lev Kopelev, Lydia Chukovskaya, Marietta Shaginyan, Anastasiia Tsvetaeva and Konstantin Azadovsky. In Paris he met Boris Zaitsev, Irina Odoevtseva, Viktor Nekrasov and Alexander Zinoviev, just to name a few.

Gradually, Magnus Ljunggren started to follow the struggle of Russian dissidents for democracy and human rights. Together with Lars Erik Blomqvist, he compiled a volume, *Sovjet-protest! Den nya ryska oppositionen i dokument* (Stockholm 1969), which included central documents showing the growing number of protest actions against the Soviet regime. One result of his articles about the trials and imprisonment of dissidents was that he was denied a visa to the Soviet Union for a period of five years.

As a student at the Slavic department at the Stockholm University, Ljunggren wrote his licentiate thesis in 1968 about allusions in Andrey Bely's novel *Petersburg*. An influential force behind the choice of theme was the highly respected Professor Nils-Åke Nilsson. A doctoral dissertation followed in 1982. Four years later, he was awarded a lectureship in Russian language and literature at the University of Gothenburg. There he was promoted to a full Professor in Russian "with a specialization in Literature" in 2002. When Ljunggren retired in 2009, he was presented with a Festschrift, *Литература как миропонимание. Literature as World View*.

Professor Magnus Ljunggren was an excellent teacher and supervisor who was much loved by his students. His lectures were extremely well prepared, and perfect in both form and content. His love for Russian literature and culture was transmitted in full to his audiences.

Magnus and his wife, Kazimiera Ingdahl, who passed away in 2017, worked together both in Slavistics and in their pursuit to combat anti-semitism in Russia, Poland and Sweden. During his final years, he worked with the publications of his wife's scholarly projects concerning the preserved diaries of Jewish children from the Polish ghettos in the Second World War. He was relentless in bringing to light the dark past of public figures who had supported different Eastern European dictatorships through words or deeds during the post-war period.

At the early stage of his career, Ljunggren's scholarly interest in Russian literature focused on the Symbolist writer Andrey Bely. His doctoral thesis *The Dream of Rebirth: A Study of Andrej Belyj's novel 'Petersburg'* was an attempt to reconstruct the genesis of the novel up to its last version. A Freudian approach was used to uncover the autobiographical subtext of the novel with an emphasis on the author's split personality and his relationship with his father. In addition to this, Rudolf Steiner's influence was scrutinized.

Magnus Ljunggren consolidated his position as a leading Bely scholar with the volume *Twelve Essays on Andrej Bely's Petersburg* (Gothenburg, 2009). In these essays the novel is seen as dealing with the collapse of Russian Symbolism but also with the author's emotional crises. Nietzsche, Freud and Steiner are repeatedly drawn upon, as well as Russian classics from Pushkin and Dostoevsky to Bely's Symbolist colleagues. Ljunggren's plenitude of approaches also included a discussion of *Petersburg* as an antisemitic novel.

Through Bely and his novel *Petersburg*, Ljunggren became interested in the introduction of psychiatry into Russian cultural circles, an interest that resulted in the volume *Poetry and Psychiatry: Essays on Early Twentieth Century Russian Symbolist Culture* (Brighton, 2012). Here Bely shows how the Symbolist dream of a fundamental transformation of life in Russia and the feeling of being on the threshold of an apocalyptic upheaval led to a collision between the forebod-

ings of the Symbolists and the political reality. This intellectual turbulence created a need for influential new alternatives, one of which was psychoanalysis.

Emilii Medtner, Russian publicist, critic and editor, is a name that often crops up in connection with Ljunggren's research on Bely. In *The Russian Mephisto: A Study of the Life and Work of Emilii Medtner* (Stockholm, 1994), a book which also appeared in Russian translation, Medtner is presented as an important intermediary between Russian and German culture. One of these meeting points, shown by Medtner, was the kinship between Bely's brand of Symbolism and the analytical psychology of Carl Gustav Jung. Ljunggren also focused upon Medtner's later position as a "prefascist", stressing the publicist's ideas of race and his admiration for Mussolini and Hitler. The book was based upon unpublished material from Russian and American archives, but also upon sources received through personal contacts with Medtner's relatives.

An important project for Ljunggren was the compilation of a bibliography, *Andrej Belyj's Petersburg: 1000 Monographs, Articles and Commentaries on Andrej Belyj's Novel*, realized together with Hans Åkerström. The fourth and last edition from 2020 includes an impressive number of one thousand titles, of which over forty were written by Magnus Ljunggren himself.

Small vignettes on Russian cultural history, most of them originally published in *Svenska Dagbladet* were collected in the volume *Rysk kulturmosaik. 200 miniatyrer 1988–2018* (Stockholm, 2018). A special interest is taken in the cultural contacts between Sweden and Russia, including the theme of Russian writers and the Noble Prize in Literature. In *Tjugo ryska klassiker* (Stockholm, 2021), Ljunggren gave his personal reading of Russian classics, from Pushkin's *The Bronze Horseman* to Solzhenitsyn's *Cancer Ward*. As a kind of motto, Ljunggren states in the foreword: "Out of the immense Russian suffering an almost unsurpassed literature is born."

A collection of letters, compiled and edited by Ljunggren, makes up the volume "*My Dear, Close and Distant Friend*": *Nina Berberova's Letters to Sergej Rittenberg (1947–1975)*, published in 2020. Berberova's letters from a period of three decades, offer fascinating glimpses into Russian émigré life.

Another work on Ljunggren's relationship with Russia is *Fifty-Five Years with Russia* (2016), an autobiography of sorts. He characterizes Russia as something of a second native country to him, with shifting periods of hope and disillusion. His struggle against Russian dictatorship continued tirelessly during the Putin era, and in one of his last articles he commented on the Putin's ideological thinking in relation to Russia's war against Ukraine.

Given the present time, it is worth closing with Magnus Ljunggren's ultimately optimistic words, written in 2016: "Just now, things seem gloomier than they have for a long time. Experience has taught me, however, that we must never give up – there is always another Russia that offers resistance."

Ben Hellman (Helsinki)

Per-Arne Bodin (Stockholm)

ABSTRACTS

Alexander Dolinin

TIME IN LITERARY TEXTS AND COMMENTARIES TO THEM

Discussing anachronisms in Alexandre Dumas' *The Three Musketeers*, Umberto Eco concluded that most of them remain unnoticed by the Model Reader of the text as they are never located "in very strategic places" and can't be identified without specialized knowledge that the Model Reader does not have. The article develops upon Eco's observations, arguing that such "invisible" anachronisms are intrinsic to those genres of the novel that set the task of portraying a distinctive epoch, from Walter Scott's and Leo Tolstoy's historical fiction to Sergei Gandlevsky's representation of the 1970s. If a plot and characters of the text are somehow related to particular historical incidents and persons, the scholarly commentary ought to pinpoint and explain anachronistic discrepancies, but the attempts of annotators to ascribe temporal exactitude to ahistorical narratives (e.g., Pushkin's *Eugene Onegin*) are seen as futile and even harmful.

KEYWORDS: 19th to 21st-Century Scottish and Russian Literature, Walter Scott (1771–1832), Alexander Pushkin (1799–1837), Leo Tolstoy (1828–1910), Sergei Gandlevsky (b. 1952), *Eugene Onegin* (1825–1832), *Anna Karenina* (1875–1877), *Illegible: A Novel* (2002), Chronology, History of Literature.

Vera Mil'china

SUCCESSFUL CONSEQUENCES OF A FAILED SUIT: NIKOLAI TURGENEV IN ENGLAND (1829–1830)

The article of Prof. Vera Mil'china (RSUH / ИВГИ РГГУ, RANEPА / ШАГИ РАНХиГС) is based on Nikolai Turgenev's unpublished correspondence, and explores an unknown episode from a Decembrist's life story: his attempt to marry a daughter of a British squire. Turgenev's letters show that this plan was one of the reasons why he reconsidered returning to Russia, where he had received *in absentia* a death penalty (later changed to a life-long hard labor term). In the beginning of 1830, Turgenev made the decision to return to Russia to affect a retrial that would allow him to overturn his conviction for high treason. How-

ever, none of this came to fruition: Turgenev did not marry Harriet Lovell and did not return to Russia.

The article was written in the framework (and with the generous support) of the RANEPА (ШАГИ РАНХиГС) academic research program.

KEYWORDS: 19th-Century Russian History, Decembrists, Brothers Nikolai Turgenev (1789–1871) and Alexander Turgenev (1784–1845), Prince Petr Kozlovsky (1783–1840), Honoré de Balzac (1799–1850), Countess Frances Sarah Guidoboni-Visconti (née Lovell, 1804–1883), Clara Viaris (1814–1891), Correspondence, Microhistory.

Alexander Ospovat

NOTES AND QUERIES ON *THE CAPTAIN'S DAUGHTER* (12–25)

In these notes (see also the previous volume of *Slavica Revalensia*), Prof. Alexander Ospovat of UCLA identifies the sources of several segments of Alexander Pushkin's novel *The Captain's Daughter*, uncovers themes and events silently implied in the text (e. g., the protagonist's sexual amusements, the money system in 18th-century Russia, a bath ritual in the Russian countryside, etc.), and reconstructs hidden meanings of individual episodes.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799–1837), *The Captain's Daughter* (1836), Annotations, History of Literature.

Ekaterina Liamina, Natal'ia Samover

KRYLOV'S "VEL'MOZHA": GENRE. SOURCES. DATING

This pioneering article-length study of Ivan Krylov's last fable "Vel'mozha" ("Grand Seigneur") addresses the text's central character (there are serious reasons to assume that the grand seigneur represents Chancellor Viktor Kotchubey), and examines the fable's pragmatics, involved allusions, and genre. It also puts forth a likely new date of the "Grand Seigneur's" composition – 1834.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Ivan Krylov (1769–1844), "Grand Seigneur" (1834), Prince Viktor Kochubey (1768–1834), Role Models "grand seigneur" / "homme d'état," History of Literature.

Sergei Dotsenko

WHO IS “THE MUSICIAN NABOKOV”? REREADING
ALEKSEY REMIZOV’S *THE MUSIC TEACHER*

This article is a close reading of a passage from *The Music Teacher* by Aleksey Remizov mentioning “the musician Nabokov,” who changes his Paris apartments so often that letters to him fail to reach their addressee. Although the most likely person this passage seems to be hinting at is Nicolas Nabokov, a composer, it should rather be seen as a tongue-in-cheek attack against the composer’s cousin, Vladimir Nabokov – a writer who was at odds with Remizov. Remizov [justkui ütleb, et] person changing apartments too often, does not exist – he is nothing (and this is something Remizov would not have said about Nicolas Nabokov).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Aleksey Remizov (1877–1957), *The Music Teacher* (1931–1934), Nicolas Nabokov (1903–1978), Vladimir Nabokov (1899–1977), Prototype, Russian Emigration, History of Literature.

Pavel Uspensky

BRYUSOV AND HOKUSAI: A NOTE ON ONE EROTIC IMAGE

This article concerns the likely source of an erotic image from Valery Bryusov’s hoax poem collection *Stikhi Nelli* (*Nelli’s Poems*). It shows that the image of an octopus copulating with a woman in the culmination of the poem “Nochnoi ropot” (“Night Murmur”), is related to Japanese erotic engravings (*shunga*), and originates from Hokusai’s woodblock print “The Dream of the Fisherman’s Wife” (1814). Thus, the source established supports the idea that *shunga* inspired European modernist poetry in its search for a new erotic language.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Valery Bryusov (1873–1924), *Nelli’s Poems* (1913), Katsushika Hokusai (葛飾北齋, 1760–1849), *Shunga*, Iconographic Subtext, History of Literature.

Yevgeny Yablokov

SUMMER FROSTS, WINTER BATHINGS: ASPECTS OF ST. NICHOLAS' DISCOURSE IN MIKHAIL BULGAKOV'S POETICS

The article analyzes one of the aspects of the mythological layer of Bulgakov's works – the system of motifs related to the image of St. Nicholas – Russia's most venerated saint. Out of two incarnations of *Nikolai Ugodnik*, Bulgakov is primarily interested in *Nikola Zimnii*: there are virtually no allusions to *Nikola Veshnii* (Summer) in his prose (this is also true for the writings taking place in summer: "The Fatal Eggs," *Flight*, *The White Guard*, etc.). References to St. Nicholas intertwine with allusions to two Russian Emperors, Nicholas I and Nicholas II (see: "The Khan Fire," *Alexander Pushkin*, *Batum*, etc). As St. Nicholas is venerated as a patron saint of sea travelers, it is not surprising that in Bulgakov's works the connotations revealed are supplemented by water motifs – with water appearing in various aggregate states (in the form of snow, for example).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Mikhail Bulgakov (1891–1940), St. Nicholas of Mira (270–343), Mythopoetics, History of Literature.

Irina Belobrovtsseva, Andrei Ustinov

A WALK WITH CHALIAPINE: FROM A. VETLUGIN'S "AMERICAN YEARS"

In this article, we make an attempt to bring together our previous work on the "American years" of A. Vetlugin (Vladimir Ryndziun, 1897–1953), one of the most successful bilingual lesser-known writers of his generation. We republish his essay "Only Five Short Blocks," which originally appeared in 1941 in the *Reader's Digest* magazine under *nom de plume* "Frederick van Ryn," and also provide the annotated translation of the original text. This allows us to reconstruct some obscure facts of A. Vetlugin's life story, and to give an example of his peculiar style that had won him unconditional popularity in Russian émigré press, and later in American journalism, once "Frederick Van Ryn" became a recognized writer for some authoritative magazines and newspapers.

KEYWORDS: 20th-Century Russian and American Literature, Vladimir Ryndzyun (A. Vetlugin / Voldemar Ryndzune / Voldemar Ryndzune Vetluguin / Frederick van Ryn, 1897–1953), "Only Five Short Blocks" (1941), Feodor Chaliapine (1873–1938), Life Story, Russian Emigration, History of Literature.

Fedor Poljakov

“AND HERE, NO ONE NEEDS ME”: NIKOLAI ZARETSKY’S
POST-WAR YEARS IN PRAGUE

In his article, Prof. Fedor Poljakov of the University of Vienna focuses on the last years a Russian émigré painter, graphic artist and art collector Nikolai Zaretsky spent in the Socialist Czechoslovakia before escaping to Paris in 1950. It also contains an overview of Zaretsky’s pre-war exhibitions in Prague and tells the story of his major unfinished project – an illustrated book *Risunki Russkikh Pisatelei* (*Russian Writers’ Drawings*).

KEYWORDS: 20th-Century Russian and East-European History, Nikolai Zaretsky (1876–1959), *Russian Writers’ Drawings* (unpublished), Life Story, Russian Emigration, Microhistory.

Polina Poberezkina

“ANNA AKHMATOVA’S DEATH IS A GREAT LOSS”:
FROM LEV AHRENS’ LETTERS TO GRIGORI PETNIKOV

This article, completed during Dr. Polina Poberezkina’s stay in Estonia, examines several accounts of Anna Akhmatova’s last years and the poet’s funeral. It is centered around some letters of Lev Ahrens to Grigori Petnikov from the Central State Archive-Museum of Literature and Arts (Kyiv, Ukraine) supplemented by letters from Anna Garf and Natalia Briukhanenko to the same addressee.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Anna Akhmatova (1889–1966), Lev Ahrens (1890–1967), Grigori Petnikov (1894–1971), Correspondence, History of Literature.

Roman Timenchik

FROM AN INDEX TO ANNA AKHMATOVA’S *NOTEBOOKS*: JOHN KEATS

This is a yet another installment in the series of Roman Timenchik’s annotations to Anna Akhmatova’s *Notebooks* (see also four previous volumes of *Slavica Revalensia* – from 2018 to 2021). This particular installment examines Akhmatova’s appreciation of John Keats: the poet she mentioned in *Notebooks* as the source

of the epigraph to the cycle “Shipovnik tsvetet” (“The Rosehip Blossoms”), and also a poet she read extensively while learning English in Tashkent. The article proves that this learning experience left echoes in several of Akhmatova’s poems of the corresponding period, and also examines Akhmatova’s interest and appreciation of Keats vis-à-vis the background of the British poet’s reception by some of her contemporaries.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Anna Akhmatova (1889–1966), *Notebooks* (1958–1966), John Keats (1795–1821), Annotations, History of Literature.

Marina Salman

“SHE’S NOT ACCUSTOMED TO STAYING INACTIVE”: NEW MATERIALS
CONCERNING THE LIFE STORY OF VARVARA UEXKÜLL VON GYLLENBAND

The article is based on a series of memoirs dedicated to a pre-revolutionary St. Petersburg socialite baroness Varvara Uexküll von Gyllenband (e.g., those of Ekaterina Letkova-Sultanova and Tatiana Shchepkina-Kupernik). It also makes public a previously unknown letter from Korney Chukovsky to Ekaterina Letkova-Sultanova concerning the living conditions of Uexküll von Gyllenband in 1921, and specifies the date of a sculptor Prince Sergei Ukhtomsky’s (1886–1921) arrest.

KEYWORDS: 20th-Century Russian History, Bolshevik Revolution, Varvara Uexküll von Gyllenband (1851–1928), Life Story, Russian Emigration, Soviet Terror.

Varvara Uexküll von Gyllenband

MY ORDEALS IN 1918

(Prefaced, edited and annotated by Nikita Okhotin and Marina Salman)

This is the first publication *in toto* of a forgotten memoir “My Ordeals in 1918” by baroness Varvara Uexküll von Gyllenband’s. Originally written in 1919, three years prior to her fleeing Petrograd, the memoir tells the story of her three-week detention by the Bolshevik secret police (the Cheka) in 1918.

KEYWORDS: 20th-Century Russian History, Bolshevik Revolution, Varvara Uexküll von Gyllenband (1851–1928), “My Ordeals in 1918” (1919), Life Story, Russian Emigration, Soviet Terror.

Grigori Utgof

AN UNKNOWN JURI LOTMAN'S NOTE

This is a prefaced publication of Juri Lotman's brief note “Lenin in Mayakovsky's Poems and Eisenstein's Art,” which he wrote for his student in the Spring of 1970, and softly encouraged to publish under her name in *Materialy XXV nauchnoi konferentsii molodykh filologov* (*Proceedings of 25th Junior Scholar Conference*).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Vladimir Mayakovsky (1893–1930), Sergei Eisenstein (1898–1948), Juri Lotman (1922–1993), Attribution, Textual Criticism.

Valerii Otiakovskii

UNDERWATER ARCHAEOLOGY

Review of *Atlantida sovetskogo natsmodernizma: Formal'nyi metod v Ukraine (1920-e – nachalo 1930-kh)*, by Galina Babak and Alexander Dmitriev

This is a review of a recent book on the formal method's reception in the Soviet Ukraine. Published in the autumn of 2021, just several months before the beginning of Russia's war against Ukraine, the book by Galina Babak and Alexander Dmitriev is of particular interest in the light of the inevitable upcoming reconfiguration of Slavic Studies. It both transforms and redefines the well-established ideas concerning the history of Russian (i.e., Moscow-Leningrad) formalism, outlining a previously unknown – and a very original – line of its perception.

KEYWORDS: 20th-Century Ukrainian Literary Theory and Criticism, Galina Babak (b. 1988), Alexander Dmitriev (b. 1973), Book Review.

Ben Hellman, Per-Arne Bodin

IN MEMORIAM: MAGNUS LJUNGGREN (October 25, 1942–June 19, 2022)

This is an obituary for Prof. Magnus Ljunggren of the University of Gothenburg (Göteborgs universitet), a distinguished expert in Russian Symbolism and Andrey Bely's novel *Petersburg*, who was also an active supporter of the Russian dissident movement and an unequivocal critic of Vladimir Putin's regime.

KEYWORDS: Magnus Ljunggren (1942–2022), obituary.

KOKKUVÕTTED

Alexander Dolinin

AEG KUNSTILISTES TEKSTIDES JA NENDE KOMMENTAARIDES

Alexandre Dumas' romaani „Kolm musketäri” anakronismide üle arutledes jõudis Umberto Eco järeldusele, et enamik neist jääb teksti mudellugejale märkamatuks, sest ei asu üldiselt „strateegiliselt tähtsates kohtades”; samuti nõuab nende tuvastamine eriteadmisi, mida mudellugejal ei ole. Artikli autor arendab Eco tähelepanekuid edasi ning väidab, et sellised „nähtamatud” anakronismid on omased romaanižanridele, kus on võetud ülesandeks kujutada mõnd spetsiifilist ajastut (Walter Scotti ja Lev Tolstoi ajalooromaanidest kuni Sergei Gandlevski 1970. aastate representatsioonini). Kui teksti süžee ja tegelased on kuidagi seotud konkreetsete ajalooliste sündmuste ja isikutega, peaks teaduslik kommentaar anakronistlikke lahknevusi tuvastama ja selgitama, seevastu katsed omistada ajalist täpsust ebaajaloolistele narratiividele (nt Puškini „Jevgeni Oneginile”) on mõttetus ja isegi kahjulikud.

VÕTMESÕNAD: 19.–21. saj šoti ja vene kirjandus, Walter Scott (1771–1832), Aleksandr Puškin (1799–1837), Lev Tolstoi (1828–1910), Sergei Gandlevski (sünd 1952), „Jevgeni Onegin” (1825–1832), „Anna Karenina” (1875–1877), „Loetamatu” (2002), kronoloogia, kirjanduslugu.

Vera Miltšina

EBAÕNNESTUNUD KOSJA EDUKAD TAGAJÄRJED:

NIKOLAI TURGENEV INGLISMAAL (1829–1830)

RSUH/RANEPÄ juhtivteaduri Vera Miltšina artikkel põhineb dekabrist Nikolai Turgenevi seni avaldamata kirjavahetusel ja uurib tundmatut episoodi tema eluloost: katset abielluda Briti mõisniku tütreaga. Turgenevi kirjadest selgub, et see plaan oli üks põhjusi, miks ta kaalus naasmist Venemaale, kus oli *in absentia* surmanuhtluse saanud (hiljem muudeti karistus eluaegseks sunnitööks). 1830. aasta alguses võttis Turgenev vastu otsuse naasta Venemaale, et lasta uuesti läbi vaadata kohtuotsus, millega ta oli süüdi mõistetud riigireetmises. Kuid sellest ei tulnud midagi välja: Turgenev ei abiellunud Harriet Lovelliga ega naasnud Venemaale.

Artikkel on valminud РАНЕРА (ШАГИ РАНХиГС) akadeemilise uurimisprogrammi raames (ja heldel toetusel).

VÕTMESÕNAD: 19. saj Vene ajalugu, dekabristid, vennad Nikolai Turgenev (1789–1871) ja Aleksandr Turgenev (1784–1845), vürst Pjotr Kozlovski (1783–1840), Honoré de Balzac (1799–1850), krahvinna Frances Sarah Guidoboni-Visconti (snd Lovell, 1804–1883), Clara Viaris (1814–1891), kirjavahetus, mikroajalugu.

Alexander Ospovat

KOMMENTAARIST „KAPTENI TÜTRELE”: 12–25

Artiklis (vt ka Slavica Revalensia vol. 7) tuvastab UCLA prof Alexander Ospovat Aleksandr Puškini romaani „Kapteni tütar” mitmete lõikude allikad, osutab tekstis vihjamisi esitatud teemadele ja sündmustele (nt peategelase seksuaalsed meelelahutused, 18. saj Vene rahasüsteem, saunakombed Vene külades jne) ning rekonstrueerib üksikute episoodide varjatud tähendusi.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Aleksandr Puškin (1799–1837), „Kapteni tütar” (1836), kommentaarid, kirjanduslugu.

Jekaterina Ljamina, Natalia Samover

KRÕLOVI „ÜLIK”. ŽANR, ALLIKAD, DATEERING

See teedrajav artiklipikkune uurimus Ivan Krõlovi viimasest valmist «Вель-можа» („Ülik”) käsitleb teksti keskset tegelast (on tõsine põhjus samastada kirjeldatud ülikut kantsler Viktor Kotšubeiga), teksti pragmaatikat, allusioone ja žanri. Pakutakse välja ka „Üliku” kirjutamise täpsustatud daatum – 1834. a.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Ivan Krõlov (1769–1844), „Ülik” (1834), vürst Viktor Kotšubei (1768–1834), rollimudelid *grand seigneur* / *homme d'état*, kirjanduslugu.

Sergei Dotsenko

**KES „ON MUUSIK NABOKOV”? LÄHILUGEDES
ALEKSEI REMIZOVI „MUUSIKAÕPETAJAT”**

Artikli fookuses on lõik Aleksei Remizovi „Muusikaõpetajast”. Lõigus räägitakse „muusikust Nabokovist,” kes vahetab Pariisis nii sageli elukohta, et talle saadetud kirjad ei jõua adressaadini. Kuigi esmapilgul vihjab autor helilooja Nicolas Nabokovile, tuleks seda pigem vaadelda kui rünnakut helilooja nõo kirjanik Vladimir Nabokovi vastu (kellega Remizovil olid pingelised suhted). Remizov justkui ütleb, et inimest, kes kogu aeg elukohta vahetab, polegi olemas – ta on sõna otseses mõttes mittekeegi (ja seda poleks Remizov Nicolas Nabokovi kohta öelnud).

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Aleksei Remizov (1877–1957), „Muusikaõpetaja” (1931–1934), Nicolas Nabokov (1903–1978), Vladimir Nabokov (1899–1977), prototüüp, vene pagulaskond, kirjanduslugu.

Pavel Uspenski

BRJUSSOV JA HOKUSAI. MÄRKUSED ÜHE EROOTILISE KUJUTISE KOHTA

Artikkel käsitleb Valeri Brjussovi luulekogu «Стихи Нелли» („Nelli luuletused”) ühe erootilise kujutise tõenäolist allikat. Autor toob esile, et kujutis naisega kopuleerivast kaheksajalast luuletuse «Ночной ропот» („Õine mürin”) kulminatsioon on seotud jaapani erootiliste gravüüridega (shunga) ja saanud tõuke Hokusai puulõikest „Kalamehe naise unistus” (1814). Tuvastatud ikonograafiline alltekst toetab ideed, et Euroopa modernistlik luule leidis oma uue erootilise keele otsingutel inspiratsiooni muuhulgas ka shunga’st.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Valeri Brjussov (1873–1924), „Nelli luuletused” (1913), Katsushika Hokusai (葛飾北斎, 1760–1849), shunga, ikonograafiline alltekst, kirjanduslugu.

Jevgeni Jablov

**SUVISED KÜLMAD, TALVISED SUPLUSED. PÜHA NIKOLAI DISKURSUSE
ASPEKTID MIHHAIL BULGAKOVI POEETIKAS**

Artiklis käsitletakse Bulgakovi teoste mütoloogilise kihi üht aspekti: Venemaa austatuima pühaku Nikolai Imetegijaga seotud motiivi. Pühaku kahest „kehastu-

sest” huvitab Bulgakovit eelkõige Nikola Zimni: tema proosas ei esine praktiliselt ühtegi viidet Nikola Vešnile (kehtib ka nende teoste puhul, mille tegevusaeg on suvi: „Saatuslikud munad,” „Põgenemine,” „Valge kadrivägi” jne). Tõestatakse, et viited pühakule põimuvad ka viidetega kahele Vene keisrile, Nikolai I-le ja Nikolai II-le (vt „Khaanide tuli,” „Aleksandr Puškin,” „Batum” jne). Ja kuna püha Nikolai on austatud ka meresõitjate patroonina, pole üllatav, et Bulgakovi proosas lisanduvad ülaltoodud konnotatsioonidele ka veemotiivid (kusjuures vesi esineb eri olekutes, näiteks lumena).

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Mihhail Bulgakov (1891–1940), püha Nikolai (270–343), mütopoeetika, kirjanduslugu.

Irina Belobrovtsjeva, Andrei Ustinov

JALUTUSKÄIK ŠALJAPINIGA. A. VETLUGINI „AMEERIKA ELULOOST”

Artiklis teevad autorid katse koondada kokku oma senine uurimistöö A. Vetlugini (Vladimir Ryndziun, 1897–1953), oma põlvkonna ühe vähem tuntud, kuid edukaima kakskeelse kirjaniku „Ameerika aastate” kohta. 1941. aastal avaldas A. Vetlugin pseudonüümi Frederick van Ryn all ajakirjas Reader’s Digest essee „Kõigest viis kvartalit”, mille kommenteeritud tõlge vene keelde ilmub siin esmakordselt. See essee võimaldas artikli autoritel taastada mõned A. Vetlugini eluloo senitundmatud faktid. Samas on see essee näide kirjaniku erilisest stiilist, mis tegi ta äärmiselt populaarseks välisvene ja hiljem ka Ameerika ajakirjanduses, kui mõned autoriteetsed ajakirjad ja ajalehed olid Frederick Van Ryni kord avastanud.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene ja ameerika kirjandus, Vladimir Rõndzjun (A. Vetlugin / Voldemar Ryndzune / Voldemar Ryndzune Vetluguin / Frederick van Ryn, 1897–1953), „Kõigest viis kvartalit” (1941), Fjodor Šaljapin (1873–1938), elulugu, vene pagulaskond, kirjanduslugu.

Fedor Poljakov

„JA SIIN POLE MIND KELLELEGI TARVIS”.

NIKOLAI ZARETSKI SÕJAJÄRGSED AASTAD PRAHAS

Oma artiklis keskendub Viini ülikooli prof Fedor Poljakov vene emigrantidest maalikunstniku, graafiku ja kunstikoguja Nikolai Zaretski viimastele aastatele, mis ta veetis sotsialistlikus Tšehhoslovakkias, enne kui 1950. aastal Pariisi põge-

nes. Artikkel sisaldab ka ülevaadet Zaretski sõjaeelsetest näitustest Prahast ning jutustab tema peamisest lõpetamata jäänud projektist – illustreeritud väljaande «Рисунки русских писателей» („Vene kirjanike joonistused”) kirjastamisloost.

VÕTMESÕNAD: 20. saj Vene ja Ida-Euroopa ajalugu, Nikolai Zaretski (1876–1959), „Vene kirjanike joonistused” (avaldamata), elulugu, vene pagulaskond, mikro-ajalugu.

Polina Poberezkina

„ANNA AHMATOVA SURM ON SUUR KAOTUS”.

LEV AHRENSI KIRJADEST GRIGORI PETNIKOVILE

Artikkel on valminud autori Eestis viibimise perioodil 1. maist 31. juulini 2022 ja see käsitleb mitmeid Anna Ahmatova viimaseid eluaastaid puudutavaid allikaid, samuti luuletaja matuseid. Artikli fookuses on Lev Ahrensi kirjad Grigori Petnikovile Ukraina Riiklikust Kirjandus- ja Kunsti Arhiiv-Muuseumist (Kiiev, Ukraina), mida täiendavad Anna Garfi ja Natalia Brjuhhanenko kirjad samale adressaadile.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Anna Ahmatova (1889–1966), Lev Ahrens (1890–1967), Grigori Petnikov (1894–1971), kirjavahetus, kirjanduslugu.

Roman Timentšik

ANNA AHMATOVA „MÄRKMIKE” NIMELOENDIST. JOHN KEATS

Järjekordne osa Roman Timentšiku kommentaaridest Anna Ahmatova „Märkmikele” (vt ka *Slavica Revalensia vols. 5–8*). Käsitluse all on John Keats – luuletaja, keda Ahmatova on maininud oma märkmikes kui tsükli «Шиповник цветет» („Kibuvits õitseb”) epigraafi allikat ja keda ta luges palju, kui õppis inglise keelt Taškendis. See keeõppekogemus kajab vastu mitmest Ahmatova selle perioodi luuletusest; artiklis on käsitletud ka Ahmatova Keatsi-retseptatsioon tema kaasaegsete Keatsi-retseptiooni taustal.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Anna Ahmatova (1889–1966), „Märkmikud” (1958–1966), John Keats (1795–1821), kommentaarid, kirjanduslugu.

Marina Salman

„TEGEVUSETUKS JÄÄMINE EI OLE TALLE OMANE”.

VARVARA UEXKÜLL VON GYLLENBANDI BIOGRAAFIA UUED MATERJALID

Artikli aluseks on revolutsioonieelsele Peterburi seltskonnadaamile paruness Varvara Uexküll von Gyllenbandile pühendatud mälestused (nt Jekaterina Letkova-Sultanova ja Tatjana Štšepkina-Kupernik). Ära on toodud Kornei Tšukovski senitundmatu kiri Jekaterina Letkova-Sultanovale Uexküll von Gyllenbandi elutingimuste kohta aastal 1921; täpsustust leiab skulptor vürst Sergei Uhtomski (1886–1921) arreteerimise kuupäev.

VÕTMESÕNAD: 20. saj Vene ajalugu, enamlaste revolutsioon, Varvara Uexküll von Gyllenband (1851–1928), elulugu, vene pagulaskond, Nõukogude terror.

Varvara Uexküll von Gyllenband

1918. AASTAL LÄBIELATUST

(Nikita Ohhotini ja Marina Salmani publikatsioon, sissejuhatus ja kommentaarid)

Paruness Varvara Uexküll von Gyllenbandi unustatud mälestuste „1918. aastal läbielatust” täisteksti esmapublikatsioon. Kirjutatud 1919. aastal, kolm aastat enne autori põgenemist Petrogradist, jutustavad need mälestused tema kolmenädalasest vahi all olekust enamlaste salapolitsei (Tšeka) vangina 1918. aastal.

VÕTMESÕNAD: 20. saj Vene ajalugu, enamlaste revolutsioon, Varvara Uexküll von Gyllenband (1851–1928), „1918. aastal läbielatust” (1919), elulugu, vene pagulaskond, Nõukogude terror.

Grigori Utgof

JURI LOTMANI TUNDMATU KIRJUTIS

Juri Lotmani lühike, eessõnaga varustatud kirjutis „Lenin Majakovski poemides ja Eisensteini loomingus,” mille Lotman kirjutas 1970. a kevadel oma tudengi eest, soovitades kirjutise avaldada tudengi nime all samal aastal ilmunud artiklikogumikus «Материалы XXV научной конференции молодых филологов» („25. noorfiloloogide konverentsi materjalid”).

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Vladimir Majakovski (1893–1930), Sergei Eisenstein (1898–1948), Juri Lotman (1922–1993), atribuutsioon, tekstoloogia.

Valeri Otjakovski

ALLVEEARHEOLOOGIA

Galina Babaki ja Aleksandr Dmitrijevi teose «Атлантида советского нацмодернизма: Формальный метод в Украине (1920-е – начало 1930-х)» („Nõukogude rahvusmodernismi Atlantis. Formaalne meetod Ukrainas (kahekümnendad ja kolmekümnendate esimene pool)”) arvustus

Ülevaade hiljuti ilmunud teosest, mis käsitleb formaalse meetodi retseptiooni Nõukogude Ukrainas. Galina Babaki ja Aleksandr Dmitrijevi raamat, mis ilmus 2021. aasta sügisel, vaid mõni kuu enne Venemaa Ukraina-vastase sõja algust, pakub erilist huvi slavistika eelseisva vältimatu ümberkujundamise valguses. See ühtaegu teisendab ja komplitseerib olemasolevaid teadmisi Vene (st Moskva-Leningradi) formalismi ajaloost, tuues esile senitundmatu – ja väga originaalse – tajumise liini.

VÕTMESÕNAD: 20. saj ukraina kirjandusteooria ja -kriitika, Galina Babak (snd 1988), Aleksandr Dmitrijevi (snd 1973), raamatuarvustus.

Ben Hellman, Per-Arne Bodin

IN MEMORIAM MAGNUS LJUNGGREN (25. oktoober 1942 – 19. juuni 2022)

Järelehüüe Göteborgi Ülikooli professorile, silmapaistvale vene sümbolismi ja Andrei Belõi romaani „Peterburi” uurijale prof Magnus Ljunggrenile (1942–2022), kes oli ka Vene dissidentluse toetaja ja Vladimir Putini režiimi kompromissitu kriitik.

VÕTMESÕNAD: Magnus Ljunggren (1942–2022), nekroloog.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА

Ирина Захаровна Белобровцева – кандидат филологических наук (диссертация: «Художественные поиски В. Маяковского и группы “ЛЕФ”»), доктор философии (PhD; диссертация: «Роман М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”: Конструктивные принципы организации текста»), professor emerita Таллинского университета. Автор книг «Над чистым листом в одиночку и с надеждой» (Таллинн, 1987), «Читаем поэзию вместе: Пособие для преподавателей» (М., 1994), «Новейшая русская литература: Учебник для гимназии» (Таллинн, 2004; в эстонском переводе: „Uuem vene kirjandus”. Tallinn, 2007), «Роман М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”: Комментарий» (совместно с С. К. Кульюс; Таллинн, 2004; 2-е изд.: Таллинн, 2006; 3-е изд.: М., 2007; в эстонском переводе: „Mihhail Bulgakovi romaani ‘Meister ja Margarita’ kommentaarid”; Tallinn, 2007), «Путеводитель по роману М. А. Булгакова “Мастер и Маргарита”» (совместно с С. К. Кульюс; М., 2012), «Образ “малого врага”: Прибалтика и Польша в зеркале советской карикатуры (1918–1940)» (совместно с Давидом Всевиовым и А. А. Данилевским; М., 2013; в эстонском переводе: „Vaenlase kuju: Eesti kuvand vene karikatuuris 1920. – 1940. aastatel”; Tallinn, 2013), «Леонид Зуров: В тени Бунина» (М., 2020). Автор более 200 научных статей; публикатор и комментатор переписки Н. Н. Берберовой и Г. Н. Кузнецовой («Нина Берберова – Галина Кузнецова: Переписка 1920-х – 1960-х годов»; совместно с О. Р. Демидовой; М., 2022). Составитель и редактор сборников «Балтийский архив» I–III, XII, XIII (Таллинн, 1996, 1997, 2011, 2013); редактор и составитель «Булгаковских сборников» I–V (совместно с С. К. Кульюс; Таллинн, 1993, 1994, 1998, 2001, 2008); сборников «Самойловские чтения» I–VI (Таллинн, 2001, 2006, 2009, 2012, 2022; М., 2017) и др.

E-mail: venefil@tlu.ee

Пер-Арне Будин – доктор философии (PhD), professor emeritus Стокгольмского университета, doctor honoris causa Уппсальского университета (ThD h. c.), член Шведской королевской академии словесности. Автор многих книг и статей о русской, польской и украинской литературе, в т. ч. “Nine Poems from *Doktor Živago*: A Study of Christian Motifs in Boris Pasternak’s Poetry” (Stockholm, 1976), ”Ryssland och Europa: En kulturhistorisk

studie” (Stockholm, 1993; 2-е изд.: Stockholm, 2006; 3-е изд.: Stockholm, 2016), „Studia nad polską literaturą współczesną” (Warszawa, 2003), “Eternity and Time: Studies in Russian Literature and the Orthodox Tradition” (Stockholm, 2007), “Language, Canonization and Holy Foolishness: Studies in Post-Soviet Russian Culture and the Orthodox Tradition” (Stockholm, 2009), ”Rysk litteratur i tusen år” (Skellefteå, 2020), ”Rysk kultur i tusen år” (Skellefteå, 2022) и др. Переводил на шведский Збигнева Херберта, Виславу Шимборскую, Арсения Тарковского, Лину Костенко и др.

E-mail: per-arne.bodin@slav.su.se

Александр Алексеевич Долинин – кандидат филологических наук, professor emeritus Висконсинского университета (University of Wisconsin-Madison), член Санкт-Петербургского ПЕН-клуба, автор семи книг («История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели». М., 1988; «Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове». СПб., 2004; 2-е изд.: СПб., 2019; «Пушкин и Англия: Цикл статей». М., 2007; «Комментарий к роману Владимира Набокова “Дар”». М., 2019; «Гибель Запада и другие мемы: Из истории расхожих идей и словесных формул». М., 2020; «О Пушкине, о Пастернаке: Работы разных лет». М., 2022; «Путешествие по “Путешествию в Арзрум”». М., 2022), более 200 статей и заметок, ряда научных комментариев к изданиям Пушкина, Набокова, Киплинга, Фолкнера и других русских и англоязычных писателей.

E-mail: aadolinin@yahoo.com

Сергей Николаевич Доценко – доктор философии (PhD), доцент Таллинского университета. Закончил отделение русской филологии Тартуского университета (1976–1981), докторантуру в Таллинском университете (1995–1999). Диссертация: «Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества» (2000). Автор более 100 научных статей (в том числе о творчестве А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, А. М. Ремизова, Вяч. И. Иванова, В. Я. Брюсова, А. А. Блока, С. М. Городецкого, Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой, М. А. Булгакова, А. Н. Толстого, В. В. Набокова, Вен. Ерофеева, С. Д. Довлатова и др.). Сфера научных интересов: история и поэтика русского символизма, поэтика русского модернизма XX в., русская литература и фольклор.

E-mail: dotsenkosergei@hotmail.com

Екатерина Эдуардовна Лямина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, автор монографии «Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х гг.» (совместно с Н. В. Самовер; М., 1999). Публикатор, переводчик, комментатор мемуаров М. А. Дмитриева «Главы из воспоминаний моей жизни» (совместно с К. Г. Боленко и Т. Ф. Нешумовой; М., 1998), сборника «Аракчеев: Свидетельства современников» (совместно с Е. Е. Давыдовой-Пастернак и А. М. Песковым; М., 2000), тома «Записные книжки великого князя Николая Павловича: 1822–1825» (совместно с О. В. Эдельман; М., 2013) и ряда других источников по истории русской литературы и культуры первой половины XIX в., автор 70 статей, посвященных различным сюжетам этой же научной области.

E-mail: catherine.lyamina@gmail.com

Вера Аркадьевна Мильчина – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВГИ РГГУ (Москва) и ШАГИ РАНХиГС (Москва). Автор книг «Россия и Франция: Дипломаты, литераторы, шпионы» (СПб., 2004), «Комментарий к книге Астольфа де Кюстина “Россия в 1839 году”» (совместно с А. Л. Осповатом; СПб., 2008), «Париж в 1814–1848 годах: Повседневная жизнь» (М., 2013; 2-е изд.: М., 2017), «Имена парижских улиц: Путеводитель по названиям» (М., 2016), «Французы полезные и вредные: Надзор за иностранцами в России при Николае I» (М., 2017), «Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские чтения» (М., 2018), «Парижане о себе и своем городе: “Париж, или Книга Ста и одного” (1831–1834)» (М., 2019), «“И вечные французы...”: Одиннадцать статей из истории французской и русской литературы» (М., 2021), «Как кошка смотрела на королей и другие мемуаразмы» (М., 2022) и многих статей и публикаций по истории русской и французской литературы. Переводчик и комментатор произведений французских писателей первой половины XIX в. (Ф.-Р. де Шатобриан, О. де Бальзак, Ж. де Сталь, Д. де Жирарден, А. де Кюстин, Ш. Нодье, Жорж Санд, А. Гримо де Ла Реньер и др.).

E-mail: vmilchina@gmail.com

Александр Львович Осповат – профессор-исследователь Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе (UCLA). Автор книг «Как

слово наше отзовется...»: О первом сборнике Ф. И. Тютчева» (М., 1980), «Печальную повесть сохранить...»: Об авторе и читателях “Медного всадника»» (совместно с Р. Д. Тименчиком; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Комментарий к книге Астольфа де Кюстина “Россия в 1839 году”» (совместно с В. А. Мильчиной; СПб., 2008), «Стихотворение Тютчева “Огнем свободы пламеня...”: Комментарий» (совместно с Р. Г. Лейбовым; М., 2022) и многих статей и публикаций по истории русской литературы XIX века.

E-mail: alex.ospovat@gmail.com

Валерий Сергеевич Отяковский – младший научный сотрудник Тартуского университета (диссертация: «Из институциональной истории формализма: Кабинет современной литературы (1928–1930)»). Сфера научных интересов: история теории, рецепция формального метода, восточноевропейский авангард.

E-mail: valerii.otiakovskii@ut.ee

Никита Глебович Охотин – историк литературы, независимый исследователь. Автор публикаций по истории русской литературы XIX в. (Жуковский, Батюшков, Вяземский, Пушкин, Баратынский, Загоскин, Лермонтов, Фет и др.), а также по истории политических репрессий в СССР (массовые операции 1937–1938 гг., ГУЛАГ).

E-mail: niglox49@gmail.com

Полина Ефимовна Побережкина – кандидат филологических наук, независимый исследователь; приглашенный исследователь Таллинского университета (2022). Закончила филологический факультет и аспирантуру Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, защитила диссертацию «Драма “Энума элиш” в историко-культурном контексте творчества Анны Ахматовой» (2002). Автор и составитель книг «Ритуально-міфологічний підхід до інтерпретації тексту» (совместно с Л. А. Киселевой; Київ, 1998), «Николай Клюев. Воспоминания современников» (М., 2010), «Украинская Ахматовиана (1992–2001): Библиографический указатель» (Toronto, 2013), «Вокруг Ахматовой» (М., 2015). Сфера научных интересов: русская поэзия XX века, сравнительное литературоведение, библиография.

E-mail: ppoberezkina@gmail.com

Фёдор Борисович Поляков – доктор филологических наук (Univ.-Prof. Dr.; диссертации: „Die griechischen Inschriften von Tralleis“, „Simeon Polockij und seine poetische Sammlung Rhythmologion. Ein Beitrag zur Geschichte und Rezeption der slavischen Barockdichtung in der Moskauer höfischen Kultur der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts (anhand unedierter Überlieferung)“), профессор Венского университета. Автор более 120 печатных работ. Редактор журнала „Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook.“ Основатель и главный редактор серии «Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe».

E-mail: fedor.poljakov@univie.ac.at

Марина Григорьевна Сальман – независимый исследователь. Область научных интересов – О. Э. Мандельштам, русские формалисты. Публиковалась в журналах «Вопросы литературы», «Русская литература», «Филологические записки», “Russian Literature”, „Slavica Revalensia“, „Wiener Slavistisches Jahrbuch“, а также в научных сборниках.

E-mail: fontonro@yandex.ru

Наталья Владимировна Самовер – независимый исследователь, автор монографии «Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х гг.» (совместно с Е. Э. Ляминой; М., 1999). Публикатор и комментатор мемуаров узника ГУЛАГа П. Г. Овчаренко «Горечь» (М., 2021); автор статей о В. А. Жуковском (в том числе о графике поэта), И. А. Крылове, о политической борьбе в эпоху Николая I, о мифологиях русской эмиграции (галлиполийцы) и советского общества.

E-mail: natalia.samover@gmail.com

Роман Давидович Тименчик – кандидат филологических наук, professor emeritus Еврейского университета в Иерусалиме. Выпускник Латвийского университета; защищал диссертацию «Художественные принципы предреволюционной поэзии А. А. Ахматовой» (Тарту, 1982). Автор книг «“Печальную повесть сохранить”: Об авторе и читателях “Медного всадника”» (совместно с А. Л. Осповатом; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки» (совместно с Б. А. Кацем; Л., 1989), «Анна Ахматова в 1960-е годы» (М.; Toronto, 2008; 2-е изд.: «Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы». Т. 1–2. М.; Иерусалим, 2014), «Что

вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века» (М.; Иерусалим, 2008), «Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей» (М.; Иерусалим, 2015), «Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев» (М.; Иерусалим, 2017), «История культа Гумилева» (М., 2018), «Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии» (совместно с А. Л. Соболевым; М., 2019) и более 400 статей по истории русской культуры начала XX века.

E-mail: suzirom@gmail.com

Андрей Борисович Устинов – доктор философии (PhD), историк литературы. Главный редактор издательства «Аквилон» (“Aquilon Books”).

E-mail: abooks@gmail.com

Павел Фёдорович Успенский – кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), доцент Школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школы экономики». Автор книг «Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.)» (Тарту, 2014), «К русской речи: Идиоматика и семантика поэтического языка О. Мандельштама» (совместно с В. Файнбергом; М., 2020), «Поэтический язык Пастернака. “Сестра моя – жизнь” сквозь призму идиоматики» (совместно с Т. Красильниковой; М., 2021) и ряда статей по истории и поэтике русской литературы. Область научных интересов: история русской литературы, поэтика, семантика, поэзия В. Ф. Ходасевича, Б. К. Лившица, Н. А. Некрасова, Е. А. Боратынского.

E-mail: paveluspenskij@gmail.com

Григорий Михайлович Утгоф – доктор философии (PhD), доцент Таллинского университета. Автор книги «Синтаксические исследования» (Тарту, 2015); основатель и главный редактор „Slavica Revalensia”.

E-mail: utgof@tlu.ee

Бен Хеллман – доктор философии (PhD), доцент Хельсинкского университета. Автор книг “Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914–1918)” (Helsinki, 1995; 2-е изд.: Leiden, 2018), «Встречи и столкновения: Статьи о русской литературе. Meetings and Clashes: Articles on Russian Literature» (Helsinki, 2009), “Filming the Unfilmable: Caspar Wrede’s ‘One Day in the Life of Ivan Denisovich’”

(совместно с А. Б. Рогачевским; Stuttgart, 2010; 2-е изд.: Stuttgart, 2014), "Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010)" (Leiden, 2013; в русском переводе: «Сказка и быль: История русской детской литературы». М., 2016), "Hemma hos Tolstoj: Nordiska möten i liv och dikt" (Stockholm, 2017; в русском переводе: «Северные гости Льва Толстого: Встречи в жизни и творчестве». М., 2021), "Son till Tolstoj: Berättelsen om Lev Lvovitj Tolstoj" (Stockholm, 2021) и других научных работ о русской литературе.

E-mail: ben.hellman@helsinki.fi

Евгений Александрович Яблоков – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН. Автор книг «На берегу неба: Роман Андрея Платонова "Чевенгур"» (СПб., 2001), «Художественный мир Михаила Булгакова» (М., 2001), «Роман Александра Грина "Блистающий мир"» (М., 2005), «Нерегулируемые перекрестки: О Платонове, Булгакове и многих других» (М., 2005), «Хор солистов: Проблемы и герои русской литературы первой половины XX века» (СПб., 2014), «Подвал мастера. М. А. Булгаков: Поэтика и культурный контекст» (М., 2018), «Исцеляющий миф: Коды традиционной культуры во "врачебных" рассказах М. А. Булгакова» (М., 2019), «Москва Булгакова» (М., 2020), «Тараканий век: Энторморфные персонажи Михаила Булгакова в русле литературной традиции» (М., 2020), «Дети и взрослые в мире Андрея Платонова» (М., 2021). Редактор серии международных сборников «Поэтика Андрея Платонова».

E-mail: eajablokov@gmail.com

АВТОРАМ БУДУЩИХ ВЫПУСКОВ

„Slavica Revalensia” печатает ранее не публиковавшиеся исследования и материалы, затрагивающие весь спектр славистической проблематики; решение о публикации поступивших в редакцию рукописей принимается по результатам двойного анонимного рецензирования (double-blind peer review); поиски рецензентов и утверждение рукописей к печати осуществляются редакционной коллегией.

Рукописи статей не должны превышать 2 п. л. (80000 печатных знаков); печатаются работы по-русски и по-английски; к рассмотрению принимаются рукописи, оформленные в соответствии с рекомендациями б. Института славянских языков и культур к правилам оформления, действующим в издательстве Таллинского университета.

Рукописи статей принимаются ежегодно к 1 марта по адресу –

utgof@tlu.ee

– или:

Dr. Grigori Utgof
Tallinna Ülikool
Narva mnt 29, S-331
10120 Tallinn
Eesti / Estonia

Общие рекомендации к оформлению рукописей

Статьи и заметки, печатаемые в „Slavica Revalensia”, структурируются двухчастно: собственно авторский текст (с подстрочными примечаниями) и «Библиография» (после текста). Знаки сноски в тексте статьи представляются в надстрочном индексе (вручную или в режиме “Footnote”).

В библиографическом описании сокращения сводятся к минимуму (за исключением 2-х, 3-х, 4-х и т. д., *вып.* (*выпуск, выпуски*), *избр.* (*избранное, избранные*), *кн.* (*книга, книги*), *№* (*номер, номера*), *отв.* (*ответственный, ответственные*), *пер.* (*перевел, перевела, перевод, переводы*), *полн.* (*полная, полное, полный*), *ред.* (*редактор, редакцией*), *С.* (*страница, страницы*), *собр.* (*собрание*), *сост.* (*составители, составитель, составление*), *соч.* (*сочинений,*

сочинения), *ст.* (статья), *Т.* (том) и *тт.* (томах), а также *Л.* (Ленинград), *М.* (Москва), *Пг.* (Петроград) и *СПб.* (С.-Петербург) в русском тексте и *Ed.* (edited, editor), *No* (number), *Nos* (numbers), *P.* (page, pages), *Vol.* (volume), а также *Cambridge, Mass.* в тексте английском; на других языках сокращения делаются по аналогии).

Пример 1

Пушкин А. С. 1948. Медный всадник: Петербургская повесть. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 5: Поэмы: 1825–1833. [М.; Л.]: Издательство Академии наук СССР. С. 131–150.

Пример 2

Emerson, C. 1994. Переводимость. – *Slavic and East European Journal*. Vol. 38. No. 1. P. 84–89.

В авторском тексте ссылки на источники даются в скобках; ср. пример оформления ссылки на «Медный всадник» –

(Пушкин 1948, 5: 131–150)

– и на статью Кэрил Эмерсон:

(Emerson 1994: 84–89)

Перечень источников в разделе «Библиография» структурируется а) по алфавиту и б) по хронологии:

Эйхенбаум Б. 1922. Мелодика русского лирического стиха. Петербург: ОПОЯЗ.

Эйхенбаум Б. М. 1924а. Как сделана «Шинель» Гоголя. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 171–195.

Эйхенбаум Б. М. 1924б. Проблемы поэтики Пушкина. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 157–170.

Эйхенбаум Б. М. 1927. Проблемы кино-стилистики. – Поэтика кино / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, с предисловием К. Шутко. М.; Л.: Кинопечать. С. 13–52.

Уточнения к порядку референции, цитации и оформления библиографического описания

а) Ссылки на источник даются в статье в круглых скобках, а в примечаниях ссылка в скобки не заключается.

Ср. в тексте статьи:

Так, например, в работе К. Ф. Тарановского «Стихосложение Осипа Мандельштама» (Тарановский 1962: 97–123) отмечалось, что...

Ср. в примечаниях к тексту статьи:

^н Об особенностях ритмики мандельштамовского Х5 см.: Тарановский 1962: 110–111.

Ср. в библиографии:

Тарановский К. 1962. Стихосложение Осипа Мандельштама (С 1908 по 1925 год). – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 5. 's-Gravenhage: Mouton & Co. P. 97–123.

Если в тексте примечаний есть цитата, то в этом случае ссылка на источник дается по тем же правилам, что и в основном тексте статьи – в круглых скобках.

б) Ссылка на иноязычный источник оформляется по тем же правилам, что и ссылка на русский источник (за единственным расхождением: в библиографическом описании иноязычного текста после фамилии автора ставится запятая).

Ср. в тексте статьи:

...и восходят к положениям знаменитой статьи Р. О. Якобсона 1960 г. (Jakobson 1960: 350–377; см. также: Jakobson 1981: 18–51; ср.: Якобсон 1975: 193–230), в которой...

Ср. в библиографии:

Jakobson, R. 1960. Closing Statement: Linguistics and Poetics. – Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc. P. 350–377.

Jakobson, R. 1981. *Linguistics and Poetics*. – Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. III: *Poetry of Grammar and Grammar of Poetry* / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York: Mouton. P. 18–51.

Якобсон Р. 1975. Лингвистика и поэтика. – Структурализм: „За“ и „против“: Сборник статей: Пер. с английского, французского, немецкого, чешского, польского и болгарского языков / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Издательство «Прогресс». С. 192–230.

с) Если в исходном тексте есть фрагменты, которые выделены курсивом и/или разбивкой, эта черта источника сохраняется при цитации.

Ср. в тексте статьи:

...а также в следующем фрагменте:

And that obscurely corrupted soldier dit of singular genius

Nadezhda, I shall then be back

When the true batch outboys the riot . . .

and Turgenev's only memorable lyrical poem beginning

Morning so nebulous, morning gray-drawing,

Reaped fields so sorrowful under snow-coverings

and naturally the celebrated pseudo-gipsy guitar piece by Apollon Grigoriev (another friend of Uncle Ivan's)

O you, at least, do talk to me,

My seven-string companion,

Such yearning ache invades my soul,

Such moonlight fills the canyon!

“I declare we are satiated with moonlight and strawberry soufflé—the latter, I fear, has not quite ‘risen’ to the occasion,” remarked Ada in her archest, Austen-maidenish manner (Nabokov 1969: 437).

Ср. в библиографии:

Nabokov, V. 1969. *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. New York; Toronto: McGraw-Hill Book Company.